

ОЛЬГА ПОГОЖЕВА

ТУРИСТ



Что делать, если ты молодой, горячий, полный надежд и амбиций выпускник ВУЗа? Правильно — мир посмотреть, себя показать, денег заработать. Но что если всё пойдёт не так, как ты ожидал?

Если собственная глупость, неопытность и самоуверенность сталкивает тебя с одним из самых опасных преступников в Штатах? И куда бежать, когда маньяк открывает на тебя самую настоящую охоту? Какие шансы победить грязь, пережить боль, выстоять в неравном бою на чужой территории?

Никаких, если только мир не без добрых людей, а сердце не продолжает верить — неистово и жадно...

Часть 1. Империя. Город ветров. Глава 1

«Демократия в аду, на небе — Царство».

Иоанн Кронштадтский

Глава 1.

Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства пред ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать; Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их; И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. (Матф. 10:16–20).

Небо было чужим. Тяжелые, темно-лиловые тучи грозно собрались над городом, утро казалось глубокой ночью. Горели даже уличные фонари, и ярко сияли неоновые вывески магазинов и рекламных щитов. Некоторые из них только открывались, и работники протирали окна или заматали устланный плиткой вход у дверей офисов и бутиков. Ветра почти не было, и воздух стал сухим, почти шершавым на вкус. Это вызывало слабое удивление: в конце концов, Чикаго — портовый город, близость воды не могла не сказаться на климате. По крайней мере, в родной Одессе воздух буквально дышал морем.

Я выпрямился, обводя взглядом оживленную улицу. Люди торопились, почти бежали по своим делам, и я внезапно показался сам себе лишним. Я стоял у шоссе, не двигаясь с места. Такси, которое довезло меня до рабочего района, уехало, багаж лежал в ногах — две большие спортивные сумки. Вдохнув, я присел, чтобы поднять сумки, накинул ремни на плечи, и поднялся, взяв курс, указанный мне таксистом. В этом районе, сказал он мне, ты не найдешь работу, но снять здесь дешевую квартиру можно. Это я и намеревался сделать — прежде всего мне был нужен угол, где я мог расположиться, а уж потом всё остальное.

Я старался как можно меньше глазеть на снующих вокруг людей, судорожно сжимая в кулаке нацарапанный таксистом адрес, но ничего не мог с собой поделать. Эти люди казались мне почти инопланетянами: такой разношерстой публики я не видел даже на нашем Привозе. Негров и азиатов хватало и у нас, бомжей тоже, но таких, как эти, я не видел никогда. Кто-то одет в деловой костюм, рядом с ним — некто в подобии балахона с капюшоном на манер монахов восемнадцатого века; существо неопределенного пола разгуливает в одном купальнике, зато на ногах — высокие кожаные сапоги. Заглядевшись на длинноногую девицу с ярко-голубыми волосами, я едва не наступил на рассевшегося на тротуаре негра.

— Эй, чувак! — громко и радостно, точно он ждал здесь именно меня, завопил он. — Ты не поверишь, что со мной произошло! Я сейчас всё тебе выложу, но мне нужны баксы!

— Извини, — натянуто выговорил я и попытался его обойти, — я тороплюсь.

— Чувак, я серьезно! — негр подскочил, сделавшись едва ли не выше меня, и бодро затрусил следом. Одет он был более чем красноречиво: длинная майка со следами масляных пятен и широкие, некогда модные штаны, порванные в нескольких неприличных местах.

Когда он поднялся, чтобы идти за мной, он не забыл свою подстилку, оказавшуюся курткой, и принялся на ходу натягивать её на себя. — Я сижу тут уже второй час, и ни один ублюдок не дал мне ни цента!

— Извини, я тороплюсь, — упрямо повторил я, ускоряя шаг.

Чернокожий не отставал, с явным интересом поглядывая на мои сумки. Уйти от него или хотя бы оторваться я не смог бы при всем желании. Меня предупреждали по поводу чёрных. С ними лучше вежливо раскланяться и разойтись, но дел никаких не иметь и в разговоры не вступать. Тем более сразу по прибытии в Штаты.

— А хочешь, я тебе помогу, чувак? — полюбопытствовал негр, пытаясь перехватить у меня одну из сумок. — Донесу, куда скажешь, а ты не поскупишься...

— Не надо, спасибо! — почти выкрикнул я, начиная тихо паниковать. В конце концов, к кому я мог бы обратиться за помощью, даже если бы меня кто-то и слушал? Прохожие пролетали мимо, не задерживаясь ни на секунду — мужчины и женщины, доедая на ходу гамбургеры или громко разговаривая по мобильному. Две сумки ограничивали меня в маневренности, увернуться от назойливого негра я никак не мог.

— Без проблем, чувак! После отблагодаришь! — черный уже почти вырвал у меня сумку, когда меня осенило.

— Полиция! — не слишком громко, но очень уверенно позвал я.

Рука негра, до того мёртвой хваткой вцепившаяся в мою сумку, мгновенно разжалась. Негр в явной растерянности отпрянул от меня, озираясь по сторонам, и я сделал спасительный рывок вперёд. Я только и успел удивиться, как они здесь боятся копов. Мне рассказывали, я не верил. Надо будет пользоваться при случае — на деле вышло безотказно...

— Чувак!.. — раздался позади голос, при звуке которого я начал тихо закипать. Будь у меня свободные руки, придушил бы на месте...

Я сделал бешеный марш-бросок через проезжую часть, оказавшись на той стороне улицы. Машины резко тормозили передо мной, я даже заметил, как у одного из водителей выплеснулось кофе из стаканчика — очевидно, на штаны, потому что посмотрел он вначале вниз, а потом на меня красноречиво злобным взглядом. Вслух извинившись, хотя матерящийся водитель никак не мог услышать меня из-за стекла, я шагнул на тротуар. Оборачиваться я не стал — почему-то был уверен, что негр за мной не пойдёт. У них же тут, наверное, каждый квадратный метр расписан. Ну да, вон впереди ещё один «нищий», надо брать право руля. Не оборачиваться меня учил ещё дед, когда я очень боялся в детстве собак. Не оборачивайся, не смотри им в глаза.

Я замедлил шаг, с некоторой долей самодовольства шагая по аккуратным плитам улицы. Этот район был одним из самых дешёвых, как принято здесь говорить, рабочим районом, но асфальт был ровным, гладким, хоть и покрытый местами граффити и захарканными пакетами из-под чипсов и сигарет. Я искал иммигрантский квартал, где жили такие, как я.

Черт его знает, почему меня понесло в США. Принимая участие в американском конкурсе за компанию с товарищем, я и не думал ехать сюда. Я только закончил институт, но работал уже два года, опыт у меня имелся, знания тоже. Личное отношение к Америке было однозначным и негативным. Но когда пришло время писать отказ, жизнь вдруг изменилась. Фирма распалась, я оказался без работы. Нельзя сказать, что меня это особенно огорчило: человек с моей специализацией и опытом работы мог легко найти себе новое место, тем более, я совсем не боялся перемен. Бес попутал, говорят в таких случаях.

Загорелось мне вдруг поехать в другую страну, увидеть новых людей, заработать денег. Товарищ мой так никуда и не поехал, не сложилось. Я же планировал вернуться домой месяца через три. Я не собирался долго батрачить на чужой родине, считал себя туристом. Приеду, поработаю, посмотрю страну, уеду. Будет что рассказать товарищам, и я даже заранее знал, как опишу свои похождения в Америке — так, чтобы ни у кого не возникло желания побывать здесь. Тяжелее всего оказалось убедить родителей, что я вернусь из Штатов целым и невредимым.

Я усмехнулся своим мыслям и ускорил шаг. Настроение поднималось, люди казались приветливыми, свет неоновых реклам и фонарей казался особенно таинственным в контрасте с тяжёлым, тёмным небом. Скоро будет гроза, подумал я, взглянув на небо. Вдалеке уже сверкали молнии, но дождём в воздухе по-прежнему не пахло.

Я бросил случайный взгляд на стену кирпичной пятиэтажки и даже удивился: на начищенной табличке было выбито название именно той улицы, которую я искал. Ну, если всё и дальше пойдет так удачно, я признаю Чикаго одним из лучших городов на планете.

Интересно, тот дом, адрес которого дал мне водитель, такой же опрятный и милый на вид, как этот?

Проходившая мимо женщина, разговаривавшая по мобильнику, споткнулась о выбоину в плитах и едва не упала, не сумев сразу выдернуть тонкую шпильку. У меня хорошая реакция. Я мгновенно отпустил сумку, которую держал в левой руке, и подхватил женщину до того, как она растянулась бы на тротуаре. Мобильник, который она не сумела удержать, мягко шлёпнулся поверх моей сумки.

— Что ты себе позволяешь, идиот! — вдруг закричала она, вырываясь из моих рук. Она рисковала упасть повторно, поскольку я держал её на весу, и твердой опоры под ногами у неё не было. — Отпусти, придурок!

Я понадеялся на то, что плохо её понял, и отпустил не сразу, а спустя пару секунд, когда она уже крепко стояла на злополучных шпильках. Элегантно одетая, ещё молодая, но с неприятным выражением брезгливости на покрасневшем лице. Я подобрал с сумки её телефон.

— Я подам на тебя в суд, козёл! Тебе жизни не хватит, чтобы расплатиться со мной! Скажи, тебе понравилось меня лапать?! Ты...

Я вздохнул, радуясь тому, что языкового опыта у меня мало, и я понимал лишь половину из того, что она пыталась до меня донести.

— Не забудьте свой мобильный, мэм, — протягивая её телефон, попросил я.

— Дай сюда! — она вырвала мобилку из моих рук и принялась лихорадочно прятать её в сумочке. — Радуйся, что я не позвала полицию, осёл!

Спокойствием я никогда не отличался, но и лезть на рожон тоже не любил, тем более проведя менее трех часов в чужой стране. Я был наслышан о местном гипертрофированном чувстве справедливости, и только поэтому сохранил ледяную мину на лице.

— Ты помял мой костюм своими лапами, ты грязный...

— Я хотел помочь, — попытался вклиниться я.

— Ах, помочь! Ты мне едва ногу не сломал, кретин!

— Извините, — удивляясь себе, произнес я.

Женщина, уже выдыхаясь и не столь агрессивно, продолжала что-то выговаривать мне, только я уже не слушал. Подхватив сумку, я спокойно и не торопясь пошёл дальше, прислушиваясь к происходящему за спиной. Похоже, звать полисменов она действительно не

собиралась — очевидно, слишком торопилась, обычно у них такие дела миром не кончаются. Мне везло.

Настроение у меня даже поднялось — уже второе приключение за три квартала. Будет что рассказать дома! Я не уставал смотреть по сторонам, с любопытством оглядывая бутики, супермаркеты и обшарпанные серые дома, и даже косые взгляды прохожих встречал с удовольствием. Я находился не в самом лучшем районе города, и смотреть, по большому счету, тут было не на что, но меня интересовало всё, и в особенности люди, сновавшие вокруг с озабоченно-сосредоточенными лицами. В своё время я много читал о Чикаго, в детстве увлекался рассказами про здешних мафиози, но, став старше, понял, что на самом деле всё это не так здорово. Да и Чикаго давно перестал быть центром американской мафии, уступив это место Нью-Йорку.

Нужный мне номер дома я нашел почти сразу, завернув в проулок и спросив у местной бойкой старушки, где сдают комнаты. Она указала мне куда-то во двор соседнего убогого дома, и я поплёлся туда. Входная дверь обшарпанного подъезда была нараспашку, но рядом, на бордюре, сидели несколько молодых парней. Все они с явным интересом наблюдали за мной, и мне сразу стало неуютно. Спрашивать у них что-либо я не стал, но один из них сам заговорил со мной, как только я поравнялся с дверью:

— Кого-то ищешь, приятель?

— Мистера Салливана, хозяина... — я замялся, не зная, как же его назвать.

— Он дома, — кивнул мне тот же высокий мулат, ещё раз внимательно оглядывая меня с ног до головы. — А ты новенький?

— В каком смысле? — уточнил я.

Сидящие позади мулата парни дружно заржали. Я на всякий случай нахмурился.

— Ты приезжий? — тоже улыбаясь, переспросил тот.

— Вроде того, — осторожно ответил я.

— И откуда?

Я замялся. Кто из этих полуобразованный детей городских джунглей Чикаго мог слышать о далёкой Украине, расположенной в Восточной Европе? Когда я общался по Интернету с одним американцем, он вежливо уточнил, в какой части Африки находится моя страна. С тех пор об Украине я стараюсь не заикаться.

— Россия.

— У-у-у...

Парни дружно переглянулись, а затем мулат вновь обратился ко мне:

— Как зовут?

В его тоне теперь звучало откровенное уважение. В который раз за сегодняшний ещё такой короткий день я удивился. Поколебавшись, я честно ответил:

— Олег.

— Как?

Пришлось повторить раза три. Мулат покачал головой и пояснил:

— У старика Салливана живут в основном иммигранты. Весь этот район населён латинами. Такие, как ты, живут в другом квартале, недалеко отсюда. Я сам из Бразилии, но живу здесь уже шесть лет. Два года назад сюда приехал один русский. Хороший парень! Мог порвать пятерых, но поцапался не с тем человеком, и с тех пор его не видели.

Повисло молчание. Парни курили, мулат о чём-то задумался. Рассказанная им история не вдохновляла. Я неловко переступил с ноги на ногу, ожидая продолжения.

— Пойдём, Оулиг, — точно очнувшись, кивнул мне мулат. — Отведу тебя к Салливану.

Ступив в тёмный подъезд, я едва не растянулся тут же, у порога, сходу наткнувшись на что-то огромное и живое.

— Керни, старый чёрт, шёл бы ты отсюда, пока тебя Салливан не вышвырнул, — посоветовал бомжу мулат, бесцеремонно отпихивая его ногой. Человекообразное у меня под ногами пошевелилось и отползло подальше в угол.

— У Салливана дешёвые комнаты, советую долго не думать, он не любит, когда с ним торгуются. Впрочем, — мулат, поднимаясь всё выше по лестничным пролётам, на секунду задумался, — впрочем, свободных квартир у него нет. Это точно.

— Повезло мне...

— Повезло, — не согласился мулат. — Я иду с тобой, русский, значит, всё будет о'кей.

— Как тебя зовут? — несколько запоздало поинтересовался я.

— Джулес, — хмыкнул мулат. — И у меня сегодня хорошее настроение, русский.

Я не возражал. Русский так русский. Для них все славяне — русские.

У крепкой, но обшарпанной двери последнего, шестого этажа мы остановились. Джулес уверенно нажал на звонок, и через пять минут непрерывных трелей в глубине квартиры раздался чей-то недовольный заспанный голос. Что говорил находившийся за дверью, я понять не мог: во-первых, он говорил на американском слэнге, во-вторых, звук сильно приглушала дверь. Не стоило труда догадаться, что это была отборная матерная ругань.

Дверь распахнулась, и на пороге возник немолодой мужчина с внушительным пузом и остатками редких седых волос на голове. Одет он был в помятые штаны и расстёгнутую клетчатую рубашку.

— Чего тебе, Джулес? — неожиданно громко гаркнул он, и я невольно отступил на шаг. Он буквально буравил меня взглядом, оценивающе глядя на мою одежду. Похоже, привычно прикидывал, сколько сможет из меня вытянуть. — Ты же знаешь, комнат у меня нет, нечего водить сюда всяких проходимцев!

— Ему нужен угол, Салливан, — мулат примирительно поднял руки. — Он русский и ещё никого в городе не знает.

Странное беспокойство скользнуло по лицу хозяина. Он сделал движение, точно собираясь закрыть дверь.

— В прошлый раз парень, похожий на тебя, доставил мне много проблем, — глядя мне в глаза, проговорил он. — Боюсь, с тобой проблем будет даже больше, уж слишком ты... беленький.

Я даже не обиделся, просто впал в ступор на несколько секунд.

— И? — наконец выдавил я из себя.

— Ну вот что, русский, — не вдаваясь в пояснения, быстро заговорил Салливан. — У меня есть только одна квартира. Там живет латинос, платит триста баксов в месяц и не справляется, постоянно опаздывает с выплатами. Вдвоем вы будете платить мне пятьсот, идёт?

Я ожидал поднебесных цен, поэтому молча кивнул. Мистер Салливан крикнул и, застегиваясь, шагнул из квартиры в коридор. Джулес подмигнул мне.

— Когда освободишься, спускайся к нам, — предложил он. — Тебе понадобится какая-то работа, а я получу проценты, если приведу к боссу ещё одного человека.

— Спасибо, Джулес, — искренне поблагодарил я, подхватывая сумки и следуя за Салливаном. — Увидимся.

Мулат кивнул и первым пошёл вниз. Салливан спускался медленно, точно нехотя, я плёлся следом, цепляя сумками стены и перила. На третьем этаже мы остановились, и Салливан отпер ключом из внушительной связки дверь в квартиру, над косяком которой я с большим трудом разглядел её номер.

— Твой сосед на работе, — бегло оглядевшись, обратился ко мне он. — Вечером увидите. Думаю, — Салливан ухмыльнулся, — он будет крайне доволен. Впрочем, это его проблемы, я никого не держу.

Я молча рассматривал однокомнатную квартирку, обставленную бедно и неудобно. В комнате была одна кровать, мне предполагалось спать на полу. Или на кровати, если я смогу выпихнуть своего соседа.

— Вот твой ключ, — Салливан протянул мне тот самый, которым открывал дверь. — А ты дашь мне залог.

— Какой залог? — не понял я.

— Плату за месяц, пятьсот баксов. Уже пятое число, а Хорхе так и не принёс мне денег. Хочешь оставаться, плати, а с ним сам уж как-нибудь разбирайся.

Я молча поставил сумки на пол.

— А договор? — уточнил я. — Где я должен расписаться?

— Ну да, — Салливан выудил откуда-то из кармана своих необъятных штанов целый ворох свернутых в рулон файлов. Перелистав их все, он протянул мне пустую копию договора, недовольно поглядывая на часы.

Никаких подозрений просто составленная форма обязательств у меня не вызвала. Я расписывался под копию, копию Салливан оставил мне, предварительно получив с меня деньги.

— И ещё, русский, — шагнув к двери, предупредил меня он. — Я не потерплю шума в своем доме. Никакого шума, никаких наркотиков, никаких баб. Парней тоже. Всё ясно?

— Да.

Салливан вышел, захлопнув за собой дверь, и я опустился обратно на стул. Теперь, когда я выполнил первую миссию в незнакомом городе, я почувствовал всю тяжесть своего положения. Вот испытание, о котором, помнится, я мечтал всю жизнь, с детства. Может быть, вяло подумал я, именно ради этого я и приехал сюда. Жить в чужой враждебной стране, начиная даже не с нуля — с минуса. Впрочем, винить никого не приходилось: фирма, которая устраивала конкурс, соблазняла потенциальных работников моего возраста исключительно бесплатной визой и скидкой на билет в США. Обратный билет я должен был достать самостоятельно. Будь я моложе, студентом первых курсов, я бы попал под программу Work&Travel. По приезде в США таким товарищам предоставляют место, где жить, и место, где работать. При желании задержаться в стране и поработать на неё же, разбираешься с визой через ту же фирму, и вперёд. Мне же только помогли оформить визу на пару месяцев и дали скидку. Конечно, по любым возникающим вопросам и недоразумениям я имел право обратиться в эту же фирму. Или в посольство. Теоретически. По истечении двух месяцев я мог продлить визу, мне обещали помочь с оформлением всех документов.

Беспокойно поёрзав на скрипящем стуле, я поднялся и принялся за осмотр отведенной мне территории. О соседе по имени Хорхе я не думал. Будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

Это была не комната, а вполне полноценная квартира. В том плане, что в ней

размещались, помимо спальни, кухня и ванная. Состояние, конечно, оставляло желать лучшего, но я решил, что сгодится и так.

В прихожей висело большое мутное зеркало, и я невольно задержался, увидев в нём себя. Наверное, Салливан был прав, я выгляжу слишком домашним, или что там он имел в виду. Но постоять за себя я всегда умел. Справиться с ретивым соседом или неграми на улице я точно смогу.

Продолжая смотреть в зеркало, я машинально провел рукой по стянутым в хвост волосам. Когда я был подростком, цвет волос приводил меня в отчаяние. Одноклассники дразнили болонкой или Белоснежкой, и я ничего не мог с этим поделать. Один раз, в сопливом розовом детстве, я даже попытался перекраситься в тёмный цвет, но вышло что-то непонятное, грязно-серого оттенка. Мне здорово влетело от родителей за насилие над собственной природой, и с тех пор я смирился. Это, наверное, как если бы негр красил свои волосы в белый цвет.

Когда я учился на военной кафедре в своем институте, такой гривы у меня, конечно, не было. Получив офицерское звание и избавившись от угрозы армии, я с наслаждением ходил мимо парикмахерских целых полтора года, позволяя волосам расти, как им вздумается.

Я отвернулся, подхватил свои сумки, и оттащил их в общую комнату. Нельзя сказать, чтобы они что-то в ней изменили. Комната была обставлена... никак. Выражаясь образно, интерьер в ней как таковой отсутствовал. У стены примостилась полузаправленная кровать, под которой громоздились чемоданы и тюки с барахлом, напротив стоял допотопный телевизор, я даже постеснялся уточнить, был ли он цветным. У другой стены стояли два письменных стола, один из них оказался завален старыми газетами, на другом стояла пачка книг. Человек, который здесь жил, явно не требовал многого от жизни. В ванной я уже успел заметить скромный набор гигиенических средств из одной зубной щётки и бритвы, поэтому ничему удивляться не стал.

Балкона в комнате не было, зато имелся люк для пожарной лестницы, что заставило задуматься. Мне-то толку от этой лестницы никакой, а вот грабителям прямая дорога...

Я рассмеялся. Грабители должны быть последними недоумками, чтобы лезть именно сюда. Кроме того, пролезая через окно, они рисковали попасть под непрекращающуюся струю ржавой воды, стекавшую в заботливо подставленный тазик. Тазик уже наполнился до краёв, и при виде заливаемого грязевой струей облупленного паркета я преисполнился решимости.

Следующий час я занимался уборкой квартиры. На кухне оказалась целая гора тряпок, так что орудия борьбы с санитарной катастрофой оказались на месте. Обрадовало наличие моющего средства, но ни пылесоса, ни хотя бы веника я так и не нашел. На первый раз я решил, что сгодится и так; в любом случае спать в грязи я не хотел. Кому-то всё равно придется спать на полу, и я даже догадывался, кому повезёт.

Через относительно короткий промежуток времени квартира выглядела на порядок лучше, чем до моего вмешательства. Можно сказать, она почти сияла чистотой, если бы не ржавчина на всех имеющихся трубах и грязные пятна на потемневших от сырости обоях в комнате. Потолок можно не замечать, как не берут в расчет стихийное бедствие, над которым не имеют власти, так что я со спокойной совестью проигнорировал разбухшую штукатурку.

Собственно, в квартире было слишком мало вещей, которые могли бы создать беспорядок. Смушала куча тряпья под диваном и такая же куча всякой ерунды на столе.

Личные вещи соседа, конечно, я трогать не стал.

Перетащив свои сумки под свободный стол, я взял в руки первую же книгу, лежавшую на столе. Толстый том в чёрном кожаном переплёте сразу показался знакомым. Библия. Я невесело улыбнулся. Любят же эти американцы показную набожность. Чего только стоит их так называемая благотворительность. Чем шире размах пожертвований, тем порядочнее они выглядят в глазах общества, тем популярнее становятся. Всё просто, это как индульгенция в Средние века. О раскаянии, желании по-настоящему измениться говорить не приходится.

Из интереса я перебрал оставшиеся книги. Все оказались на медицинскую тематику — учебники по анатомии, справочники и энциклопедии. Практически все на английском, и только две на испанском. Мой испанский ограничивался фразой «буэнос диас», так что в плане определения языка я мог и ошибиться.

Я отложил книги: в медицине я не разбирался. Я не мог даже наложить повязку или правильно приклеить пластырь — всё у меня получалось криво и косо.

После душа я почувствовал себя гораздо лучше. Вернулось ощущение уверенности, я вновь был полон энергии и желания жить. Одевшись попроще, в старый джинсовый костюм, я решил спуститься вниз. От того же разговорчивого водителя такси я узнал, где здесь нанимают рабочих, и решил наведаться туда. Я хотел за этот день успеть абсолютно всё. В детстве, начитавшись Теодора Драйзера, я так мечтал побывать в Чикаго, что даже сейчас не мог избавиться от своей страсти. Я должен был своими глазами увидеть «город ветров», его парки, здания, ощутить темп жизни и биение его сердца.

Захватив с собой документы и деньги, я вышел из квартиры. Настроение стало просто прекрасным: даже заплёванные стены подъезда и сальные перила казались для меня в тот день чем-то необыкновенным. У выхода я споткнулся обо что-то и буквально вылетел из дверей, едва не зарывшись носом в разбитый асфальт. Тихо ругнувшись, я прислушался. Из подъезда послышалось невнятное бормотание: обитавший там человек явно пытался извиниться. Ну да, ему надо поддерживать отношения со всеми жильцами дома; выходить на улицу он почему-то не хотел. Кто-то расхохотался у меня за спиной, я резко обернулся. Джулес весело встретил мой раздражённый взгляд.

— Ничего, парень, — отсмеявшись, сказал он. — Скоро это будет у тебя на уровне генного автоматизма — перепрыгивать через него каждый раз, когдаходишь или выходишь из подъезда.

— Ему больше совсем негде жить?

— А ты как думаешь, русский? Вряд ли он сбежал из роскошного особняка, чтобы жить в подъезде нашего Салливана. Кроме того, с одной ногой не особо-то побегаешь.

Я покосился на закрытую дверь подъезда.

— Парни ушли играть в баскетбол, в соседний двор. Я остался тебя подождать.

— Зачем? — удивился я: проявление такой заботы насторожило.

— Так ведь я обещал тебе работу, — в свою очередь удивился Джулес. — У меня сегодня выходной, так что я вполне могу позволить себе сидеть, где вздумается. Кроме того, ты наверняка любишь баскетбол и не откажешься с нами сыграть.

— Вообще-то... — неохотно выдавил из себя я, избегая его взгляда, — я не люблю такие игры.

Это было правдой. Я не играл ни в футбол, ни в баскетбол, не следил за матчами и не знал, кто победил в прошлом сезоне. Куда больше мне нравились драчки — в своё время я чем только не занимался, от кунг-фу до «смерша» — и оружие, огнестрельное ли, холодное,

моему восторженному мозгу было всё равно.

— Доставь нам такое удовольствие, русский, — склонил голову набок мулат. — Ты всё-таки новенький.

Я так и не понял, что он имел в виду, но стало ясно, что отвертеться не удастся.

— Хорошо, Джулес, только недолго. Хочу посмотреть город сегодня.

— Успеешь, — пообещал мулат, поднимаясь с асфальта.

Мы прошли узкими переулками мимо мусорных баков и замаранных граффити стен, а затем Джулес резко остановился и указал рукой вниз:

— Там.

Я глянул поверх его плеча: площадка для баскетбола располагалась метра на полтора ниже того уровня, на котором мы находились. Внизу носились с мячом игроки, по периметру расселись зрители и запасные. Джулес был прав, здесь жили одни латиносы. Среди смуглых и темноволосых обитателей квартала я выглядел во всех смыслах белой вороной.

— А... обратно как? — поинтересовался я, когда Джулес спрыгнул вниз.

— Не бойся, — улыбнулся он в ответ и я, вздохнув, последовал его примеру.

— Лестница, — указал мне рукой мулат; в стене, с которой мы спрыгнули, были выбиты импровизированные ступеньки.

На нас сразу обратили внимание. Джулес, очевидно, был здесь не последним человеком: я видел это по тому, как с ним держались остальные, по командному тону, каким он обращался к другим. Впрочем, сейчас все смотрели исключительно на меня. Опускать глаза я не стал, хотя мне хотелось исчезнуть из этой дыры сию же минуту, и неспешно осмотрел каждого из находившихся на площадке игроков. Враждебности в них не было, только интерес. Как хищники выжидают от человека малейшего проявления слабости, чтобы наброситься и порвать, так и они пытались выяснить, что я из себя представляю. И по тому, как оживлённо они начали переговариваться друг с другом, я понял, что веду себя правильно.

Джулес что-то крикнул им на испанском, и игроки загудели ещё громче.

— Пойдем, — он кивнул вперед, — ты будешь играть в моей команде. Куртку сними, мешать будет.

Я поколебался: в карманах были документы и деньги, но показывать это я не хотел.

— Куда её положить? — поинтересовался я у мулата.

Тот понимающе кивнул.

— Отдай Даниэлю, он мой хороший кореш. Присмотрит.

Я отдал куртку подошедшему на знак Джулеса невысокому смуглому юноше и постарался запомнить его лицо. Тот тотчас потерялся среди других латиносов, и я махнул на всё рукой. Сам залез в эту дыру, назад пути нет.

Игра началась. Игроки другой команды были без футболок, поэтому знакомиться со своими мне так и не пришлось. С самого начала соперники перехватили инициативу. Капитан той команды, огромная бородатая горилла, буквально сметал игроков с площадки. Надо признать, получалось это у него спонтанно, без особого напряжения. Ему было явно неуютно на таком маленьком клочке бетона, и он желал больше свободного пространства. Без особой нужды к нему никто и не лез, после того как один из наших, попытавшись перехватить у него мяч, споткнулся о его ногу и, падая, вывихнул себе лодыжку. Джулес рвал и метал, и стало понятно, что обычная соседская игра грозит перерасти в противостояние

двух капитанов. Мне, если честно, было наплевать, кто победит, и единственное, чего мне хотелось — уйти с площадки живым.

— Мать вашу, недоноски! — орал Джулес на помеси испанского с английским. — Если Марк перехватит ещё один мяч, мы проиграем как последние кретины! Сукины дети!..

— Успокойся, Джулес! — сам не зная зачем, попытался вклиниться я. — До конца игры ещё есть время, мы отыграемся.

Мулат бросил на меня взгляд, и я невольно шагнул назад. Джулес промолчал, но настроение у меня резко испортилось. Игра продолжалась. Капитан чужой команды Марк вновь перехватил мяч. Мне в голову пришла идея, не вполне гениальная, но её хватило бы для того, чтобы гордо уйти с площадки. Я надеялся только, что обойдется без переломов. Когда бородач был почти у нашего кольца, я метнулся ему наперерез. Очевидно, громила настолько не ожидал от нас реванша, что выпустил из рук мяч почти без сопротивления. Подпрыгнув, я дал пас маячившему у противоположного кольца Джулесу. Наш капитан тоже настолько не ожидал получить в руки мяч, что едва не промахнулся, однако успел эффектно забросить его в корзину. Сидевшие по периметру каменного колодца латиносы заревели от восторга. Комбинация была разыграна красиво, хотя никто так и не понял, что произошло. Я расстроился — желанного вывиха, позволившего бы мне выйти из игры, как до того получилось у нашего парня, я так и не получил, зато теперь Джулес меня не отпустит.

Чужой капитан медленно развернулся ко мне, и я натянуто улыбнулся. Гора мышц шагнула мне навстречу; мне пришлось отступить назад, чтобы видеть его лицо. Он был на голову меня выше, что значит — около двух метров или выше того. Мелькнула мысль о том, что меня сейчас, похоже, будут бить. Несколько долгих секунд он смотрел мне в глаза, потом как-то криво то ли усмехнулся, то ли вздохнул, и вновь пошел на площадку. Я не испугался, слишком спокойным, даже усталым был его взгляд. Но для себя решил, что второй раз лезть на рожон не стоит.

— Молодец, русский, — пробегая мимо, хлопнул меня по плечу кто-то из наших: я уже отчаялся их различать.

Джулес точно озверел после этого броска, он выкладывался на полную, стремясь покрыть огромный разрыв в очках нашей и чужой команды. Я только удивлялся. Неужели такой опытный игрок, как Джулес, не может понять, что выиграть уже не получится? По крайней мере, не сегодня. Лишние нервы, лишние ссоры...

— Эй, русский! — крикнул всё тот же молодой латинос, давая мне пас.

Я метнулся вперёд, понимая, что просто не успею — бородач возник прямо перед носом, легко перехватывая резиновый шар. Вокруг нас мгновенно образовалось пространство: игроки не спешили попадаться под горячую руку капитана, выжидая удобный момент. Джулес стоял у нашего кольца, собираясь помешать противнику уже у финиша.

Я не знаю, какого лешего вышел один на один с гориллообразным мужиком, но дать ему пройти я тоже не мог. Секунда понадобилась мне на то, чтобы обойти его с другой стороны и, когда до нашего кольца оставалось меньше двух метров, я невероятным усилием выбил из рук бородатого мяч. Что-то хрустнуло в пальце, боль была дикая. Метнувшись назад, я развернулся и, подпрыгнув, бросил мяч вперед. У кольца противника не оказалось никого из наших, да я и не собирался тратить время на то, чтобы искать взглядом свободного игрока. Я стремился только избавиться от мяча, и не дать его бородатому. Наверное, поэтому я бросил мяч так далеко, как только мог. В корзину.

От мощного рёва у меня заложило уши. Латиносы в упоении били ногами об асфальт

внутреннего двора, игроки вновь рассасывались по площадке. Наверное, среди всех находившихся в каменном колодце один я не понял, что произошло. Я от души запустил мяч подальше, через всё поле, и в том, что мяч угодил в корзину, моей заслуги не было. Латиносы, очевидно, считали иначе.

— Говоришь, не любишь такие игры? — весело прокричал мне Джулес.

Я криво усмехнулся ему в ответ, потирая ушибленный палец. Он мгновенно распух, и мне не улыбалось находиться на площадке и дальше. Тем более под пристальным взглядом капитана противоположной команды.

— Долго ещё до конца игры? — морщась, спросил я.

— Две минуты. Что случилось, русский? Этот кретин тебя задел?

— Нет, я сам... когда мяч забирал...

— Продержись уж, пришибленный, — посоветовал мне капитан. — Ты нам нужен!

— Джулес! — попытался возразить я, но мулат уже отбежал в другой конец поля.

Меня взяла злость. Ну какого черта рыпаться, когда за две минуты набрать десять очков для победы просто невозможно? Твёрдо определившись в ход игры не вступать, я остановился у нашего кольца, разминая побагровевшую часть руки.

Мне хронически не везло. Латиносы, решив, очевидно, что я со всем справлюсь сам, мяч перехватить даже не пытались. Команда соперника разыгрывала красивую комбинацию, ловко обходя наших игроков, и уже почти у самого нашего кольца, не встречая никакого сопротивления, какой-то низенький парнишка, пружиной взметнувшись вверх, почти забросил нам мяч. Почти — потому что в последний момент я проснулся, увидел мяч в опасной близости от себя, и решил от него избавиться. Мгновенно выбросив вперёд левую руку, я выбил мяч у более низкого игрока, и, подбросив правую на манер бросков в волейболе, дал пас. Кому, значения не имело — главное, я избавился от мяча.

Парнишка зло обматерил меня на американском слэнге, на что, против его ожидания, я никак не отреагировал, и игра продолжалась. Кто-то там принял мой пас, и дальнейшие действия разворачивались у кольца противника. Наши сумели забросить ещё один мяч, и игра наконец закончилась. Мы, естественно, проиграли, но Джулес был доволен. Разрыв, очевидно, его вполне удовлетворил.

— Ты нам здорово помог, русский, — без обиняков заявил мулат, похлопывая меня по плечу. — Я беру тебя в команду.

— Я не люблю такие игры, — демонстративно потирая ушибленный палец, напомнил я. Мулат расхохотался.

— Ты в моей команде, русский! Это не предложение, это факт. А теперь забирай свои шмотки и валим отсюда.

Я поискал взглядом Даниэля и, развернувшись, чуть не уткнулся носом в чью-то потную грудь. Бородатый капитан команды соперника буравил меня взглядом, и я не мог понять, зол он или нет. По крайней мере, выражение его глаз не менялось — что-то среднее между хронической усталостью и вселенским спокойствием.

— Привет, — первым улыбнулся я. — Ты здорово играешь.

Бородач помолчал. Джулес шагнул вперёд и вызывающе вскинул подбородок:

— Ты чего к нему пристал, обезьяна? Не нравится, когда тебя обставают?

На мой взгляд, наш капитан вёл себя не совсем достойно. Проигрывать тоже надо уметь, тем более, гордиться было нечем.

Никак не реагируя на мулата, тот протянул мне лопатообразную ладонь:

— Маркус.

— Олег, — я пожал ему руку, отметив, что он даже не пытался давить на меня при рукопожатии, и очень удачно избежал соприкосновения с большим пальцем.

— Олег, — повторил он, и надо признать, у него это вышло с первого раза, — ты хороший игрок и ты не должен быть на *его* стороне. Тебе не место в команде Джулеса.

— Заткни свой поганый рот, ты, ублюдок! — не слишком громко, но резко оборвал его наш капитан. — Парень будет играть, где ему вздумается, верно, русский?

— Приходи ещё, — не обращая внимания на мулата, продолжил Маркус. — Поговорим.

— Хорошо, Маркус. До встречи.

— До встречи.

Джулес проводил противника бешеным взглядом и повернулся ко мне.

— Ты ведь не сбежишь от нас, русский? Не уйдешь к этому кубинскому отродью?

— Я уже сказал тебе, Джулес, я не играю в баскетбол. А сейчас я должен идти. Полдня на эту ерунду ухлопал...

— Идём, — кивнул мулат, махнув Даниэлю с моей курткой. — Поговорим о работе.

Оказалось, из каменного колодца вёл ещё один выход, которого я не заметил. Крохотная дверца, ведущая в короткий подвальный коридор, который заканчивался такой же дверцей, только наружу. Обогнув целый блок, мы наконец вышли к нашему двору. Здесь наша команда разделилась: мы с Джулесом пошли дальше, на оживлённую улицу, по которой я сюда добирался первый раз; ребята свернули в первый же переулок, в очередные пока ещё незнакомые мне дебри рабочего района.

— Я не знаю, что ты ищешь, русский, — вдруг заговорил Джулес. — Ты не похож на тех придурков, которые сюда приезжают. Такие обычно не щадят свою задницу и не боятся запачкаться, если ты знаешь, что я имею в виду.

— Догадываюсь, — пожал я плечами, хотя на самом деле вариантов в голове возникло так много, что я просто не знал, который из них имел в виду Джулес.

— Ты вряд ли согласишься собирать мусор или таскать мешки с каким-нибудь дерьмом, я прав?

Я пожал плечами. Я не боялся грязной работы, но и не привык к ней.

— Можешь не отвечать, русский, я по твоей роже всё вижу. Ты сейчас готов послать меня к чертовой бабушке, но у меня действительно есть неплохое место для тебя. Я работаю охранником в клубе. Один из нашей бригады недавно попал в больницу, нам нужна замена. Тебе жуть как повезло, Оулиг! К нам кого попало не берут. Человека проверяют на месте... в общем, ты поймешь. И тебе нужен имидж покруче. Крутой вид охранника отпугивает не меньше, чем его бицепсы. Но я спокоен! Прав был Салливан, ты беленький, но тебя это не портит. Да что там! Все местные тёлки твои, русский!

Я покосился на мулата, затем перевёл взгляд на светофор. Ожидавшие вместе с нами зелёного света пешеходы послушно замерли, уставившись в никуда.

— Нам далеко идти? — поинтересовался я, не глядя на мулата.

— Не очень. Сейчас на автобус и до метро, там пересядем. Заодно и город посмотришь, русский. Могу поспорить, тебе понравится. Всем, кто видит его в первый раз, нравится.

Я не спорил. Наверное, я всё же плохо рассмотрел то, что окружало меня, пока искал себе жильё. Только теперь я в полной мере осознал, что оказался на другой планете. Я слышал, что в Америке любят давать городам неофициальные названия. Чикаго получил кличку «город ветров».

Мы шли по оживлённой улице с магазинами, ресторанами, множеством людей. А слева и справа вдаль уходили тихие, жилые улицы — дома в два-три этажа, широкие тротуары и шоссе, по которому изредка проезжали автомобили. Дом, в котором поселился я, в этом районе, похоже, считался многоэтажным. Обочина, как и везде, заставлена припаркованными машинами.

— Привыкнешь, — снисходительно улыбнулся Джулес, наблюдая за мной. — Это оно только на первый взгляд кажется чудом. Потом начинаешь понимать, в какое дерьмо влип. А когда поймешь, будет поздно.

— Ты же как-то живешь, — рассеянно возразил я, наткнувшись на кого-то из прохожих. Народу было так много, что я боялся отстать от мулата, скользящей походкой бывалого человека обходившего все препятствия.

— А что мне остаётся делать, русский? — вскинул брови мулат, оборачиваясь на ходу. — Будто у меня шикарный выбор — жить здесь или в Бразилии. Везде хреново, а мне отсюда просто некуда уезжать. Дома у меня уже нет, отсудили родственнички... а ты говоришь — живу...

На остановке автобуса ожидало всего несколько человек, однако Джулес скорчил недовольную мину.

— И какого хрена им всем здесь надо? — поморщившись, мулат недовольно шагнул поближе к бордюру; к остановке подъезжал смешной жёлтенький автобус, который ощутимо портила яркая реклама сигарет, облепившая бока машины. — В этом долбанном районе машин гораздо меньше, чем в любом другом, вот и транспорт здесь перегружен. Ничего, так не каждый день. Тоже привыкнешь.

Я покосился на мулата, резво оттеснившего плечом бойкую на вид старушку, оказавшуюся менее проворной, и проследил за ним взглядом. Джулес скрылся в глубине салона, а я посторонился, давая ей пройти. Бросив на меня удивлённый взгляд, женщина проворно забралась на довольно высокие ступеньки и, кинув заранее приготовленную мелочь в жестяную банку водителя, уселась на свободное место у окна. Спohватившись, я принялся шарить по карманам и, на своё счастье, тут же нашел несколько смятых долларов. Зайдя в автобус, я положил деньги в банку и прошёл в конец, где меня ждал Джулес, раскинувшийся на заднем сидении.

— Садись к окну, русский, — великодушно разрешил он, давая мне пройти. — Небось интересно будет, хотя ехать нам недолго...

Я не пререкался, хотя особо интересно мне не было, и молча сел у окна. Если это называется «транспорт перегружен», то как бы он удивился, увидев, что по утрам творится у нас на остановках. Один раз, помню, я ехал в институт, распластанный по двери маршрутки, и вообще не касался ногами пола.

Я чувствовал себя очень усталым, хотя до вечера было ещё далеко. Наверное, сказывался перелёт, затем бурное утро поисков жилья, уборка вместо планируемого отдыха, затем этот идиотский баскетбол, в который я был втянут непонятно как и зачем, теперь вот вынужденная экскурсия по городу... Вынужденная, потому что я ехал на собеседование, а не отправлялся смотреть город.

— Даже не думай дрыхнуть, русский, — бесцеремонно ткнул меня в бок Джулес. — Смотри и запоминай дорогу, обратно будешь добираться своим ходом, я останусь в клубе.

— Раньше предупредить не мог? — огрызнулся я, послушно посмотрев в окно в поисках ориентиров. — Я вообще не собирался искать сегодня работу...

— А когда? — удивился Джулес. — Это как раз первым делом, а потом уже можно и на город поглазеть, если делать нечего. А в клубе, я уверен, ты не подведешь. Только попробуй, русский! Не смей меня позорить, — подмигнул он мне, но по его тону я понял, что мулат не шутил.

Авторитет — вещь опасная, поэтому я предпочел промолчать, отвернувшись к окну. Мой язвительный язык не раз доводил меня до драки, а в чужой стране я не собирался так рисковать.

Между тем смотреть было не на что. То есть, конечно, я бы в любом случае смотрел, но из окна автобуса многого не увидишь. Вначале я ждал каких-либо особо запоминающихся ориентиров, потом понял, что разношерстная толпа и яркие бутики повсюду. Нигде не было ни монументов, ни интересных домов необычной архитектуры; везде один и тот же стандарт спичечных коробков. Я повернулся к Джулесу, чтобы уточнить план действий, и с удивлением увидел, что мулат попросту спит, скрестив руки на груди. Я хотел тотчас мстительно его растолкать, но отвлекся, заметив аварию у моста, который мы как раз проезжали. Засмотревшись на смутные очертания домов, я едва не свернул себе шею, но спать больше не хотелось. Меня окружал новый и непонятный мир, который предлагал то, чего не было дома — свободу действий. Дома я никогда не забывал о границах дозволенного, которые старался не преступать. Здесь же...

Здесь можно было всё.

Я прильнул к окну, с живым интересом разглядывая людей с озабоченными, серыми лицами. Рабочий день подходил к концу, но улицы, по здешним стандартам, оставались полупустыми. Внезапно мне подумалось, что всё равно. Что жизнь везде одинакова — сплошные будни. И нет разницы, где создавать семью и заводить детей...

Забегая вперёд, скажу: я быстро понял, что ошибался.

— Русский! — хриплым голосом позвал Джулес, открывая глаза и поднимаясь со своего места. — Эй, русский, вставай. Приехали...

Часть 1. Империя. Город ветров. Глава 2

Глава 2.

Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, Учи их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь. (Матф.28:19–20)

Мы вышли в центре города на Стэйт-Стрит, и я с оторопью уставился на огромные небоскрёбы, теряющиеся в облаках. Одно дело — видеть такое в кино по телевизору, и совсем другое — стоять рядом, не зная, когда упадёт такая вот глыба. В тот момент мне вдруг стало страшно интересно, сколько же разрушений будет при падении только одного такого дома. Задумавшись, я не сразу заметил, что Джулес уже давно перешёл улицу, и теперь нетерпеливо искал меня взглядом. Получилось у него не сразу, улица была заполнена людьми, я просто терялся на фоне негров, азиатов, белых, латиносов и других, кого я не мог с полной уверенностью отнести к какой-либо определённой расе. Мулат уже махал мне рукой, призывая подойти ближе, но я сделал несколько растерянных шагов и остановился. Представляю, на кого я в тот момент походил: глаза круглые, рот открыт, голова задрана вверх — полная дезориентация в пространстве.словно Большой Каньон, сплошные скалы, нависшие над головой. Задавило в висках, и я тряхнул головой, диким усилием избавляясь от наваждения. Бесспорно, здания в Чикаго были гораздо выше, чем в любом нашем крупном городе. Не все, конечно, небоскрёбы, но большинство домов в этой части города оказались высотными. Десять, двенадцать этажей минимум...

— Русский! Эй, русский, не отставай!

Я покорно перешёл на ту сторону улицы, где меня ждал Джулес, проталкиваясь среди нескончаемого человеческого потока. Мулат насмешливо посмотрел на меня и покачал головой.

— Смотри под ноги, новичок.

На новое прозвище я не отреагировал, тем более что под ногами оказался не привычный асфальт, а большие квадратные плиты. Я шёл за Джулесом, озираясь по сторонам, как дикарь. Было одновременно и захватывающе, и тоскливо; я не мог понять, чего хочу сейчас больше — ринуться в этот многолюдный поток, слиться с ним, стать частью этого потрясающего и непонятного мира, или же убежать отсюда и спрятаться в мире более понятном и привычном, где нет этих гигантов архитектуры, уносящихся вверх на десятки и сотни метров.

Я загляделся на очередной небоскрёб, и с ходу наткнулся на остановившегося у светофора Джулеса. Мулат поморщился, но ничего не сказал, очевидно, догадываясь, что творилось у меня внутри.

Я оглянулся ещё раз, последний, и внезапно увидел своё отражение в витрине бутика. Ошарашенное, чужое лицо и съёжившаяся фигура терялись в огромном потоке туристов, жителей города, детей, взрослых, одетых лучше и хуже, движущихся во всех направлениях и совершенно не обращающих внимания на то, что так поражало меня.

— Идём, русский, — дёрнул меня за рукав Джулес, когда загорелся зелёный свет. Я только кивнул через силу. Если бы не мулат, я бы потерялся здесь уже минут через пять. Наверное, мне повезло, что в свой первый раз я оказался здесь не один.

— Нам далеко?

— Почти пришли.

Я уже понял, что верить словам Джулеса означало попросту не уважать себя. «Почти пришли» было и в начале пути, и когда мы выходили из автобуса, и когда заходили в метро, и когда из него вышли. Ещё одно «пришли» сути дела не меняло.

Я озирался всё время, не особо запоминая дорогу, и очень скоро, потирая затекшую шею, понял, что даже приблизительно не знаю, где мы находимся. Спрашивать Джулеса я не стал — для него всё было понятно и легко, я решил не тратить время попусту. Когда мы придём, я припру его к стенке и выпытаю путь назад.

Что-то ощутимо ткнулось мне в ноги. Я опустил взгляд и увидел девочку лет десяти на роликах, сидевшую прямо на плитках. Падение прошло не совсем благополучно: она содрала кожу на ладонях, и теперь кривилась, явно собираясь плакать.

— Давай я тебе помогу, — мягко сказал я, нагибаясь, чтобы её поднять.

Девочка заверещала и попыталась отползти от меня.

— Я помогу тебе подняться, — повторил я, глядя ей в глаза.

Это сработало. Она утихла, недоверчиво глядя на меня, и позволила себя поднять. Утвердившись на своих роликах, она что-то неразборчиво проговорила и шустро метнулась вперёд, к возмущённой женщине, которая так же неразборчиво, но громко что-то мне выговаривала. Я хотел остановиться, но внезапно появившийся Джулес схватил меня за руку и потащил куда-то в сторону, на соседнюю улицу.

— Ты что? — только и спросил я.

— Держись от детей подальше, — прошипел мулат, отпуская меня, но не сбавляя темпа. — Тронешь одного, даже случайно — засудят. Засудят как пить дать, даже понять, за что, не успеешь.

— Но... Джулес... она упала, я всего лишь...

Мулат на секунду остановился, пронзив меня тем же взглядом, что и на игре в баскетбол — так, что мне сразу стало стыдно и за свое поведение в частности, и за себя самого в целом. Джулес дёрнул щекой.

— Прав был Салливан. Ты слишком беленький. — Встретив мой взгляд и, очевидно, уразумев, что я медленно, но верно закипаю, мулат несколько сменил тон. — Русский, ты просто... поверь мне. Я не стану ничего тебе объяснять, ты сам позже всё поймешь. Всему своё время.

Я не ответил, чувствуя, что сильно раздражён, и продолжал следовать за ним, не оставив, однако, своего занимательного занятия — смотреть. На здания я больше внимания не обращал, попросту утомившись постоянно задирать голову вверх, и уделял куда большее внимание людям. Что мне мертвые глыбы? Куда интереснее мне были те, кто наполнял их.

Чикагцы видели эти огромные строения много раз, и уже давно не поднимали голов, чтобы полюбоваться архитектурой очередного многоэтажного монстра. Проза жизни казалась той же, что и везде. Мужчина в дорогом костюме читал газету, молодые люди покупали в яркой будке хот-доги и пончики, несколько девушек шумно обсуждали содержимое витрины модного бутика.

Я смотрел. На многочисленных плакатах, на проезжавших мимо автобусах, на дверях магазинов и супермаркетов была реклама, реклама, реклама. Практически на каждом углу молодые люди в униформах раздавали какие-то листовки, призывающие купить современный кухонный комбайн или попробовать пиццу в новом ресторане.

— Сюда, — потянул меня в сторону Джулес, мимо рывшегося в мусорном баке бомжа. Мы свернули в переулок, где шастало куда меньше народу, и Джулес стал идти чуть медленнее.

— Понравилась главная улица города? — спросил он, усмехнувшись.

— Какая? — удивился я.

— Та, по которой мы только что шли. Мичиган-авеню.

Я невольно оглянулся на людную и шумную улицу, оставшуюся позади, и почувствовал, как раздражение, которое я испытывал по отношению к мулату, поднялось снова.

— Не мог раньше сказать, Джулес? — недовольно спросил я. — Я всё-таки не знаю города, и мне было бы интересно знать, что тут и где.

— Не посчитал нужным тебя отвлекать, — отмахнулся от меня мулат, сворачивая в очередной проулок. Он оказался довольно коротким и почти безлюдным. — Ты был так отрешен от этого мира, так любовался небоскрёбами и нашими местными девушками, что я просто из человеколюбия не смог.

Я уставился на него, борясь с убийственными побуждениями. В тот момент мне больше всего хотелось вновь нырнуть в тот шумный мир, который почему-то так резко оборвался, и не видеть перед собой этого вездесущего мулата.

— Чикаго прекрасный город, русский! По крайней мере, после того, что я слышал про Нью-Йорк, я начал так считать. Взгляни — мы только что были в адском месиве, а сейчас мы в тихом и мирном местечке... Вот за что я люблю этот город! Это мир контрастов, русский, — поучительно закончил свою мысль Джулес, с некоторым превосходством глядя на меня.

Я огляделся и вопросительно посмотрел на него.

— Мы пришли, — подтвердил Джулес.

Я ещё раз посмотрел на большое трехэтажное здание ночного клуба, внимательно прочитал все имеющиеся неоновые вывески и вздохнул.

— Это оно?

— Не слышу энтузиазма в твоём голосе, русский! — прищурился мулат. — Это лучший клуб на Магнифисент Майл, можешь в этом не сомневаться. Если услышишь от кого-то нечто противоположное — смело бей недоноска. Всё понял, русский?

— И много тебе здесь платят? — поинтересовался я, оглядывая сияющее здание клуба.

— Я — это я. Но тебе будут платить тоже хорошо. Если покажешь себя с лучшей стороны и в отличной форме, можешь выбить не меньше пары сот баксов за смену.

Я кивнул. Предложение нравилось. Если ещё учесть плату за квартиру, получалось совсем здорово: выходит, поработав день-два, смогу оплатить аренду. Кроме того, если смены будут ночными, то днём я тоже смогу что-нибудь придумать: зря терять время я не привык.

— Идём?

Толкнув зеркальную дверь, Джулес первым вошёл внутрь. Шагнув вслед за ним, я увидел двух охранников у входа, которые оглядели меня цепко и настороженно. Один из них что-то коротко бросил Джулесу, мулат в ответ кивнул, не останавливаясь. Пройдя мимо дверей с табличками, надписи на которых я не успел прочитать, мы оказались в главном зале клуба. Я бывал в таких местах дома и не могу сказать, что мне в них нравилось. Блестящие полы и стены, несколько шестов в зале и на сцене, аккуратные столики внизу и кожаные диваны на верхнем этаже зала. Время было раннее, клуб пустовал. Один из диванчиков

наверху облюбовала компания секьюрити, свободная от дел в отсутствие посетителей. Стойка располагалась недалеко от сцены, находившийся за ней чернокожий бармен поднял голову и заулыбался, увидев моего спутника.

— Джулес! — негр обогнул высокую стойку и оказался рядом с нами. — Босс хотел тебя видеть, ты как задницей чувствовал!..

— Тео, это русский, — представил меня Джулес. — Мне показалось, он нам подойдёт.

— Русский? — негр на секунду замер, потом протянул мне руку. Пожимая его ладонь, я не мог отделаться от странного ощущения, что не должен, просто не должен здесь быть. Ещё этот мулат наверняка забыл моё имя, поэтому и представил меня как «русского». — Похож на крепкого парня, только слишком... белый. Ты уверен, Джулес?

Мулат пожал плечами.

— Проверим.

Чем дальше, тем сильнее укреплялось желание свалить отсюда. Это даже не баскетбол под открытым небом. Это больше походило на западню, и хотя я не боялся, от неприятного чувства отделаться не мог.

— Идём, — дёрнул меня за рукав Джулес.

Мы вошли в дверь, находившуюся рядом со стойкой и, миновав короткий тёмный коридор, поднялись по узкой лестнице вверх. Дверь была закрыта, и когда шедший первым Джулес открыл её, по глазам ударил яркий свет и гул голосов. Я прищурился, и вслед за мулатом зашёл в комнату.

Это оказалось похоже на отдельный элитный клуб, малую часть которого занимал стол с компьютером и огромный шкаф за ним, всё остальное — диваны и полки со спиртным. В углу стояла стеклянная статуя обнажённой женщины. В комнате были люди: четверо качков в форме секьюрити и две девушки в откровенной одежде располагались на диванах, а в отдельном кресле у входа сидел крупный седой мужчина в дорогом костюме. Когда мы зашли, все семеро мгновенно смолкли и совершенно одинаковым движением повернули головы к нам.

— Хорошо, что ты зашёл, Джулес. — Мужчина обращался к мулату, но смотрел на меня. Девушки тоже принялись меня разглядывать; одна из них, с синими волосами, с пошлой ухмылочкой провела языком по губам. — Ты, как всегда, не один. Это новый парень, которого ты мне обещал?

— Да, босс, — ответил Джулес таким тоном, что я с удивлением посмотрел на него. Такого мягкого, успокаивающего, почти заискивающего тона я от него ещё не слышал.

— Хорошо. О наших с тобой делах позже. Не станем задерживать его. — Мужчина наклонился, чтобы лучше разглядеть моё лицо, потом сделал какое-то неуловимое движение рукой.

Девушки, как по команде, соскочили с диванов и выбежали из комнаты. Пробегая мимо, девица с синими волосами умудрилась ущипнуть меня за задницу. Я ошарашено посмотрел ей вслед и, услышав смех, повернулся лицом к мужчине.

— Амели любит красивых мальчиков, — снисходительно улыбнулся он. — Как тебя зовут, сынок?

Ни обращение, ни его тон мне не понравились. Кроме того, я не любил называть своё имя незнакомым людям. Я помедлил.

— Сынок, — с нажимом повторил мужчина, и в его голосе явственно слышался металл. — Я не привык задавать вопрос дважды. Те, кто на меня работают, прекрасно об

этом знают. Ошибок я не прощаю.

— Я на вас ещё не работаю.

Мужчина, очевидно, очень удивился. Он выпрямился в кресле, изучая меня так, как оценивают кусок мяса в супермаркете, а затем рассмеялся.

— Кого ты мне привел, Джулес?

— Он русский, босс, — извиняющимся тоном ответил тот.

Мужчина помолчал, потирая подбородок, но взгляда от моего лица так и не оторвал.

— Подойди ближе, русский.

Я сделал два шага вперёд, оказавшись перед ним на расстоянии вытянутой руки, и тотчас в его руке сверкнуло дуло пистолета.

Моё тело отреагировало раньше, чем это успел сделать я. Мгновенно я выбил оружие из его рук. Почувствовав движение за спиной, я отшатнулся в сторону, выставив одну ногу. Нападавший успешно споткнулся, едва не сломав мне лодыжку своей массой, и рухнул в кресло, откуда секундой раньше успел смотаться их босс.

Я быстро развернулся лицом к секьюрити. Думать было поздно. Двое охранников двигались на меня медленно и уверенно, как танки, но если они пытались меня запугать, то это зря. Нападение — лучшая защита. Метнувшись вперед, я одновременно вскинул обе руки, целя растопыренными пальцами им в глаза. Надо признать, не промахнулся. Один из охранников успел сделать одиночный выпад, попав мне в живот, и только затем взвыл, вслед за напарником закрывая лицо руками. Я обернулся и с разворота, не скупясь, от всей души двинул ногой по рёбрам охраннику, поднимавшемуся после моей подножки. Тот охнул, падая на пол, а я обернулся к последнему из секьюрити, достававшему из-за пояса дубинку. Бросив взгляд себе за спину, я отметил, что пистолет здешнего авторитета лежит там же, куда я его отбросил, а потому долго думать не стал. Стремительно нагнувшись, я схватил оружие.

— Назад!

Направив дуло на безмятежного босса, я обернулся к охранникам. Тот, кого я двинул по рёбрам, лежал неподвижно, обхватив себя руками, а двое охранников уже выпрямились, хотя один из них так и не решился открыть глаза. Приёмчик был неприятным, это я знал по себе, и боль пройдет только завтра. Охранник с дубинкой, до сих пор не участвовавший в нашей баталии, задумчиво посмотрел за мою спину.

Фокус не удался, подумал я, ощутив весомый удар по затылку. В голове тотчас зашумело, но сознания я не потерял, даже ухитрился ткнуть локтем стоявшего сзади, и попал, куда целил, судя по приглушенному вскрику. Краем глаза заметив, как охранник с дубинкой делает шаг ко мне, я развернулся всем корпусом и дал подачу в голову тому, кто был сзади.

Джулес кулем повалился на пол, а я сделал шаг назад, чтобы дать мулату пространство для падения. Падая, Джулес зацепил подбежавшего секьюрити с дубинкой, и тот, пошатнувшись, упал на колени, выставив вперед своё оружие, точно в надежде, что я сам на него наткнусь. Секунду я смотрел, как тот, матерясь, поднимается с колен, а затем рассмеялся, держась за ушибленный живот. Даже пистолет из ослабевшей руки едва не выпустил. Видимо, в тот момент у меня сдали нервы, но мне тогда стало дико, просто невозможно смешно, хотя в драках случалось всякое.

— Русский, — раздался проникновенный голос, и я глянул на босса, сдерживая смех. — Ты... отдай пистолет.

— Не отдам, — неожиданно для себя ответил я. Смешно больше не было, но и особо страшно тоже. — Я псих, Джулес этого не знал! Сейчас всех тут порешу, а потом пойду сдаваться копам.

Мужчина обеспокоено посмотрел на меня, пытаясь определить, шучу я или нет. Я был уже спокоен, поэтому мой голос звучал уверенно и многообещающе.

— Русский, — мужчина, похоже, уже прочувствовал ситуацию и теперь снова ощущал себя её хозяином. — Ты принят. Отдай оружие, и обсудим условия оплаты.

Я вздохнул, потирая затылок, и перешагнул через матерящегося Джулеса. Подал ему руку, помогая подняться, а потом молча направился к выходу.

— Далеко собрался? — поинтересовался мужчина, когда я безрезультатно дёрнул ручку двери, и подкинул на ладони связку ключей. — Избил моих ребят, теперь вот сматываешься, прихватив с собой мою вещицу...

Я обернулся. Охранника, которого я саданул по рёбрам, отволокли на диван, где тот пытался прийти в себя. Наверное, ему было больно, но и мне тоже, так что жалости я не испытывал. Второй секьюрити сидел рядом, откинувшись на спинку, и осторожно касался пальцами глаз. Его напарник, щурясь, облокотился о стену, скрестив руки на груди, и чувствовал себя явно лучше. Тот, который с дубинкой, находился за спиной босса.

— Остайся, — шёпотом посоветовал мне Джулес, шагая ко мне и протягивая руку. — Ты понравился боссу. Можешь выбить себе ставку повыше...

Я вздохнул, отдал ему пистолет, и мулат тотчас отошёл от меня.

— Садись, — приглашающим жестом указал босс на диванчик возле себя, и первым уселся в своё кресло. Подождав, пока я последую его приглашению, он заговорил опять. — Давно я не встречал таких, как ты, русский. Похоже, Джулес получит свой процент. Так всё-таки, как тебя зовут?

— Олег.

— Олег, — невнятно повторил мужчина и покачал головой. — Мы придумаем тебе что-нибудь попроще потом, а сейчас давай обсудим твои обязанности. Джулес, — обратился он к мулату, — позови Амели. Пусть принесёт то, что должна.

Джулес кивнул и, подхватив брошенную ему связку ключей, скрылся за дверью. Я проводил его взглядом и повернулся обратно к мужчине.

— Как мне вас называть, мистер?

— Сандерсон. Шейн Сандерсон, владелец этого рая. С понедельника ты приступишь к работе, и будешь называть меня боссом. Один из наших ребят во время стычки в баре попал под перо, сейчас он в больнице. Его смена была во вторник, четверг, пятницу и субботу. Выходные — понедельник, среда, воскресенье. Работаем ночью, с восьми до восьми. Судя по всему, ты справишься с возможными конфликтами, но должен кое-что сказать, русский. Если есть возможность предотвратить драку, мы это делаем. Если человеку можно объяснить, мы объясняем. Не лезь на рожон, русский, даже если ублюдок этого заслуживает. Понял?

— Конечно.

— Есть правила. Форму тебе выдаст Джулес, он мой помощник. Форма, русский — это ещё не всё. Ты должен выглядеть так, чтобы ни у кого не возникало желания подойти и пообщаться. Понял?

— Нет, — честно ответил я.

— В тебе не должно быть ничего вызывающего, — терпеливо пояснил мужчина,

принимая от стоявшего за спиной секьюрити бокал с виски и протягивая мне такой же. Я помотал головой, и Шейн Сандерсон нахмурился. — Брезгуешь? Или думаешь, я собираюсь тебя отравить?

— Нет, мистер Сандерсон. Просто не пью.

Пить я не умел, и пьянел катастрофически быстро. Мне не улыбалось искать отсюда путь обратно, в рабочий район, в пьяном состоянии. Я и трезвым его не помнил.

— Как хочешь, — он отдал мой бокал охраннику и продолжил, — прежде всего, следи за собой. Девушкам нравятся новые лица среди наших ребят, и без внимания ты не останешься. Но во время смены никаких заездов и никакого перепихона, понял меня? Дальше, твой внешний вид. — Он помолчал, окидывая меня внимательным взглядом, и внезапно приказал, — распусти волосы.

Я приподнял бровь, но подчинился, стягивая резинку с хвоста. Сандерсон помолчал несколько секунд, потом удовлетворённо кивнул.

— Вот так ты ходить не будешь. — Он скороговоркой проговорил какую-то фразу, которую я не понял, и находившиеся в комнате охранники дружно заржали. Я неприязненно покосился на них, и снова убрал волосы в хвост. — Дальше, русский. По всем вопросам обращай к Дэвиду, нашему начальнику охраны, — мужчина указал на парня, который так и не ввязывался в нашу драку. Он кивнул мне, и я снова посмотрел на Сандерсона. — Дэвид объяснит тебе остальные нюансы. Понял?

— Да.

— Если захочешь встретиться со мной, просто поднимись в мой кабинет. Но лучше будет, если ты заранее об этом предупредишь. Через Джулеса или Амели, мне всё равно. Вопросы?

— Почему вы нанимаете людей с улицы, мистер Сандерсон, вместо того, чтобы воспользоваться услугами охранного агентства?

Шейн Сандерсон удивлённо вскинул брови, потом хмыкнул.

— Я и есть собственник охранной фирмы, сам отбираю себе людей. Приходя на работу в клуб, ты попадаешь и под учёт фирмы. В клубе я проверяю людей на надёжность. Если ты оправдаешь моё доверие, будешь делать другую работу, и получать больше. Понял?

Последнее словечко уже резало слух. Я посмотрел на часы. Было полседьмого, и я заторопился.

— Мы не обговорили оплату, — напомнил я.

— Ты будешь получать столько, сколько я буду тебе платить, — спокойно объяснил Сандерсон, гаденько улыбаясь, и меня передёрнуло.

— Меня это не устраивает, мистер Сандерсон, — так же спокойно ответил я, и улыбнулся в ответ. — Так мы не договоримся.

— Знай своё место, русский, — с нажимом проговорил Сандерсон, и от его улыбки не осталось и следа. — Если я говорю, что ты принят, значит, ты принят. Двести баксов за смену.

Я покачал головой и начал подниматься с кресла.

— Двести пятьдесят, — устало выговорил босс. — Русский, не выводи меня. Всё, вали вниз, там тебя ждет Джулес. В понедельник увидимся. Дэвид, проводи его.

Я улыбнулся.

— До встречи, босс.

Сандерсон криво усмехнулся в ответ, и мы вышли. Я шёл первым, осторожно спускаясь

по тёмной лестнице и, пройдя уже знакомый коридор, вышел в зал.

— Подожди у стойки. Джулес сейчас вернётся.

Я впервые услышал голос начальника охраны, парня с дубинкой у пояса, и оглянулся.

— Ты здорово отделал тех недоумков, русский. Такие ребята мне нужны. Дэвид, — он протянул мне руку, и я пожал её.

— Олег.

— Олег, если тебе что-то понадобится, спрашивай у меня. Больше никому здесь не верь. Я для тебя здесь главный после босса. То, что говорит Джулес, дели как минимум на три.

Я улыбнулся: парень начинал мне нравится. Он говорил на почти чистом английском, и этим выгодно отличался от всех, с кем мне удалось поговорить в Америке.

— Удачи.

— До встречи, Дэвид.

Я подошел к стойке и, не обращая внимания на чернокожего бармена, уселся на высокий стул. В зале уже появилось несколько людей, но на танцпол никто не выходил. Очевидно, ещё недостаточно выпили.

— Как прошло собеседование, красавчик?

Я обернулся. Рядом со мной уселась Амели, закинув ногу на ногу. Короткая юбка задралась так, что был виден край трусиков.

— Слышала, Дэви тобой доволен, — она закурила, и протянула полупустую пачку мне. Я покачал головой. — Я тебя где-то видела, красавчик, — она наклонилась ближе к моему лицу, точно пытаюсь что-то разглядеть, — может, вспомнишь, где именно?

Я ещё раз покачал головой. Она тряхнула голубыми волосами и задумчиво подпёрла рукой щеку.

— Ну да, видела, — медленно произнесла она. — Сегодня утром в рабочем квартале, ты стоял с большими сумками на остановке. Ты на меня тоже смотрел, это мне особенно запомнилось.

С большим трудом я вспомнил длинноногую девушку, засмотревшись на которую, едва не наступил на негра. Еле отвязался потом...

— Олег, — представился я.

— Красивое имя. Я Амели, — она улыбнулась, и я подумал, что это её красит. — Новенький в городе?

— Приехал сегодня утром.

— И уже нашёл работу? Тебе повезло, красавчик! — она вдруг запнулась, присматриваясь к чему-то, и вдруг негромко вскрикнула. — Кровь!

— Что? — я невольно потянулся к затылку, куда меня ударил Джулес. Ощувив под пальцами что-то влажное, я поднёс руку к глазам. Царапина, и только, просто на светлых волосах кровь хорошо видна. — Ничего страшного, Амели. Собеседование...

Она засмеялась и прыгнула со стула.

— Ты мне нравишься, Олег, — она похлопала меня по ноге, — увидимся.

Я покачал головой, провожая её взглядом. У двери, которая вела к тёмному коридору и лестнице, Амели столкнулась с Джулесом. Я заметил, как зло посмотрел на неё мулат; девушка что-то грубо ему бросила, и оба разошлись. Очевидно, отношения у этих двоих оставляли желать лучшего. Так бывает, когда люди делят одно рабочее место на двоих. Джулес был незаменим для Сандерсона, и она тоже.

— Идём, — буркнул мулат, подходя ко мне, — выдам тебе всё необходимое.

Джулес объяснил мне, как добраться обратно, и выдал увесистый кулёк с униформой. Мы общались недолго. Мулат сослался на неотложные дела, да мне и самому не хотелось задерживаться в клубе. С Джулесом мне тоже не хотелось общаться.

Я шёл по залитым сумраком улицам, выбирая направление наугад, и думал. С одной стороны, то, что мне удалось за один день найти и жильё и работу, было, без сомнения, хорошо. С другой, меня точно затягивало в какую-то воронку, из которой, как бы нелепо это ни звучало, не виделось выхода.

Я остановился у светофора и вспомнил, что приехал сюда не для того, чтобы оставаться, следовательно, и бояться мне нечего. Когда вернусь домой, проживание здесь, в Америке, станет для меня чем-то вроде того, о чём потом так интересно будет слушать моим детям.

Уже на середине шоссе я вспомнил, что так и не позвонил родителям, как обещал. Я звонил им ещё из аэропорта, и обещал позвонить вечером. Поймут. Я устал и зверски хотел есть: последний раз я перекусывал ещё в самолёте.

У станции метро я зашёл в супермаркет. Помню, когда они впервые появились у нас, я был жутко недоволен. Несмотря на все аргументы «за», которые мне приводили все знакомые и агитационная реклама, отделаться от странного ощущения я не мог. Позже стали выдвигаться аргументы «против», но к тому времени я уже привык и особо в них не вникал.

Я медленно шёл вдоль стеллажей, читая все названия подряд. Некоторые оказались довольно смешными, а особенно мне понравились яблоки с наклейкой: «Никакого жира!». Я даже поднапрягся и вспомнил школьный курс биологии, но яблок, содержащих жир в принципе, в памяти так и не нашёл.

— Я могу вам помочь? — раздался вежливый голосок у моего уха.

Я обернулся и увидел милостивую полненькую девушку в униформе. Она держала в руках увесистые коробки со сникерсами, которые собиралась поставить на верхнюю полку.

— Нет, спасибо. А вам помочь? — я улыбнулся, кивая на коробки.

Она засмеялась и отрицательно покачала головой.

— Нет, сэр. Если это заметят другие сотрудники, я получу выговор.

— Жаль, — я покачал головой. — Удачи вам.

— Вам тоже, сэр.

Я прошёл в следующий ряд, где стояли банки с консервами, и полностью переключился на выбор разноцветных банок с торговыми марками на боках. Побродив среди бесконечных ярких стеллажей, я набрал продуктов и пошёл к кассе.

Стоя в очереди, я принялся разглядывать покупателей. Так было не принято, это я знал, но ничего поделать с собой не мог. Все люди в супермаркете представляли собой крайне разношёрстную публику, но усталость и пустота в их глазах казались одинаковыми. Я даже пожалел пожилую негритянку, стоящую в очереди к соседней кассе, она держала в руках огромные корзины продуктов и безжизненно смотрела в одну точку. Теребящий её за рукав ребёнок требовал у неё шоколадку, но она не реагировала, уже выгружая продукты перед кассиршей.

— Тринадцать долларов пятьдесят семь центов.

Я отдал деньги и, получив сдачу и чек, направился к выходу.

На улице оказалось холодно и темно, и мне даже перехотелось уходить куда-либо от яркого и манящего супермаркета, где, как утверждала надпись над входом, мне были всегда рады. Сориентировавшись, я направился к станции метро, слившись с многолюдным потоком. Когда мы с Джулесом ехали сюда, я купил в автомате нечто вроде кредитной

карты, на которую, как мне пояснил мулат, можн время от времени класть деньги. Поездка стоила, насколько я помнил, около двух долларов, точно так же, как и в автобусе, на который ещё предстояло пересесть.

Народу в метро оказалось больше, чем когда мы ехали сюда, но некоторые места всё же пустовали. Я помнил, что мы ехали три остановки, поэтому со спокойной совестью уселся в углу возле спокойной на вид старушки. Она так мирно дремала, что мне тоже захотелось закрыть глаза. Я так и сделал, и отключился почти мгновенно. Впрочем, проснулся тоже. По крайней мере, мне так показалось. Когда я увидел, что двери вагона открыты, и люди выходят, меня прошиб холодный пот.

— К-какая это остановка? — спросил я, обращаясь к старушке.

Она приоткрыла один глаз и что-то пробормотала, глядя за окно.

— Что, простите?

Женщина раздражённо посмотрела на меня и демонстративно отвернулась. Я поднялся, лихорадочно пытаюсь сообразить, где нахожусь.

— Винслет авеню ещё далеко? — рискуя нарваться на грубость, снова спросил её я.

— Следующая...

— Спасибо...

Я подошёл к двери и, прислонившись к поручню, постарался собраться. Страшно хотелось спать, даже больше, чем есть. Вдобавок сильно разболелась голова, наверное, кретин мулат всё-таки хорошо меня задел.

— Посторонись, — я пошатнулся, ощутив крепкий удар в плечо. — Ты здесь не один, придурок.

Я резко обернулся. Позади стояли два негра, и они явно искали приключений.

— Тише, парни. — Я говорил спокойно, но если бы не полная продуктов сумка, наверное, всё-таки кому-то врезал. — Места хватит всем.

— Если только ты выйдешь отсюда! — громче, чем требовалось, сказал негр. Люди в вагоне начинали обращать на нас внимание, и я забеспокоился.

— Когда откроются двери, я выйду, — так спокойно и уверенно, как только мог, проговорил я. Глаз от негра я не отрывал. — Подожди немного.

Негр не нашёл, что ответить, зато его спутник, презрительно скривившись, что-то коротко бросил на слэнге, и оба дружно фыркнули. Я отвернулся.

Когда я вышел на станции, я ощущал себя полностью разбитым. Чтобы хоть как-то повысить себе настроение, я достал из кулька булку и принялся её жевать, вяло работая челюстями. На остановку я попал не сразу. Я свернул не туда, потом прошёл несколько лишних кварталов, пока сообразил, что иду не туда, запаниковал, повернул обратно, снова выбрал неверный переулок... Минут через сорок путём поголовного опроса прохожих — останавливались далеко не все — и продавцов близлежащих будок я вышел на нужную мне улицу и, поплутав ещё немного, оказался на остановке.

В автобусе тоже оказались свободные места, что удивило, час был довольно поздний. Наверное, большинство граждан здесь передвигалось на личных автомобилях. Свою остановку я узнал сам и оставшийся путь домой проделал с удивительной скоростью. Теперь мне казалось, что место моей работы не так уж далеко: как в английской поговорке — всё кажется проще после того как сделано.

Найденной работой ограничиваться я не собирался. У меня оставались в распоряжении понедельник, среда и воскресенье, и я вполне мог работать днём. Если мне предложат место

получше, я не задумываясь уйду из того клоповника.

У подъезда дома уже сидела знакомая мне компания. Я узнал Даниэля и подошёл, чтобы поздороваться. Тот пожал мне руку и улыбнулся, сверкнув белыми зубами:

— Ну как собеседование?

— Шишка на башке и двести пятьдесят за смену, — ответил я.

— Я знал, что ты справишься, русский, — просиял Даниэль. — Джулес редко ошибается.

— Увидимся, — кивнул я и развернулся, чтобы уйти.

— До встречи. Кстати, Хорхе уже дома.

Я на секунду замер, вспоминая, кто такой Хорхе, а потом поморщился. Сосед по комнате вылетел у меня из головы, я и думать забыл, что придется ещё налаживать контакт с каким-то латиносом вместо того, чтобы отдыхать.

— Спасибо, Даниэль. Удачи.

— Удачи.

Джулес оказался прав, через бомжа у входа я перепрыгнул почти рефлексивно. Пока я поднялся на свой этаж, было уже около десяти вечера. Стараясь особо не шуметь на случай, если мой сосед уже спал, я осторожно открыл дверь и так же аккуратно её за собой закрыл.

На кухне слышалась какая-то возня и шаги. Я услышал, как закипел чайник, и понёс на кухню свой кулек.

— Привет.

Парень у плиты обернулся, окинул меня хмурым взглядом и вновь отвернулся к сковородке, на которой жарилось, судя по запаху, что-то мясное.

— Привет.

— Ты Хорхе? Я Олег. — Я шагнул вперёд и, невзирая на неприязненные взгляды парня, протянул ему руку.

Хорхе закончил что-то помешивать в сковородке, накрыл её крышкой и повернулся ко мне. Положил на стол лопатку, тряпку и только затем нехотя протянул мне ладонь. Такие фокусы мне не понравились, но и ссориться я не хотел. Пожимая ему руку, я сдавил её чуть больше, чем следовало, и Хорхе почти шатнулся назад, разжимая пальцы. Я тотчас пожалел о своем поступке: у парня, может, просто плохой день, а тут ещё я. Кроме того, судя по его манере держаться, он явно не был здесь крутым. Впрочем, я плохо разбирался в людях.

— Давай начистоту, Хорхе, — я осторожно сел на скрипящий стул и принялся выкладывать на стол свои припасы. — Я очень сожалею, что тебе достался сосед по комнате, но сделать ничего не могу, пока не найду что-нибудь получше. Лучше я могу не найти, так что обнадеживать тебя я тоже не собираюсь. Я ни в коем случае не хочу тебе мешать и, надеюсь, ты поступишь точно так же. Хотя, скажу честно, не вижу причины, по которой мы не можем сосуществовать друг с другом мирно.

— Джулес предложил тебе работу?

Я удивился. Хорхе повернулся ко мне, и я смог разглядеть его лицо. Ничем особо не примечательное, человек как человек. Не такой смуглый, как остальные латиносы, с которыми я сегодня уже прилично пообщался, и явно не такой наглый. Хорхе было около двадцати пяти или больше, он был худощавого телосложения, подвижный и жилистый, на его руках и ладонях я заметил крупные мозоли и царапины. Таких, как говорят, тринадцать на дюжину, но единственное, что в нём казалось необычным — глаза. Карие и внимательные, их взгляд казался пронизательным, пытливым, и такому человеку лично я

солгать не мог.

— Да. Охранником в клубе «Потерянный рай».

— Я бы не советовал.

— Почему?

— Поищи себе место получше.

Повернувшись обратно к плите, Хорхе сделал вид, что с головой ушёл в готовку. Стало ясно, что разговор окончен, но так просто сдаваться я не собирался. Для начала я поднялся и направился в комнату, чтобы захватить чистую одежду, и ещё с порога заметил, что Хорхе всё-таки знал, что я приду. На полу у стенки уже был расстелен матрас, и брошена подушка без наволочки. Махнув рукой, я подумал, что для начала сгодится и так, а потом я намеревался выбить одеяло.

...Когда я вышел из душа, Хорхе уже доедал свой ужин, одновременно читая какую-то книгу, и я с удивлением обнаружил, что напротив него стоит нетронутая тарелка со второй порцией.

— Это тебе, — кивнул он, на секунду отрываясь от книги.

— Спасибо.

Мне казалось, я смогу проглотить сразу всё, не заметив, но голод куда-то ушёл, так что ел я без аппетита, скорее из вежливости. Во время ужина поговорить не удалось. Хорхе отделялся короткими фразами, давая понять, что очень занят книгой, и я не стал настаивать. Честно предположив, что раз готовил он, посуду мыть мне, я быстро покончил с несколькими грязными тарелками, и, пожелав своему соседу спокойной ночи, отправился спать. Краем глаза я отметил, что Хорхе следит за мной, но мне было уже всё равно. Не у всех перемены происходят безболезненно, может быть, я для него нечто вроде ножа к горлу.

Я провалился в сон сразу, едва коснувшись головой подушки, и так и не услышал, когда отправился спать сосед.

Часть 1. Империя. Город ветров. Глава 3

Глава 3.

Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть. Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести. Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения. (1 Кор. 10:12–14).

Я проснулся не то чтобы выспавшимся, но достаточно бодрым для функционирования. Похожее состояние у меня было на третьем курсе института, когда помимо стационара и военной кафедры я начал работать. Я тогда не мог расслабиться даже во сне. Спал пару часов в сутки, ел раз в день, брался за любое дело и даже доводил его до конца. А через два месяца на нервной почве у меня появился жуткий дерматит, который прошёл только когда я бросил работу. Перед отлётом отец велел не перерабатывать и не задерживаться. Приехал, посмотрел, попробовал, уехал. Возможно, так мне и стоило поступить. Но мне хотелось вернуться героем, привезти побольше денег и впечатлений.

Хорхе в квартире не было. Либо он в воскресенье работал, либо ушёл подальше из квартиры, которая принадлежала теперь не только ему. Сказать по правде, я не расстроился. Хорхе, похоже, происходил из той незаметной породы людей, присутствие или отсутствие которых ничего не меняет.

Я скатал матрас, устроил его вместе с подушкой в углу, оделся и отправился на кухню в поисках еды. На столе стояла одинокая булка, купленная вчера мной в супермаркете, и я без всякого аппетита принялся жевать почти безвкусное тесто. Поставив чайник, я дожёвывал булку и смотрел в окно. Оно выходило во двор, как раз с той стороны, с которой располагался вход. Я видел, что у двери стояли несколько человек, но разглядеть, кто это был, не мог. Очевидно, та же компания латиносов, что и вчера. Я болезненно поморщился, потирая затылок. Джулес хорошо приложил меня в клубе. Если со спины, то я тоже так умею.

Пошарив по шкафам в поисках заварки и сахара, я пришёл к выводу, что совершенно зря переводил электроэнергию на подогрев воды в чайнике. Ни чая, ни кофе, ни-че-го в этом одиноком шкафу не было. Чертыхнувшись, я сделал пару глотков кипятка и пошёл собираться. Я хотел посмотреть город.

Старый бомж Керни сидел там же, у порога, но благодаря яркому солнечному свету я разглядел его раньше, чем мне пришлось об него споткнуться.

— Почему бы тебе не подняться на этаж выше? — поинтересовался я. — Площадка там вроде побольше.

Бомж удивлённо вскинул грязную, в струпьях, голову, и что-то невнятно пробормотал.

— Что?

Он молчал, и я уже собирался шагнуть мимо, когда внезапно зазвучал хриплый голос:

— Мистер, тем, кто живут наверху, будет неприятно видеть вонючего калеку под своими дверьми.

— Наверное, ты прав, — вынужденно согласился я. — Но, может, они бы смогли тебе помочь?

Он рассмеялся, со стороны прозвучало как клокочущее карканье.

— Мистер, я здесь уже почти четыре года. Если бы не Салливан и не Сикейрос, я бы так долго не протянул. Всем остальным плевать, мистер. Жил тут ещё русский, но недолго...

Входная дверь распахнулась, и бомж ретиво отодвинулся в угол. Стоявший в проходе Даниэль двинул его ногой в бок и кивнул мне:

— Привет.

Я посмотрел на съёжившегося бомжа и вышел на улицу. Там стояло ещё двое латиносов, они так же кивками поздоровались со мной.

— Зачем ты его так? — спросил я.

— Пожил бы тут с моё, он бы тебе тоже до чёртиков надоел, — просто объяснил Даниэль, захлопывая дверь.

Я отстранённо кивнул, хотя такое объяснение мою совесть не успокоило.

— Идёшь с нами, русский? Оттянемся, — латин смотрел мне прямо в глаза, в то время как остальные за его спиной молча курили.

Я покачал головой.

— У меня дела.

— Не будь лохом, идём, — подал голос кто-то за спиной Даниэля, и я с трудом узнал одного из тех, с кем играл в команде. — Травкой угостим, — продолжал уговаривать меня худой и невысокий парень. — Может, девочку подцепишь.

Я покачал головой и сделал шаг в сторону арки, за которой был нужный мне проулок. Других выходов из своего двора я пока что не знал.

— Удачно отдохнуть, — бросил я Даниэлю на прощание.

Латин мне не ответил, заговорив со своими на испанском. Я покинул двор как можно скорее, и только оказавшись в узком переулке, ведущему к людной улице, смог расслабиться. Меня напрягала постоянная компания у подъезда, но сделать я ничего не мог. Мне и без того стоило немалых усилий держаться непринуждённо рядом с ними и не показывать своей неприязни. Это давалось мне и впрямь с большим трудом: я был никудышным актёром.

Я вышел на широкую улицу и некоторое время просто стоял, пытаюсь сориентироваться. Только что я шёл по узкому безлюдному переулку с испачканными граффити стенами, а сейчас находился посреди бурлящей реки жизни. Иммигрантский район считался в Чикаго одним из самых чистых и спокойных, и я тогда подумал, что же творится в воскресный день в центре города.

— Эй, приятель! — не веря себе, я развернулся, чтобы лицом к лицу столкнуться с тем самым негром, который так активно предлагал мне вчера свои услуги носильщика. — Круто ты отделался от меня в прошлый раз! — неестественно весело продолжал он, улыбаясь так, что видны были не только все имеющиеся в наличии зубы, но и часть пищевода. — Может, хоть сегодня будешь щедрее? Вижу, шмотки у тебя ничего, баксы, значит, водятся. Одолжишь на пару дней? Меня все в районе знают, я всегда возвращаю долги!

— Почему бы тебе не найти работу? — ляпнул я первое, что пришло на ум. — Ты здоровый и сильный мужик...

— Эй ты, крутой, — нахмурился негр, мигом прекращая скалиться. — Ты плохо меня разглядел? У меня цвет кожи немодный! Кто захочет взять грязного нигера к себе?

— Херня. — Я начал злиться уже по-настоящему: он не давал мне пройти. — Я сам искал себе вчера работу. Охранником в клубе. Так вот там половина секьюрити — чёрные. Как и бармен.

— То есть я должен отмывать блевотину и сопли с полов какого-то засранного

клуба? — Черномазый едва не задохнулся от возмущения.

— Это лучше, чем просить милостыню и мешать честным людям, которые своим трудом зарабатывают деньги на жизнь.

— Ты откуда, мать твою, взялся, ублюдок?! — негр уже кричал, размахивая руками и привлекая внимание прохожих. — Ты умный, мать твою?! Можешь засунуть свои баксы знаешь куда, бледнозадый?! Я гребаный блондин, мать твою, мне плевать на твои нигерские проблемы!..

— Ясно. Ты просто не хочешь напрягаться. Не хочешь работать, — этот наглый афроамериканец добился того, к чему стремился. Меня понесло. — Мне плевать на ваши законы и вашу демократию, я здесь проездом и подстраиваться под это безумие не собираюсь. Ты не можешь найти работу не потому, что негр, а потому, что придурок! Вали с дороги!

— Как ты меня назвал, сука белобрысая? — негр, похоже, не ожидал такого напора от меня и даже оглянулся, словно в надежде на поддержку сновавших мимо и равнодушных к нашему спору людей. За нами следили только двое бомжей на противоположной стороне улицы, тыкая в нас пальцами.

Черномазый повернулся ко мне и, старательно надо мной нависая, произнёс длинную матерную тираду на сленге. Я ещё подумал, что ещё пару дней, и я тоже научусь этому нехитрому мастерству — составлять смысловые предложения из набора конфигураций слова fuck.

Я терпеть не могу, когда стоят над душой. Исключительно в целях возвращения себе ощущения комфорта я толкнул негра в грудь, заставив его сделать два быстрых шага назад, и повторил ещё раз, глядя ему в глаза:

— Вали с дороги.

Негр сделал движение как для удара, но я не отрывал от него взгляда, и момент был упущен. Я и не думал, что со всем своим куражом он мне так и не ответит.

— Ты... ты... твою мать... полиция! — вдруг неожиданно громко крикнул негр, схватив меня за рубашку. — Полиция!!!

Се ля ви, мелькнуло в моей голове, прежде чем я увидел на другом конце улицы человека в форме. Я похолодел и попытался отцепить от себя подлого негра — куда там, он вцепился в меня мёртвой хваткой. Я дёрнулся ещё раз и, уразумев, что это бесполезно для жаждущего справедливости, двинул последнего в морду. Черномазый пошатнулся, разжимая пальцы, и у меня появилась уникальная возможность сбежать от правосудия. Метнувшись наперерез роскошному «Опелю», я вылетел на дорогу, уворачиваясь от тормозящих и газующих авто. На той стороне улицы я, обернувшись, увидел, как неугомонный негр подзывает к себе полицейского, указывая в мою сторону. В подошедший как нельзя вовремя автобус я вскочил, не глядя, и уже в окно увидел, как полицейай нетерпеливо отмахнулся от чернокожего бомжа.

Тяжело дыша после бега, я повернулся к водителю, невозмутимо ожидавшего платы, и полез в карман за мелочью. Вытащил, сколько надо, опустил в жестяную коробку и прошёл в салон. В салоне было невыносимо душно, кондиционера здесь явно не предполагалось. Усевшись на переднем сидении, я приготовился внимательно изучать дорогу.

Конец августа выдался сухим и жарким, но хотя в воздухе по-прежнему пахло грозой, тучи на небе так и не показались. Автобус доставил меня прямо к станции метро. Меня это устраивало — по крайней мере, приблизительную дорогу до Мичиган-авеню я помнил. Я

действительно быстро и без проволочек добрался до пункта назначения, единственная заминка случилась в метро — я проехал нужную остановку, пришлось возвращаться. К метро я непривычен — в родной Одессе такого чуда современного транспорта нет; а в редкие визиты в Киев или Москву я предпочитал привычные автобусы или трамваи.

Вспоминая потом этот день, я не мог выдать ничего конкретного, и в то же время точно знал, что это был единственный продуктивный день в Чикаго. Наверное, ради него и стоило перелететь океан — только чтобы увидеть *это*...

Не сразу я смог понять, что же всё-таки давит мне на нервы, что заставляет оглядываться в этом странном, чужом и удивительном городе. Я побывал на Магнифисент Майл, которой здесь называют протяжённость вдоль Мичиган-авеню от реки Чикаго до Оук-Стрит. Я так и не прошел её до конца, с её пятью сотнями магазинов, тремя сотнями ресторанов и пятьюдесятью отелями. Зато я увидел два музея, которые нашёл на Лэйк Шор Драйв, и посетил Музей астрономии Адлера. Насколько я смог понять из объяснений гида, распинавшегося перед группой туристов, это был первый планетариум в западном полушарии. Здесь находились древние астрономические инструменты и модели Солнечной системы, редкие книги, два театра-планетариума, один из которых полностью цифровой. Виртуальный Космос оказался не менее завораживающим и затягивающим, чем тот, настоящий, который привлекает взгляды и умы людей не одно тысячелетие. Я твёрдо решил побывать здесь ещё раз, снова увидеть волнующие панорамы, взглянуть на удивительные модели Вселенной. Забегая вперёд, скажу, что вскоре мне стало не до Космоса — у меня оказалось слишком много дел на Земле.

После того, как я побывал в Институте искусств Чикаго, расположенном на Мичиган-авеню возле улицы Монро, и которое, по слухам, содержит одну из самых больших мировых коллекций произведений искусства, я впервые догадался взглянуть на часы. Они показывали четыре часа, и я с трудом поверил своим глазам. В голове шумело от голосов, звуков, визга тормозов и режущей слух музыки со всех сторон, перед глазами стояла плотная пелена, состоящая из мириад виденных картин, звёздных панорам, мельтешащих бутиков и разномастных личностей, спешащих по своим делам. Я впервые в жизни захотел спрятаться от окружающего мира и, на моё счастье, неподалёку увидел небольшое кафе. Как я уже заметил, Чикаго изобиловал так называемыми этническими ресторанами. Итальянских было подавляющее большинство, за ними шли тайские, греческие, мексиканские, китайские, индийские, я видел даже эфиопские и, приблизительно в том же районе, ресторан с кухней Восточной Европы.

Я же попал в обыкновенную чикагскую забегаловку, производящую традиционную американскую еду, не слишком удачную помесь самых различных поваренных искусств — хот доги, сэндвичи с беконом, стейки и пиццу. Официантка, без всякой прославленной «американской» улыбки, поинтересовалась, что я буду заказывать. Я мало ел вчера, не ел сегодня, и был голодным как волк. Я заказал сэндвичи с беконом, пиццу и большую порцию минеральной воды.

Первой моей реакцией, когда мне принесли поднос с едой, оказалась поражённая мысль: «Я этого не заказывал!!!». Сэндвичи я представлял себе чем-то вроде симпатичных маленьких пирожочков, которые готовила моя бабушка, пиццу — как треугольный кусочек плоского теста с наклепленными на него приправами... дудки! Сэндвичи оказались теми же хот догами, только другой формы и содержания, по размеру — как три эйфелевых башни; пицца оказалась не треугольным кусочком, а полноценным блином, порезанным на куски.

Пластиковый стакан с минералкой тоже оказался мне двухлитровым — наверное, сказалось общее впечатление от заказа. Мне почти тотчас стало стыдно — что подумают обо мне люди, глядя, как я поглощаю эту гору еды. Воровато оглядевшись, я понял, что мои переживания окружающему народу столь же важны, сколь проблемы вымирания диких животных в Индонезии, и с некоторым опозданием понял, что такие огромные порции считались здесь нормальными.

Я съел сэндвичи и уже доедал пиццу, когда понял, что мой желудок переполнен. Потягивая минералку через трубочку своего стаканчика, я откинулся на спинку пластикового стула и довольно сощурился на солнце, окидывая ленивым взглядом широкую и шумную улицу, на которой располагалось кафе. Обычно после еды у меня всегда поднимается настроение. Это закон, который хорошо усвоили мои родственники и товарищи, оставшиеся там, на Родине. Закон не сработал здесь.

Глядя на возвышающиеся надо мной небоскрёбы, я наконец понял, что не давало мне покоя всё время моей прогулки по центру города, в который я в детстве заочно влюбился. Гигантизм и глобализация. Наверное, это должно называться так. Я видел другое — порождения нечеловеческого разума, архитектурные монстры, поглощающие в себе тысячи и тысячи людей. Вывески на них, тоже огромные, широчайшие рекламные щиты с зомбирующими лозунгами, призывающими покупать, покупать, потреблять...

В каждом из таких зданий ютились мегакорпорации, каждая из которых представляла собой отдельный живой организм. Эти организмы могли спариваться между собой, образуя ещё большие и даже уродливые в своём гигантизме структуры, но люди, на которых строились такие проекты, были не более чем биологическим материалом для их создателей. Людям, как винтикам, как атомам клеток, из которых состояли такие корпорации, имелось в них место только до тех пор, пока они совершали требуемые от них действия. Если какая-то клетка начинала жить самостоятельно, она считалась больной, и на неё начинали действовать защитные функции организма-корпорации. Такая клетка выводилась из организма естественным путем.

Создавалось впечатление, что у подавляющего большинства здешнего населения, не имеющего никакой свободы действий, осталось только два интереса — пожевать и развлечься.

Я даже головой встряхнул, прогоняя наваждение, и снова перевел взгляд на самый высокий небоскрёб Магнифисент Майл, отлично видный с моего места. Разглядывал я его долго, наверное, несколько минут, пытаюсь вспомнить, что приходит мне на ум при виде этого создания.

Вавилон! Тогда, помнится, люди возгордились и решили построить башню, которая бы царапала небесный купол и достала до Бога. Всевышний прогневался за их гордыню, и наказал взбалмошный народ тем, что разделил его. С тех пор мы имеем чертову кучу языков и такую профессию, как переводчик.

Я поднялся со стула и, завернув оставшиеся два сэндвича в салфетки, уложил их в бумажный пакет. Допил минералку и направился к станции метро.

Первое ошарашивающее впечатление от Чикаго прошло, голод был утолен, и теперь я медленно шёл по городу, спокойно и внимательно разглядывая вывески, здания и людей. Последние меня неприятно поражали. У каждого первого — серьги в бровях, ноздрях, губах. Странная обувь на ногах, писк моде, надо полагать, иначе зачем человек добровольно наденет на себя эти колодки; подобие штанов с длинной мотнёй, словно он не добежал до

туалета. И — бренды. Бренды, бренды... где-то я слышал, что это слово переводится как «клеймо», которое ставят рабу или скотине, чтобы определить их принадлежность к определённому хозяину. Надо поставить себе на лоб клеймо, чтобы все знали — я тоже счастливый потребитель. От мельтешения торговых знаков на футболках и банданах я почувствовал лёгкое головокружение — наверное, начинал привыкать.

Глаза выхватили среди многообразия рекламных идиолов вывеску с картинками из популярных компьютерных игр, и я метнулся к ней, как к спасительному кругу. Когда человек видит что-то знакомое за рубежом, он проникается умилением и ностальгией. Для меня таким предметом были игры, компьютеры, железо, и всё, с ними связанное.

— Да? — не отрывая глаз от монитора, невнятно бросил администратор, когда я облокотился о стол.

— Доступ в интернет на час.

— Пять баксов. Машина одиннадцать, — парень лениво принял купюру, игнорируя мой возмущённый такими расценками взгляд, и снова уткнулся в монитор.

Я отыскал свой компьютер, плюхнулся в кресло. Бумажный пакет с едой я положил за спину — на случай, если пребывание с пищей здесь запрещено.

Я писал письмо сорок минут. Под конец я мудро приписал: «Не волнуйтесь, я справлюсь!» и поставил смайлик. Моя мама была достаточно современным человеком, и с ней я мог делиться абсолютно всем в его неприкрытом правдивом виде — а уж она заботилась о том, чтобы донести информацию до отца в соответствующем формате. Нет, я не боюсь признаться, что скучаю по дому. И не боюсь сказать вслух о том, что люблю родителей. Я уже взрослый, детские комплексы прошли ещё лет в десять. Хотя... здесь, в Америке, я ещё могу считаться ребёнком — ведь по их меркам я только недавно стал совершеннолетним. К тому времени, когда у наших подростков тяга к опасным приключениям проходит, у этих она только вступает в полную силу. Если, конечно, до этого времени детки не умрут от передозировки или подхваченного СПИДа.

Потом я написал ещё одно письмо. Короткое. Весёлое. С множеством анимационных смайликов. С Ладой мы дружили с детства. Её родители были родом из того же села, где жил мой дед, и каждое лето мы проводили вместе. Мы — это я, моя старшая сестра Леська, Лада и её старший брат. Мы играли вчетвером, зачастую разбиваясь на пары. Либо моя сестра утягивала за собой Ладу, и они делились своими женскими тайнами без нас, либо Владимир тянул меня с собой на рыбалку на лиман. Я ненавижу рыбалку! Но покорно шёл за старшим товарищем — ему виднее, какой род занятий более «мужской». Бывало и так, что наши старшие шли гулять без нас, и мы только поддерживали их в этом. Наверное, эти моменты детства я могу назвать самыми счастливыми. Все были уверены, что Вова с Леськой будут встречаться и дальше, но судьба распорядилась по-другому. Владимир нашел себе более смазливую девчонку, чем расстроил Лесю и разозлил меня — в конце концов, я был её братом и, теоретически, защитником. С Ладой мы стали видеться реже — старшие своим разрывом разделили нас на два воинствующих лагеря. А потом, как это часто бывает, мы выросли, и на деревню к дедушке стали заглядывать реже. Леська умотала в Россию и вышла там замуж, а с Ладой мы встретились полгода назад, совершенно случайно, на научной выставке в Киеве. Романтическим отношениям помешали адреса проживания — я в Одессе, она в Донецке — но чувство возникло. С первого взгляда, после десяти лет отчуждения, с первой улыбки смуглой девушки, в которой я с таким трудом узнал свою Ладу. С тех пор мы звоним друг другу и общаемся по интернету. На новый год она собиралась

приехать в гости к тётке в Одессу, и я ждал этого дня, как заключенный — амнистии.

Я едва успел отправить письмо по знакомому адресу, когда моё время вышло. Я выполнил обещание связаться с родными — звонки в Украину стоили дороже, чем вездесущий интернет — и заторопился домой. Выйдя на улицу, я вначале огляделся, привыкая к сумеркам города: было уже шесть часов. Включались неоновые рекламы, в окнах стал виден свет, светофоры горели ярче. Я прошёл мимо компании курящих подростков у дверей клуба и остановился. Рядом с дверью находилась ещё одна, едва приметная, с крупной вывеской: «Ремонт компьютеров». Окно занавесили старыми плакатами с изображениями железа — хозяин не слишком заботился о рекламе. На стекле скотчем было приклеено объявление: «Требуются работники».

Поколебавшись минуты три, я набрался решимости и шагнул внутрь. Дверь отозвалась треньканием привязанного под потолком колокольчика и характерным скрипом. Я оказался в небольшом помещении, из которого вела ещё одна дверь с надписью: «Только для служебного персонала». Прямо у входа располагался стол с включённым компьютером, кресло оператора пустовало. Всю остальную площадь комнаты занимали компьютеры в разобранном и целом состоянии, древние мониторы, комплектующие, разложенные по полкам, и инструменты. В целом предприятие выглядело достаточно приличным, если не считать общего бардака, но к концу рабочего дня чего только не бывает.

— Слушаю вас, — донеслось из-под стола.

Секунду спустя оттуда показалась растрёпанная женская голова, и почти тотчас её обладательница плюхнулась в кресло оператора, натягивая на лицо дежурную улыбку. По мне, так помесь усталости, раздражения и служебного долга можно было назвать только оскалом, но женщина продолжала напрягать мышцы лица.

— Я видел объявление у вас на окне, — сказал я, и она тотчас расслабилась, с облегчением убирая с лица ненужную улыбку. У неё оказались чёрные курчавые волосы, стянутые в хвост, и блестящие тёмные глаза. Сейчас её лицо казалось почти привлекательным.

— Садись, — кивнула она.

Я присел на стул, продолжая её рассматривать. У неё была смуглая кожа и подтянутая, крепкая мускулистая фигура. Носила она джинсы и обтягивающую безрукавку, поверх которой была накинута свободная клетчатая рубашка. Очевидно, что женщина не следила за собой, но могла бы быть по-настоящему красивой. Меня всегда привлекали брюнетки.

— Нам требуется мастер, — она откинулась в кресле, разглядывая меня из-под густых ресниц. — У тебя имеется опыт работы?

— Год инженером в институте, год на должности сисадмина.

Женщина приподняла бровь.

— Неплохо. Что-то ещё?

— Менеджер по работе с юридическими лицами, — подавил в себе вздох я.

Это была моя третья и последняя работа, которая оказалась, честно признаться, мне не по плечу. Вначале я довольно шустро продвинулся по службе и заключил несколько неплохих контрактов, но, как оказалось, работать с VIP-клиентами не так просто. Директора крупных предприятий оказались хищниками, коммерсантами экстра-класса, настоящими акулами бизнеса. Я по причине юного возраста и отсутствия уверенности в себе позорно сдавал позиции на серьёзных переговорах. Уволиться пришлось самому. Что ж... негативный опыт, как говорит моя мама — это тоже опыт.

— И ты ищешь работу... здесь? — поразилась женщина.

— Я не американец, — решил раскрыть карты я. — Турист из Восточной Европы.

— Понятно. Ты неплохо говоришь по-английски, — она хмыкнула, покачиваясь в кресле.

Да уж, я говорил по-английски не в пример лучше многих американцев, которые и трех слов не могут связать без слэнговых словечек и знаменитого ругательства. Создается ощущение, что на английском здесь говорят только приезжие.

— Нам действительно требуется помощь. Я работаю с Тоби и Стиви. Владелец — мистер Джонсон, тот самый, который держит компьютерный клуб, — кивок в стену. — Заказов много, он велел найти ещё нескольких человек. Если тебе нужна работа...

— Условия?

— Есть заказы — сидим здесь и чиним то, что наворотили хозяева со своими машинами, нет — сидим и ждём. Иногда вызывают на дом. Обычно мы здесь с утра и до обеда. Вечерние смены — это время вызовов на дом, в это время здесь только я.

— Мне подходит, — подумав, согласился я. Это место находилось недалеко от «Потерянного рая», я мог после ночной смены сразу идти сюда, и уже потом — домой, отсыпаться.

— Штрафов за опоздание нет, — усмехнулась женщина. — Оплата по результату. Результат и старание оцениваю я. Оклад — около пятиста баксов в неделю, два дня выходных. Испытательный срок — неделя, плачу меньше. Согласен?

— Д-да, — медленно кивнул я. Моя смена в клубе была во вторник, четверг, пятницу и субботу. Если я повешу на себя ещё и это...

— Тогда жду тебя завтра в девять утра. Давай запишу твоё имя, — женщина взяла ручку и вопросительно уставилась на меня.

— Давайте я лучше сам, — я взял стоявший в специальной подставке карандаш и почти каллиграфическим почерком вывел собственное имя и фамилию, чтобы легче было читать.

— Олег Грозный, — медленно прочитала она. А затем подняла на меня глаза и улыбнулась. На этот раз широко и абсолютно искренне. — Ты откуда?

— Россия, — в очередной раз покорно соврал я.

— Россия, — повторила женщина. Затем аккуратно переписала имя себе в блокнот и подняла на меня жгучие чёрные глаза. — Я тоже иммигрантка, в третьем поколении. Мой дедушка переехал сюда из Испании. Кира Каррера.

— Мисс Каррера?

— Просто Кира, — отмахнулась она. — Ты — Олег, я правильно читаю?

— Правильно.

— Отлично, — испанка в третьем поколении кивнула. — Какой номер твоей грин-карты, Олег?

— В посольстве мне выдали разрешение на работу. Я здесь на три месяца.

— Паршиво, — задумчиво проговорила Кира. — Я не знаю, как там у вас, у нас зарплату платят чеком, раз в неделю или две. Если не хочешь платить комиссию конторам по обналичке, тебе лучше открыть банковский счёт. Обналичивание чека в банке может занять несколько дней. У зарекомендовавших себя клиентов часть суммы может быть доступна сразу, но для этого нужно иметь хорошую кредитную историю.

— Чёрт, — расстроился я. По правде сказать, в такие тонкости меня в посольстве не посвящали. Фирма, устраивавшая конкурс, тоже деликатно промолчала.

— Чёрт, — согласилась Кира. — Давай подумаем вместе. Счет на веб-мани у тебя есть?

— Есть! — обрадовался я.

— Вот только у тебя могут быть проблемы здесь с их снятием со счета.

— Разберусь, — решение пришло на ум мгновенно. Пусть платят мне на счет, а обналичу я их уже дома, на Украине.

— Здорово. До завтра, — Кира поднялась с кресла и, не стесняясь меня, откровенно зевнула. — Выпись хорошенько.

— Ты тоже, — я улыбнулся и покинул комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Мне фантастически везло! Многим вновь прибывшим иммигрантам и гастарбайтерам, приезжей рабочей силе, нелегко найти работу. Безработица в среднем по Америке составляет почти семь процентов, что в абсолютных цифрах превышает девять миллионов человек. А ведь это лишь с учетом легальной рабочей силы, подавшей ходатайства на пособия по безработице! Я реально смотрел на ситуацию, приезжая сюда, и рассчитывал на что-то вроде грузчика, но я определённо ступил на полосу удачи. Конечно, в погоне за двумя зайцами я мог лишиться обоих, но я всегда могу сделать выбор. Работа в клубе принесет больше денег, но шансы остаться в живых выше в безопасном офисе под администрированием Киры Каррера. Я подумал, что Чикаго начинает мне нравиться.

В таком радужном настроении, дожевывая свои сэндвичи, я дошёл до метро, с лёгкостью влился в плотный поток прохожих и даже сумел вовремя сойти на знакомой остановке. На улице было уже абсолютно темно, её освещали только редкие фонари и свет рекламных стендов, и здесь, в рабочем квартале, их яркость и количество зрительно и резко уступали тем, что в центре. Вообще тут множество контрастов. Богатство и роскошь рядом с кричащей нищетой считалось нормой. Здесь были районы для богатых и районы для бедных, районы чернокожих и множественные объединения этнических единиц. Краем своего розового детства я помнил иллюзию равенства, которую давал нам Советский Союз, никого не оставляя обиженным или обделённым. И даже если это была иллюзия, зато какая красивая!

До дома я шёл в темноте по подозрительно притихшим улицам, по которым спешили в свои квартиры сосредоточенные чикагцы. Я сделал крюк, увидев впереди сияющую вывеску супермаркета, и в том же приподнятом настроении зашёл внутрь, накупив товаров первой необходимости. Несколько упаковок чая, батон хлеба, корм вроде дешевой вермишели и заварных супов, несколько уже знакомых мне булочек и — исключительно чтобы побаловать себя за превосходно прошедший день — банку маринованных грибов. Есть на свете вещи, которыми я не делюсь. Священная банка с грибами относилась к ним.

У подъезда, привычной компании не оказалось, и я без задержек поднялся к себе на этаж. Зайдя в квартиру, я услышал, как на кухне жарят что-то безумно аппетитное, судя по запаху, и прошёл туда с полными пакетами еды.

— Олла, амиго, — блеснул познаниями я, обращаясь к спине соседа. Хорхе приподнял голову от книги, меряя меня усталым взглядом, и вопросительно уставился на кулёк. — Это нам. — Я сделал внушительное ударение на последнем слове. — Нам с тобой. Я заметил, что здесь совершенно нет чая, да и ни черта нет, собственно. Пока у меня есть деньги, решил поправить положение. Ты тут главный на кухне, куда это класть?

Надежды на то, что Хорхе оценит мой вклад в развитие инфраструктуры нашей квартиры и будет чуть приветливее, немного пошатнулись. Латин встал, взял у меня пакет с продуктами и сосредоточенно разложил еду по полкам.

— Хорошо, — только и проронил он.

Не дав ему опуститься обратно за стол с книгой, я выставил перед ним второй пакет.

— Это тоже нам. В ванную.

Вот это подействовало. Сикейрос удивлённо взглянул на меня, затем на пакет, неуверенно принял его из моих рук и заглянул внутрь. С тем же выражением на лице он прошёл в ванную, и я последовал за ним. Хорхе доставал предметы по одному — пенку, набор полотенец, два куска мыла, стиральный порошок, средство для мытья, и последним — блок туалетной бумаги. Свою бритву, крем, лосьон после бритья и дезодорант я поставил на полке ещё вчера, и теперь ванная комната смотрелась трогательно обжитой.

— Спасибо.

Сикейрос повернулся и коротко посмотрел мне в глаза.

— Не было... времени купить...

— Понимаю, — деликатно согласился я. — Что на ужин, шеф?

Впервые за наше знакомство Сикейрос улыбнулся. Господи, я никогда не обращал внимания на то, как красит человека улыбка! Искренняя, идущая от сердца, а не дежурная гримаса, которая её здесь заменяет. Хорхе изменился почти до неузнаваемости. У него оказалась яркая, светлая, искристая улыбка, от которой в умных карих глазах загорался настоящий огонь. В этот момент передо мной стоял совершенно другой человек. Уверенный в себе, весёлый и абсолютно свободный от обстоятельств.

— Тебе понравится.

И мне понравилось. И ещё как! Мне казалось, я никогда так вкусно не ужинал, и уже давно так здорово не проводил время. Мы ели карбонада криолья — мясо, тушённое с овощами и фруктами. Хорхе приготовил сальсас — как объяснил латин, этот огненно-острый соус, обязательно содержащий стручки перца чили и помидоры, являлся главной частью мексиканской кухни. Вообще-то, признался Сикейрос, их чаще подают к варёной рыбе, мясу, птице, фасоли и яйцам. Мне было всё равно, вкус оказался потрясающим! Когда я признался в этом Хорхе, латин честно сказал, что работает в мексиканском ресторане уже третий год, и иногда удается приносить что-то из продуктов домой. До шеф-повара добраться не удастся, но платят и без того неплохо. Если бы не больная мать и младшая сестра, оставшиеся в Мексике, Сикейрос смог бы позволить себе лучший район и другие условия жизни. А мог бы... исполнить свою мечту. Со временем.

Хорхе мечтал о медицинском образовании. Накопить на университет у него не получилось бы и за двадцать лет, но ради колледжа стоило стараться. Сикейрос не питал ложных надежд, но отчаянно жаждал их исполнения.

Хорхе оказался действительно интересным собеседником. Латин расспросил меня, как прошёл день, интересуясь мельчайшими подробностями о том, что я успел увидеть в Чикаго. Сам Хорхе так и не побывал ни в одном музее, ни в одной галерее, и обо всех достопримечательностях слышал только по рассказам. Латин вслед за мной удивился необыкновенной удаче в поисках работы, и в очередной раз посоветовал бросить работу в «Потерянном рае». Сикейрос не ответил на вопросы касательно клуба и своего пожелания, заявив, что не добавит ничего больше. Я сказал, что должен вначале разобраться сам, на что Хорхе промолчал.

В тот вечер я засыпал с улыбкой на губах. День выдался продуктивным, динамичным, полным приключений. Я попытался прокрутить в голове события, запутался в калейдоскопе картин, звёзд и людей, и успел ещё подумать — как это здорово, что я всё-таки прилетел

сюда. Здесь я в гостях и могу позволить себе куда больше, чем дома. Здесь было... интересно и ново.

Я тогда ещё не знал, что это был мой единственный счастливый день в Чикаго.

Часть 1. Империя. Город ветров. Глава 4

Глава 4

Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы духовные исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов. Ибо, кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя. Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом; Ибо каждый понесет свое бремя. Наставляемый словом делись всяким добром с наставляющим. Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную. Делая добро, да не унываем; ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере. (Гал. 6:1-10).

Я облокотился о сцену, диким усилием удерживая глаза открытыми. Было пять часов утра, до конца смены оставалось три часа. Иногда везло, и посетители расходились раньше, но не сегодня. Шумная компания справа от меня веселилась на полную, и становилось ясно, что выгнать их отсюда будет непросто. Такое происходило часто, почти каждый день, и я начал привыкать, но сегодня мне безумно, просто нечеловечески хотелось спать.

То, что полтора месяца назад я назвал везением, оказалось настоящим проклятием. Я продолжал работать в двух местах одновременно, отсыпался в воскресенье, по вечерам в понедельник, среду и пятницу, но мне этого катастрофически не хватало. То и дело я ловил себя на каких-то странных мыслях, и очень часто — на отсутствии таковых вообще. В свободное время хотелось двух вещей — пожевать и завалиться спать.

— Подъём! — голос прозвучал над самым ухом, и я вздрогнул, открывая глаза. — Русский, тебе крупно повезло, что твой храп слышала только я. Предупреждаю, полчаса назад появился Джулес, и если ты не хочешь неприятностей, прекращай спать на работе!

— Спасибо, — сипло прокашлялся я, с силой проводя ладонями по лицу. Прежде чем глянуть на собеседницу, я быстро осмотрел зал. Ребята из секьюрити сгруппировались в основном у входа, Дэвид стоял у стойки, разговаривая с Тео, барменом. Рядом с ним сидела блондинка, потягивая текилу из бокала. Джил была уже изрядно пьяна, но ещё держала себя в руках. Сегодня, в виде исключения, она одела короткий топик и джинсы, но последние, низко сидящие на бедрах, не скрывали округлых ягодиц, сплюснутых о сидение высокого стула.

— Паршиво выглядишь, русский, — меряя меня долгим взглядом, без обиняков заявила Амели, выдыхая сигаретный дым мне прямо в лицо. Она знала, что я не курю, и делала это назло. Я уже устал раздражаться и воспринимал всё как должное. — Бросай свои компьютеры!

— А мне говорят, бросай свой клуб, — я посмотрел через её плечо на разбушевавшегося парня из шумной компании. Дэвид обернулся от стойки, бросил взгляд на него, затем на меня. Ну да, это моя площадка, мне за ними и следить. Остальные ребята из охраны уже потихоньку расходились. — Осталось немного, Амели, скоро я уеду домой, там мне каждый доллар пригодится.

— Зачем тебе доллары? Не куришь, не пьёшь, травку не покупаешь, кредиты не

платишь, на девок не тратишься, — пожалала плечами девушка, делая последнюю затяжку. Тряхнув синими волосами, Амели раздавила окурок о край сцены и вслед за мной облокотилась на опору.

— Какого чёрта здесь забыл Джулес? Он ушёл ещё в полночь, — сменил тему разговора я.

— Вернулся за добавкой, — просто сказала Амели, поправляя полупрозрачную кофту. Лифчика она не носила. — Сегодня будет большая касса.

Я промолчал. За полтора месяца я немного изменил приоритеты. Меня постоянно пытались втянуть в какую-то группировку. Джулес звал к себе на правах первооткрывателя, компанию предлагал Дэвид со своими ребятами, а недавно я понял, что могу сдружиться с кубинцами во главе с бородатым Маркусом, капитаном баскетбольной команды, которого так сильно ненавидел Джулес. Пока что я умудрялся сохранять золотой нейтралитет.

Как бы то ни было, в клубе я предпочитал вообще ни с кем не общаться. Расчёт шёл достаточно честно, наличными, и ежедневно, причем обычно я приносил не менее чем четыреста за смену. Работы в клубе хватало — в таких местах всегда беспокойно. Серьёзный инцидент случился только один раз, неделю назад, когда пришлось задействовать всех наших ребят. Тогда у компании оказалась, помимо кастетов и ножей, пара пистолетов, и нам едва удалось от них отделаться без особых потерь с обеих сторон. Я прекрасно понимал, в какое болото втянулся, но выходить из него следовало осторожно. Резкие движения могли быть расценены как попытки к бегству, а я не хотел иметь врага в лице босса Шейна Сандерсона.

Единственным человеком, с которым я общался здесь чаще всего и почти откровенно, оказалась, как ни странно, Амели. Это она рассказала мне, какие дела творятся в «Потерянном рае», и причину их с Джулесом вражды. Они с мулатом отвечали за распространение наркоты, и никак не могли поделить сферы влияния и рынки сбыта товара. Амели владела преимуществом — она имела доступ к телу босса. Джулес ненавидел её, и чувство было взаимным, поскольку, по уверениям девушки, мулат использовал свои рычаги давления.

— Почему он не заберёт её отсюда? — негромко поинтересовался я, глядя, как на другом конце зала, у стойки, Дэвид поддерживает глупо хихикающую Джил за талию. Блондинка уронила голову ему на грудь, продолжая трястись в истеричном пьяном хохоте.

— Долгая история, русский, — Амели подтянулась на руках, забираясь на сцену, и уселась там прямо на полу, свесив ноги вниз.

— Эй, детка, станцуй для нас! — тотчас раздались крики от столика, и я мгновенно напрягся. — Покажи нам, что у тебя под этим!

Крупный негр перегнулся через спинку стула, положив огромную лапу на бедро Амели. Длинные пальцы коснулись края короткой юбки, дёрнув её в сторону.

— Отвали, — посоветовала та, скидывая его руку.

— О, так ты занята? — к нам обернулось уже трое парней, и я начал закипать. Там, где была Амели, всегда возникали конфликты. — Твой дружок не будет против? — негр снова потянулся к девушке, и Амели закинула ногу на ногу, избегая контакта. — Он поделится, верно говорю, белый брат?

Я ответил на его взгляд и медленно покачал головой.

— Какого хрена молчишь?! Я с тобой говорю, мать твою! — негр резко поднялся, перевернув стул, и схватил за руку соскочившую со сцены Амели. — Поделишься своей

шлюхой?

Амели резко вывернулась, ткнув локтем ему под рёбра, и выверенным движением скользнула мне за спину. Я мысленно выругался.

— Сядь, — решил поиграть миротворца я. Парни наверняка уже заметили намечающийся конфликт, и негру с его парнями не поздоровится — нас всё-таки больше. — Мы не хотим неприятностей, верно? Через два часа клуб закрывается, наслаждайтесь своим временем.

Наверное, моё нечеловеческое спокойствие возымело действие. Чернокожий посетитель посопел, потоптался на месте, затем широко ухмыльнулся и хлопнул меня по плечу.

— О'кей, белый брат. Ты победил.

Я изобразил вялую ухмылку в ответ и, развернувшись, оттащил Амели в сторону. От буйной компании нас теперь отделяло три столика. Краем глаза я увидел довольный взгляд Дэвида. Я ему определённо нравился: в отличие от остальных, меня было очень сложно спровоцировать на драку. Я всегда предпочитал договориться мирно, даже если ради этого требовалось идти на какие-то уступки.

— Я устал от тебя, Амели, — без всякой мысли выдал я, опускаясь на стул. Девушка хмыкнула, усаживаясь напротив, и накрутила синюю прядь на палец.

— Но ты до сих пор со мной дружишь, — пожалала она плечами.

Какая, к чёрту, дружба, подумалось мне. Просто мне надо с кем-то общаться, иначе я сойду с ума.

— Тебе нужно выпить, — в который раз посоветовала Амели. — Жалко на тебя смотреть.

«А мне на вас», — без всяких эмоций подумал я, посмотрев в сторону Джил. Дэвид явно мучился с ней — начальник охраны пил меньше — но почему-то не мог увести её отсюда.

— Ты бы ещё наркоту предложила.

— Наркота денег стоит, — хмыкнула синеволосяя. — Я помню, что ты говорил. Ты не пьёшь, не куришь, не колешься, скучный ботаник с во-о-от такими тараканами в голове. С нашими девочками я тебя не видела, с мальчиками тоже. Ты ненормальный, русский.

— Ага, — удивился я. — То есть если начну гулять с мальчиками — это будет нормально?

— Ну да, — в свою очередь удивилась Амели. — По крайней мере, мы будем знать, к какой группе тебя отнести. Ты... будто не с нами, русский. Пока ты новичок, такое прощают, но потом тебе нужно будет определяться.

— Я уеду домой.

— Ну да, дом, милый дом... — протянула девушка, подпирая подбородок ладонью. — Знаешь, я понимаю, что ты ненормальный придурок, который ходит сам по себе. Тебя никто не трогает, потому что ты можешь дать сдачи, но при первой же возможности тебя либо задавят, либо завербуют. Но... я почему-то завидую тебе, русский.

— Почему?

— Наверное, из-за дома, о котором ты так часто говоришь. — Амели отвернулась, глядя на подругу. Дэвид поддерживал Джил, помогая ей спуститься со стула. — Почти у всех нас был дом. Ни я, ни Джил в детстве не мечтали о том, чтобы стать шлюхами. Так получилось. Угадай, сколько ей лет?

Я посмотрел на залитое неоновым светом лицо блондинки и не смог ответить. Глупое

выражение, какое встречается только у детей лет пяти, приоткрытые распухшие губы, потекшие краски косметики, начинающие пробиваться морщины... и мертвые волосы, убитые перекисью.

— Двадцать. В пятнадцать лет она убежала из дома вместе с заезжим байкером. Мать её не искала, к тому времени уже почти сгорела от алкоголя, отец ушёл много лет назад с каким-то смазливym пареньком, и Джил с тех пор о нём не слышала. Байкер увез нашу Джил в притон, где её насиловали его друзья. Через неделю ей удалось бежать, и на трассе её подобрал дальнобойщик. С ним ей тоже пришлось переспать, чтобы доехать до большого города Нью-Йорка. Обращаться в полицию она не стала, её байкер был копом, и она боялась встречи с ним. Она прожила на улице неделю, прежде чем её нашла я. Я привела её к себе в комнату, дала работу. Дома её не ждали, и ей было нечего терять. Правда, первому клиенту пришлось брать её едва ли не силой. Она боялась поначалу, но потом сломалась. Вместе мы неплохо зарабатывали, нам было легче отбиваться от ублюдков и платить за жильё. Помогала марихуана, наш сутенёр продавал её нам почти даром. — Амели рассказывала чужую историю таким будничным тоном, что мне стало страшно. Сон пропал напрочь, я почувствовал, как по коже пробегает мороз. Мне казалось, такое не переживают... — Как-то наша Джил забеременела, и ему пришлось поколотить её, чтобы она избавилась от ублюдка. После выкидыша Джил какое-то время не могла принимать клиентов. У нас возникли проблемы с сутенёром, и мы бежали в Чикаго. Здесь я подняла старые связи и пристроила нас в этот клуб.

Я молчал, расширившимися глазами глядя на Амели.

— Я немного поумнела со времён улицы, и спала только с теми, кто был нам нужен. Спустя время Сандерсон меня повисил. Теперь я делю место с Джулесом, и мулату это не нравится.

— А Джил? — хрипло спросил я.

— О, Джил тоже неплохо устроилась. Её взял под крыло Дэвид, и если бы она не была собственностью Сандерсона, кто знает, может, мы бы сейчас лицезрели долбанную счастливую семью.

— Как это... собственность?

— Просто. Есть много способов забрать у человека свободу в этой гребанной свободной стране, русский. — Амели поднялась, и я последовал её примеру. — Забей. Просто сегодня мне захотелось выговориться. Давно я так ни с кем не трепалась, как с тобой. Чао, бэйби, — Амели погладила меня по плечу и пружинящей походкой направилась к стойке, у которой уже ожидал её Дэвид. Начальник охраны, видимо, сдавал ей Джил с рук на руки.

Я проводил её отсутствующим взглядом. Жуткая история до сих пор звучала у меня в ушах, и мне стало гадко, так гадко, как не было никогда в жизни. Полтора месяца здесь, в этой вшивой забегаловке, были экскурсией в самые отвратительные уголки ада. Разврат, беспредел и беззаконие, процветающее почти в центре города, своим напором напоминали цунами. Кричащее порно во всех его проявлениях вызывали у меня только одно — рвотный рефлекс. И что только держало меня здесь?

— Прощай, белый брат, — проходивший мимо негр похлопал меня по плечу и ухмыльнулся. — Ещё встретимся.

Я так и не понял, чем это было, комплиментом или угрозой, но на всякий случай оскалился в ответ. В конце смены, получив деньги у Дэвида, я постоял несколько минут в компании секьюрити, посмеялся в ответ на какие-то шутки, и только потом направился

домой. Сегодня я получил свою порцию впечатлений.

В метро я всё-таки уснул, но на нужной мне остановке автоматически проснулся, выскакивая из вагона в последний момент. Я шёл по утренним улицам, и в который раз смотрел на просыпающийся город. Небо нависало надо мной так же тяжело, как и в день моего приезда в Чикаго, но в этот раз мне было плевать и на его цвет, и на холодный ветер, и на гаснущие фонари. Люди вокруг спешили по своим делам, и я шёл среди них.

— Утро, ублюдок!

Я дежурно поднял средний палец, проходя мимо чернокожего бомжа. Это у нас с ним такое приветствие. Всё без злобы, ненависти, с милой улыбкой на губах.

У подъезда я столкнулся с Даниэлем. Латин кивнул мне, протягивая ладонь, и я пожал её.

— Джулес в клубе?

— Когда я уходил, был ещё там, — подтвердил я.

— Отлично. Сладких снов.

— И тебе тем же подавиться... — на русском ответил я, и Даниэль усмехнулся, верно уловив мой тон.

Утро только входило в силу, первые лучи солнца никак не могли пробиться сквозь свинцовые облака, и я торопился в свою комнату, чтобы упасть и спать там до понедельника.

Бросив «привет, Керни», я аккуратно обошел безногого бомжа, поднимаясь по лестнице к себе на этаж. Дверь оказалась закрыта на один оборот — Хорхе был дома.

— Привет, — поздоровался я, входя в комнату.

Сикейрос кивнул, задержав на мне взгляд. Как обычно, латин пребывал в окружении своих книг — по-моему, он знал их уже наизусть, вплоть до тиража и типографии. Парень знал абсолютно всё! Сам Хорхе скромно и честно признавался, что так и есть. Он уже подавал документы на сдачу экзаменов в университет. Прошёл, набрав высший балл среди поступающих. Без связей и денег. И, естественно, остался за бортом, поскольку такое понятие, как бюджетная форма обучения, в США отсутствует напрочь. Здесь и не слышали о том, что человек имеет право бесплатно учиться, и даже получать за это ежемесячные выплаты от государства. Стипендии — от каких-либо крупных фирм, вербующих умных сотрудников в свой штат — здесь настолько редки, что являются скорее исключением из правил, чем наоборот. Я в который раз проникся благодарностью к своей стране, осколку некогда грозного государства СССР, в котором, судя по срочно написанным новым учебникам, всем было ужасно плохо. В СССР учились бесплатно. И в этой стране студенты не работали! Они учились. А здесь учатся только за деньги. Впрочем, учатся — слишком громкое слово. Получают образование, корочку, которая даёт им право претендовать на должность. Потому что, судя по их же голливудским фильмам, здесь школьники и студенты делают что угодно, но только не учатся. Дебилизация населения проводится массово, безоговорочно и совершенно открыто. Кроме ужасающей образовательной программы, начиная с детсадовского возраста, отупляющих мультфильмов и активной пропаганды «быть умным — отстой», есть и другие средства. По школам, институтам и колледжам ходят дилеры марихуаны — как бы нелегально, но их все знают. Джулес отвечал за школы своего района, тогда как в колледжах главной была Амели.

Только приехав сюда, в город своей детской мечты, я начал впервые задумываться: а зачем им это нужно? Зачем отуплять собственное население, зачем ослаблять социальную

структуру? И только здесь, постепенно проникаясь их бытом и существованием, втягиваясь, как в болото, в их жизненные истории, в их ломаную логику мышления, я начал прозревать. Ведь все эти процессы, социальные, политические, образовательные и, конечно же, военные, начинали внедряться и у нас. Нас ждёт то же самое! Такое ощущение, что над всеми нами проводится какой-то нечеловеческий, жестокий, безумный и беспощадный эксперимент. И они, американцы, такие же жертвы, как и мы. Просто их проект стартовал раньше. И они превратились в то, во что превратились, уже сегодня.

Нам отведено завтра.

— Ты в порядке?

— Нет.

— Тебе надо выспаться, — согласился Сикейрос, складывая книги в стопку.

Я скинул с себя куртку, стянул форменную рубашку и, усевшись на расстеленный на полу матрас, принялся стягивать с себя носки.

— Маркуса встретил, — смуглый парень перевернулся на живот, наблюдая с дивана, как я с блаженной улыбкой откидываюсь на подушку. — Спрашивал о тебе.

— М-м-м? — уточнил я, натягивая на себя одеяло и переворачиваясь на бок.

— После истории с предыдущим русским туристом все только и ждут, чтобы ты нарвался на кого-нибудь. Вы горячие, постоянно притягиваете к себе неприятности. Всем интересно, когда тебя замочат.

— Я вас всех разочарую, — сонно пообещал я. — Я смирный...

Кажется, на этой философской фразе я и заснул. Мне показалось, что я открыл глаза уже через секунду, потому что обстановка в комнате не изменилась, разве что Хорхе на диване не было, и небо за окном чуть потемнело. Я подумал, что уже вечер, и решил перевернуться на другой бок, но случайно мой взгляд упал на наручные часы, которые я так и не снял. Увиденное настолько медленно просачивалось ко мне в сознание, что большая стрелка успела сдвинуться два раза, прежде чем меня подкинуло. Было шесть часов утра, понедельник!

Я подскочил, выглядывая на кухню. К моему облегчению, Сикейрос был там. Латин смерил растрёпанного, перепуганного соседа долгим взглядом, и налил кипятка в чашку с чаем.

— Думал будить тебя. Ты спал почти сутки.

— Чёрт побери, — тихо выругался я, опускаясь на стул. С силой проведя рукой по лицу, я понял, что сегодня всё-таки придётся побриться. Из всех желаний у меня осталось только одно — животный инстинкт, призывающий упасть и притвориться мёртвым.

— Не ругайся, — Сикейрос выставил передо мной чашку с крепким чаем и пододвинул тарелку с кексами.

Когда латин успел выучить мои привычки, я даже не заметил. Я люблю крепкий чай и печенье. Кроме того, Хорхе прекрасно понимал меня, даже когда я обращался к нему по-русски. Ещё скоро, и я начну подозревать его в телепатии. Впрочем, сегодня я был благодарен ему за эту действительно необходимую заботу. Если бы не Хорхе, я бы, наверное, ходил голодным всё это время, или давился на ходу гамбургерами, подчиняясь стадному инстинкту. Сикейрос часто приносил что-то с работы, и не ленился готовить на двоих. С соседом мне всё-таки повезло.

— А ты? — вяло посопротивлялся я, заглатывая печенье.

Сикейрос не ответил, направляясь в прихожую. Латин по-прежнему не любил

произносить лишнее слово, когда ответ не являлся жизненно необходимым. Я в два глотка допил обжигающий чай, поднимаясь со стула. Даже успел побриться и одеться до того, как Хорхе покинул квартиру, и из дома мы вышли вместе. Латину нужно было ехать на работу через полгорода, и он выходил раньше.

На выходе Хорхе не глядя протянул вниз руку с пакетом, в котором, как я знал, находились две булочки и бутылка с кофе, и его тотчас перехватили пальцы Керни. Бомжа подкармливали только я и Хорхе, здоровались тоже только мы, и он считал своим долгом снабжать нас в ответ бесценными сведениями.

— Там... дьявол, — прошептал Керни, и нас обдало очередной волной смрада немывтого тела и тошнотворного запаха гнилых зубов.

— Спасибо, — поблагодарил я, первым выходя на улицу: дышать в подъезде становилось невозможно. Дьяволом Керни почему-то называл Даниэля.

— Доброе утро, парни! — поздоровался я.

Их было пока только четверо — насколько я знал, они каждое утро собирались у нашего подъезда и вместе шли на работу. Где они работали, я не знал, и не хотел знать. Ребята оказались связаны с Джулесом, и мне этого хватало.

— Олла, — Даниэль скользнул по мне взглядом и посмотрел на стоявшего за моей спиной Хорхе. — На работу?

— Да. Мы опаздываем, так что... — я попытался обойти латина.

— Да ты иди, — Даниэль дёрнул щекой, и кто-то из парней заступил дорогу шагнувшему следом Хорхе. — Нам Сикейрос нужен.

Я бросил быстрый взгляд на соседа, затем на Даниэля.

— Тогда я подожду, — очень спокойно сказал я, делая один шаг назад.

Даниэль нахмурился, посмотрев мне в глаза.

— Иди, русский. У нас разговор, ты можешь опоздать на свою работу.

— Ничего страшного, я подожду.

— Не играй героя, Олег, — впервые за всё время знакомства назвал меня по имени Даниэль. Голос латина был резким, отрывистым. — Ты отличный парень, но с соседом тебе не повезло. Уходи, ты не хочешь этих проблем. Поверь, не хочешь.

Мелькнула мысль о том, что мне это, по сути, действительно не надо. Я мало знал этих людей и впервые задумался о том, что и соседа своего, по сути, тоже не знаю.

Но их было больше.

— Мы вышли вместе и дальше пойдём тоже вместе, — пожал плечами я. — Извини, но я не уйду.

Кто-то из парней выругался, приглушенно, но зло. Я смотрел на Даниэля.

— Он для тебя так важен, Олег? — Даниэль бросил странный взгляд на молчавшего Хорхе. — Ты действительно готов рискнуть?

Я помолчал. Я не знал, что произошло между латинами, не знал и не хотел знать. Но что обычно тихий Сикейрос мог сделать, чтобы вызвать такую жёсткую реакцию у Даниэля?

— Рискую ведь не один я.

Несколько секунд я и Даниэль молча смотрели друг другу в глаза. Спиной я чувствовал напряжение Хорхе. Латиносы, те, кто курил, побросали сигареты, и я знал — одна слабина, малейшее проявление неуверенности, и драка развернётся в один момент. Скорее всего, закончится не в нашу пользу. Чем-то Сикейрос действительно разозлил этих парней, но я не мог — уже не мог — выйти из чужой игры. Он был слабее. Я не мог уйти.

— Хорошо, — медленно и раздельно проговорил Даниэль. — Сандерсон ценит тебя, русский. Я не хочу ссориться с тобой. Пока что.

— Я тоже, Даниэль. До встречи.

Обогнув латина, я не слишком медленно, но и не торопясь направился к выходу из двора, прислушиваясь к шагам Сикейроса за спиной. Никто из компании не произнес больше ни слова, но вздохнуть свободно я смог только когда мы оказались уже на улице, вдали от тяжёлых взглядов латиносов.

Наверное, ещё целый квартал мы шли молча, прежде чем я посмотрел на Хорхе.

— Наркотики, — не дожидаясь вопросов, негромко проронил Сикейрос, глядя себе под ноги. — Нашел у двенадцатилетнего подростка приличную дозу — Даниэль поручил ему быть дилером среди малолеток в своем районе. Выкинул в канализационный люк. Очевидно, парень пожаловался Даниэлю. Мне надо или рассчитаться за товар, или дать себя отделать.

— Или уехать из района.

Сикейрос внимательно посмотрел на меня, и мне стало стыдно.

— Ты действительно думаешь, что меня не найдут? Начну бежать — дам зелёный свет на то, чтобы меня ловили.

— Логично, — вынужденно признал я. — И что будешь делать?

— Прятаться за твоей спиной, русский, — невесело улыбнулся Хорхе.

Наверное, это было первой шуткой, которую я услышал от него. Я улыбнулся в ответ и ободряюще хлопнул его по спине.

— Пожалуйста, — сказал я, хотя «спасибо» так и не предшествовало. — Сколько же ты им должен, защитник детских прав?

— Ты ещё предложи уплатить мой долг, — почему-то разозлился Сикейрос, и это тоже оказалось первый раз за время нашего знакомства. — Это не твоё дело и не твоя жизнь, не лезь в это болото. Улетай поскорее отсюда и забудь, что здесь видел, как страшный сон.

Мне стало обидно. Хорхе другими словами сказал то же самое, что и Джулес в мой первый день. Но ведь я живу здесь, с ними. И я старался влиться в их компанию — как существо социально зависимое, я тоже нуждался в общении. Неужели Хорхе думает, что я боюсь?

— Как знаешь.

Я не стал злиться на него. Гораздо больше я переживал — ведь на работе Хорхе будет один. И возвращаться домой — тоже один. Зная это, чем оправдаю себя потом, если с ним что-то случится?

— Береги себя, — как можно ровнее сказал я, прощаясь с ним у автобуса. Сикейрос не ответил, забираясь внутрь.

Я взглянул на часы, дожидаясь своего автобуса. Опершись спиной о железный столб, я задумался. Работа съедала всё время, силы и мозг. Я уже ни о чем не думал, ничего не желал, и чувствовал себя с каждым днём всё хуже. Наверное, проснулась ностальгия, потому что мне становилось душно в этом городе. Кому я здесь нужен? Дома — родственники, близкие, друзья и знакомые. Здесь я один. Случись завтра со мной что, подловит ли меня местная банда на улице или пырнут ножом в баре — кто вступится? К кому обратиться за помощью? Да никому я здесь не нужен. И я теперь совершенно не понимал тех авантюристов, кто искал счастья на чужой земле.

— Олег.

Я даже вздрогнул, настолько неожиданным был голос, зовущий меня без всякого

акцента на родном языке.

— Маркус... — я протянул руку, осторожно пожимая лопатообразную ладонь кубинца. — Давно не виделись.

Бородач кивнул, глядя сквозь меня. Я снова напрягся — не то чтобы боялся капитана местной баскетбольной команды, просто день не задался с самого утра. Я уже не знал, кому из людей верить.

— Расслабься, — не меняя ни позы, ни интонации, сказал Маркус. — Я не из тех, кто вначале разговаривает, а потом бьёт. Я не говорю с теми, кого собираюсь убить.

Я неуверенно усмехнулся.

— Это радует.

— Плохо выглядишь. — Наконец-то тяжёлый взгляд сконцентрировался на мне, и я как-то инстинктивно застегнул воротник куртки. Среди всех знакомых мне в Чикаго лиц я терялся только рядом с этим кубинцем. — Не удивлён. «Потерянный рай» не то место, которое сделает тебя лучше.

Я пожал плечами и кивнул.

— Хочу уйти оттуда, — неожиданно выдал я.

— Только сделай это поскорее, — без всякой паузы, точно ждал от меня этого, сказал Маркус. — Пока тебя не втянули в ад, у тебя ещё есть шанс.

Что-то в его интонации убедило меня. Сразу, на месте. Кубинец был странным человеком, нелюдимым и опасным, но не причинившим мне пока что никакого зла. И я ему верил.

— Приходи сегодня на баскетбол. Тебе везёт, но у тебя совсем нет опыта. Я научу тебя играть.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я. Маркус, наверное, и не подозревал, как сильно я нуждаюсь в общении хоть с кем-то. — Я постараюсь.

— Тогда до вечера, — кубинец пожал мне руку и медленно отошёл. Почти в тот же момент прибыл мой автобус, и я забрался в него вместе с прочим рабочим людом.

Я люблю компьютеры. Нет, правда, на эту работу я ехал почти как на праздник. А сегодня, окончательно убедив себя в том, что в конце этой недели уволюсь у Сандерсона, я окончательно воспрял духом.

Я вышел на своей остановке и пересел на метро. На душе после разговора с кубинцем было радостно и спокойно: скоро я уволюсь из клуба, и уже через месяц буду собираться домой. С деньгами и с массой новых впечатлений. И дома меня ждёт самый замечательный новый год. И мы с Ладой заглянем, как обещали, к дедушке в деревню, где у нас было такое прекрасное, такое доброе детство...

Я уже вышел со станции метро и шёл по улице, когда чья-то жёсткая ладонь хлопнула меня по плечу:

— Привет, ботаник!

— Привет, Кира, — улыбнулся я.

Начальница носила в короткую курточку цвета хаки и такие же штаны, заправленные в армейские ботинки. Я невольно загляделся на её подтянутую, крепкую фигуру, и смуглое лицо, обрамленное копной чёрных курчавых волос. Она была красивой женщиной, мисс Каррера, даже несмотря на показательно-наплевательское отношение к собственной внешности. Побитая жизнью, уставшая, загнанная, но всё ещё красивая.

— Ты цветёшь и пахнешь, ботаник! Хорошее настроение?

— Можно сказать и так, — не стал скрывать я. — Есть надежда на светлое будущее.

— Надежда... — протянула испанка в третьем поколении, шагая со мной в ногу, как солдат. — Хорошее слово. Знаешь, у меня было много надежд, ботаник. Всю жизнь, считай, только ими и жила.

— Это как?

— Мечтала о богатстве и чуде, — хмыкнула начальница, поправляя сползавший рюкзак. Проходивший мимо панк задел её плечом, и женщина обернулась, зло меряя раздражённого неформала взглядом. — Какого хрена, ублюдок? Что?! Что смотришь, урод?! Пошёл ты! — уже обернувшись ко мне, продолжила, — единственная моя осуществившаяся мечта, русский — это колледж. Я всё-таки закончила его. В прошлом году. Нечем гордиться, мне тридцать три, и я только получила образование. После школы мне пришлось работать долго и тяжело — родители настояли, чтобы я начала самостоятельную жизнь, и выселили из дома. Они правы, самостоятельная жизнь многому учит. Чаще — плохому. Но я выжила, — Кира гордо посмотрела на меня, — мне приходилось работать официанткой, продавцом, уборщицей, даже грузчиком. Я уже не помню, сколько работ сменила. Но я скопила себе на образование.

— Вот видишь, — неуверенно сказал я, — мечты всё-таки исполняются.

— Если за каждую мечту нужно платить такую цену, — хрипло рассмеялась Каррера, — то пошла она к чёрту! Ещё я мечтала о большой любви. Знаешь, к чему я пришла, переспав с шестью мерзавцами, каждого из которых считала прекрасным принцем? Любви нет, русский! Это красивая сказка, придуманная для того, чтобы мы не вымерли.

— Любви нет для тебя, — ответил я. — Потому что ты в неё не веришь. Но любовь чистая... любовь родителей к детям, любовь мужчины и женщины, которые всю жизнь жили друг для друга...

— Меня тошнит от тебя, ботаник, — Каррера презрительно скривилась, и я быстро заткнулся. Ссориться с человеком, который не готов слушать, мне не хотелось. Тем более если этот человек был моим начальником — казаться умнее неё было бы дурным тоном. — Любовь родителей к детям? Хочешь сказать, мать твою, что мои предки меня любили? Тогда почему выгнали на улицу в восемнадцать? И они хотят сейчас возобновить со мной отношения, звонят — а какого хрена, собственно? Что я им должна? Я только выбралась из этого дерьма, и меня совсем не тянет возвращаться в него снова. Дети! Знаешь, русский, в доме, где я снимаю квартиру, нет ни одного ребёнка — потому что там живут одни голубые и лесбиянки. И никто от этого не страдает! Всё нормально, без всякой любви!

— Это ненормально, — я всё-таки не смог сдержаться. — Пройдёт время, и всех этих... из твоего дома... будет ждать одно. Одиночество. Сейчас они живут только животными желаниями, а чем будут жить потом? А когда умрут, кто будет их вспоминать?

— Хрен с ними, — отмахнулась Каррера, — а что насчет твоей теории о родительской любви? Я не знаю ни одной семьи, где были бы нормальные родители, не извращенцы, не педофилы, не алкоголики, не наркоманы, не безработные и желателно разнополые. Для родителей точно так же, как и для детей, важнее их собственные задницы, а не жизни их деток!

Какой ужас, подумалось мне. И ведь, наверное, она права. Она не видела счастья там, где жила. Но ведь это не значит, что его нет! Я слушал всё это, как страшное кино, как что-то, что не имело никакого отношения ни ко мне в частности, ни к жизни в целом.

— Это неправда, — только и сказал я.

Мы подошли к офису, и Каррера раздражённо распахнула дверь.

— Где Тобиас и Стивен? Вконец охренели, работнички! Уже пять минут рабочего дня прошло!

Я молча обошёл стол администратора, направляясь к служебной двери. За ней ждали разобранные компьютерные блоки, которым срочно была нужна моя помощь.

Стиви, худой рыжий студент компьютерного колледжа, подошёл первым, чем вызвал на себя шквал ругани, предназначавшийся для них обоих, затем спокойный, как слон, пришёл Тобиас, смесь белой и азиатской крови. Не прошло, наверное, и часа, как к нам в комнату (мини-офис, как называл это хозяин фирмы, мистер Джонсон) заглянула мисс Каррера.

— Нашла вам помощника, парни, — хмуро заявила администратор. — Завтра приступит к обязанностям, а вы присмотритесь к нему. Если толковый, оставим, нам нужны люди. Олег, — позвала меня Кира. — У нас заказ на дому.

Я растерянно поднял голову, продолжая вкручивать сетевую карту в материнку. На дом ходили только Стив и Тобиас, я же плохо знал расположение улиц, и меня всё время держали в запасе.

— Поднимай свою задницу, русский, — видя, что я не реагирую, повторила Кира. — Это через три квартала, не заблудишься!

Терпеть не могу слово «задница», но у американцев это скорее ласкательное. Отложив отвёртку в сторону, я без всякого желания направился выполнять служебный долг.

До места, сверяясь с распечатанным адресом и указаниями прохожих, я добрался минут за двадцать. По домофону мне ответил приятный женский голос, и дверь гостеприимно распахнулась перед самым носом.

Первое, что мне понравилось — идеально чистый подъезд. Никакой вони, никакого мусора. Никакого Керни. Стены были декорированы искусственными цветами, перила отполированы до блеска, в полу можно увидеть своё отражение. Лифта не оказалось — дом был четырехэтажным. Добравшись до третьего, я увидел открытую дверь и понял, что меня уже ждут.

— Добрый день! — на всякий случай поздоровался я, останавливаясь на пороге. Ухоженная квартирка, широкие коридоры, современный интерьер. Тепло и пахнет домашнему. — Хозяева дома?

— Хозяева дома, — раздался мягкий женский голос, и из комнаты вышла невысокая темноволосая женщина. — Проходите.

Я молча уставился на неё, как болван, глядя в умные карие глаза, живые и блестящие, которые освещали её лицо каким-то внутренним светом. Она носила длинное домашнее платье по типу индийского сари, и тёплую накидку на плечах. Это была самая красивая женщина, какую мне довелось увидеть здесь, в Чикаго.

— Да, — смято проговорил я, поспешно стаскивая с себя обувь. — Конечно. Где тот монстр, который нуждается в докторе? — как можно веселее спросил я, выпрямляясь.

— В комнате. — Женщина мягко улыбнулась, кивая мне на противоположную дверь. — Дочка сильно расстроилась, когда он сломался. Видите ли, это её единственный выход во внешний мир.

— Сейчас починим, — я бодро прошёл в комнату, остановившись сразу за порогом. В кресле-каталке сидела девочка лет двенадцати, которая смерила меня настороженным взглядом. С такими же умными глазами, как у мамы, с её острым взглядом. И худенькими, бледными ножками, которые были прикрыты тёплым пушистым пледом.

— Эти, можешь побыть в столовой, — негромко сказала женщина за моей спиной.

Она не сказала «можешь пойти в столовую». Я поймал на себе взгляд девочки, такой невозможно напряжённый, такой неожиданно взрослый, и не выдержал.

— Я Олег, — улыбнулся я ей, — не сможешь повторить, не беда, я привык. Ну, расскажешь мне, что болит у твоего зверя? — и я погладил системный блок, стоящий прямо на столе.

Эти метнула быстрый взгляд в сторону матери и неуверенно улыбнулась мне в ответ, приподняв лишь правый уголок губ.

— Не включается, — ответила она. Голос был нежным, как у матери, и таким трогательным, что у меня перехватило горло. — Ещё со вчера.

— Он устал от тебя, — тихо рассмеялась женщина, наблюдая, как я склоняюсь над системным блоком. Компьютер действительно никак не реагировал на попытки включить его, и если с проводами всё нормально, то здесь вариантов несколько: либо материнская плата, либо жёсткий диск, либо блок питания. — Ты проводишь за ним всё время, забывая про гимнастику и уроки.

— Но я учусь, — тихо возразила девочка. — Я уже почти создала свой сайт, осталось только разместить его на каком-то домене. Я стану программистом и смогу зарабатывать деньги.

Я закусил губу, доставая из рюкзака запасной блок питания. На домашние вызовы, как объяснил мне Стив, следовало ходить во всеоружии. А потом продавать это всеоружие по завышенным ценам людям, которые ничего не понимают в комплектующих.

— Учи php, — посоветовал я, отсоединяя блок от проводов. — Их разработчикам неплохо платят, а логика языка простая.

— Я так и думала, — серьезно ответила девочка. — Кстати, меня зовут Эстер.

— Красивое имя, — искренне восхитился я. — А как зовут маму?

— Рита, — без всякой задней мысли выдал ребёнок, и я поймал на себе внимательный взгляд её матери. — Вы не представились, — пояснил я, и она улыбнулась.

— Рита Харт. Просто Рита, — она присела на стул рядом с креслом дочери. — Что-то серьезное?

— В компьютерах нет ничего серьёзного, — я подмигнул девочке, и Эстер улыбнулась в ответ. — Это не люди. Их очень сложно сломать так, чтобы потом было невозможно починить.

Это оказался всё-таки блок питания. У меня не нашлось с собой подходящего, пришлось сбегать в офис и вернуться. Всё то время, пока я менял мёртвый блок на рабочий, девочка следила за мной почти не отрываясь. Под её пристальным, внимательным, живым взглядом я немного терялся. Боже мой, сколько же в её глазах было надежды, когда она смотрела на меня. Я никогда не считал себя сентиментальным, но в этот момент мне так хотелось сделать для ребёнка что-нибудь доброе. Что-то, что она смогла бы запомнить, эта девочка с красивым именем Эстер, и чтобы в её глазах никогда не гасла эта надежда, такая удивительно сильная, какую я никогда раньше не встречал. Наверное, во мне она увидела друга, того, кто смог бы отвлечь её от чувства одиночества, которым она была окружена с рождения.

И я старался. Я расспрашивал её о любимых компьютерных играх, книгах, занятиях, о виртуальных друзьях и вещах, которые ей хотелось бы иметь. Я легко нахожу общий язык с детьми. Я говорил с ней как с равной, как со взрослым человеком, и, наверное, ей очень не хватало общения. Я видел, каким светом разгорались её глаза, когда она слушала меня, я

видел, как охотно она делится со мной всем, что знает — потому что чувствовала искренний интерес к себе.

А мне и не приходилось притворяться. Девочка была умной. Она много знала для своего возраста и страны, в которой жила. Я говорил с ней о фильмах, актерах и политике, интересовался музыкой, которую она любила, и поражался. Эстер оказалась вторым, после Хорхе, действительно приятным человеком, с которым мне довелось здесь общаться. И её болезнь, не позволявшая слабеньким, сухим ножкам ходить по земле, казалась обидной и несправедливой. Хотя... будь Эти здоровой и такой же красивой — стала бы она интересоваться самообразованием? Стала бы таким же интересным человеком или, с её внешними данными, превратилась бы в гламурную и пустую личность? Я не знаю.

Несколько раз к нам в комнату заглядывала её мать. Когда я уже почти закончил, Рита вошла с маленьким подносом, на котором стоял графин с соком, два стакана и печенье. Для американцев это было слишком непохоже — угощать незнакомого человека, и я невольно заинтересовался корнями этой странной семьи.

— Моя дочь вас, наверное, утомила, — мягко улыбнулась женщина, и я с большим трудом отвел от неё взгляд. — Это вам.

Я нажал на кнопку, и компьютер ровно загудел, запуская «Виндовс». Эти захлопала в ладоши.

— Работает! Работает!

Я улыбнулся.

— Ну ещё бы! Такое стоит отметить, как ты считаешь? Мисс Харт, вы с нами?

Рита улыбнулась и принесла ещё один стакан. Я заметил, что она не исправила меня. Она была всё-таки не замужем.

— Вы программист, как и ваша дочь? — улыбнулся я ей, подавая стакан с соком Эти.

— Нет, — Рита опустилась на диван рядом с креслом-каталкой дочери. — Я держу бутик одежды на соседней улице. Нам хватает, чтобы жить, но конкуренция слишком высока, а я не настолько хороший маркетолог, как другие. Скоро мой маленький бизнес забьют соседние гипермаркеты. Но мы что-нибудь придумаем, — Рита улыбнулась Эти, и та серьёзно кивнула в ответ.

Я пробыл у них не более пяти минут. Немного повозился, выписывая счёт для фирмы, но затем быстро ретировался в коридор. Я застёгивал куртку, когда из дверей комнаты выехала Эстер.

— Ты придёшь ещё? — прямо спросила она, и я растерялся.

— Если твоя мама разрешит, — наконец решился я. И улыбнулся.

Рита Харт шагнула вслед за мной.

— Спасибо, — сказала она, глядя мне в глаза. — До встречи, Олег.

Остаток дня прошёл как обычно. Домой я добрался, когда уже стемнело, и вид чёрного окна нашей с Хорхе квартиры оповестил меня о том, что латин ещё не вернулся. Не поднимаясь, я обогнул блок, направляясь к каменному колодцу, где обычно собирались любители баскетбола.

Там не было никого из команды Джулеса, даже Даниэля, который, казалось, жил на улицах этого района. На площадке играли только кубинцы, и среди них я узнал Маркуса.

Спрыгнув вниз, я некоторое время наблюдал за бородатым капитаном команды, не приближаясь. Марк сам заметил меня и, бросив что-то своим, медленно направился ко мне.

— Хорошо, что пришёл, — глухо произнес кубинец, протягивая мне руку. — Хочешь

поиграть?

— Я плохой игрок, Маркус, — пожал плечами я. — Мне неудобно на поле.

— Ты играл с Джулесом.

— Я не мог отказаться в той ситуации.

— В этом разница между ним и мной. Я не подвожу человека к тому, что ему выбирать.

Я не заставляю делать выбор.

Я осмотрелся. Кубинцы заняли одну половину площадки, кто-то тренировался с мячом, кто-то разговаривал, усевшись прямо на бетонный пол.

— Ты обещал научить меня играть.

— Пошли, — без всякой улыбки сказал Маркус.

Мы потренировались час или два, прежде чем я почувствовал, что окончательно выдохся. К тому времени большая часть баскетболистов разошлась, Маркус тоже собирался идти домой.

— Олег, — позвал меня он, когда мы были уже у моего дома. В окне горел свет, и я несколько расслабился: по крайней мере, сегодня Хорхе удачно добрался домой.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Если будет плохо, ищи меня.

— Спасибо, Марк, — ответил я уже ему в спину, поскольку кубинцу был безразличен мой ответ: свою часть информации он до меня донес. Развернувшись, я вошёл в дом

Глава 5

Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: «легион; ибо нас много». (Луки 8:30).

Сикейрос сидел за столом и курил. Вначале я настолько не поверил своим глазам, что просто развернулся и вышел из кухни, направившись в ванную. Я умылся, с силой протёр лицо полотенцем, и уже абсолютно проснувшийся снова шагнул в кухню. Сикейрос сидел за столом и курил.

Я осторожно опустился на свободный стул и пристально посмотрел на латина. С того дня, как случился инцидент с Даниэлем, прошло около недели. Хорхе не поднимал эту тему, я тоже молчал.

В неподвижной позе латина, в его мрачных карих глазах, в чуть опустившихся уголках губ присутствовала такая безысходная тяжесть, такая чёрная апатия, что я даже слегка испугался.

— Что случилось, Хорхе? — спросил я. — Это Даниэль?

Латин ответил не прежде, чем докурил длинную тонкую сигарету, и только основательно раздавив то, что осталось, в тарелке, посмотрел на меня.

— Это деньги, — сказал Сикейрос.

Мне потребовалось около часа, чтобы вытянуть из Хорхе подробности. Это был всё-таки Даниэль, в моём понимании. Дьявол, как назвал его Керни, прижал Сикейроса в глухом переулке и поставил его перед уже известным фактом. Вариантов выбора у Хорхе оказалось сразу четыре: уплатить деньги за испорченный товар, вернуть его, отработать стоимость или отдать себя на произвол компании Даниэля, правой руки Джулеса в латинском районе. Сикейрос, под давлением обстоятельств, выбрал первое.

Я не знал, что у Хорхе имелись деньги, и ещё час ушёл на то, чтобы выяснить, откуда они у него водились. Всё оказалось просто, но теперь я понимал Хорхе. Латин копил деньги на медицинский колледж. Много лет. Долгими вечерами пролистывая медицинскую литературу, Хорхе думал только о своей мечте. Которая теперь уже никогда не исполнится.

По мере того, как латин говорил, сдерживая себя, но в то же время открываясь всё больше, нервно, зло, отчаянно, я сидел рядом как идиот, и не мог ничего сказать в ответ.

— Шесть лет, — Хорхе резко дёрнул край новой пачки, и таким же порывистым, плохо контролируемым движением сунул сигарету в рот, — я копил на этот проклятый колледж только затем, чтобы один раз совершить большую глупость и лишиться всего, ради чего я жил в этом дерьме... Шесть лет!.. Из-за жалости к малолеткам, которые уже завтра станут такими же ублюдками, как...

Я никогда не видел, чтобы Сикейрос выходил из себя. Латин стал неузнаваем: отчаянный блеск в мрачных глазах, горячность резких движений, сдавленные ругательства сквозь зубы, злость и ненависть к обществу, которое раз за разом швыряло его обратно на дно.

Я не знал, что сказать. Мы оба понимали, что накопить снова такую же сумму у Хорхе не получится. А если и получится... поступать в колледж, когда тебе уже за сорок...

Я осторожно сжал дрожащий кулак Сикейроса. Латин дёрнулся, но не освободился. Он не нуждался в утешении; сказать по правде, говорить тоже было не о чем.

— Что ты собираешься теперь делать? — спросил я.

— Я не знаю, — ответил он, и я понял, что для него это действительно конец.

А потом я ушёл на работу с одной мыслью: сегодня я уволюсь. Была суббота, и я собирался получить расчёт. История Хорхе сильно задела меня. Всё казалось мне серым, пустым и давящим: улицы, машины, здания, люди. Как никогда остро я ощущал себя здесь чужим. Как никогда раньше я не хотел идти в «Потерянный рай» даже за проклятыми деньгами. Но я знал, что если не явлюсь вообще, будет только хуже.

Ещё на подходе к клубу я услышал крики, и ускорил шаг.

— Оулэг, — позвал меня стоявший у дверей знакомый охранник, отчаянно указывая за поворот. — Иди туда! Там все наши, целое месиво! Я на стрёме, мать их, ведь ещё только вечер! Что мы будем делать с этими ублюдками? Только вечер! Иди туда!

Я пошёл. Зрелище за поворотом открылось ужасающее. Наверное, есть на свете люди со стальными нервами; я к ним не отношусь. Я не поклонник фильмов ужасов, и смерть человека для меня трагедия, а не статистика. Я не терплю насилия, и мне страшно, когда я вижу смерть.

В узком проулке развернулась кровавая бойня, по-другому это было не назвать. Двое парней в форме клуба ещё месили крупного чернокожего парня, методично превращая его лицо в бесформенный кусок мяса. На асфальте лежали трое. Парень с рыжим ирокезом, прислонившись к стене, выглядел самым чистым среди остальных. Даже почти живым, не считая тонкой струйки крови, стекающей из чёрной дырки во лбу. Второй лежал лицом вниз, и под ним растекалась огромная тёмная лужа.

Третий оказался нашим. Он лежал на спине, прижимая окровавленную ладонь к правому плечу. Наверное, только секунду спустя я понял, что он тискал в ладони рукоять ножа, который тщетно пытался выдернуть из собственного тела. И только когда он обернулся ко мне, я узнал по перекошенному от боли лицу, что это был Дэвид.

Наверное, только этот факт стал причиной, по которой я остался, а не сбежал. Меня слегка трясло, когда я опустился рядом с начальником охраны, отводя его пальцы в сторону от рукояти ножа.

— Олег, — хрипло выдавил Дэвид. — Проследи, чтобы никто... ведь мы в паре десятков футов от главной улицы... копы...

— Господи, Дэвид... что тут случилось?

Начальник не ответил, но я не сразу сообразил, что говорю на русском. Приложив левую ладонь к ране так, чтобы нож оказался между большим и указательным пальцем, я посмотрел на Дэвида. Тот понял и закусил губу, закрывая глаза. Я планировал вытащить нож рывком, но у меня не получилось. Вам когда-нибудь приходилось по миллиметру вытаскивать нож из человека? Дэвид пытался не кричать, вздрагивая у меня под ладонью, и из-под плотно сжатых губ вырывалось одно только звериное, утробное рычание. Силы быстро оставили его. Я придерживал начальника локтем, чтобы он не дёргался от жестоких судорог, пронзавших его тело с каждой моей попыткой вытащить проклятый нож, и я молился, чтобы он не умер на моих руках.

У меня получилось. Я вынул ржавый нож и отбросил его в сторону, зажимая рану своим платком. Левую ладонь Дэвида, сжатую в кулак, я положил поверх платка, крепко прижимая к телу.

— Держись, — сказал я, глядя на бледное лицо начальника охраны. Тот не открыл глаза, и только по подрагивавшим векам я знал, что он ещё жив.

Когда я поднялся, ко мне уже подбежали два наших парня, безумными глазами глядя то на меня, то на Дэвида. Я понял, что нужно брать ситуацию в свои окровавленные руки.

— Чёрный вход в клуб свободен? Людей нет? — спросил я, не узнавая собственного голоса.

Оба почти синхронно кивнули.

— Гарри, помоги мне перенести Дэвида внутрь, — распорядился я, по-прежнему не узнавая себя. — Лэнс, остаёшься здесь. Не высовывайся, следи, чтобы никто не зашёл с другого конца переулка. Со стороны входа стоит Уилл.

Мысли крутились в голове с бешеной скоростью, и если бы я мог себе это позволить, я бы наверняка грохнулся прямо рядом с трупами. В то же время голос оставался ровным, отрезвляющим, отрешённым и чужим. Наверное, поэтому меня послушали. Мгновенно. Оба сорвались с места. Лэнс — к противоположному концу переулка, Гарри — к Дэвиду, приподнимая его за ноги. Я со своей стороны осторожно подхватил начальника охраны за плечи, и мы почти бегом добрались до чёрного входа, где нас уже ждал Джулес.

— Сюда, — скомандовал мулат, открывая в крошечной темноте коридора боковую дверцу. — Быстрее, мать вашу.

В комнате оказалась широкая кровать, наверняка служащая для увеселения посетителей клуба, туда мы и положили бледного, как смерть, Дэвида.

— Ему нужна помощь, — коротко сказал я, постепенно приходя в себя. — Он потерял много крови.

— Не твоя забота, — зло посмотрел на меня мулат. — Я уже позвонил, кому надо. Скоро подъедет машина, вы им поможете.

— Машина? — не понял я. Меня снова начало трясти.

— Машина, мать твою! Или ты собрался тащить этих уродов на своем горбу?

Я медленно сел на кровать рядом с Дэвидом, машинально придерживав сползшую с открытой раны ладонь начальника.

— Чего расселся, русский? — не понял мулат. — Машина едет, говорю! Кто, мать твою, будет перетаскивать трупы в кузов? Я не могу отправить всех ребят, кому-то нужно оставаться в клубе!

Я бы в тот момент не сдержался и ударил-таки проклятого мулата, но Джулес это понял, потому что инстинктивно отступил назад, а Гарри сделал шаг вперёд, готовый защищать наркодилера Сандерсона. Но в этот момент дверь распахнулась и на пороге появилась Амели. За её спиной стояла Джил.

— Вот дерьмо, — окинув быстрым взглядом комнату, Дэвида, меня, Джулеса и Гарри, проронила девушка. Откинув прядь голубых волос с глаз, Амели быстро шагнула к кровати, присаживаясь с другой стороны. — Олег, — не глядя на меня, проронила она. — Иди с Гарри. И ты, мулат грёбаный, вали отсюда. Пока сюда доберётся наш добрый доктор, Дэвидохнет, если ничего не сделать. А потому валите все, и не мешайте.

Я зашевелился первым, поднимаясь с кровати. Прошёл мимо Гарри, Джулеса и застывшей столбом Джил, с тупым выражением разглядывавшей бесчувственного Дэвида, и вышел в коридор. Я знал, что сейчас выйду из этого клуба и никогда не вернусь. Наверное, Джулес это почувствовал, потому что как только я взялся за ручку двери, то ощутил за спиной движение и прикосновение тупого холодного предмета к затылку.

— Босс сказал, тебя будет жалко терять или пускать в расход, — услышал я горячий шёпот мулата. — Но не сказал, что запрещает это делать. Ты куда собрался, мать твою,

русский? Ты кем себя возомнил, дерьмо? Что ты грёбанный турист, которому ничто не угрожает? Прилетел, набрался ярких впечатлений, улетел? Беленький мальчик не думал, что может вляпаться в грязную историю? Вот что, русский... Ты, ублюдок, сейчас пойдешь вместе со всеми, и будешь работать, как все. Ведь это твоя смена, — Джулес медленно отвел дуло от моего затылка, и я испытал ни с чем несравнимое желание развернуться и задушить урода — даже если это было бы последним, что я сделал в жизни. — Гарри, иди с ним.

Я обернулся и увидел, что Гарри держит меня под прицелом. Я глянул на мулата, развернулся, толкнул дверь и вышел на улицу.

Уже почти стемнело, и шумные голоса с пьяными воплями со стороны главного входа клуба говорили о том, что очередное веселье начинается. Наши охранники наверняка не пускали сюда желающих покурить на свежем воздухе, а со стороны улицы, едва помещаясь в узком проулке, задом к нам уже подъезжала машина. Была ли это злая ирония, или тонкий юмор Сандерсона — это оказался закрытый автобус ритуальных услуг.

Работали я и Лэнс. Водитель не покидал своего места, Гарри держал меня под прицелом. Меня трясло от ярости, отвращения и ужаса, но я продолжал... работать. Мы перенесли внутрь вначале парня с ирокезом, затем того, кто лежал лицом вниз — мы так и несли его, не переворачивая — и положили его поверх первого. Последним тащили чернокожего парня с разбитым лицом. Из-под распухших, безобразных, неестественно огромных губ ещё текла кровь, заплывшие глаза превратились в едва заметные щёлочки. Наверное, парень скончался от кровоизлияния в мозг — я судил по крови из ушей и носа.

Потом мы забрались внутрь: я, Лэнс и Гарри. Последний продолжал держать меня на прицеле, и я решил проверить, насколько тот бдителен. Я всего лишь подвинулся к двери, но кисть Гарри, сжимавшая пистолет, тотчас напряглась. Я вдруг посмотрел ему в глаза и всё понял. Ему уже приходилось убивать. Трупом больше или меньше, для такого, как он, не имело значения.

— Оулиг, — позвал меня Лэнс, доставая какие-то мешки из-под сидения. — Помоги.

Мы одели плотные мусорные мешки на каждого из трёх мертвецов. Несколько раз к горлу подкатывала тошнота, но спасало то, что я ничего не ел с утра. Потом мы ехали, молча, долго, и я старался не смотреть ни на три мешка под ногами, ни на своих бывших напарников, ни на сложенные на коленях окровавленные руки. Только сейчас мне пришла в голову мысль о том, что под сиденьем есть ещё мешки. И есть я, который, как выяснилось, не очень нравился боссу Сандерсону.

Всё произошло так быстро. Очень быстро. Я вдруг понял, что Джулес был прав. Я действительно не верил, что могу вляпаться в грязную историю. Вся моя жизнь дома текла размеренно, безопасно и спокойно. Дьявол, да ведь это не просто грязная история, это кровавый ад! И я стал его частью.

Мы приехали на городскую свалку. Водитель подъехал так близко, как только мог, к кучам мусора, и вышел вместе с тем, кто находился с ним в кабине. У того оказалась странная цветная татуировка на бритом черепе, частично покрывающая лицо — я так и не сумел рассмотреть, что изображал рисунок. Это был высокий подтянутый мужчина, мускулистый, с острыми чертами лица и сильно выдающейся нижней челюстью. Ещё я отметил его взгляд — безразличный, пустой, но с приглушенной дикой искрой, сидящей глубоко в зрачках. Он напоминал маньяка из фильма ужасов.

Было темно и душно от дикой вони, мы работали быстро и молча. Мы выбросили два мешка и взялись за третий, когда из него раздался какой-то звук. По-прежнему державший

меня на прицеле Гарри напрягся, бросив быстрый взгляд на татуированного.

— Открой, — велел Лэнсу Гарри, и я шагнул в сторону.

Это оказался мешок с чернокожим парнем.

И он, вопреки всем биологическим законам, был ещё жив.

— Что будем делать, шеф? — обернулся Лэнс к напарнику водителя, и тот дёрнул щекой, доставая пистолет из кармана.

— Пусть он добьёт, — глухо проронил мужчина, и я сначала не понял, о ком речь. Когда Гарри протянул мне оружие рукоятью вперед, я застыл, не зная, что сказать. Всё, что происходило, затягивало меня всё в большее болото, и я боялся сделать шаг вперёд или назад, чтобы не утонуть окончательно. Говоря проще, я испугался.

— Убери эту дрянь, — сквозь зубы процедил я, глядя прямо в глаза бритоголовому. — Я не собираюсь делать за вас грязную работу.

Краем глаза я видел, какими широко открытыми глазами смотрит на меня Лэнс, как дрогнула рука Гарри, протягивавшая мне пистолет. Я понял, что свои барахтаньем усугубил своё положение до предела, но жалкая помесь страха стать убийцей, страха умереть и страха показать свой страх брала своё.

Несколько секунд молчания показались гробовыми.

— Сандерсон сказал, ты хорошо дерёшься, — почти равнодушно заметил мужчина. — Сказал, жаль, что ты не наш.

— Он русский, — вставил Лэнс, не глядя на «шефа».

— Я хочу порадовать босса, — не обращая на него внимания, продолжил бритоголовый. — Ты станешь одним из нас.

Я бросил взгляд на слабо зашевелившегося под моими ногами негра. Он уже почти не походил на человека, так хорошо поработали над ним Гарри и Лэнс. Я был уверен, что он умрет и без контрольного выстрела. Наверняка это знал и бритоголовый. Но этот ублюдок очень хорошо уловил во мне мой страх. И между двумя его составляющими — убить или быть убитым — в этой ситуации, среди этих людей, на этой свалке я точно знал, каким будет мой выбор. Я не хотел становиться убийцей.

— Стой смирно, — попросил я мужчину на русском и сразу же, без перехода, врезал ему.

Тот пошатнулся и мы, сцепившись, покатались по усеянной мусором земле. Раздался глухой хлопок, и бритоголовый зло выматерился прямо мне в ухо.

— Не стреляйте!

Я воспользовался возможностью и спихнул его с себя, двинув коленом в пах.

Перекатившись, я поднялся, тотчас угодив в руки водителя и Гарри. Дёрнувшись пару раз, я понял, что держали крепко. «Будут бить, — мелькнула мысль. — Больно».

Я оказался прав. Били больно, но недолго. Я получил всего несколько ударов коленом в живот, и раз пять по лицу. Могло быть хуже. Потом меня отпустили, и я, не успев подготовиться к неожиданной свободе, рухнул на землю лицом вниз. В щеку больно вонзился осколок какой-то банки, и я приподнялся, мотая головой.

— Крепкий сукин сын, — чья-то рука ухватила меня за волосы, заставляя поднять голову, и я увидел перед собой лицо «шефа». — Боли ты не боишься. Но есть ещё кое-что.

Он сел сверху, придавив меня к земле коленом, оторвал мою правую руку от земли и вложил в неё какой-то предмет, накрывая своей ладонью сверху. Я с трудом сфокусировал зрение на собственном кулаке и тут же дёрнулся, попытавшись вырваться.

— Вот так, — негромко проговорил он, медленно разворачивая дуло пистолета в моей руке в направлении чернокожего парня. Шевелился тот или уже нет, я не видел, но чувствовал, что он ещё жив. — И медленно спускаешь курок...

Я зарычал, дёргая кистью. Дуло заходило в стороны, и бритоголовый крепче сжал руку, положив свой указательный палец поверх моего. Я ощутил, как вся кисть отнимается под его давлением. Я не мог шевельнуть ею, и не мог снять палец с курка — он прижимал его своим.

— А теперь слушай, — раздался голос, и сразу за ним грянул выстрел.

...Долгие годы я молился о том, чтобы мой палец соскользнул с курка до того, как эта дрянь у меня в руке выплюнула пулю. Я очень старался забыть этот день. Может, поэтому мне начало казаться, что указательный палец чем-то зажало на момент выстрела, и я стал тешить себя надеждой, что его защемило в пространстве между курком и рукоятью. Но я не могу сказать наверняка, и никогда не смогу описать тот ужас, который испытал, глядя на простреленное — мной или не мной — лицо человека, лежащего всего в двух шагах от нас.

— Вот так, — прозвенел в ушах голос. — Теперь всё в порядке. Теперь всё хорошо...

Он отпустил меня, поднимаясь на ноги, и вынул пистолет из моей сведённой судорогой кисти. Гарри и Лэнс закидали мусором три мешка с останками убитых, пока я приходил в себя. «Шеф» с водителем наблюдали, причем первый постоянно вытирал текущую из носа кровь — я нехило врезал ублюдку. Потом меня подняли с земли пинком под рёбра, и мы вошли в салон — вначале я, потом Гарри, и последним — Лэнс. Водитель закрыл за нами двери, и я больше не видел ни его, ни «шефа». Наверное, это было к лучшему, потому что в том состоянии я мог порвать ему горло голыми руками — тот, кто хоть раз находился в состоянии аффекта, поймёт меня.

Но я его не видел — и постепенно красная пелена спала с глаз. Я снова ощущал боль, дрожь и тошноту, но уже не был способен на сознательное убийство.

Мне показалось, что назад мы доехали за несколько секунд. Автобус подъехал в тот же проулок, задом к чёрному входу, и мы вышли из салона. Лэнс, затем Гарри и я.

Первым, что я заметил — на асфальте не осталось ни следа крови. Всё было вымыто, вся грязь убрана в мусорные баки. Переулок выглядел даже чище, чем обычно. На секунду во мне вспыхнула безумная надежда на то, что всё произошедшее было плодом моего больного воображения, дурным сном.

Но Гарри по-прежнему держал меня под прицелом, и я зашёл через чёрный вход в клуб «Потерянный рай» вслед за Лэнсом. Во мне не осталось ни сил, ни желания что-либо делать. Я не мог даже уйти — даже если бы они отпустили меня, я бы не знал, куда идти. Совсем как Хорхе несколько часов назад.

— Э-эй, парни, — едва мы вошли через боковую дверь в зал, радостно поприветствовал нас Джулес, сверкая белозубой улыбкой. — Куда ломитесь, уроды? Вы свои рожи в зеркале-то видели? Приведите себя в порядок, секьюрити!

Я скользнул отсутствующим взглядом по своим сопровождающим и даже сейчас смог признать, что мулат прав. В порванных пиджаках, в крови, Гарри и Лэнс выглядели устрашающе. На что был похож я, мне не хотелось даже знать.

— Ты как? — дружелюбно обратился ко мне Джулес, и я поднял на него глаза. Мулат мог вести себя как ни в чем не бывало, но не я. Я не сошел с ума, я участвовал в безумии. И всё ещё находился — там. Голос Джулеса, голос из привычного мира, врывался в мою реальность как нечто чуждое и странное. — Всё в порядке? — не глядя на меня и продолжая ослепительно улыбаться, спросил мулат. — Приведи себя в порядок, русский, и возвращайся

в зал. Тео нальет тебе чего-нибудь выпить. И не задерживайся, а то некоторые цыпочки уже с ума сходят, ищут тебя.

Я молча развернулся и пошёл по коридору в служебный туалет. Ни Гарри с пистолетом, ни Лэнса за своей спиной я не обнаружил, и мне было плевать, куда исчезли мои бывшие напарники. Не доходя до туалета, я остановился перед дверью в комнаты, куда мы занесли Дэвида. Не думая, я толкнул дверь. Секунду я смотрел на незнакомую совокупляющуюся пару там, где тремя часами раньше лежал истекающий кровью начальник охраны, а потом закрыл дверь. Те, кто находились внутри, меня даже не заметили.

Пошатываясь, я дошёл до туалета и остановился, осознав, что дверь заперта. Это означало, что там занято; наверняка Гарри с Лэнсом выяснили это раньше меня и пошли в общий туалет на другом конце зала. Я простоял перед дверью минуты три, затем она открылась, и раздался негромкий вскрик.

— Какого чёрта, Олег? — нервно спросила Амели, щурясь, чтобы разглядеть меня в сумерках служебного коридора. — Ты напугал меня до смерти.

Я молча обошел её, и Амели проводила меня странным взглядом. Когда я оказался внутри, на свету, она наконец смогла разглядеть меня, и последовал ещё один глухой вскрик, и вслед за ним — целый монолог самых грязных ругательств, каких я не слышал даже от перебравших посетителей. Я не слушал, включив воду и подставив под неё свои покрытые коричневой коркой руки.

— Они всё-таки сделали это с тобой, — разобрал я.

Она смотрела на меня ещё несколько секунд, затем вышла из туалета, хлопнув дверью. Я поднял глаза на зеркало, рассматривая лиловые опухоли на лице, там, куда бил «шеф». На щеках и лбу было несколько порезов от падения на битое стекло и ржавое железо, один всё ещё сочился кровью. Футболка и куртка были измараны в крови, грязи и мусоре, резинка, сдерживающая хвост, порвалась, и волосы растрепались, особенно в области затылка. Я набрал воды в ладони и несколько раз умылся, расплескивая воду на кафель. Руки дрожали. Я смотрел, как вода бежит сквозь пальцы, и не знал, что должен делать. Было стыдно, страшно, жутко, хотелось спрятаться, убежать, и больше никогда не возвращаться.

Может, более хладнокровный человек на моем месте знал, что делать; я — нет. Если вы — нормальный честный человек, вы меня поймете. Я не супергерой и не какой-нибудь Джеймс Бонд, и такие ситуации для меня не являются обыденными. Я считал себя одним из тех людей, кто видит такое только в кино, и не сильно страдал по этому поводу.

— Вот, — дверь распахнулась, впустив Амели с одеждой в руках. Девушка тряхнула голубыми волосами и окинула меня раздражённым взглядом. — Ну что застыл? Раздевайся!

Не закрывая кран, я послушался, стянув с себя куртку и футболку. Пока я натягивал на себя новую футболку с надписью «секьюрити» на спине, Амели протирала принесенным полотенцем мою куртку.

— Я повешу её в нашей с Джил раздевалке, — сказала мне она, встряхивая мокрую кожанку и забирая у меня грязную одежду. — Жди здесь.

Пока её не было, я немного привёл себя в порядок, оттерев лицо и руки от крови. Потом я намочил полотенце и приложил его к лицу. От ударов «шефа» вся кожа горела, как от ожогов, кровь стучала в висках: бритоголовый бил профессионально.

Когда Амели вернулась во второй раз, я уже почти успокоился. Почти — потому что руки ещё дрожали, но я уже мог говорить.

— Где Дэвид? — спросил я.

— Сядь, — опустив крышку на унитазе, велела она. Я молча выполнил приказ. Амели положила на бачок принесенную с собой аптечку и оседлала мои колени, усевшись на меня лицом к лицу. — Дэвид в порядке, — смочив вату спиртом, сообщила она. — Его отнесли домой, он живёт тут недалеко. Джил с ним, но всё, что ему нужно — отоспаться. Дэвид крепкий парень, оклемается. — Амели водила заспиртованной ватой по порезам на моем лице, и я вздрагивал каждый раз, когда она прикасалась к открытым ранам. — Тебе тоже не мешает отдохнуть. Ты, наверное, ещё в шоке? — невесело улыбнулась она. — Пройдёт. Просто за твое дежурство это в первый раз. Неужели ты не замечал, какой у нас клуб? Здесь умирают от передоза, поножовщины, в перестрелках. Ты привыкнешь, Олег.

— Нет! — я попытался спихнуть её с себя, но девушка оплела руками мою шею, и я сдался. — Нет. С меня довольно, Амели. Я ухожу.

Некоторое время девушка смотрела мне в глаза, потом порылась в аптечке, доставая очередной флакон и смачивая его содержимым ватный тампон. От быстрых, легких движений я даже прикрыл глаза, наслаждаясь прохладными прикосновениями к коже. Потом, также без моего участия, она заплела мой хвост, используя для этого свою белую резинку. А затем осторожно повернула мою голову к себе.

— Ты серьёзно думаешь, что тебе дадут это сделать? — тихо спросила она. — Сегодня тебя сделали частью команды. Не смей сейчас бежать. Тебя найдут и убьют.

Я покачал головой: смерти я не боялся.

— Не беги, — попросила она. — Подожди несколько дней. Я скажу, когда будет время. Я знаю, что ты не останешься, ты никогда не будешь одним из нас. Но если хочешь выжить, слушай меня.

— Почему? — спросил я. — Почему ты помогаешь мне?

— Потому что ты первый мужчина, рядом с которым я чувствую себя в безопасности, — серьёзно ответила Амели. — Потому что ты первый, который отнёсся ко мне с уважением. Потому что ты первый, кому я доверяю по-настоящему. Потому что ты славный мальчик, и я хочу, чтобы ты вернулся в свой дом, о котором столько мне рассказывал. Потому что, тупой сукин сын, я тебя люблю.

А потом она поцеловала меня в губы, легко, быстро, и жарко, вкладывая в поцелуй всё то, что осталось от нежных чувств у проститутки, и отстранилась, поднимаясь на ноги.

— Иди в зал, — скомандовала она, отворачиваясь от меня. — Джулес уже нервничает. Веди себя спокойно, выпей то, что нальет тебе Тео, и оставайся на работе. Зайди в нашу с Джил раздевалку через час, забери свою куртку. И веди себя как хороший мальчик до тех пор, пока я не скажу, что пришло время рвать когти. Ты меня хорошо понял?

— Амели...

— Пошёл вон!

Ещё секунду я стоял за её спиной, рассматривая её лицо в зеркале, потом осторожно коснулся её плеч, слегка сжал их, и легко поцеловал в затылок. Взгляды наших отражений встретились. Я знал, что «спасибо» будет звучать для неё хуже оскорбления, поэтому ничего больше не сказал. Отпустив её плечи, я вышел из туалета, прикрыв за собой дверь.

В зале была тьма народу, и я сразу прошёл к стойке, где Тео уже наливал мне какую-то гадость в стакан.

— Отлично выглядишь! — блеснул зубами черномазый, но я не удостоил его ответом, принимая из его рук выпивку. Я осушил стакан одним махом, и Тео заулыбался. — Нравится?

— Нет.

Это не было ни правдой, ни ложью: я не почувствовал вкуса. Развернувшись спиной к стойке, я привычно обвёл взглядом помещение. Амели сильно помогла, приведя меня в относительный порядок за считанные минуты. Мысли больше не путались в голове, я снова возвращался в реальный мир.

За всю смену я почти не менял своего положения. Мне казалось, что стоит мне подняться на ноги, и весь этот клуб с его адскими плясками перевернётся на меня. Один раз, когда недалеко от стойки намечались признаки драки, пришлось встать, но я справился. Я выпил ещё несколько стаканов этой дряни, их текилы, и Тео даже достал для меня откуда-то из-под стойки вазочку с нарезанными лимонами и апельсинами. Я выбрал все апельсины, съев их вместе с кожурой и косточками, и продолжил смотреть на происходящее в зале, как в телевизоре. Несколько раз мимо меня проходил Джулес, я молча следил за ним глазами.

Инцидент случился, когда мы уже закрывались. Я вместе с напарниками по смене — никто из них не смотрел мне в глаза — выпроваживал последнюю шумную компанию, когда услышал голоса за спиной. Обернувшись, я увидел самого босса Сандерсона в окружении секьюрити, который крайне редко спускался из своего кабинета вниз, и стоявшего рядом с ним «шефа». Бритоголовый поймал мой взгляд, широко ухмыльнулся, и скрылся в служебном проходе. Сандерсон сделал мне знак подойти.

Это был второй раз, когда я достаивался чести говорить с хозяином клуба. Расчёт со мной вёл Дэвид, других причин видетсья с боссом не находилось. Я подошёл.

— Спрут говорит, ты теперь наш, — мужчина улыбнулся. — Рад это слышать, сынок. Как ты? Надеюсь, не в обиде?

— Что вы, сэр, — без выражения ответил я.

— Босс, — поправил меня Сандерсон. — Все мои ребята зовут меня босс. Не будь таким упрямым, Олег. Поскольку Дэвид временно отсутствует, за смену с тобой расплатится Джулес. А теперь иди, сынок. Я рад, что такой, как ты, стал теперь таким, как мы.

Я не сразу понял, чего он ждёт от меня. Когда понял, Сандерсон уже направлялся к лестнице, ведущей в его кабинет. В любом случае, я никогда бы не смог поблагодарить его за то, что произошло.

Я отвернулся, собираясь уходить, но тут услышал крики в коридоре.

— Убери лапы, грязный ублюдок! — узнал я голос Амели. Ей отвечал Джулес.

— В следующий раз, дрянь, тобой займется лично Спрут, — шипел мулат. — Ты думаешь, что, мать твою, Сандерсон тебя покроет, что бы ни случилось? Ты, мать твою, ошибаешься! Ещё разпустишь своих шлюх на мою территорию — я спущу на них парней Спрута. Ты всё поняла, сука?

Я ворвался в коридор как раз вовремя. Джулес держал обе руки Амели так, чтобы девушка не могла ни воспользоваться ими, ни выкрутиться.

— Пусти её, — ровно сказал я, и ко мне обернулись оба. Они были удивительно похожи в этот момент своими злобными гримасами. Вражда между ними стала легендой в клубе, но никогда я не видел, чтобы они так открыто проявляли свою ненависть. — Быстро.

— Герой дня, — оскалился мулат, всё ещё сжимая запястья девушки. — Твой защитник, Амели? И как ты думаешь, что подумает о вашей дружбе босс? Что его сучка трахается с...

Дальше я не слушал. Я молча врезал ему и, как и ожидалось, мулат оказался не таким крепким, как другие охранники в баре. Джулес упал.

— Как ты? — негромко спросил я, протягивая руку Амели.

Девушка оперлась на мою ладонь, перешагивая через Джулеса. Мулат сдавленно шипел сквозь зубы и пытался подняться. Я ещё плохо соображал, что делаю, поэтому просто отвернулся от него, наплевав на все возможные последствия.

— Как обычно, — скривилась та. — Идём, я отдам тебе куртку.

В их с Джил раздевалке я не был никогда. Она находилась за комнатой для стриптизёрш, но мало чем от неё отличалась. Горы косметики, тряпок, париков, узкий диванчик, заваленный вещами, тройное зеркало. Моя куртка висела на вешалке почти вызывающе аккуратно посреди этого бардака.

— Что-то серьёзное с Джулесом? — спросил я, натягивая куртку.

— Не думаю. — Амели смотрела в пол, и внезапно я понял, насколько же она устала. — Он крут только в своем районе. Здесь нейтральная территория, здесь он меня не тронет. И никто не тронет.

— А Спрут?

Девушка подняла голову.

— Никогда не произноси этого имени. Это... это настоящий дьявол, Олег. И Джулес знает, что я его боюсь. Его все боятся, даже Джулес. Даже... я думаю... босс.

— Он разве на него не работает?

— Спрут сам по себе, и имеет достаточно влияния, чтобы продолжать играть на своем поле. А теперь иди. Ты выглядишь ужасно.

— Ты тоже, — выдавил из себя улыбку я. — Тебе не помешает выспаться.

— Если мне дадут, — усмехнулась Амели, обняв себя за плечи.

Она выглядела такой поникшей, такой бесконечно усталой, что я не выдержал. Всем нужна забота и понимание. Я не мог дать того, что ей требовалось, но я мог помочь здесь и сейчас. На одну минуту дать ей почувствовать себя защищённой.

Я обнял её, и Амели почти безвольно облокотилась о меня, положив голову мне на грудь. Она была невысокой, и всегда носила гигантские каблуки. Но даже в них она оказалась мне по плечо. Такая маленькая и такая сильная. Достаточно сильная, чтобы выживать день за днём в том аду, в котором оказалась. Раньше я думал, что люди сами виноваты в том, что оказываются на дне. Что виноваты в ошибках, которые совершают. После истории с Хорхе я уже так не думал. Никогда не знаешь, что случится с тобой завтра. Никогда не знаешь, станешь ты лучше или хуже тех людей, которых осуждаешь.

— Знаешь, я бы хотела ребёнка от тебя.

Я удивлённо посмотрел на неё, и Амели не отвела взгляд.

— Глупо, да? Но так и есть. Ты единственный из всей моей долбаной жизни, кто подходил бы на роль отца. И, наверное, мужа тоже, но такие, как ты, не любят таких, как я. Для меня было бы большой удачей просто забеременеть от тебя, но это невозможно, пока я служу Сандерсону. Хотя кто знает, может, он и разрешил бы мне на некоторое время... отойти от дел. Глупо?

— Нет, — я снова обнял её, чувствуя, как она изо всех сил обхватывает меня за талию. — Нет, не глупо. Но...

— Но ты не собираешь делать мне такой подарок, — перебила меня Амели. — Может, это к лучшему. Мне было бы тоже противно спать со шлюхой, да ещё и знать, что она будет носить твоего ребёнка.

— Амели, нет, ты не так...

Она помотала головой, прижимаясь ко мне ещё крепче.

— Помолчи.

Мы простояли так около минуты, прежде чем она отстранилась. Я ожидал увидеть слёзы, но увидел улыбку.

— От тебя здорово воняет, — сообщила мне она. — Смесь пота, одеколона и мусора.

— Спасибо.

— Я завидую твоей будущей жене, — Амели поднялась на цыпочки и поцеловала меня в щёку. — А теперь вали отсюда, пока Джулес не побежал жаловаться Сандерсону.

— Отдохни, Амели.

— Ты тоже, — она отстранилась, улыбаясь. Мне показалось, что она выглядела чуть лучше, чем раньше. Почти умиротворённой, почти спокойной. — Увидимся.

Расчёт у Джулеса получать я не стал — мулат куда-то смылся, и я не горел желанием его искать. На билет до дома мне должно было хватить. Больше от этой страны мне ничего не требовалось.

Я ни с кем не прощался, когда вышел из клуба. Я шёл по просыпавшимся улицам, застегнув куртку до горла, и события минувшей ночи вновь и вновь обрушивались на меня. Когда я в метро взялся за металлический поручень, в памяти вспыхнуло ощущение рукояти пистолета в ладони, и я отшатнулся от трубы, едва не врезавшись в пожилую китаянку за спиной. Мне казалось, что все люди смотрят на меня, но когда я глянул в окно вагона, и увидел в нём отражение застреленного чернокожего парня, я понял, что кошмар отступил только временно. До самой своей остановки я боялся поднять глаза, чувствуя, как меня раз за разом прошибает холодный пот. Мне казалось, что стоит посмотреть в окно — и я снова увижу его, этого парня, за своей спиной. Энергетической встряски, которую мне подарила Амели, хватило ровно на то, чтобы продержаться до конца смены. Сейчас животный ужас подступал ко мне со всех сторон, и я понимал, что нигде от него не спрячусь.

Хорошо, что уже было утро. Люди торопились на работу, гасли ночные огни и вывески, рекламные щиты и фонари. И я ковылял среди занятой своими делами толпы, потерянный, избитый, усталый, и всё ещё живущий прошлой ночью. От переутомления у меня начались галлюцинации: мне постоянно мерещились драки там, где было большое скопление народа, выстрелы оттуда, откуда доносились звуки выхлопных труб, и предсмертные крики в возбужденных голосах разговаривавших по мобильникам бизнесменов. У своего двора я сделал крюк, чтобы посмотреть на то, как играют баскетболисты. Было воскресное утро, и часто бывало так, что именно в это время здесь собирался Маркус со своей командой.

Так оказалось и на этот раз. Я не хотел, чтобы меня видели, поэтому смотрел на игру из-за угла. Я оттягивал время, когда придётся идти домой. Я не хотел, чтобы Хорхе видел меня в таком состоянии: мне требовалось привести нервы в порядок. Фигуры баскетболистов вдруг стали мелкими, как муравьи, и забегали так же беспорядочно. Когда я понял, что игра совсем не успокаивает меня, я повернулся, чтобы уйти. Наверное, в этот момент меня заметил Маркус. Я не знаю, как он успел догнать меня прежде, чем я дошёл до своего подъезда — мне казалось, я иду очень быстро. Маркус поймал меня за локоть, когда я уже заворачивал за блок, и за его плечом я увидел ещё нескольких кубинцев. Я с трудом сконцентрировал взгляд на бородатом капитане, и не сразу понял, что Марк пристально рассматривает моё разукрашенное Спрутом лицо. Я хотел ему сказать, что это ничего страшного, что живот болит гораздо сильнее — но вдруг понял, что ничего не скажу. Потому что придётся говорить и о выстреле, сделанном — очевидно, всё-таки мной — в лицо умирающего человека.

— Домой дойдёшь? — только и спросил бородач.

Я удивился и кивнул.

— Вот, ниньо, — Марк вдруг расстегнул карман моей куртки и одним движением засунул туда какой-то клочок бумаги. — Мой номер, — пояснил бородач, и я снова удивился. Такая красноречивость была кубинцу более чем несвойственна. — Иди.

Я развернулся и пошёл, и только у подъезда понял, что так и не сказал Маркусу ни слова. Открыв дверь, я начал подниматься по лестнице. Керни ещё спал, так что здороваться ни с кем не пришлось.

Когда я зашёл в нашу с Хорхе квартиру, то сразу уловил произошедшие там перемены. Из коридора прекрасно виднелась та часть комнаты, которую когда-то Сикейрос завалил вещами и книгами. Теперь там было пусто.

— Хорхе! — меня прорвало. Я не мог сейчас оставаться один, проклятый латино не имел права так со мной поступить! — Хорхе!

Я ворвался на кухню, там царил идеальный порядок. Развернувшись, я одним шагом покрыл расстояние между кухней и комнатой, шагая внутрь.

— Зачем кричишь? — поинтересовался Сикейрос, не отрываясь от игры в мобильном.

— Что это значит, Хорхе? — я обвёл руками пространство за его спиной. — Где твои вещи?

— За дверью.

Я посмотрел туда. Там стояло несколько набитых сумок, готовых к отправке.

— Переезжаю, — когда тишина стала совсем уж невыносимой, проронил латин. — Хозяин ресторана, в котором я работаю, открыл ещё одно заведение в Нью-Джерси и предложил мне место. Меня ничего не держит в этом городе, и я не буду по нему скучать. Я подписал контракт.

Я медленно опустился на свою постель на полу.

— Когда?

— Завтра утром, — Сикейрос наконец обернулся, бросив на меня быстрый взгляд, и так и застыл, разглядывая моё лицо.

Мы помолчали какое-то время. Латино мог бы сказать, что предупреждал, что мне нужно было уйти из клуба, лететь домой...

Хорхе промолчал.

— Раздевайся, — наконец сказал он. — И ложись спать.

...Сикейрос улетел в понедельник. Всё воскресенье он просидел в нашей квартире. У него не оказалось друзей в Чикаго, и он ни с кем не прощался. Я предлагал ему пройтись по городу, увидеть достопримечательности, которые он так и не повидал, но Сикейрос отказался. Я мог его понять — парню было не до того. Все красоты Чикаго меркнут перед тем, как легко здесь рушатся мечты.

Я так и не лёг спать в то утро. Не спал весь день, помогая Хорхе приготовить обед, собрать последние вещи, рассчитаться с Салливаном. Старик показался мне ещё отвратительнее, чем раньше, и брюзжал всё время, пока пересчитывал деньги, но я простил ему всё лишь за то, что он не был связан с бандой Джулеса и Даниэля в этом районе. Уж это я знал точно.

Сикейрос не задавал вопросов, а я не спешил ничего рассказывать. Наверное, латино о чём-то догадывался, сложно не строить предположений, когда я ходил за ним весь день, словно привязанный.

Я панически боялся остаться один.

Надеюсь, вам никогда не придётся переживать такие минуты в своей жизни. Это был сплошной непрекращающийся кошмар — это избитое, распухшее, чёрное лицо перед глазами, и ощущение стали в своей руке. И выстрел...

К концу дня я уже плохо осознавал себя. Я не спал двое суток, и не ел почти столько же. Замечательный обед, который приготовил Сикейрос, остался мной нетронутым. Жутко болело всё тело — живот, куда бил отморозок Спрут, голова, которая до сих пор звенела от его ударов, и ноги — я не давал им отдыха за эти дни. Я боялся присесть или прилечь — знал, что увижу во сне лицо того чернокожего парня, похороненного мной на городской свалке. Вечером я всё-таки уснул — даже не помню, как это вышло. Проснулся за несколько часов до рассвета, и сидел, прислонившись к стене и глядя на спящего на диване Хорхе, три часа подряд, не вставая с места. Только когда в комнате начало светлеть, я заставил себя подняться и поставить чайник.

Мы вышли из дома вместе. Я помог ему донести вещи до ожидавшего нас на главной улице такси и погрузить их в багажник. Потом Сикейрос повернулся, чтобы попрощаться.

— Не жалею, что не поступил в американский колледж, — вдруг сказал я. — Ты много раз умнее, порядочнее и лучше, чем они. Никогда не жалею, что не стал одним из них.

Хорхе некоторое время смотрел на меня, а затем улыбнулся. Мне показалось, что на лице его мелькнула тень облегчения.

— Спасибо, друг, — сказал он.

Мы пожали друг другу руки, а потом он сел в такси и уехал. А я пошёл на работу. В голове у меня творилось что-то странное, и я боялся, что это очень заметно. Я переживал, что Кира меня прогонит — не потому, что не хотел терять работу, просто мне некуда было идти, а я не мог оставаться один.

Когда я пришёл, Карреры в офисе не было. Тоби и Стивен помыкали новым стажёром, и не обратили на меня особого внимания. К моим синякам они привыкли, в клубе мне иногда доставалось, и, послав в мою сторону несколько комментариев, оба вернулись к своим занятиям. Стивен исполнял роль заместителя в отсутствие Киры — испанка опаздывала первый раз на моей памяти; Тобиас занимался обучением новичка. Я забился в комнату с компьютерами и попытался углубиться в работу.

У меня всё валилось из рук. В голове стояла абсолютная, вселенская пустота, и я просто не был способен на нормальное функционирование. Я ничего не сделал за тот день. По причине всеобщей занятости на это никто не обратил особого внимания, а затем в офис пришла Каррера и сказала нам валить отсюда, поскольку у неё обозначились срочные дела, а она не может доверить офис ни одному из нас и кроме того, за полдня нам не поступило ни одного заказа. Мы молча собрались и вышли — Кира терпеть не могла, когда её приказы выполнялись без должной паники и трепета. Потом мы распрощались и разбрелись по разным сторонам. Я дошёл до ближайшей кафешки и сел там, не сразу отреагировав на принесшего меню официанта. Мне хотелось просто сидеть, ни о чем не думая, ничего не делая. Я странно себя чувствовал, мир вокруг был искажён, от недостатка ли сна или по другой причине, и я, как Хорхе двумя днями раньше, не знал, что мне делать.

Я заказал сок, но не почувствовал его вкуса. Я понимал, что со мной происходит что-то не то, и когда звон в ушах стал невыносимым, а перед глазами начали расплываться широкие белые круги, я понял, что нужно что-то сделать, сконцентрироваться, взять себя в руки. Гаснущим сознанием я попытался найти зацепку во внешнем мире, и нашёл. За соседним

столиком разговаривали, и их разговор, равномерное жужжание, оказался спасательным кругом. Я вслушался, и через какое-то время начал различать вначале отдельные слова, а затем и смысл сказанного. Я медленно приходил в себя. Обсуждали какое-то телевизионное шоу, цель которого заключалась в угадывании пола участников — настоящая ли это женщина, или переделанный хирургами самец. Аудитории, как выяснилось, удавалось отгадать лишь в половине случаев. За соседним столиком осуждали поведение мужа одной из «участниц», который, узнав правду, в очень грубой форме отказался с «ней» видеться. Как выяснилось, несчастный долго жил с мужиком, сам о том не подозревая.

Я собрался с силами, расплатился и вышел из кафе. Я не хотел возвращаться в пустую квартиру, но ещё больше я боялся остаться один на тёмных улицах. Я не хотел даже думать о том, что завтра мне придется возвращаться в «Потерянный рай», что придется находиться там ещё какое-то время, чтобы слежка за мной стала не такой напряжённой. Как никогда в жизни я хотел домой, где всё было понятно, просто, честно и уютно. Домой, где я никогда не буду один.

К дому Салливана я подходил не спеша, заметив компанию Даниэля ещё издалека. При моем появлении латиносы стихли, и я понял, что за мной будут теперь присматривать всегда — до тех пор, пока я действительно не стану частью их клана.

— Олла, амиго, — Даниэль усмехнулся, глядя, как я молча приближаюсь к ним. — Трудный рабочий день? Надеюсь, тебе хватит сил прийти завтра в клуб?

— Как обычно, Даниэль, — бросил я, проходя мимо них.

Я зашёл в подъезд, и вонь Керни едва не заставила меня вернуться обратно на улицу. Бомж виновато пошевелился.

— Сожалею, парень... — прошамкал старик. — Сикейрос улетел, да? Он был моим ангелом-хранителем. Твоим, наверное, тоже, а?

Я не стал слушать этот бред, поднимаясь вверх по лестнице. Мне ни с кем больше не пришлось говорить и, зайдя в квартиру, я первым делом включил свет везде, где были рубильники. Потом сел на диван и включил телевизор.

На экране что-то происходило, шёл звук, а в голове была только одна мысль — я не убийца. Ведь я не убийца, правда? Господи, всё это не со мной, всё это не со мной...

Кажется, я даже говорил это вслух.

Когда я посмотрел на часы, было уже утро.

Я совсем не удивился тогда. Я прекрасно помню это состояние — меня просто не существовало. Я не спал, но и телевизор не смотрел — по крайней мере, не помню ничего из того, что мелькало на экране. У меня раньше не случалось подобных провалов в памяти и, надеюсь, больше не случится.

Я всё ещё был одет со вчерашнего дня, поэтому только умылся, побрился, и взял с собой все свои деньги и документы. Даже не знаю, почему, наверное, всё же крутилась в голове мысль купить билет домой. Я бы так и сделал, но меня что-то останавливало. Я боялся, что в этом своём состоянии я не буду чувствовать себя в безопасности даже дома.

...Это случилось на работе. Я сидел в прострации на своём рабочем месте и держал в руках сетевую, которую хотел вставить в материнку. Мне было плохо, впервые по-настоящему плохо за эти дни. Болел живот, голова взрывалась от искажённых, грохочущих звуков, перед глазами то и дело вставала белая пелена. Я не мог даже попросить о помощи — горло перехватило, и я не мог издать ни звука.

— Русский, ленивый убудодок! Ты должен был вставить эту долбанную сетевуху час

назад, за блоком придут через пятнадцать минут! Ты меня слышишь, русский? Эй!

Я честно поднял голову, пытаюсь разглядеть Киру, и лицо начальницы показалось мне смешным, как в королевстве кривых зеркал.

— Какого чёрта... — ошарашено протянула женщина. Сориентировалась, впрочем, Каррера быстро. — Стивен, Тобиас, а ну помогите этому красавцу дойти до выхода! Сетевуху, сетевуху у него из пальцев заберите! Тащи его на воздух, кретин, а то он отбросит копыта прямо здесь!

Меня буквально вынесли на улицу. На свежем воздухе мне стало лучше, но ненадолго.

— Эй, — Кира, выскочившая наружу в одной футболке, нетерпеливо потирала замерзшие плечи, — русский, сделай себе сегодня выходной. Ты горишь, как фейерверк! Не хочу, чтобы ты сдох у меня на руках, мне не нужны проблемы, русский. Ты меня слышишь? Понял? Славно! Выздоровливай, парень, и возвращайся! А теперь иди отсюда, не стой у вывески...

Крепкие руки, державшие меня под локти, отпустили: Тобиас и Стивен вошли внутрь. Следом за ними зашла начальница, и раздался характерный звон колокольчиков от захлопнувшейся двери. Я беспомощно обернулся, разводя руками в стороны, как слепой. Сделал несколько нетвёрдых шагов от тротуара к пешеходному переходу, пошатнулся, и упал — прямо под колеса мчащейся навстречу «Тойоты». Раздался дикий визг тормозов, чей-то пронзительный крик — и бесконечная, глухая, спасительная темнота.

Глава 6

Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни. Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие. (Рим. 5:18–19).

Вам доводилось бывать в коме? Это совсем не похоже на здоровый, бодрящий сон. Это нечто вроде наркоза — в последние мгновения перед отключкой осознаешь, что ты ещё здесь, и в то же время знаешь, что уже совершенно беспомощен. Ты понимаешь, что проходит время, искажённое для твоего восприятия, но всё-таки осязаемое; понимаешь и принимаешь тот факт, что ничего не можешь сделать для того, чтобы помочь себе проснуться. Ты просто ждёшь, и это ожидание всегда откладывается в памяти тошнотворным провалом.

Я открыл глаза и долго лежал так, глядя в потолок, медленно вспоминая последние запомнившиеся события. Вспоминалось с трудом, в частности, над проблемой идентификации собственной личности я думал не меньше минуты.

Потом нахлынули образы — те, которые окружали меня в последние дни моего сознательного существования. Я вспомнил «Потерянный рай», избитого цветного парня, выстрел, Амели, сетевую плату у себя в руке и встревоженное лицо Киры. А потом — улица, неожиданная свобода, и дикий визг тормозов над ухом. Да, это последнее, что я помнил.

В голове царил поразительная, почти неземная лёгкость, тело, казалось, парило над кроватью, и в мозгу не было ни одной мысли. Какое-то время, нежась под тёплым одеялом, я наслаждался этим блаженным покоем, испытывая горячую благодарность за то, что мне позволено хоть на какое-то время забыть о кошмаре последних дней. А потом понял, что не знаю, где нахожусь. Вдохнув, я повернул голову и осмотрелся. Комната оказалась небольшой, но обставленной настолько уютно, что на секунду мне показалось, будто я дома. Кроме моей постели, в ней находилось два шкафа, тумбочка и книжная полка, на которой находилась целая коллекция фарфоровых игрушек. Все стены были декорированы стеклянными подвесками, искусственными растениями и деревянными изделиями. В углу висело распятие, освещаемое светом розового абажура, и я машинально нащупал собственный нательный крестик. Он оказался на месте, и я успокоился.

Комнатка, несмотря на отсутствие окон, была милой, но совершенно не отвечала на вопрос, где же я всё-таки нахожусь. Откинув одеяло, я встал — точнее, честно попытался. Стены тотчас угрожающе поползли на меня, и я без звука сел обратно на кровать. Через некоторое время я повторил попытку. Натянув лежащие на тумбочке штаны, я медленно поднялся, и, придерживаясь за покачивающиеся стены, медленно подошёл к двери, открыл её и выглянул в коридор.

Коридор оказался коротким и узким, и моя комната находилась в самом его хвосте. Так же не отпуская спасительную стену, я двинулся вперёд. Следующая дверь в смежную комнату была слегка приоткрыта, и я смог рассмотреть двуспальную кровать, тяжёлые бордовые занавески, из-за которых комната казалась погружённой в красноватый полумрак, и крошечную тумбочку с женскими украшениями в углу. Напротив этой двери была другая

дверь, ведущая на улицу — тяжёлая, обитая металлом. Я двинулся дальше по коридору, наткнувшись на дверь в ванную, и рядом с ней — полупрозрачную, из которой лился свет, и доносились потрясающие ароматные запахи. Я открыл её.

Повернувшаяся от плиты женщина показалась мне незнакомой. Она негромко вскрикнула, быстро вытерла руки о фартук, и задала мне какой-то вопрос на испанском. Я растерянно посмотрел на неё, она — внимательно и испытывающее — на меня. Она была средних лет, достаточно высокой, и стройной, несмотря на очевидную беременность. Тяжёлые тёмно-каштановые волосы были заплетены в косу и собраны в пучок, чтобы не мешать готовке.

— Меркадо, — сказала она на английском с сильным акцентом, и я ещё больше растерялся. — Консуэлла Меркадо. — Видя непонимание в моих глазах, женщина пояснила, — Маркус Меркадо, мой муж. Привёз тебя сюда.

Этот всё поясняющий ответ привёл меня в полное недоумение. Маркус? Почему Маркус? И что случилось после того, как я потерял сознание? Как я попал сюда?

— Лежал пять дней, — Консуэлла повернулась к столу, принимаясь разделявать мясо. — Сильная лихорадка. Думали, умрёшь. Был очень плох.

Её рубленые, короткие фразы напомнили мне манеру общения бородатого капитана баскетбольной команды, и я внезапно расслабился.

— Спасибо, — сказал я.

Жена Маркуса повернулась ко мне, откладывая нож в сторону, и приложила ладонь к моему лбу.

— Ещё больной, — сказала она. — Прими душ, пока можешь. К вечеру снова станет хуже. После душа иди сюда, тебе надо поесть.

Я сделал шаг в направлении коридора, затем остановился.

— Когда придёт Марк?

— Ещё час.

Больше вопросов я не задавал. Все бурлящие во мне эмоции я решил спрятать до тех пор, пока в доме не появится хозяин. Консуэлла сказала, я болел, но я этого абсолютно не помнил.

Я привёл себя в порядок, затем одел свежую рубашку, поданную мне Консуэллой, и вернулся в кухню почти здоровым. Я не хотел ни думать, ни вспоминать прошедшие несколько дней, и наслаждался этим неведением, сидя за столом с молчаливой кубинкой. Я выпил чай и тарелку тёмного супа, похожего на наш борщ и, терзаемый звериным голодом, мог бы съесть ещё, когда в коридоре раздался скрежет двери.

— Марк, — коротко бросила кубинка, и это было первым словом, которое я от неё дождался за эти полчаса.

Консуэлла вышла встречать мужа, и какое-то время я находился на кухне один. Из коридора доносились приглушённые голоса, но чета Меркадо могла и не понижать привычного тона — я всё равно не понимал по-испански. Потом раздались шаги и, распахнув дверь, в кухню вошёл хозяин дома.

Я совсем забыл, каким огромным был бородатый кубинец. И если на улице это не так бросалось в глаза, то здесь, в малометражной квартирке с невысокими потолками, это стало очевидным. Казалось, Маркусу тесно на собственной кухне.

— Спасибо, — первым поздоровался я, поднимаясь и протягивая руку.

Марк молча пожал протянутую ладонь и полез в холодильник. Он успел сделать

несколько глотков из вытащенной оттуда бутылки, когда гневный оклик жены остановил его, и Маркус так же, не говоря ни слова, поставил бутылку назад.

— Жди здесь, я быстро, — проронил он.

Через несколько минут Марк уже сидел за столом, и Консуэлла подала ему то же, что и мне. Меркадо ел быстро и молча, а я цедил свой чай. Наконец бородач справился со своим ужином, и Консуэлла поставила перед ним тарелку с домашними пирожками.

— А тебе нельзя, — игнорируя мои голодные взгляды, бросил Марк. — Ты не ел неделю. Нельзя сейчас много. Будет плохо.

— Марк, — не выдержал я. — Что произошло? Почему я здесь?

Кубинец посмотрел на меня внимательно и строго.

— Я могу ответить только на второй вопрос, — сказал он. — Мне позвонила женщина, Кира Каррера. Истеричная баба. Спросила, знаю ли я русского по имени Олег Грозный. Я ответил не сразу. Думал, она из полиции, и ты во что-то вляпался. Я ошибся — наполовину. Женщина была не из полиции, — Марк помолчал, и я опустил глаза. Бородатый кубинец явно что-то знал о том, что со мной произошло. — Сказала, она твоя начальница, и что ты отрубился возле её офиса. Она не знала, что делать — у тебя ни родственников, ни друзей в Чикаго. Единственный контактный номер, который она на тебе нашла, оказался моим. Это всё, ниньо. Дальше просто. Я приехал с ребятами и забрал тебя. Та женщина, Кира, была очень рада от тебя избавиться. Она очень боялась неприятностей, ты всё-таки иностранец. Я сказал, что заберу тебя в больницу, и привез к себе. В больнице тебе нечего делать без страховки и денег. Ты выбрал удачное место, чтобы потерять сознание, ниньо. На тебя слегка наехала машина, но тебе повезло. Обошлось без переломов. Тебя лихорадило несколько дней. Ты много говорил во сне — на русском. Я уже присматривал место, чтобы хоронить. Счастливчик...

Я не мог не согласиться с Маркусом. Если бы он тогда не засунул в мой карман свой номер — где бы я сейчас был? Я раньше никогда не терял сознания. Стало стыдно и гадко. Как я до такого дошёл?

Я медленно выдохнул, не решаясь заговорить. Мысли нахлынули с прежней силой. Меня неделю не было на работе — точнее, на работах. Я не знал, как отреагировала бы на моё появление Кира, но даже не хотел думать о том, что меня ждёт в клубе. Амели оказалась права — мне не дадут уйти. После того, как меня сделали частью команды, после того, как я пробыл в доме у Меркадо, которого так сильно ненавидел Джулес. Будут вопросы, на которые мне придётся отвечать.

— Теперь ответ на свой первый вопрос, — услышал я голос кубинца. — Расскажи мне.

Не поднимая глаз, я рассказал. Я рассказал всё, начиная от случившегося с Хорхе, и заканчивая тем, что произошло на свалке. То, что было затем, я помнил сумбурно, и рассказал приблизительно так же, включая визг тормозов над ухом — последний звук из сознательного мира. Маркус слушал молча. Когда я закончил, он посмотрел на меня — я не видел, но чувствовал — и усмехнулся.

— Сикейрос вовремя смотался из города, — только и сказал он, и я поднял глаза.

Кубинец будто не слышал моего взволнованного, дрожащего голоса; казалось, ему было глубоко плевать на то, что я рассказал.

— Что мне теперь делать, Маркус? — спросил я.

— Я тебе не отец, ниньо, — хмыкнул бородач. — Делай, что считаешь нужным.

Я не мог поверить своим ушам. Кубинец издевался надо мной!

— Какого чёрта, Марк, — не сдержался я, — какого чёрта! Я уже делал то, что не должен был делать, и не потому, что это мне так хотелось! Я не могу поверить в то, что стал... Господи, Марк, я же... я же не убийца... — голос сорвался быстро. Я отвернулся.

— Послушай, ниньо, — я молчал, пытаюсь проглотить предательский ком в горле, — я не могу тебе помочь. Не сейчас. У нас своя территория, у них — своя. Они не трогают нас, пока мы не трогаем их. Я могу посоветовать тебе только то, что ты уже слышал от своей подруги: веди себя спокойно. Когда придёт время, беги домой. Вот и всё, ниньо. Сандерсон не так силён, чтобы искать тебя в России.

— В Украине.

— Что?

— В Украине, — я уже почти успокоился. Я снова переживал тот ужас, который испытал, стреляя в человека, и любое проявление внешнего мира отвлекало меня от выматывающих мыслей. Ровный, приглушённый, твёрдый голос кубинца вселял в меня уверенность. Что-то было в Маркусе почти отцовское, несмотря на то, что он говорил. — Я из Одессы. Это город в Украине.

— Там тоже не найдёт, — Меркадо усмехнулся, протягивая мне пирожок.

Уступая животному инстинкту, я взял его и вгрызся без единого звука. Наверное, это было забавным зрелищем со стороны, потому что Маркус неожиданно рассмеялся. Я никогда раньше не слышал, как он смеется, и в первый миг его смех мне напомнил рокошующие звуки надвигающегося шторма.

— Главное, веди себя тихо, ниньо, — успокоившись, серьёзно сказал Марк. — А там как повезёт.

Я ушёл от них на следующее утро. Деньги и документы, которые я спрятал в потайном кармане куртки, находились на месте, но мои вещи остались в квартире, куда я с уверенностью и направился.

Первым сюрпризом стал замок на двери. В подъезд я зашёл без проблем, компании Даниэля и Джулеса у порога не было, Керни ещё спал, а вот у двери квартиры возникла заминка. Я, наверное, минут десять как болван пытался вскрыть бесполезным ключом новый замок, пока недоумение не переросло в раздражение. Злобно пнув стену, я отправился наверх, к хозяину дома.

Салливан не открывал минут пять, но я знал, что он дома. Этот вонючий старик на моей памяти ещё ни разу днём не покидал своей квартиры, и я собирался достать его так или иначе.

— Какого хре...

— Где мои вещи, Салливан?!

На секунду он даже остолбенел. Насколько мне было известно, на него не решался кричать даже Джулес.

— Да ты... охренел, русский! — старик быстро вышел из ступора. — Ты пропал на неделю, все думали, ты сдох! Джулес, твой долбаный друг-мулат, уже достал меня своими допросами! Да не знаю я, где тебя можно найти! И мне плевать! Что прикажешь делать — ждать, пока ты явишься обратно, мать твою?! А если бы ты не явился? Мне некогда разбираться, у меня много тех, кому нужен угол! А ты и Сикейрос — два неблагодарных уб...

Я сделал шаг вперёд, он — инстинктивно — назад, поперхнувшись недосказанным ругательством.

— Где мои вещи? — медленно и отдельно спросил я.

— Мать твою, русский...

— Хорошо, — сказал я, отпихнул его с дороги, и захлопнул за собой дверь.

Теперь мы были в его квартире. Я молча обошёл изумленного хозяина и принялся методично вытаскивать полки со шмотками из всех шкафов, которые попадались мне на пути. Я не знаю, что искал — ключи от прежней квартиры или намёк на принадлежавшие мне вещи — но, может быть, я просто ждал реакции. Которая не замедлила последовать.

— Какого хрена ты творишь, кретин?! — завопил Салливан, пытаясь оттащить меня от очередного ящика. — Пошёл вон из моего дома, ублюдок!

Я был после болезни и ещё плохо держался на ногах, но у него не получилось даже сдвинуть меня с места. Тогда он с проклятиями выбежал из комнаты куда-то в смежное помещение.

— А ну пошёл вон отсюда! — зарычал Салливан, снова вбегая в комнату. В руках он держал помповое ружьё. — Убью нахрен!!!

Я обернулся, мельком посмотрел на обращенное в мою сторону оружие в дрожащих от ярости руках Салливана, его белое, перекошенное лицо, и усмехнулся. Мне не пришлось даже делать шаг в его сторону — я всего лишь выбросил одну руку вперёд, хватаясь за дуло, и резко потянул в сторону. Грянул выстрел.

Какое-то время мы стояли неподвижно: я — сжимая в руке ружьё, он — вылупившись на осыпавшееся в раме зеркало. Я думал о том, что этот выстрел совсем не похож на тот, которым был убит чернокожий парень. Громкий, отвратительный, да ещё и этот звон от разбитого зеркала...

О чем думал Салливан, я не знал. Может, о том, что стрелять нужно было раньше, тогда бы он в меня точно попал. А может, о том, что он не ошибся, увидев меня в первый раз: как и предыдущий русский постоялец, я всё-таки доставил ему проблемы. По крайней мере, он, как и я сам, точно не ожидал, что я стану хвататься за дуло. Не думая, я поднял ружьё, направляя его на хозяина дома.

— Ну? — тихо спросил я.

Старик вздрогнул, поднимая руки вверх. Это, кстати, удивительное чувство, то, когда ты держишь в руках оружие. Оно дарит неповторимую иллюзию власти, пьянит, даёт другие приоритеты. От парней в «Потерянном рае» я слышал, что им это нравится. Держать человека на прицеле, видеть его страх, чувствовать себя хозяином его жизни. Не знаю, мне не понравилось. Салливан задрожал так, будто и в самом деле думал, что я его убью. У меня возникло странное чувство: словно одна часть меня продолжала играть комедию, а вторая — удивлялась тому, как легко это у меня получается. Так, будто я всю жизнь этим занимался. На самом деле я никогда не смог бы — даже Салливана, даже Сандерсона. О Спруте я просто старался не думать.

— Т-твою м-мать, рус-ский, — хозяин дома отступил назад. — Я не думал, что ты вернёшься! Я... Джулес сказал... я подумал, ты мог быть уже мёртв... всякое случается...

— Салливан, — почти мягко прервал его я.

Старик молча указал раскрытой ладонью себе за спину.

— Веди, — я пропустил его вперёд, к закрытому чуланчику, по-прежнему держа Салливана под прицелом.

Он вытащил из него не слишком плотную спортивную сумку, пододвигая её ко мне.

— Сядь, — велел я, указывая стволом на кресло.

Салливан молча сел, и я открыл сумку. Внутри оказались мои вещи, всего несколько

тряпок, остальное исчезло. Мне не это было важно. Иногда мне кажется, что люди совершают много глупостей «из принципа».

— Я... должно быть, новый жилец припрятал часть... это всё, что я нашёл после его въезда, — пробормотал Салливан, выдавая себя с головой. — Если хочешь, я спрошу парня...

Я не хотел. Всё это грозило слишком далеко зайти, а я и без того нашумел. Совет Маркуса вести себя тихо пропал втуне.

— В следующий раз... — я поднял с пола сумку и внимательно посмотрел на Салливана, — не обижай русских.

Он не ответил, почти намертво примёрзнув к креслу, в котором сидел, и с бессильной злобой следил за тем, как я забрасываю ружьё в чулан и несколько раз проворачиваю ключ в замке. Этот ключ я не глядя выбросил в соседнюю комнату и молча вышел из квартиры.

Здесь спектакль окончился, и я почти бегом спустился по лестнице. Керни уже не спал: ещё бы, выстрел перебудил, наверное, полдома.

— Ты пришёл его? — зашептал бомж, и меня обдало волной смрада из беззубого рта. В темноте лихорадочно блестели его глаза.

— Нет, — как можно небрежнее ответил я. — Небольшая ссора, но разошлись мирно. Эй, Керни, — повинувшись внезапному порыву, сказал я, — если я дам тебе деньги, ты сможешь себе что-нибудь на них купить?

— Я попрошу Салливана, — хрипло ответил человек. — Когда он будет в настроении.

— Вот, — я вытащил первую попавшуюся бумажку из своего кармана. Это оказалась стодолларовая купюра, но я не стал её менять. — Держи.

Керни ничего не ответил, глядя на меня расширившимися, горящими глазами, и мне пришлось почти впихнуть деньги в его раскрытую ладонь.

— Береги себя, — улыбнулся я, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Русский, — внезапно обрел дар речи бомж. Его голос слегка дрожал от смеси слёз и благодарности. — Я хочу сказать. Тот, другой русский, который был здесь до тебя. Джулес тоже взял его в свою команду. Но он обманул его, всех обманул. Он всё-таки ушёл из города живым, и они об этом не знают. Удачи тебе, русский.

— Спасибо, — поблагодарил я и вышел на улицу.

Заворачивая за блок, я наткнулся на Даниэля. Я очень торопился уйти из дома, пока Салливан не позвал копов или, что хуже, свою «крышу». Проклятый латино! Как я понял из разговоров, Джулес не знал, где меня искать, и не был вообще уверен в том, что я жив. У меня был уникальный шанс выбраться из города, если бы не Даниэль — «дьявол», с подачи Керни.

— Олег, — слегка удивился тот. — Меньше всего я ожидал увидеть тебя здесь.

— Здесь мои вещи, — как можно более непринужденно сказал я. — Переезжаю.

— Куда?

— В другой район, — в том же тоне продолжал я. Нужно, чтобы Даниэль знал, что со мной всё в порядке, что я не собираюсь оставлять их. — Может, ближе к центру. В любом случае, Салливан уже сдал мою квартиру.

— Где ты находился целую неделю? — Даниэль немного расслабился, и я понял, что говорю достаточно убедительно.

— Болел, — коротко ответил я. — Потерял сознание на улице. Друг забрал меня к себе.

— Друг?

Я кивнул. Выдавать Маркуса не входило в мои планы.

— Да. Джулес вспоминал обо мне?

Даниэль хмыкнул.

— Вспоминал! Да он с ума сходил! Думаю, тебе стоит навеститься к нему в клуб, чтобы он убедился, что ты всё ещё с нами, — Даниэль улыбнулся, но в его глазах я увидел предупреждение. — Он волновался о тебе.

Пришла моя очередь улыбаться. Я кивнул.

— Я так и собирался сделать, Даниэль.

Даниэль рассмеялся.

— Это правильно, брат, — он хлопнул меня по плечу. — До встречи.

Он ушёл, а я, поправив сползающую с плеча сумку, отправился дальше. Я планировал зайти к Маркусу, оставить вещи, затем заглянуть в клуб и, возможно, к Кире. Ещё я хотел есть.

В центр города я добрался ближе к полудню. К тому времени я уже немного успокоился после инцидента с Салливаном, сообразив, что старик вряд ли станет взывать к служителям порядка, поскольку оружие принадлежало всё-таки ему, а насчет его «крыши» я уже не беспокоился — моя была получше. Если, конечно, я сумею снова влиться в компанию Джулеса.

Я нашёл неплохой итальянский ресторанчик на Оук-Стрит и сделал заказ. Ощущение нереальности всего происходящего не отпускало ни на минуту. Насколько я понимал, я здорово вляпался, и мне грозила не какая-нибудь, а самая настоящая смерть, если сделаю хоть один неверный шаг. И тем не менее я не испытывал ничего, похожего на панику или страх. Уйти от закона, писаного или неписаного, казалось чем-то реально осуществимым. Но уйти от собственной совести не удавалось ещё никому. А моя совесть была очень настойчивой.

Первые несколько минут после того, как принесли мой заказ, я просто отключился от внешнего мира и сконцентрировался на принесенной еде. Мой организм постепенно оправлялся после болезни, и требовал немедленного потребления жизненно важных ресурсов. Я не собирался ему отказывать, и пришёл в себя только когда принесенные блюда стали девственно чисты, а в стакане не осталось ни капли сока. Тогда я заказал чашку зелёного чая и, откинувшись на стуле, начал наблюдать за прохожими на улице. В зале было тепло, за окном накрапывал дождик, и я не торопился уходить, оттягивая момент возвращения в «Потерянный рай».

В зале звучала приятная музыка, над стойкой бармена горел телевизор, передавали сводку криминальных новостей. Кроме моего, был занят ещё всего один столик, и я совсем расслабился, мечтая только о тёплой постели и мягкой подушке. Когда чай закончился, я, понаблюдав ещё некоторое время за прохожими, расплатился и вышел из ресторана.

На улице мне стало легче. Полный желудок, тёплый свитер и свежий воздух были теми вещами, которые лечили меня лучше всяких таблеток. Я вышел на Магнифисент Майл, постепенно ускоряя шаг, и вдруг услышал, как меня кто-то окликает по имени. Я обернулся, увидев перед собой невысокую темноволосую женщину. Она держалась с невыразимым достоинством, была одета элегантно и со вкусом, накрашена неброско и умело, и была красива той зрелой, сдержанной красотой, которую я так ценил в женщинах. Не сразу я узнал в ней мисс Риту Харт.

— Какой сюрприз, — улыбнулся я. — Рад видеть вас.

— Я вас тоже, Олег, — она коротко улыбнулась в ответ. — Вы уже оправились после

болезни?

Я удивился, и Рита улыбнулась снова.

— У нас опять проблемы с компьютером, Эти говорит, какой-то вирус. Я звонила в фирму несколько дней назад и просила прислать именно вас. Ваша начальница, мисс Каррера, сказала, что вы больны, и наверняка не скоро сможете снова приступить к работе. Эти очень расстроилась.

— Да... я помню, что обещал зайти, — я почему-то растерялся. — Но я действительно болел.

— Вижу, — Рита серьёзно кивнула. — Вы всё ещё выглядите бледным.

Бледным — не то слово, мисс Харт была очень деликатна. Сегодня утром, уходя на работу, Маркус, осмотрев меня, сказал, что краше в гроб кладут.

— Я хотела спросить, — на секунду Рита запнулась, потом снова посмотрела на меня. На этот раз прямо, я бы даже сказал, смело. — Вы сможете прийти к нам сегодня? Эти сходит с ума, когда компьютер не в порядке, это её единственный выход во внешний мир. Вы... можете?

Я размышлял пару секунд.

— Когда?

— Я уже освободилась, сейчас сделаю покупки и до конца дня буду дома с Эти. У неё день рождения, и я хочу сделать ей праздник, — Рита улыбнулась немного устало. — В любое удобное для вас время.

— Хорошо, — решил я. В конце концов, я и вправду обещал. — Я буду у вас через пару часов, если ничто меня не задержит. По крайней мере, я очень постараюсь.

— Будем ждать, — Рита улыбнулась. — Вы помните, где нас найти?

Я помнил и, попрощавшись с мисс Харт, почти бегом направился в клуб. Настроение улучшилось — оттого ли, что меня ждут, или при мысли о малышке Эстер, которая так радовалась моему обществу.

У входа в «Потерянный рай» курил Гарри. Мне стоило определённых усилий не ускорить и не замедлить шага — я всё ещё помнил невыразительность, с которой он держал меня под прицелом. Он вполне мог убить меня, и это оставило гадкий осадок на душе.

— Эй, — слегка удивился он. — Я думал, ты давно свалил из Чикаго.

— Похоже, ты проиграл, — я улыбнулся, не разжимая губ. — Джулес в клубе?

— У Джулеса дела, — Гарри выдохнул сигаретный дым, пристально посмотрев на меня. — Ты за деньгами? Можешь подойти к Дэвиду, он внутри.

— Хорошо, — сказал я и прошёл мимо него.

Зал был пуст; за стойкой я не увидел даже чернокожего бармена. Из служебного коридора доносились приглушенные голоса, но я не успел туда направиться: меня кто-то позвал. Подняв голову, я увидел начальника охраны, сидящего на втором этаже клуба. Я быстро поднялся по лестнице и присел к нему за столик.

— Рад видеть тебя живым, — сказал я.

Дэвид отстранённо кивнул, глядя в сторону коридора за барной стойкой. Он выбрал неплохое место: отсюда, с лоджии второго этажа, открывался вид на весь зал внизу, сцену, и два входа.

— Как плечо? — спросил наконец я.

— Док вовремя его обработал, — ответил Дэвид. — Проклятый нож мог занести инфекцию.

— Ты быстро пришёл в норму.

— Ты тоже.

Впервые за весь разговор Дэвид посмотрел на меня — внимательно и очень серьёзно.

— Зачем ты вернулся? — спросил он.

Я неуверенно пожал плечами.

— Если бы сбежал, вы бы подумали, что я испугался.

— А так не было?

— Было, — не стал скрывать я. — Но я пришёл, чтобы вы знали, что с нервами у меня всё в порядке, и я не собираюсь делать глупостей. Это всё.

— А что бы ты смог сделать? Доложить копам? Пожаловаться в посольство?

— Я не знаю, Дэвид. Я не думал об этом. Что с тобой, чёрт возьми? — не выдержал я. — Почему ты на меня так смотришь?

— Пытаюсь понять, — откликнулся начальник охраны. — Действительно ли ты так хорош, как говорил Спрут, или просто очень хороший актёр.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты убил того чёрного парня? — прямо спросил Дэвид.

Я замер. Это тот момент, когда все слова кажутся мелкими и бессмысленными. Все мысли испарились из головы, и мне показалось, что вокруг упала мёртвая тишина — и только удары моего сердца, как удары молота, нарушали её. В виске часто застучала кровь; я приложил ладонь к голове.

— Спрут говорил о тебе, Олег. Ты ему понравился, и это плохой знак. Он ещё сказал, что у тебя не было проблем с тем, чтобы убить. И я хочу знать. Их не было?

— Дэвид... — наконец нашёлся я. — Дэвид, слушай меня. Я остался в ту ночь только потому, что хотел помочь тебе. Потом мы с Гарри и Лэнсом погрузили трупы в автобус, и нас привезли на свалку. Там оказалось, что тот чёрный парень жив. Спрут сказал мне убить его, я отказался. Мы с ним сцепились. Потом Гарри и водитель автобуса, который приехал со Спрутом, держали, пока этот урод бил меня. А потом он вложил пистолет мне в руку и помог нажать на курок. Верь мне, Дэвид, я не... я не убийца, — я схватил его за руку.

Начальник охраны выдернул свою ладонь из моей и покачал головой.

— Ты псих, Олег.

Я понял, что моё дыхание стало тяжёлым, как после долгого бега, и попытался успокоиться. События той ночи вспыхнули перед глазами так ярко, точно всё произошло минуту назад. Наверное, тогда я и понял, что никогда не избавлюсь от этого. *Это* останется со мной на всю жизнь. И, возможно, после неё тоже.

— Значит, ты просто хороший актёр, — задумчиво проговорил Дэвид. — Ты подкупаешь нас своей честностью. Парень, но зачем же ты вернулся? Я говорил с Амели, но ваш план не сработает. Подходящего момента просто не будет. Чем дольше ты тут, тем меньше шансов уйти. Ты не дурак, должен понимать. Я буду первым, кто заложит тебя, если что-то пойдёт не так. Не пойми меня неправильно, Олег, ты помог мне, я тебе благодарен, Амели просила за тебя заступиться и, кроме того, ты мне просто нравишься, но... Но я с Сандерсоном. Так получилось. Я хорошо делаю свою работу, и не стану делать её хуже из-за тебя.

Я внимательно выслушал начальника охраны и долго молчал, переваривая услышанное. Дэвид был прав, подходящего момента не будет.

— Тогда я пойду к Сандерсону, — медленно выговорил я.

— Ты всё-таки псих, — хмыкнул Дэвид. — Что ты собираешься сказать?

— Что мне пора домой, — я поднялся, глядя на него сверху вниз, — и что я благодарен ему за работу.

— Вот так просто? — не поверил начальник охраны.

— Так просто, — я пожал плечами и направился к лестнице.

— Олег! — я обернулся. Дэвид вздохнул, с трудом поднимаясь из-за стола. В полумраке зала его лицо казалось белым, как у мертвеца. — Босса наверху нет. Он будет завтра, так что приходи... вечером. Он сам расплатится с тобой. Я не знаю, в какую игру ты играешь, парень, — он подошёл ближе, — но, чёрт возьми, мне интересно, что из этого выйдет. И вот ещё, — он достал из кармана мой аккуратно сложенный платок. — Спасибо.

Этим платком я вытирал кровь с его плеча.

Мы попрощались, и я вышел из клуба. Мне понадобилось время, чтобы выйти на главную улицу и, побродив около часа по местным магазинам, выбрать подарок для Эстер. Я купил три диска с разными компьютерными играми — я ведь не знал, в какие приходилось играть Эти — и диск с антивирусом. Уже за квартал до дома, где жили Рита и Эстер Харт, я увидел магазин игрушек, и купил смешного зайца с мягким пузом и вялыми ушами, за которые я его и держал, перекинув через плечо. Я даже пожалел, что их дом находился так близко: хотел купить цветы. Я будто стремился потратить как можно наличных, тех, которыми со мной расплачивались в «Потерянном рае». Я хотел оставить только ту сумму, которая необходима для покупки билета домой.

Меня действительно были рады видеть. Когда Рита открыла дверь квартиры, я почувствовал аромат готовящейся пищи и ощутил, как жалобно урчит желудок. Я помнил, что Марк говорил мне осторожнее относиться к еде после такого долгого перерыва, но животные инстинкты оказались выше доводов разума. Я подмигнул хозяйке, бесшумно потрясая упакованным зайцем. Рита понимающе улыбнулась и пропустила меня в комнату.

Эстер ждала меня; я не успел сказать ни слова.

— Я думала, ты не придёшь! — воскликнула она, и её удивительные глаза горели в тот момент ярче звёзд. — Так здорово, что у тебя всё-таки получилось!

Я рассмеялся, протягивая ей зайца.

— С днём рождения!

Эти освободила подарок от упаковки и внимательно посмотрела на игрушку в своих руках.

— Он мне нравится, — наконец заключила она. — У него белая шерсть, и он похож на тебя. Спасибо, Олег.

Я вспыхнул. Эстер была права, паразит заяц оказался полностью белым. Куда я смотрел? Хорошо хоть, не догадался купить болонку.

— Вот, — несколько смято проговорил я. — Я не знал, какие игры тебе нравятся, и в какие ты уже играла. Выбирал на свой страх и риск.

Девочка начала с любопытством разглядывать обложки дисков. Очевидно, они вызвали у неё куда больший интерес, чем злополучный заяц, и я вздохнул с облегчением.

— А я посмотрю, что ты натворила со своим другом, — я повернулся к включенному компьютеру и углубился в работу.

Рита что-то готовила на кухне, Эти, подъехав в кресле-каталке ближе ко мне, следила за тем, что я делаю, и в такой тишине мы провели около получаса. Это действительно оказался вирус, сожравший драйвера клавиатуры и мышки, и пришлось повозиться. В конце концов, я

победил, и Эти посмотрела на меня с восхищением.

— Я теперь тоже так смогу, — сказала она.

— Ты сможешь гораздо больше, — ответил я. — Хакер.

Ужин прошел интересно, весело и вкусно. Эстер засыпала меня вопросами о компьютерах, и я едва успевал на них отвечать. Втроем мы обсуждали фильмы, музыку и книги, и мне давно не было так хорошо. Потом Эти перебралась в комнату — устанавливать новые игры, подаренные мной — а я остался помочь Рите на кухне.

— Ты надолго в Чикаго, Олег? — спросила меня хозяйка дома.

Я слегка удивился.

— То, что я неместный, так заметно?

— Я поняла это сразу, — Рита пожалала плечами. — Ты не отсюда. Из России?

— Почти, — я не стал углубляться в детали. — Могу я спросить...

— Почему я интересуюсь?

Я кивнул. Мисс Харт невесело улыбнулась.

— Когда я увидела тебя, мне почему-то вспомнился дом. Ты обладаешь таким... особым запахом... уюта, защищенности. Нет, мне не стыдно говорить эти слова, — Рита протёрла последнюю вымытую тарелку и повернулась ко мне. — Я намного старше тебя, и у меня нет юношеских комплексов. Я говорю то, что думаю. Ты напомнил мне о доме.

— Никогда бы не подумал, — я неловко усмехнулся. — Ну и где он?

— Израиль, — она включила чайник и присела за стол. — Моя семья пришла в ужас, когда я сообщила им, что полюбила американца и собираюсь жить с ним. Я так и улетела в США, без благословения родителей. Мы с Эдгаром поженились, и через год у нас родилась Эстер. На этом история закончилась. Болезнь Эти оказалась слишком тяжёлым испытанием для Эдгара, и через год он нас оставил. Я работала и выживала ради своей девочки. В том, что она знает три языка, учится программированию, оканчивает среднюю школу, есть моя заслуга. И мне есть, за что благодарить Бога.

— Да, — согласился я.

Мы помолчали. Рита заварила чай и поставила две чашки на стол.

— Ты никогда не думала о том, чтобы вернуться домой? — спросил я. — Ведь тебя здесь ничто не держит.

— Мой бизнес, — мисс Харт пожалала плечами. — Здесь у меня квартира, своё дело, налаженный быт. Что ждёт меня дома?

— Семья, — не раздумывая, ответил я.

— Я не уверена, что семья всё ещё ждёт меня, Олег, — Рита обхватила чашку руками, посмотрев в сторону. — Я давно не общалась с ними.

— Что мешает тебе сегодня же позвонить им? — удивился я. — Прекрасный повод — у Эти день рождения. Между вами не произошло ничего настолько ужасного, чтобы об этом нельзя было теперь забыть.

Рита посмотрела на меня с лёгкой улыбкой. Так смотрят на ребёнка, который ещё верит в Деда Мороза.

— Дома у вас будет больше гостей, — опустив глаза, сказал я. — И Эти не останется одна.

Когда я снова посмотрел на Риту, она больше не улыбалась.

— Я действительно соскучилась по семье, — серьёзно сказала она. — Может, ты прав. Сегодня прекрасный повод позвонить домой.

Когда я уходил от них, меня не покидало странное чувство. Я не знал, стоило ли мне вмешиваться в их тихую жизнь, но мне казалось, что эта встреча что-то изменила. Я тогда ещё подумал, что остаться нормальным в мире, где все сошли с ума, можно, только оказавшись на месте такой, как Эстер. Я от всей души пожелал этой девочке счастья. Она как никто другой заслуживала этого.

Глава 7

Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. (1 Пет. 4:12–13).

Маркус явился только через сутки. Прошлым вечером четы Меркадо в квартире не оказалось, но чернокожий сосед кубинца, Венустиано Вилья, передал мне ключ от входной двери. Я остановился поговорить с ним и, на моё счастье, сосед бородатого капитана оказался более разговорчивым.

— Уехали в больницу, — сообщил он мне. — У Консуэллы начались роды.

— Разве не рано? — удивился я.

— Рано, — кивнул Венустиано. — Марк просто обезумел. Повез её в какую-то дорогую клинику. Я говорил ему, что там таких, как мы, не принимают, он не слушал. Сказал, у него есть деньги. Но я знаю лучше, — Вилья вздохнул, пробормотав несколько слов на испанском. — Марк наш капитан, мы все хотим, чтобы было хорошо. У него только одна слабость — эта женщина.

— Она его жена, — я пожал плечами.

— Si, muchacho, но если с ребёнком или Консуэллой что-то случится, мы потеряем капитана, — объяснил Вилья. — А для нас настали тяжёлые времена. До сих пор нас не трогали потому, что боялись нашего капитана. Проклятые мексикано лезут в наш район, и только и ждут, чтобы Марк дал слабинку. Мы должны что-то с этим делать!

Я поговорил с ним ещё минут пять, а потом зашёл в квартиру. Я твёрдо решил дождаться Маркуса, но прошла ночь и целый день, прежде чем бородач явился домой. Он выглядел усталым.

— Как она? — спросил я.

Маркус молча обошёл меня, направляясь в ванную, и закрыл за собой дверь. Я, уже одетый, поскольку собирался в клуб на последний, как я надеялся, разговор с Сандерсоном, ждал его на кухне. Я приготовил крепкий чай, но кубинец, выйдя из ванной, проигнорировал дымящуюся чашку. Марк полез на верхнюю полку и достал оттуда бутылку без этикетки с тёмной жидкостью. Я ещё раздумывал о том, что внутри — коньяк, вино или виски, когда Марк, выхлебав приблизительно половину, уселся за стол и, не глядя на меня, наконец ответил.

— Жива.

— А ребёнок?

— Жив, — после долгой паузы ответил кубинец. — Они положили его под приборы. Он маленький, — Марк помолчал. — Синий. Врачи говорят, не ручаются за то, что выживет. И за то, что у Консуэллы будут ещё дети. Не ручаются. Проклятые палачи.

А потом Маркус сказал то, что наверняка привело бы Венустиано Вилья, и не только его, а весь кубинский район, в ужас.

— Если ребёнок выживет, — медленно проговорил кубинец, — я даю слово, что мы уедем отсюда.

— На Кубу?

— Да. Ты знаешь девиз нашей страны?

Я покачал головой.

— Patria o Muerte. Родина или Смерть. Теперь я понимаю...

Когда я вышел из квартиры, улицу заливали уже первые густые сумерки. Я поделился с Маркусом событиями прошедшего дня, просто чтобы держать хоть кого-то в курсе того, что со мной происходило. Кубинец подумал и сказал, что он ничего не может посоветовать. «Ты начал свою игру, ниньо, — говорил Марк, — я могу только пожелать, чтобы тебе удалось её закончить. Может, тебе повезет, и ты сыграешь вничью».

Дорога до «Потерянного рая» оказалась сплошным кошмаром. Темноты я не боялся даже в детстве — но в последнее время во мне многое изменилось. А когда на пустынной станции метро ко мне подошёл мужчина и попросил закурить, я едва не подскочил от неожиданности. Я надеялся только, что не увижу призрака чернокожего парня в стекле вагонного окна, как это было в прошлый раз. Меня ждал ответственный разговор с Сандерсоном, и я не мог допустить, чтобы у меня раньше времени сдали нервы.

Впрочем, волновался я зря: нервы всё-таки сдали. Только произошло это не в метро, а в клубе.

Я едва успел поздороваться со знакомыми охранниками у входа, когда почувствовал что-то неладное. Всё так же гремела музыка, танцевали люди, раздавались пьяные крики и хохот, всё так же тенями скользили парни из секьюрити, обеспечивая порядок в зале: босс терпеть не мог, когда в процессе драк портился интерьер. Забегая вперед, скажу, что интерьер был всё-таки испорчен, и не кем-нибудь, а мной.

Я успел дойти до барной стойки, когда меня остановил Джулес.

— Чего притащился? — хмуро спросил мулат. — К боссу? Ну тогда обломись, русский, у него и без тебя проблем хватает.

На миг я обрадовался. Если Сандерсон и впрямь был так занят, я мог попросту свалить из клуба и уже сегодня купить себе билет домой. Если меня и найдут его ребята в аэропорту, то я смогу прикрыться тем, что не смог к нему прорваться.

— Где Дэвид? — спросил я, просто чтобы не выдать своего радостного возбуждения.

— Со своей шляхой, — мрачно ответил Джулес. — Эта тупая дура уже второй час бьётся в истерике.

— Джил? Что-то случилось?

Мулат посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Случилось, мать твою! Да ты ни хрена не знаешь, русский! Амели мертва.

Наверное, моё лицо как-то изменилось, потому что Джулес шатнулся назад.

— Не смотри на меня так, мать твою! — сдавленно прошипел он. — Ты думаешь, я...

А мне вдруг вспомнилась их постоянная вражда, их непримиримая, жгучая ненависть друг к другу, и я шагнул вперёд. Джулес — назад.

— Как это произошло? — тихо спросил я.

— Сдохла от передозировки, — мулат поймал мой взгляд и заговорил быстрее, — мы не знаем, что случилось, она всегда знала свою норму. Чёрт тебя побери, русский, не смотри на меня! Если ты думаешь, мать твою, что это сделал я, ты крупно ошибаешься! Я ненавижу эту суку, это правда, и ты знаешь об этом. Все, мать их, знают об этом! Но я бы никогда, слышишь меня, белобрысый, никогда бы её не тронул! Она принадлежит Сандерсону, а я не идиот, чтобы идти против босса! Я бы никогда этого не сделал!

— Тогда кто? — так же тихо спросил я.

— Если бы мы знали, кретин был уже мертв, — Джулес уже успокоился. Он понял, что я ему поверил, и снова почувствовал себя хозяином положения. — Мы знаем, что какой-то ублюдок навещал её ночью, а наутро она была уже мертва. Хочешь версий и подробностей, обращай к Дэвиду, а у меня и своих проблем хватает, русский. Ты не один здесь думаешь, что это сделал я.

Мулат скользнул мимо меня, а я остановился посреди зала, как вкопанный. Я не думал, что меня так сильно заденет смерть проститутки. Амели была здесь, пожалуй, моим единственным другом. Я не мог поверить, что её больше нет. Я в это просто не верил! Она стала частью этого клуба, можно сказать, его символом. Мне казалось, она сейчас спустится со второго этажа, пошлёт мне привычный воздушный поцелуй, и остановится получить от меня дежурные комплименты. Я всегда находил для неё хорошие слова. Ей нравилось слышать, что она хорошо выглядит — ей казалось, внешность осталась её единственной гордостью. Она всегда улыбалась. Господи, как же обидно, что я так и не смог ничем ей помочь!

— Скучаешь, напарник?

Я медленно обернулся. Я уже знал, кому принадлежит этот проклятый голос, *голос*, в моем сознании слившийся воедино с выстрелом.

— Узнал про свою подругу, красавчик? О, я сожалею. Она была такой горячей штучкой, эта Амели. Такой живой...

Кровь застучала у меня в висках — вначале медленно, затем всё чаще. Я смотрел на ненавистное лицо, покрытое татуировками, глаза, в которых мало что осталось от человеческого, ухмылку — широкою, уверенною. Блеск в глазах — холодный, расчётливый, спокойный, совсем не вяжущийся с обманчиво-расслабленным поведением. Амели говорила, что Спрут — сущий дьявол. Теперь я верил ей. Каждый встречается со своим дьяволом в жизни. Вопрос в том, кто возьмёт верх.

— Ты мне нравишься, русский, — Спрут придержал губами сигарету, щёлкая зажигалкой. Стоявшие по обе стороны от него незнакомые парни изучали меня молча. — Ты слишком самостоятельный, чтобы работать на Сандерсона. Брось старика. Мне нужны такие, как ты.

— Амели, — услышал я свой голос, настолько чужой и далёкий, что не сразу узнал его.

— Амели? — Спрут на секунду задумался. — Ничего особенного, красавчик. Обычная шлюха. Мне даже не сильно понравилось с ней. Но она звала тебя...

Это было последним, что я услышал. Затем кто-то просто вырубил все звуки — оглушающую музыку, голоса, крики, смех...

Метнувшись вперёд, я вцепился ему в горло, сбивая с ног. Спрут нападения не ожидал, поэтому не успел оказать сопротивления. Вдвоём мы рухнули на соседний столик, который под нашим весом с хрустом подломился на ножках. Я бы всё-таки задушил его — я видел это по ненавистному, искажённому лицу, покрасневшим глазам и судорожным, рваным движениям — но мне помешали. Жёсткие ладони помощников впились в плечи, отрывая от задыхающегося Спрута, и я увидел, как сквозь окружившую нас толпу пробиваются наши парни из секьюрити. Я понял, что нужно спешить, ведь у меня оставались считанные секунды — я хотел убить его.

Чудовищным усилием рванувшись из рук одного из державших меня парней, я с разворота врезал второму освободившимся кулаком. Первый отшатнулся от меня, доставая из кармана пистолет, но я не дал ему возможности им воспользоваться. Я толкнул его на

подоспевших охранников, и воспользовался секундой, чтобы вновь наброситься на Спрута. Тот уже поднимался, и к повторной атаке был готов. Он врезал мне так, что меня буквально отбросило назад, за второй столик, и я спиной ощутил, как подо мной лопается стеклянный стакан. Перед глазами поплыли белые пятна, в голове зазвенело. Сидевшие за столиками давно повыскакивали из-за своих мест, и для нас образовалось пространство, как на арене. Я был без формы, но меня знали многие завсегдатаи. Я по-прежнему ничего не слышал, но видел, как в меня тыкают пальцами, видел, как открываются рты зрителей, подбадривая не то меня, не то Спрута.

Он бил профессионально. Я на несколько мгновений потерял сознание, но быстро пришёл в себя, откашливаясь от чего-то металлического, попавшего мне в рот — я не сразу понял, что это была цепочка от нательного креста.

Я поднялся. Спрут уже подходил ко мне, и за его спиной я видел наших охранников, сцепившихся с помощниками бритоголового. Он что-то мне сказал, но я не расслышал. В голове всё ещё звенело от удара: Спрут оказался сильнее меня. Возможно, во много раз сильнее, и гораздо опытнее. Я не знал его возможностей, и поэтому не боялся, в отличие от всех остальных, включая босса Сандерсона.

Я стал его первым противником за долгое время и, скорее всего, только это и заинтересовало Спрута. Конечно, обо всем этом я думал уже много позже, а в тот момент я просто набросился на него, как бешеный пёс. Я понимал, что ещё один его удар — и мне конец, поэтому торопился. Я попал ему по голове несколько раз, и врезал в колено, заставив присесть, но почти тотчас рухнул сам от удара в пах. Спрут бросился вперёд и подмял меня под себя, успев один раз двинуть по лицу, прежде чем я сумел высвободить руки. От его ударов я просто терялся, боль была оглушающей.

— Это будет такой кайф, — шипел Спрут, и несколько капель крови из рассечённой брови упали мне на лицо. — Не хочешь ко мне в команду, сладкий? И не надо. Так даже лучше. Так лучше, красавчик. Ты свежее мясо, а я проголодался. Это будет такой кайф — убить тебя. Медленно. Медленно...

Он сцепил руки на моём горле, и я захрипел, ощущая, как воздух улетучивается из легких. Я попытался достать до его горла, но не смог — Спрут отклонился назад. Его лицо было залито кровью, и я почувствовал слабую и неуместную гордость — я всё-таки зацепил его. Стало безумно жарко. Я ощутил сильную боль в гортани и жуткое давление на глаза; мне показалось, они сейчас просто взорвутся. Я понял, что конец наступит очень быстро, и в отчаянной попытке достать Спрута я попытался двинуть его коленом в пах. Не получилось: он мастерски выбрал позицию. Мне захотелось жить, дышать. Я забился, растрачивая драгоценные молекулы кислорода в легких. А потом стало темно, и я закрыл глаза.

Только слабое и странное ощущение того, что я исчезаю, заставило меня бороться. Стальные руки, сжимавшие моё горло, отпустили; в сведенное судорогой горло хлынул воздух, такой живительный, такой желанный, что я глотнул его жадно, торопясь — и тотчас закашлялся. Я открыл глаза и увидел Спрута, которого оттаскивали от меня наши ребята. Один из них оказался Дэвидом; начальник охраны был ещё слаб после ранения, но, очевидно, все остальные боялись вставать на пути Спрута. Даже если бы на их глазах произошло убийство — никто не хотел подставляться.

— Ты сам сделал это, — голос Спрута показался мне рычанием, я с трудом разобрал произносимые слова. — Теперь ты мой...

Очередной приступ кашля заставил меня согнуться, и я не расслышал конца фразы. В

голове шумело, в глазах двоилось, и я чувствовал странную слабость, разливающуюся по всему телу. Я попытался встать и не смог: всё ещё приходил в себя после ударов Спрута.

Ко мне подбежали ребята из секьюрити и подхватили под локти, поднимая на ноги. Голова раскальвалась, поэтому в первый миг я просто не понял, куда меня тащат. Оказалось, к служебным коридорам. Я успел увидеть Спрута, которого вместе с помощниками оттеснили в сторону выхода. В ушах ещё звенело, но я разобрал слова Дэвида, обращенные к бритоголовому.

— Мы разберемся с ним, Спрут. Не здесь. Ты должен понимать.

В этот момент ди-джей включил музыку, призывая посетителей забыть об инциденте, и я не расслышал, что ответил Спрут. Я запомнил только, как он смотрел на меня, вытирая кровь с разбитого лица. В тот момент я вдруг понял, что ждёт меня дальше.

Охранники отволокли меня по лестнице на второй этаж, в кабинет Сандерсона, усадили на диван и велели не двигаться с места. Самого босса внутри не оказалось. Я не сопротивлялся: бойцовский пыл прошёл, остались только боль и слабость. Голова болела так, что я подумал — Спрут всё-таки раздробил мне череп. Наверное, только тогда я начал понимать, что нашёл себе противника не по зубам. Спрут был старше, крупнее, опытнее. И сильнее. Он один стоил всей смены секьюрити нашего клуба. Единственное, что меня спасало — отсутствие страха перед ним.

Не знаю, сколько мне пришлось ждать. Мне стало так паршиво, что я попросту улёгся на диване, положив голову на мягкий подлокотник. Если бы Амели была жива!.. Может, как и в ту проклятую ночь, она бы смогла привести меня в чувство за несколько минут. Без неё клуб не мог оставаться тем же. Мне не хватало её.

Когда в кабинете появился Сандерсон, я не нашёл в себе силы подняться тотчас, а пока хозяин клуба молча шёл к своему столу, и вовсе передумал. Вместе с ним в кабинет зашли Дэвид и Джулес; мулат хмурился и кусал губы. На миг мне его стало жаль: в конце концов, это он привел меня сюда, и я всё-таки подвел его.

Босса Сандерсона я теперь не видел; хозяин кабинета сидел за моей спиной. Зато видел Джулеса и Дэвида. Начальник достал из холодильника пакет со льдом и, вернувшись, приложил его к моей скуле. Я удивился.

— Спасибо, — сказал я, придерживая сползающий пакет.

— Олег, — раздался голос Сандерсона, и я всё-таки поднялся, по-прежнему не отрывая пакет со льдом ото лба. Теперь я мог видеть его — но я опустил голову на подставленные руки, продолжая просто слушать. — Олег, — проникновенно повторил босс. — Ты работаешь у меня уже два месяца. Ты был отличным охранником, уверенным, спокойным. Немного странным, но выполнял всё, что от тебя требовалось. Я начинал гордиться тобой, сынок. Что произошло в последнее время? Инцидент с теми тремя кретинами так повлиял на тебя? Спрут говорил, ты хорошо держался. И Гарри с Лэнсом подтвердили. Ты пропал после этого на неделю, но я простил тебе это. Ты вернулся, и всё будто успокоилось.

Сандерсон закурил. Чем дольше он говорил, тем лучше я понимал, что меня ждёт, и тем хуже себя чувствовал.

— Я хочу кое-что объяснить тебе, сынок. Спрут — мой давний партнер. У него свои связи и свои дела, я в них не вмешиваюсь. Он не вмешивается в мои. У нас всё хорошо с ним, Олег.

Я промолчал, перекладывая лёд с одной стороны лица на другую.

— Или, по крайней мере, у нас с ним всё *было* хорошо.

Сандерсон помолчал, и в кабинете стало тихо, лишь гул толпы с первого этажа и звуки клубной музыки доносились из-за плотно закрытой двери. Ночная жизнь в «Потерянном рае» только начиналась.

— Но я рад, что это произошло. Меня это устраивает, и позже ты поймёшь, почему. Но я хочу знать. Зачем ты сделал это? Ты понимал, против кого идёшь?

Я поднял голову, внимательно рассматривая хозяина клуба. Я ничего не соображал в грязных играх, я не знал, что именно известно Сандерсону, и уж точно ничего не смыслил в их взаимоотношениях со Спрутом. В своем теперешнем положении я мог говорить только правду.

— Спрут убил Амели, — медленно проговорил я, не отрывая взгляда от немигающих глаз босса.

Мне показалось, он изменился в его лице, но я мог и обманываться.

— Этот ублюдок заставил меня пережить самую ужасную ночь в моей жизни, и он убил Амели. Я знаю это! Он был тем человеком, который навещал её прошлым вечером. Он заставил её принять такую дозу. Я старался не думать об этом, но в клубе... я не знаю, что на меня нашло...

Я действительно не знал. Даже воспоминания об этом человеке выводили меня из себя. Дэвид молча поднялся и принёс мне стакан воды. Я принял его и попытался сделать глоток, но смог проглотить лишь несколько капель, и тут же закашлялся: горло казалось мёртвым, не способным на глотательные рефлекссы.

— Я не был так уверен в этом, — медленно сказал Сандерсон, внимательно разглядывая меня, — пока не увидел вашу драку.

Я наконец смог сделать глоток, и мне стало немного легче. Горло ещё саднило, и я стал машинально растирать его ладонью, поставив стакан на пол.

— Мне показалось, я успел изучить тебя, сынок. Если бы не тот инцидент, когда ты впервые встретился со Спрутом, я бы отпустил тебя, уволив уже на следующий день. Такие, как ты, непримиримо честные, всегда нарушают установленный порядок вещей, и это приводит к тяжёлым последствиям для системы. Ты молодой и ты русский. Возможно, над тобой поработает жизнь, и ты успокоишься. Но если честно — я не думаю, что тебя можно переделать.

Я перестал растирать горло и выпил ещё воды. Сандерсон говорил со мной почти мягко, и во мне поселилось тянущее и нехорошее предчувствие.

— В одном я оставался уверен — ты не искал неприятностей. Мне нравилось, как ты гасил конфликты, мне нравилась твоя сдержанность. И вот ты первым развязываешь драку. И не с кем-нибудь, а с самим Спрутом. Должно случиться что-то на самом деле серьёзное, подумал я, раз ты, сынок, такой чистый и правильный, вдруг съехал с катушек. — Сандерсон помолчал некоторое время, гася окурок в пепельнице. — У меня были подозрения в отношении Спрута, но я предпочитал игнорировать то, что знал. Спрут залез на мою территорию, начал считать её своей. Тебе не нужны подробности, правда? Говоря короче, Спрут перестал меня устраивать. Но он настоящий псих, и очень, очень опасен. Мне требовалось время, чтобы всё обдумать. Я не хотел начинать войну. А потом мне донесли, что его видели с Амели. И в тот же вечер я вижу тебя, набрасывающегося на этого маньяка так уверенно, словно ты и в самом деле хотел убить его.

— Я вас не понимаю, — тихо сказал я. — Чего вы от меня хотите?

Сандерсон вздохнул.

— Послушай меня, Олег. Я не могу покрывать тебя при всём желании. Спрут всё ещё мой партнер, у нас с ним бизнес. После истории с Амели я уверен, что наши отношения изменятся, но мне нужно время, чтобы собраться с силами. Развязывать войну с таким, как он, нужно очень осторожно. Я отвечаю за своих людей. А ты больше не один из них.

Мне показалось, я ослышался. В любом случае я был настолько ошарашен страшной догадкой, что заговорил не сразу.

— Ч-что? — выдохнул я.

— Я передам Спруту, что уволил тебя, — чуть громче заговорил хозяин клуба, — чтобы проявить солидарность. Дэвид говорил с ним — Спрут хочет тебя. Ты не побоялся встать у него на пути и первым бросил вызов. Ты заинтересовал его, и он собирается достать тебя так или иначе. После случившегося в клубе он не даст тебе уйти. Дэвид уже передал мой ответ. Я не стану выдавать ему того, кто работал на меня, но я вычеркну тебя из своей команды.

Я молчал. Я не хотел слушать дальше, не хотел здесь находиться. Но у меня не было выбора.

— Вы оба меня беспокоите. Спрут запустил щупальца туда, куда не следовало, и причинил много неприятностей. Ты, как бы ни старался казаться лояльным, всё же... нестабилен. Ты не поддаешься контролю, и такой человек мне не нужен. Слушай, что будет дальше, Олег.

— Дальше вы умываете руки, — не до конца веря в то, что говорю, произнес я. — Вы ждёте, кто из нас победит. Если он убьёт меня — вы избавитесь от проблем в моем лице, и это приключение даст вам время лучше подготовиться к войне с ним. Если... если я...

— Это лучший вариант, сынок, — Сандерсон широко улыбнулся. — С твоей победой я избавлюсь от опасного конкурента, связываться с которым до тебя не хотел никто. Видишь! Я в любом случае не в обиде, — хозяин клуба ещё улыбался, но глаза — глаза оставались холодными.

Я молча смотрел на него, и в кабинете вновь воцарилась тишина. Проклятый старик всё просчитал. Если я откажусь, против меня будут и Спрут, и Сандерсон — последний из солидарности. Если я соглашусь... я немногим облегчал себе положение. Всё, что мне стоило сделать — просто выйти на улицу, и Спрут найдет меня сам. Какая ирония, подумалось мне, я перестал бояться темноты и призраков из-за того, кто стал причиной моих страхов. Теперь передо мной стояла более реальная угроза.

— Что, если я выйду отсюда и поеду прямо в аэропорт?

Сандерсон вздохнул.

— Сынок, я не думал, что у нас с тобой всё так плохо. Мне казалось, мы прекрасно понимаем друг друга. Но если ты настаиваешь...

Старик потянулся к внутреннему ящику своего стола. Джулес молча достал оружие и передёрнул затвор, направляя дуло в мою сторону.

— Всего один звонок, — сказал Сандерсон, бросив на стол плотный целлофановый пакет. — И вся полиция Чикаго ищет подозреваемого в убийстве Джека Кондора. По предварительным данным убийство совершил русский турист Олег Грозный. Имеются свидетели вашей ссоры в клубе, видели, как вы покидаете заведение вдвоём. Как думаешь, кого здесь любят больше, Олег? Русских туристов? Или того, кто регулярно платит по счетам? Почему ты молчишь? Узнал вещь, сынок?

Я не отрывал взгляда от пистолета. По крайней мере, теперь я знал имя убитого мной человека.

Я понял, что мой ответ не имеет никакого значения. Назовите это трусостью, малодушием — но я сдался. Никогда раньше я не имел проблем законом, но из того, о чём слышал — правосудие слепо. И я не хотел убеждаться в этом на своей шкуре.

Да, я испугался.

Я вдохнул глубже, отставил пакет со льдом в сторону, и спросил:

— Если я сделаю то, что вы предлагаете, вы мне заплатите?

В напряжённые моменты мне кажется, что не я, но кто-то другой говорит за меня, пока сам я пытаюсь привести себя в чувство. Надо признать, этот кто-то говорит лучше, и соображает быстрее, чем я.

Сандерсон усмехнулся; краем глаза я увидел, как расслабился Джулес, и коротко улыбнулся Дэвид. Похоже, их это забавляло, но мне это было не важно. Мне не нужны деньги, но если бы я поставил вопрос по-другому, ответ, отпустит ли меня Сандерсон после всего, или продолжит охоту, стал бы очевидным. Хочешь малого, требуй большего.

— Я дам тебе всё, что захочешь, сынок, — усмехнувшись, Сандерсон поднялся из-за стола и подошёл к бару, доставая новую бутылку виски. — Если сделаешь работу. Ведь это нужно не только мне, верно? У нас с тобой, Олег, один враг. Так получилось, и ни я, ни ты не можем ничего изменить. Я вижу, что тебя это не радует, но на какой-то момент наши цели пересеклись, и я хочу, чтобы мы оба остались довольны результатом. Я дам тебе денег и забуду тебя, как только дело будет сделано. Ведь тебе этого хочется, сынок? Мы договорились?

Он протянул мне стакан с виски, я принял. Дэвид налил себе и Джулесу, пока хозяин клуба усаживался напротив.

— Договорились, — повторил он и приподнял свой стакан.

— За Амели, — негромко сказал я, и наши взгляды пересеклись. Никто не проронил ни слова, когда я молча выпил свой виски и поставил стакан на стол.

— Убей его, сынок, — вдруг произнес Сандерсон.

— Я не убийца, мистер Сандерсон, — ответил я. — Но я попробую.

Я поднялся, и вместе со мной поднялись Дэвид и Джулес.

— Торопишься? — хозяин клуба посмотрел на меня снизу вверх, играя стаканом с виски в руке. — Не хочешь подождать какое-то время, пока его подельнички не уберутся?

— Нет.

Я подумал, что если Спруг будет искать меня, то чем дольше я остаюсь тут, тем легче ему будет меня найти.

— Возьми, — Сандерсон достал из кармана какой-то предмет и бросил его мне. Я поймал его и тотчас выпустил из рук. Это оказался пистолет. — Возьми, — повторил хозяин клуба. — Думаю, тебе это пригодится уже сегодня.

Несколько секунд молчания нарушились голосом начальника охраны.

— Я за всем прослежу, босс, — сказал Дэвид, поднимая с пола пистолет. — Пойдём, Олег.

Сандерсон кивнул.

— Удачи, сынок. В следующий раз мы увидимся уже после того, как дело будет сделано — или в аду.

— Я не собираюсь в ад, — отозвался я. — Но если так получится, я сделаю вид, что не узнал вас там, мистер Сандерсон.

Он рассмеялся, а я вышел из кабинета. Старик хорошо всё спланировал, но мне не

хотелось думать об этом: хватало насущных проблем.

— Послушай, Олег, — Дэвид положил руку мне на плечо, разворачивая к себе. Джулес стоял за спиной начальника охраны, хмуро рассматривая меня исподлобья. Мы стояли у чёрного выхода из клуба, спиной я касался двери. — Ты не справишься со Спрутом, я имею в виду, — поправился Дэвид, — с пустыми руками. Тебе нужно оружие и защита. Вот телефон, — Дэвид протянул мне визитку. Фиолетовыми буквами на темном фоне было написано: «Агентство ритуальных услуг», и номера. — Спросишь Вито. Это может стоить тебе денег, но скажи, что ты от Сандерсона. Это — только затем, чтобы благополучно прийти домой, — Дэвид очень ловко засунул в карман моей куртки пистолет. — Возьми. Будет лучше, если ты выживешь.

— Я не собираюсь этим пользоваться, Дэвид, — зло ответил я, пытаюсь достать оружие из кармана. Пистолет зацепился за порванную подкладку, которая рвалась всё больше от моих нервных рывков, и не покидал кармана. — Я не...

— Я не заставляю тебя этим пользоваться, — очень терпеливо пояснил Дэвид. — Но когда у тебя в кармане оружие, ты чувствуешь себя спокойнее. Возьми. По крайней мере, у тебя будет больше шансов выжить.

Внезапно все силы оставили меня. Я почувствовал себя бесконечно усталым и неожиданно старым — в свои двадцать два года. У меня пропало желание сопротивляться. Всё, чего мне хотелось — оказаться дома, снова почувствовать себя в безопасности. Неужели Сандерсон действительно думал, что я могу хотя бы теоретически справиться со Спрутом? Я чувствовал себя слабым, неуверенным и очень маленьким. Нет, я не верил, что у меня что-то получится. Я мог победить его в драке, но убить бы не смог.

— Постарайся залечь на дно на несколько дней, — продолжал говорить Дэвид. — Вот мобильный, — начальник охраны продемонстрировал старенький «Самсунг», который тотчас засунул в мой нагрудный карман. Я даже не попытался остановить его. — Тебе сообщат, когда пора выходить на охоту. Всё ясно?

— Мне пора идти, Дэвид.

Начальник охраны посмотрел на меня и кивнул.

— Иди. Когда окажешься в переулке, выходи через улицу. У главного входа тебя ждут, поэтому осторожней. Олег, — окликнул меня Дэвид, когда я взялся за ручку двери. — Удачи.

— Удачи, русский, — вдруг повторил вслед за ним Джулес, не поднимая на меня глаза. Меня точно в последний путь провожали.

— Вам тоже, парни, — ответил я, и вышел на улицу.

Я сделал так, как посоветовал начальник охраны. Прошёл тёмный переулок, обходя здание клуба, и вышел на главную улицу. Мне никогда не нравился этот район, но тогда я почти влюбился в него — за то, что здесь ходили настоящие, живые люди. Не призраки с простреленными лицами, и не бритоголовые ублюдки с татуировками на черепе. Я почти бегом добрался до метро, сливаясь с человеческим потоком, и постарался затеряться в толпе. Я так торопился поскорее оказаться подальше от «Потерянного рая», что, стремясь попасть в вагон, наталкивался на людей, выслушивая сдержанное бормотание и довольно отчётливые ругательства. Я не обращал на них внимания, и впервые в жизни плевал на отношение окружающих. Я вдруг поймал себя на том, что постоянно оглядываюсь. Я просканировал взглядом каждого человека в вагоне метро, хотя знал, что это считается неприличным, и меня могли счесть за какого-нибудь маньяка. Я всё пытался успокоить себя, убеждаясь, что

за мной нет слезки.

А потом я увидел сидевшего недалеко от меня полицейского, и тотчас уткнулся взглядом в пол. Пистолет в моем кармане внезапно стал очень тяжёлым и выпирающим. Я отвернулся лицом к окну, распластавшись по стенке у двери вагона, и постарался стать как можно незаметнее. Я больше не менял положения, мешая тем, кто пытался пройти мимо, и лишь когда поезд остановился на моей остановке, выскочил из вагона вместе с толпой, желая как можно скорее выбраться из полупустых подземных туннелей на поверхность.

До автобусной остановки добрался бегом и, забравшись внутрь, уселся на свободное место прямо за водителем. Вслед за мной в автобус зашла только миловидная старушка-азиатка, и я успокоился, расслабляясь на сиденье.

Кубинский район находился чуть дальше от главной улицы, чем мексиканский, и я вышел на остановку раньше, просто чтобы не проходить мимо своего прежнего дома. До рассвета оставался час, и улицы были совсем пустыми. Впереди я заметил спавшего на скамейке бомжа, и вдруг узнал в нём того самого негра, с которым у меня случилось первое, как я считал, «приключение» в Чикаго. Я пригляделся и отбросил последние сомнения. Это и в самом деле был тот парень, который предлагал свою «помощь» в доставке моих сумок до места назначения.

Бомж беспокойно поворочался на скамейке, и вдруг резко сел, матерясь и дыша на задубевшие руки. Я поравнялся с ним, и он подскочил, готовый бежать. Негр боялся копов. Как и я со своим пистолетом в кармане.

— Твою мать, чувак, — облегчённо выдохнул бомж, снова садясь на скамейку. — Ты напугал меня до смерти! Какого хрена ты, белый, делаешь в этом районе ночью?

— Я здесь уже два месяца живу, — усмехнулся я, обрадовавшись возможности поговорить хоть с кем-то из нормального мира.

Раньше чернокожий бездельник вызывал во мне только раздражение; в последнее время я научился ценить любое общество, в котором мне не грозила смерть в недалёком будущем или драка через пять минут после разговора. Парень, похоже, был не из злопамятных; я тоже.

— И как, нравится? — с неожиданным интересом спросил заспанный негр, доставая из кармана смятую сигарету.

Я неопределённо повел плечами. Негр хмыкнул.

— Видел тебя как-то с Джулесом, — сообщил мне бомж, делая первую затяжку. — Вначале подумал, что ошибся. Ты! И с мулатом. Но я оказался прав, ты попался к нему на крючок, — негр прищурился, оглядывая меня, и внезапно протянул вторую сигарету на раскрытой ладони. Наверняка последнюю, и про себя я поразился, как щедро умеют делиться люди, у которых ничего нет, и какая жадность охватывает тех, у кого есть всё. Я покачал головой.

— Не курю.

— Садись, чувак, — бомж подвинулся на скамейке, и я молча сел рядом. — Что, паршиво на душе? — внезапно очень пронизательно спросил он, и я едва удержался, чтобы не отвести взгляд. — По глазам вижу. Признаться, после нашей первой встречи я подумал, что ты очередной белый ублюдок, приехавший покорять наш город. Да и эти твои разговоры о том, что я не хочу найти работу... Ни хрена ты не понимаешь, белый! Может, у себя на Родине ты долбаный гуру, а здесь ты... — негр запнулся, подыскивая подходящее слово, — сел рядом с таким, как я!

Я невольно улыбнулся.

— Да ты и сам был обо мне не лучшего мнения, — продолжая улыбаться, заметил я.

— Слухи, приятель, — сверкнул зубами негр. — Слухи. Мы все ошибаемся, чувак, это случается. Это случается. Никто здесь не Бог, приятель, нам положено ошибаться. Нужно уметь признавать свои ошибки и не делать их больше. — Негр помолчал, делая несколько затяжек. — Я признаю — я ошибался в тебе. Такого, как Керни, каждый может обидеть, а потом вернуться и ещё раз обидеть. А ты помог ему. Слухи, чувак, слухи. Не такой ты ублюдок, белый, каким показался мне вначале.

— Спасибо, — ответил я. — Ты тоже нормальный, когда не рассуждаешь о расизме.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Негр докурил сигарету и вдруг посмотрел куда-то поверх моего плеча.

— Беги, белый брат, — вдруг тихо и быстро сказал он, и я мгновенно подскочил, оглядываясь.

Если бы не чернокожий, я бы так и не заметил неслышно и неспешно подходивших к скамейке трёх парней в кожаных куртках. Очевидно, они следили за мной из припаркованного у обочины желтого такси, из салона вылезал четвёртый.

Они начали ускорять шаг, и я первым рванул с места, сворачивая в ближайший переулочек. За спиной я слышал топот и оклики, но даже не вслушивался в них. Я не имел ни малейшего понятия, куда бежать. Я не хотел приводить их к дому Маркуса, но другого направления в этих трущобах просто не знал. В конце концов, я просто бежал вглубь латинского района, мимо знакомых переулочков, вперёд, вперёд...

Когда что-то свистнуло у моего уха, я не сразу понял, что происходит. Чиркнуло по бетонной стене здания, передо мной взвился столбик пыли, звонко хлопнул мусорный бак. Даже когда левое плечо обожгла странная, непривычная боль, как если бы на него плеснули кипятком, я не догадался. Мне пришлось обернуться к своим преследователям, зажимая левое плечо ладонью, и только тогда я увидел пистолеты в их руках. Эти ублюдки стреляли по мне!

— Шкуру не попортить! — хрипло раздалось сзади. — Босс приказал доставить живым!

Не заметив выбоины в асфальте, я споткнулся, и этих двух секунд задержки преследователям хватило, чтобы догнать меня. Меня схватили за отворот куртки, разворачивая к себе, я не сопротивлялся, поддавшись инерционному движению, и с разворота врезал самому быстрому охотнику в челюсть. Тот рухнул на асфальт, отпустив мою куртку, но меня уже догнали его напарники. Я увернулся от первого, отступая на несколько шагов назад, и остановился, прижимаясь спиной к стене здания. Мы находились в узком переулочке между двумя домами, окна квартир выходили друг на друга. Я не помнил этой части района, но это казалось уже неважным. Ловушка захлопнулась.

— Не лезь к нему, Рокко, — хрипло выдохнул один из них, державший меня на мушке. — Спрут предупреждал. Ублюдок хорош...

— Ты знаешь, что это за район? — отозвался тот, кого назвали Рокко. — Сейчас перебудим... Хрен с ним, Вист! Добьём так. Босс поймёт. Это лучше, чем если он уйдёт от нас... Скорее, Вист! — заторопился Рокко, видя, что напарник колеблется. — Ведь услышат...

Я замер, глядя в направленное на меня дуло пистолета. Всё. Вот сейчас... сейчас...

Я начал лихорадочно читать про себя «Отче наш», единственную молитву, которую знал. Я никогда не уделял достаточного внимания религии. В тот момент, ожидая выстрела,

я в этом сильно раскаивался. Наверное, не зря говорят, что на пороге смерти атеистов нет...

— Пушки вниз! Пушки вниз! Оружие убрать! *Rápido, si no ¡os voy a dar!*..

Мои преследователи завертели головами, но я по-прежнему не двигался — оружие они убирать не спешили, несмотря на приказ свыше. «Свыше» оказалось в буквальном смысле. Подняв голову, я изумлённо распахнул глаза. Это оказалось почти как в кино, только лучше. Из окон торчали стволы ружей, около десятка, держа на прицеле тех, кто находился внизу — четверых моих преследователей и меня. Лиц в крошечной тьме видно не было, но командный голос, лившийся из одного из окон, звучал громко и уверенно:

— Это наш район, *samagada!* Уходи и уводи своих друзей!

— Мы уйдём, — правильно оценив ситуацию, обратился к невидимому командиру тот, кто держал меня под прицелом. — Вместе с ним.

— Подожди, — потребовал голос, и я сглотнул, глядя на четверых парней перед собой.

Их предводитель, в отличие от своих напарников, смотрел на меня. Он чувствовал, что я ускользаю буквально из его рук, и ненавидел меня за это. Я не знал, что значило возвращаться к Спруту, не выполнив приказ, но наверняка что-то нехорошее.

— Вы уходите без него, — распорядился голос. — Парень остается здесь.

— Чёрт, — сдавленным шепотом выругался один из преследователей. — Кубинцы...

— Мы от Спрута, — не сдавался Вист. — И ему не понравится, что вы не захотели помочь.

Наверху дружно рассмеялись и, судя по количеству голосов, перевес был не на стороне моих врагов.

— Парень, нас много, — раздался наконец голос отдающего приказ, — и Спрут это знает. У нас в районе играют по нашим правилам. Уходи и уводи своих друзей. И сделай это быстро.

Что-то было предостерегающее в этом голосе, нечто такое, что я бы на месте Виста послушался. И он послушался. Я следил, как они уходят — медленно, испепеляя меня ненавистными, многообещающими взглядами. Мне стало нехорошо. Сколько врагов я себе нажил? Оставался ли у меня хоть какой-то шанс?..

— Не шевелись, *amigacho,* — посоветовали сверху. — Я сейчас спущусь за тобой.

— Венустиано! — наконец узнал я.

Я так обрадовался, что, когда чернокожий сосед Маркуса появился в переулке с помповым ружьем наперевес, едва не бросился к нему навстречу. Рядом с Вилья стояли двое незнакомых мне кубинцев; я поздоровался с каждым, и только сейчас вспомнил о своём левом плече, которое по-прежнему было горячим. Я невольно сжал его ладонью.

— Иди за мной, — сказал Венустиано, глянув на меня. — Побудешь здесь, всё равно нашего капитана нет дома. Он сейчас в больнице с Консуэллой, вернётся днём. Сказал встретить тебя, но у меня не получилось. Ты родился под счастливой звездой, *michacho.*

Я пошёл за ним, стараясь не отставать. Двое кубинцев изредка бросали на меня взгляды, никто больше не произнес ни слова. Мы зашли в дом, поднялись на последний, самый обшарпанный, этаж, и прошли в одну из квартир. Там за столом, стоявшим прямо посередине гостевого зала, играли в карты с десятком мужчин. Двое наших сопровождающих остались с ними, усевшись на диван, а мы с Венустиано прошли в смежную комнату, которая оказалась спальней, и где нас ожидала молодая кубинка с живыми, блестящими глазами.

— Займись им, Фрида, — сказал Вилья, кивая на меня. — Это тот, из-за которого шум. Его зацепило.

Кубинка кивнула и начала искать что-то в комодe у кровати. Я недоуменно посмотрел на своё левое плечо и увидел кровь, залившую порванный рукав. Я слабо удивился, и только.

— Венустиано, — позвал я.

Вилья бросил на меня быстрый взгляд. Я помолчал, не зная, как лучше сформулировать вопрос.

— Как? — наконец тупо спросил я.

Кубинец улыбнулся, присаживаясь на кровать рядом со мной.

— Я уже сказал: ты родился под счастливой звездой. Мы часто собираемся здесь с ребятами. В этом доме живёт одна большая семья — как и во всех остальных домах нашего района. Мы очень дружны, *michacho*, и если один из нас попадает в сложное положение, мы заступаемся за него. Нас не любят в этой стране. Мы платим взаимностью. Маркус сказал, ты один из нас. Сказал, тебе можно верить, и добавил, что тебе нужен присмотр, потому что ты, *michacho*, ещё очень... *jovencito*. Молоденький.

Фрида присела с другой стороны с аптечкой в руках, и я машинально стянул испорченную куртку. Похоже, пуля прошла по касательной; всё, что осталось мне на память — глубокая, болезненная, но абсолютно безопасная царапина. Кубинка быстро и ловко принялась за её обработку, и мне стало интересно, как часто ей приходилось видеть такие ранения.

— К нам предпочитают не лезть без приглашения. Даже такие, как твой Спрут. В это время шум и выстрелы в нашем районе редкость. Скоро утро, здесь будет много людей. Пока Марка нет, я присматриваю за порядком. Нам не нужен труп на улице. А когда я увидел, что труп — это ты... — Вилья вздохнул, поднимаясь. — Во что ты ввязался, амиго?

Не дожидаясь ответа, чернокожий кубинец вышел из комнаты. Я остался и, пока Фрида перевязывала моё плечо, попытался понять, насколько плохим было мое положение. Моё сознание, очевидно, с непривычки просто не вмещало в себя всю глубину пропасти, в которой я оказался, и я сдался. Пожалуй, в тот момент я был уверен только в одном: я всё это переживу. Если на десятерых ублюдков в мире приходится хотя бы один добрый человек, есть смысл бороться. Мне кажется, когда жизнь преподносит тебе уникальное испытание, она дает тебе и силы, чтобы его преодолеть. Сидя на кровати в бедной квартире окраинного кубинского района, я был благодарен за то, что жив, в безопасности, и нахожусь среди людей, которые рады — пусть даже по причине отсутствия трупа на улице в утренний час — тому, что я жив.

Часть 1. Империя. Город ветров. Глава 8

Глава 8

И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. (Матф. 26:39).

Маркус вернулся под вечер. Всё это время я провёл в его квартире, не подходя к окнам, и даже почти не меняя положения в кресле перед телевизором. Перед самым его приходом я уснул, поэтому захлопнувшаяся входная дверь заставила меня подскочить, резко и неприятно пробуждая ото сна.

— Вот.

На столик передо мной упал пистолет — тот самый, что дал мне Сандерсон. Я показал его Маркусу как только рассказал всё, что со мной произошло, и капитан тотчас отправился с ним к своему «эксперту», не озвучивая ни причин, ни подозрений. Я не возражал и готов был выполнить всё, что скажет бородатый кубинец.

— Как я и думал. Эта пушка засвечена в коповских архивах. Если бы тебя поймали с ней, тебе пришлось отвечать на трудные вопросы. И ты бы ответил — наши копы умеют спрашивать. Не знаю, что именно с тобой, иностранцем, сделали бы америкосы, но будь уверен, ниньо — они нашли бы способ. Я видел, и не хочу, чтобы так получилось с тобой. Я избавлюсь от пушки.

— Что мне теперь делать? — тихо поинтересовался я, по-прежнему не вставая с кресла.

Маркус помолчал несколько секунд, затем уселся на широкую кровать и посмотрел на меня очень серьёзно, я бы даже сказал, холодно. Я тогда сразу понял, что другого пути, кроме как взять себя в руки и идти до конца, не будет. И если до того у меня оставались какие-то сомнения по поводу того, смогу ли, выдержу ли — они просто исчезли. Смогу и выдержу, потому что другой дороги нет. Сдаваться и прекращать всякое сопротивление, поддаваясь отчаянию — это заведомое поражение.

— Я хочу убедиться, что ты понимаешь, — медленно проговорил Меркадо. — Мафия — как игра. Ты не можешь выиграть. Ты не можешь сыграть вничью. Ты не можешь даже выйти из игры. Это не я сказал, но в своё время я очень хорошо запомнил эти слова. Теперь запоминай ты.

Я слабо усмехнулся и кивнул.

— Тебе повезло, ниньо. Сандерсон — не мафия, иначе я бы с тобой даже говорить не стал. Но он тоже опасен. Для такого, как ты, смертельно опасен. Я обдумал всё, что ты мне рассказал, ниньо, — внезапно Маркус заговорил непривычно длинными фразами, и я непроизвольно напрягся. — Вариант, предложенный Сандерсоном — лучший. Точнее, — поправился кубинец, — единственный, оставляющий какую-то надежду на то, что ты сможешь вырваться из пекла. Ты мог бы перейти к Спруту, он примет тебя в команду. Несмотря на всё то, что между вами было. Или так — или готовься умереть. Но служба у Спрута — это тупик, бездна. Это значит, что ты остаёшься здесь, в пекле, до самой смерти. Могу обрадовать — это не продлится долго. Смерть всегда приходит неожиданно. Одиночка может выжить, только если он достаточно силён, опытен, и обладает связями. Это не ты. У тебя один вариант — Сандерсон. Твоя крыша, которая в случае успеха подарит тебе билет домой.

— А он подарит? — глухо спросил я.

Бородач медленно кивнул.

— Ты нравишься людям. Ты хороший человек, ниньо, и Сандерсон это чувствует. Кроме того, ты создаёшь много проблем. Труп — это тоже проблемы. Думаю, он тебя отпустит.

— Маркус.

Кубинец молча посмотрел на меня.

— Значит, я должен это сделать?

— Убить? — очень спокойно уточнил Меркадо. — Конечно. Мне казалось, ты уже понял.

— Я не смогу.

— Скорее всего, — легко согласился кубинец. — Думаю, ты ещё жив потому, что Спруту стало интересно. Он хочет сам встретиться с тобой. Это твоё единственное преимущество.

Я сдавленно хмыкнул.

— Заставь себя привыкнуть к этой мысли, — сказал Маркус. — Что ты убил его.

Я бросил на него полувопросительный взгляд.

— Именно так. Что ты уже убил его. Представь это. Привыкни к этой мысли. Тебе станет спокойнее. Ты будешь увереннее. Возможно, даже сможешь сделать это, когда придёт время.

— Н-нет, — возразил я.

— Да, — ровно парировал Маркус.

А я вдруг подумал, что бородач капитан знает, о чём говорит. Что ему, возможно, тоже приходилось убивать, и не раз, так что стоило прислушаться.

— Теперь о том, что я могу сделать. Пока ты ходишь по моему району, никто тебя не тронет. Ни Спрут, ни Сандерсон, ни кто другой. Ты свой здесь, и это знают. Ниньо, за пределами этого района я бессилён, и ты должен это помнить. Как только тебе потребуется уйти, предупреждай нас. Просто предупреждай. — Меркадо помолчал. — Больше ничего сделать я не могу.

Я выдавил из себя улыбку.

— Марк, — сказал я. — Ты уже сделал много для меня.

На следующее утро я вышел из дома вместе с капитаном. Маркус подарил мне отличный кастет и, странное дело, я сразу почувствовал себя увереннее. Когда в кармане лежал пистолет, такого чувства у меня не возникало. Как сказал кубинец, оружие лучше не брать, могут засечь копы, а в случае чего всё равно не поможет.

Маркус ехал в больницу к жене и сыну. Консуэлле становилось лучше, и ребёнок, по словам капитана, хорошо шёл с каждым днём. Похоже, Меркадо всё-таки придется сдержать слово и вернуться на Кубу.

В центре мы распрощались. Кубинец ещё мрачно пошутил, мол, до встречи, если она состоится. Мне требовалось продлить визу и купить новую одежду — после того, как Салливан удержал часть моих вещей, и после драки со Спрутом на мне не осталось ничего целого и не заляпанного кровью. У меня сильно болело раненое плечо и ломило всё тело от недавних побоев, но я боялся расслабиться. Дэвид советовал мне залечь на дно на несколько дней, я так и собирался сделать — как только решу проблемы с законом. Я не знал, как долго ещё задержусь в США, но на всякий случай решил продлить визу ещё на два месяца. Так случилось — человек, поработавший здесь какое-то время, обычно хотел покататься по

стране, чтобы затем с полным багажом впечатлений вернуться на родину. Мне выдали карточку I-94, в которой указали срок моего пребывания в США. Дата окончания действия визы и дата на карточке I-94 получились разными, но дата на карточке I-94 позволяла мне находиться в США, даже если срок действия визы закончится.

Бумажная волокита задержала меня на полдня. Я никуда не торопился.

Ещё полдня ушло на то, чтобы найти недорогой бутик и купить себе одежду — джинсы и новую куртку — старая порвалась в памятный вечер последней встречи со Спрутом. Я пересёк улицу, на которой располагался компьютерный клуб и фирма по обслуживанию техники, в которой я раньше работал. Я задержался на углу, рассматривая серую дверь издали. Мне хотелось зайти внутрь и поздороваться со своей бывшей начальницей, но я так и не сдвинулся с места. Скорее всего, я стал бы для Киры неприятным сюрпризом. Кроме того, она казалась вечно занятой женщиной, и я не хотел её тревожить. В конце концов, мы не были знакомы настолько, чтобы просто так, по-дружески, зайти и сказать «привет».

Я направился к ближайшей станции метро, стремясь попасть в кубинский район до того, как начнёт темнеть. У меня оставалось немногим больше пяти тысяч долларов наличными — из того, что я заработал в «Потерянном рае». Я не был уверен, что с ними делать. Я хотел отблагодарить Марка за всё, что он сделал для меня — в конце концов, я достаточно долго жил у кубинца, и собирался жить у него до самого отъезда. Ещё две тысячи пятьсот лежало на веб-мани — Кира не перевела мне деньги за последнюю неделю работы; я не появлялся, чтобы напомнить, и она с моего молчаливого согласия забыла. Я вдруг подумал, что должен перевести домой, родителям, как можно больше. Посетившая меня мысль оказалась неожиданно своевременной: подняв голову, я увидел рядом с входом в метро яркую вывеску отделения «Вестерн Юнион» и, следуя сиюминутному порыву, зашёл внутрь.

Я перевёл домой три тысячи, едва удержавшись от того, чтобы не отдать всё, что находилось в карманах. Мне пришлось напомнить себе, что я должен отблагодарить Меркадо, что мне нужно жить на что-то в эти дни ожидания. Я ничего не хотел для себя. Мной даже овладело некое лихорадочное возбуждение: скорее бы, скорее узнать, где находится ублюдок Спрут, и... чёрт побери, я готов!

В латинский район я добрался без приключений. Я вышел из автобуса на остановку раньше, как и в прошлый раз, но сейчас шёл куда осторожней. Слежки я не заметил. Впрочем, кем был я, чтобы утверждать это наверняка?

Впереди, у телефонной будки, я заметил знакомого негра-бомжа, и задержался у киоска, купив целый блок дорогих сигарет.

— Э-эй, — совсем не удивился чернокожий борец за искоренение расизма, — ты живой, бродяга! Я так и знал. Я так и подумал, что этим жирным ублюдкам тебя не догнать! Но на всякий случай убрался отсюда подальше...

— Я не знал, какие сигареты ты куришь, — я протянул ему блок, — извини, если не угадал.

— Чувак, — серьёзно посмотрел на меня бомж, — ты думаешь, что меня можно купить? Я начал закипать.

— Вот этим? — спросил я. — Я только хотел сделать тебе подарок, чёрный брат.

— Кто тут, мать твою, чёрный?! — даже подпрыгнул негр.

— Если ты можешь назвать меня белым братом, то почему я не могу назвать тебя

чёрным? — резонно спросил я.

— Да ты ни хрена не понимаешь, — вздохнул бомж, забирая у меня блок сигарет и пряча за пазухой.

— Ага, — согласился я. — Счастливо, брат.

— Меня зовут Фрэнк, — секунду поколебавшись, сказал он. — Друзья называли Фрэнки.

— Рад наконец познакомиться, — усмехнулся я. — Я Олег.

Домой я шёл быстро, не оборачиваясь, и добрался без неприятных задержек. Ещё поднимаясь по ступеням к квартире Меркадо, я услышал громкие весёлые голоса. Дверь оказалась незапертой. Едва я зашёл в коридор, мне к виску приставили дуло пистолета. Я не успел ещё ничего сделать или сказать, когда дуло убралось, и раздался звук крепкой затрещины.

— Разуй глаза, Хуан! А если бы это и в самом деле был чужой? Амигос! Кто дал малолетке пушку?!

Я обернулся.

— Привет, Венустиано.

— Олла, amigacho, — кубинец пожал мою руку и спрятал отобранный пистолет во внутренний карман куртки. — Видал?

Я кивнул, бросая взгляд на невысокого, стройного Хуана. Парнишке оказалось лет четырнадцать, его кожа отливала тёмной бронзой, и он был явно пьян. Причем настолько, что я рекомендовал бы немедленно уложить ребёнка спать.

— Мой брат, — вздохнул Вилья. — Налакался где-то со своими приятелями, притащился сюда без приглашения. Надо отвести его домой.

— Что тут происходит? — поинтересовался я, заглядывая в большую комнату. Там находилось столько народу, что я даже не попытался сосчитать, сколько их было. На общем фоне выделялась гигантская фигура бородатого капитана — Меркадо пил виски прямо из бутылки.

— Празднуем, — пожал плечами Вилья. — Рождение сына. Консуэлле уже лучше, и их скоро выпишут из больницы.

Я невольно задумался о том, что сказала бы строгая, резкая кубинка, увидев подобный хаос в своей квартире. Из комнаты донесся дружный гогот; мне показалось, стены дрогнули.

— Давай я отведу его, — предложил я, кивнув в сторону Хуана. Парнишка присел прямо на пороге, облокотившись спиной о подставленную лодыжку Венустиано, и невнятно, неразборчиво матерился на эсперанзо.

— О'кей, — без колебаний согласился Вилья: очевидно, ему самому очень не хотелось заниматься младшим братом, когда он нужен здесь. — Там должно быть открыто.

«Там» оказалось действительно открыто. Я никогда не был в соседней квартире, но, оказавшись за порогом родного дома, безвольно висевший на мне Хуан встрепенулся, оттолкнулся от меня и самостоятельно дошёл до туалета, почти по прямой. Я огляделся. Это оказалась бедно обставленная, но неожиданно чистая для двух холостяков однокомнатная квартира. Широкий коридор, в котором я находился, был приспособлен под рабочий кабинет — в углу стоял компьютер, гарнитура, несколько гаджетов, и две прибитые к стене полки с папками. Стол контрастировал с аккуратной обстановкой главным образом тем, что оказался завален пустыми пакетами от печенья, чипсов и йогуртов; под столом валялось несколько бутылок пива, тоже пустых, и одна полупустая, гордо стоявшая посреди общего

беспорядка. Пожалуй, этим бардак заканчивался. Заглянув в комнату, я увидел две койки, одну заваленную дисками, вторую свободную, но обе аккуратно заправленные. Я тогда ещё мысленно поаплодировал Венустиано — воспитание младшего брата, очевидно, не самая лёгкая из задач, но Вилья справлялся с ней отлично.

— Включи комп, — невнятно раздалось из туалета.

— Тебе стоит выспаться, — ответил я, но компьютер включил.

Из туалета донеслось что-то совсем нечленораздельное, скорее всего, даже не на английском. Я молча сел за стол, смахнув со стула глянцевого компьютерный журнал. Из-за стены доносились громкие выкрики и смех: компания не собиралась расходиться.

— Интернет есть? — спросил я, не оборачиваясь: Хуан не закрыл за собой дверь.

По сдавленному мычанию и последующим рвотным звукам я догадался, что ответ положительный. Пока Хуан пытался справиться с тошнотой, я успел зайти на свой почтовый ящик. Там оказалось много писем — от родителей, сестры и Лады. Я ничего не успел прочитать. Из туалета выполз пошатывающийся Хуан.

— Ты чего тут лазишь? — с трудом вытолкнул из себя парень, опираясь о спинку стула.

— Мне нужен интернет. Можно? — спросил я, поднимаясь. Как раз вовремя, чтобы поддержать сползающего на пол Хуан под локоть.

— Только если... недолго... Мне хреново...

— Верю, — согласился я, помогая ему дойти до спальни.

Хуан рухнул на свою кровать прямо поверх разбросанных на ней дисков. Я снял с него ботинки, расстегнул грязную куртку и вынес их в коридор. Затем вернулся и попробовал достать из-под засыпавшего Хуана хоть часть дисков. В основном это оказались, конечно же, диски с играми, несколько музыкальных, и лишь малая их часть с программами. Аккуратно сложив их под кроватью, я посмотрел на младшего брата Венустиано. Он ещё что-то говорил, не открывая глаз, но всё более и более невнятно. Я стащил покрывало с кровати Вилья и укрыл его, затем тихо вышел из комнаты.

Надо признать, Хуан оборудовал себе уютное рабочее место. За его компьютером я чувствовал себя почти как дома. Я не спеша прочёл все письма родителей и сестры — ребята исправно писали мне каждые несколько дней, и почты накопилось прилично. Я прочитал все домашние новости, окунаясь в привычный, родной мир, посмеялся шуткам, которыми обмениваются и могут понять только близкие люди. Несколько минут после этого я сидел, погружившись в приятные воспоминания наиболее смешных и дорогих моментов, и только затем открыл первое письмо Лады. Мы никогда не признавались друг другу в любви, но нам не нужны были слова. Я не знаю, как это объяснить, но мне даже не требовалось её присутствие для того, чтобы знать — она всегда и всюду рядом. Мы так редко виделись, что я вряд ли смог бы воспроизвести её лицо в тончайших подробностях, но её дух, её любовь окружали меня постоянно. Это упоительное, блаженное, бесконечно счастливое ощущение. Светлое, как улыбка, радостное, как веселый смех, и доброе, как её сердце. Лада считалась сильной девушкой, уверенной в себе, но я не встречал никого чище, искреннее, преданнее её. Тот, кому повезло встретить ту, единственную женщину, которая стала любимой, родной и желанной, встретить и не потерять по собственной глупости — тот меня поймёт.

«...до нового года осталось меньше двух месяцев, а ты всё ещё в своей Америке. Надеюсь, ты успеешь вернуться, потому что я буду ждать. И кстати, не надо мне ничего привозить оттуда, мышонок. Просто возвращайся поскорее, и будем встречать новый год вместе, как договаривались...».

Я нашёл в себе силы усмехнуться. Лада знала, что я ненавижу детское прозвище «мышонок» почти так же сильно, как и «болонка». Впрочем, от неё я готов стерпеть что угодно...

Кто-то положил руку мне на плечо, и я резко поднял голову.

— *Que me lleve el diablo!* — Венустиано отпустил моё плечо и внимательно взгляделся в экран. — Что ты здесь делаешь, *tuchacho*? Где Хуанито?

— Спит, — я снял наушники. — Ты не против? Он сказал, я могу воспользоваться вашим интернетом.

— Какое мне дело? — пожал плечами Вилья. — Если мой бестолковый брат говорит можно, значит, можно. Это его компьютер. Почему ты не вернулся? Дьявол, амиго, в последнее время нервы у меня ни к черту! Хорошо, что Марк здесь, теперь всё будет хорошо! Я устал заменять его. Надеюсь, всё будет, как прежде.

Я коротко улыбнулся и закрыл окно браузера. Когда Марк скажет Вилья о том, что уезжает на Кубу? В день отъезда? Или...

На душе было тяжело — такое ощущение, что эту невесомую субстанцию залили свинцом. Я посмотрел на Венустиано.

— Идём, — распорядился чернокожий кубинец. — Вставай.

В квартире Меркадо стоял дым от сигарет, воздух пропитался спиртом насквозь, и мне показалось, что я опьянел, только ступив за порог. Вилья повёл меня в зал, усадил между двумя смутно знакомыми мне кубинцами, и сунул в руки бутылку виски, что-то быстро сказав моим соседям на испанском. Комната была забита людьми. Маркуса я не видел, но хорошо слышал — громовой голос капитана, словно рокот спускавшейся лавины, перекрывал все звуки в комнате. Затем Венустиано исчез, предоставив меня разговорчивым кубинцам, и всё дальнейшее я просто не помню. Только, пожалуй, то, что бутылку паршивого виски я выпил почти залпом.

...В голове стоял непрекращающийся гул, даже когда я открыл глаза и посмотрел на залитую солнечным светом пустую комнату. Я лежал там же, где сидел вечером — на пуфике между двумя креслами, устроив голову на подлокотнике. Болела голова, ныло левое плечо, и хотелось есть.

Я поднялся, оглядел покачнувшуюся при этом комнату, заваленную мусором из бутылок и обёрток, и направился в ванную. Звук льющейся воды предупредил меня о том, что там занято, и я вошёл на кухню. Поставил чайник, заварил кофе, и стал ждать хозяина квартиры.

На раздавшийся вскоре звук я не сразу отреагировал. Только вибрация в кармане куртки, которую я так и не снял, заставила меня очнуться. Я торопливо вынул противно воющий мобильник и нажал на кнопку.

— Да, — сказал я, хотя меня ничего не спрашивали.

— Ты жив, — слегка удивлённо констатировала трубка. — Это хорошо. Босс сказал проверить.

— Джулес, — быстро вставил я, понимая, что это конец разговора. — Что у вас происходит? Что мне делать?

— Ждать, — ответил мулат.

Когда Марк вышел из ванной, я уже снял куртку и умылся из раковины в кухне. Кубинец бросил на меня тяжёлый взгляд и грузно опустился на стул.

— Всё хорошо? — спросил я.

Маркус сделал несколько больших глотков приготовленного мной кофе и медленно

выдохнул.

— Уже лучше, — ответил он.

Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Ты сам выпил вчера не меньше, — усмехнувшись, сказал Меркадо.

— То был не я.

Какое-то время мы молчали, занятые кофе. Когда тот закончился, Марк сам налил по второй кружке и взглянул на меня уже серьезнее.

— Послушай, ниньо. Я думал, прежде чем рассказывать. Но я убедился, что с тобой всё в порядке. Ты надёжный. Керни что-то говорил тебе о русском?

— Керни? — удивился я. — О русском? Который жил у Салливана до меня? Он сказал, что тот обманул всех и выбрался отсюда живым. Что-то вроде того.

— Значит, говорил. Не удивляйся, ниньо. Керни наш человек. Он передаёт нам всё, что происходит в доме Салливана. Старик не связан с бандой Сандерсона, но у него живут несколько его людей. Твой Джулес, например. Если Керни замечает что-то подозрительное, он говорит нам. Раньше он делал это через Хорхе.

Я только хмыкнул. Странные взаимоотношения мексиканцев и кубинцев в этом районе с каждым днём всё больше поражали меня. Теперь понятно, почему Хорхе был изгнанником в своем доме, почему у него и компании Даниэля случались постоянные стычки. Сикейрос считался стукачом среди латинов, и им требовался малейший повод, чтобы выдворить его из района. Как там сказал Марк, узнав об этом? Сикейрос вовремя смотался... и заплатил за это свою цену.

— Вряд ли это как-то поможет тебе, ниньо, но я хочу сказать. Русского звали Николай Ремизов. Джулес завербовал его так же, как тебя. Ник провёл здесь год. Когда он понял, что его не собираются отпускать, он разыграл целое представление. Он нарвался на конкурента Сандерсона, и подорвал себя в собственной машине. Подозрения Сандерсона пали на конкурента. Только я знал, что произошло — и Керни, по глупой случайности. Ник договорился с врагом Сандерсона. Что он пообещал ему взамен, не знаю. Но тот позаботился обо всех формальностях. Перекрыл Сандерсону все каналы информации. Подкинул фальшивые документы. Для него Ник умер.

— А как же он... обратно? — поинтересовался я. Обмануть можно кого угодно, только не иммигрантскую службу. У меня оставалось полных три месяца пребывания в США, потом начинались проблемы.

— Ник сказал, что всё продумал. Значит, так и есть. Насколько я знаю, он ещё не покинул страну.

Я усмехнулся.

— Олег, — сказал Маркус, — помнишь, что я тебе говорил? Сандерсон не станет искать тебя в Украине. Ему не нужны проблемы из-за тебя, это правда. Он может не дать тебе выбраться, подбросив твои отпечатки копам, но гнаться за тобой не будет. Но ведь не Сандерсон твой враг.

Я отвёл глаза.

— Я скажу тебе честно, ниньо. Я не знаю, чего ждать от Спрута.

— Мне уже говорили, — ответил я. — Он псих, и он меня найдёт.

Маркус только кивнул.

Следующие несколько дней я безвылазно сидел в кубинском районе. По негласному распоряжению Меркадо, меня приставили к команде Венустиано, и днём я проводил время с

ними. Некоторые из них работали на рынке в рабочем квартале; я помогал, чтобы быть хоть чем-то полезным, и убить время ожидания. Вечерами, когда Марк возвращался с работы, мы тренировались: кубинец обучал меня самбо. Это, кстати, очень повышает самооценку — уложить соперника комплекции Маркуса на лопатки.

В вечер, когда раздался второй звонок, мы с Марком и Венустиано только вернулись с улицы, где за нашими тренировками наблюдали, как обычно, Хуан со своими друзьями. Я остановился у порога, доставая неразлучный мобильный из кармана.

— Твой напарник вылетел в Нью-Йорк, — раздался в ухе голос Джулеса. — Завтра ты отправишься за ним. Билет на твоё имя и конверт ждут тебя в аэропорту. Там вся информация. Если понадобится помощь, набери номер на визитке, которую дал тебе Дэвид. Бюро ритуальных услуг имеет свои офисы и в Нью-Йорке. Вопросы?

— Да вы охренели, — выдохнул я.

— И тебе тем же подавиться, турист хренов, — ухмыльнулся в трубку мулат, и отключился.

Я посмотрел на Маркуса и Венустиано. Оба кубинца молча смотрели на меня. Наверное, звук в трубке был достаточно громким, и они слышали наш разговор. Или догадались по моему лицу.

— Последнее желание? — спросил меня Вилья.

Это должно было прозвучать как шутка, но упавшая вслед за тем тишина сказала: шутки кончились.

— Позвонить домой, — ответил я.

...Я стоял в очереди на рейс Чикаго-Нью-Йорк, крепко вцепившись в лямку своего рюкзака. Там было несколько футболок, свитер, и мобильник. Я не знал, зачем и куда улетаю, но Марк сказал, что не видит лучшего выхода. Я верил ему. Чем могли мне помочь американские власти? После всего, со мной произошедшего, я был уверен в том, что являюсь скорее ответчиком, нежели истцом.

В конверте оказались деньги и список — адрес, человек. Внизу от руки было приписано «они знают». Я тогда подумал, что это лишнее. Если Спрут и я находимся в одном городе, мы обязательно встретимся. Без всякого списка.

Звонок домой дался тяжело. Знаете, как сложно обмануть мою маму? У неё очень развито то, что называют интуицией. Это не значит, что я её раньше не обманывал. Пытался. Но получалось не всегда. Я знал: нельзя, чтобы она догадалась, что со мной что-то не так, и приложил все усилия, чтобы этот раз стал именно таким. Мои руки дрожали, когда я опустил трубку. Я очень хотел позвонить Ладе, но понял, что просто не смогу пережить ещё один подобный разговор. Лада слишком хорошо меня знала, чтобы я смог ей правдоподобно соврать, почему задерживаюсь в проклятой Америке.

Я не обсуждал это с Маркусом, но у меня появилась гениальная в своей простоте мысль. Приехать в аэропорт, купить себе билет домой, и плюнуть на все возможные последствия. Дома я найму хорошего адвоката, и если Сандерсон всё-таки настучит... А Спрут... чёрт с ним. Он сейчас в Нью-Йорке.

Хорошо, что посетившую меня мысль я так и не успел озвучить в присутствии кубинца — бородач бы наверняка удивился и в очередной раз напомнил, что у меня ничего не получится. Для Меркадо всё было просто и ясно, но я совершенно не ожидал того, что меня встретят в аэропорту. В другой раз я бы посмеялся такому эскорту — четверо здоровых

парней, наверняка с оружием, на одного меня. Среди них Лэнс и Гарри. Меня честно предупредили, что если у меня получится улететь не в Нью-Йорк, за мной летят следующим же рейсом, а дальше сценарий, по их словам, оказывался очень прост. Если я не хотел подвергать опасности свою семью, мне стоило прислушаться к их советам.

В Нью-Йорке, сказал Лэнс, меня тоже ждут. Улететь до того, как я сделаю дело, не получится. Я настолько устал за эти дни, что возражать не стал. Должны же быть варианты? У меня было время подумать, пока я доберусь до цели.

Позади оставался город ветров, а меня ждал современный Вавилон — железобетонные оплоты города, который Максим Горький когда-то прозвал городом жёлтого дьявола. Я не ждал от Нью-Йорка ничего нового: мне казалось, я уже всё повидал здесь. Что-то мне подсказывало, что этот город встретит меня не так приветливо, как Чикаго, и, надо признать, внутренний голос ни в коей мере не ошибся.

Я вздохнул и подошёл к регистрационной стойке.

Часть 2. Чистилище. Город жёлтого дьявола. Глава 1

«Кто действительно боится Бога, тот не боится никого; кто не боится Бога, тому следует бояться всего».

Афанасий Великий

Глава 1.

Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Ибо Сам сказал: "не оставлю тебя и не покину тебя", Так что мы смело говорим: "Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?". (Евр. 13:5–6).

Чья-торука ухватила меня за локоть и выдернула из толпы. Я раздражённо обернулся. Рядом стоял невысокий лысый мужичонка с водянистыми глазами. За его спиной переминались двое, вызывавшие исключительно славянские ассоциации на тему «двое из ларца, одинаковы с лица».

— Мы здесь, чтобы проверить, что ты прибыл по адресу, — не слишком громко, но и не таясь произнес лысый. — Босс желает тебе удачи. Ещё он напоминает, чтобы ты не пытался исчезнуть из города до того, как дело будет сделано.

Я промолчал, а неприятный собеседник продолжил:

— Если мы узнаем, что ты покинул страну, мы двинемся следом. Второго шанса тебе никто не даст. Впрочем, ты уже всё знаешь, — внезапно оборвал себя он. — Вы с боссом, кажется, обо всем договорились, проблем не хочет ни он, ни ты. Но если они возникнут, придётся их решать. Поэтому Сандерсон просто хотел предупредить. На всякий случай.

Я снова смолчал.

— Ты же не немой? — раздражённо спросил он, и парни за его спиной напряглись.

— Нет, — ответил я.

Он окинул меня долгим взглядом, открыл рот, собираясь что-то сказать, затем хмыкнул и махнул рукой своим конвоирам.

— Что делать, ты знаешь. Адреса тебе передали, начнёшь с них. Возникнут вопросы — звони Джулесу. Дальше разберёшься сам. Ведь ты уже взрослый мальчик, так? — ухмыльнулся он.

Я не ответил. Он помедлил, разглядывая меня, затем развернулся и пошёл к припаркованной неподалёку машине. «Близнецы» одарили меня хмурыми взглядами и поплелись следом.

Я не хотел, чтобы за мной следили, поэтому тотчас направился к остановке такси и смешался с толпой. Поймать такси в Америке — занятие не для слабонервных. Бороться за место под солнцем я не привык, для меня подобное оказалось внове, и далеко не сразу я сумел заполучить ценный транспорт. Я обогнал нервного мужчину в деловом костюме и уселся на заднее сидение жёлтой машины.

— Куда? — поинтересовался водитель.

— Ленокс-авеню, Гарлем.

Это был один из четырёх адресов в списке Сандерсона. Глядя на пейзаж за окном, я

жалел, что не интересовался Нью-Йорком раньше. Этот город манил многих, большинство голливудских фильмов так или иначе связывали этот город в умах зрителей с чем-то помпезным, величественным... такая настойчивость настораживала. Мне рассказывали, что притяжение этого города столь сильное, что перестаёшь верить в собственное возвращение домой. В Нью-Йорке совершенно невозможно почувствовать себя туристом, ты с первого дня влезашь в ярмо обитателя с его порывистыми чувствами и насущными мыслями — поэтому вполне справедливо, что туризм тут не развит. Это не то чтобы приятное, зато чрезвычайно захватывающее чувство — город как бы всё решает за тебя. Я не испытывал желания побывать здесь, ничего не знал о нём, и теперь оказался совершенно беспомощен, ничего не зная о его районах, законах и обычаях.

Водитель-араб по-английски говорил с трудом, но оживлённо и жизнерадостно, и я помимо воли отвлекался на его непринуждённую болтовню.

— Ви уверен, что вам туда, миста? — с жутким акцентом спросил он, сверкая белозубой улыбкой.

— Да.

Таксист всё поглядывал на меня в зеркало, продолжая болтать, но я разбирал едва ли половину сказанного. То и дело по его лицу пробегала кривая весёлая усмешка, и наконец я не вытерпел.

— В чём дело? Почему вы на меня так смотрите?

— Ви слишком бели, миста, — ответил водитель, — для Гарлем.

Я вытащил из-под воротника куртки капюшон от рубашки и накинул его на голову.

— Так лучше?

Араб рассмеялся, качая головой. Хотел бы я посмеяться вместе с ним. Меня точило нехорошее предчувствие, я не мог уцепиться ни за одну радужную мысль — всё казалось мрачным и пустым. Не радовало даже небо за окном: ясное, яркое, голубое. Я решил начать со списка не только для того, чтобы успокоить Сандерсона. Просто не терял надежды, что мне удастся выбраться из страны без всяких последствий — но бежать вот так сразу я не решался. Странное дело — как только я начал бояться закона, я перестал бояться своей совести. Я уже не видел в каждом чёрном прохожем застреленного парня; гораздо больше я опасался копов.

Была ещё одна причина, по которой я решил взяться за дело сразу, как только доберусь до Нью-Йорка. Если через информаторов Сандерсона мне удастся выяснить, где находится Спрут — я смогу держаться от него подальше.

— Вам повезло, что сейчас день, миста, — продолжал болтать водитель. — Вечером я в Гарлем ни работаю.

— Почему?

— Гарлем — цивилизованный район, миста. Сависем ни то, что здесь творились в восьмидесяти. Но вечером я здесь вси равно ни работаю.

Я пожал плечами и уткнулся в окно.

— Некоторые говорят, Гарлем — гнездо преступности, — глянув на меня, продолжал трещать араб, видя во мне, очевидно, благодарного и отзывчивого слушателя. — А я скажу — весь Америка такой гнездо! Так что, хабиби, гуляй спакойно. Ялла, ми приехали!

Ленокс-авеню оказалась широким, застроенным невысокими зданиями проспектом, и понравилась мне с первого взгляда. Обычный проспект, смотреть не на что, но здесь я почувствовал себя свободнее. Араб ждать не согласился, я не настаивал. Расплатившись, я

отправился искать первый номер в списке на 147-й улице.

Вопреки предсказаниям водителя, никто не провожал меня долгими косыми взглядами. Я натянул капюшон поглубже, покрепче вцепился в лямку рюкзака, и уверенным шагом двигался в нужном направлении. После салона такси холод улицы показался мне пробирающим, и я поднял повыше воротник, закрываясь от порывов ветра.

Я удивительно хорошо вписывался в общую картину района. Не то чтобы я казался здесь своим, но внимания на меня не обращали. В основном прохожие были, конечно, чернокожими. За несколько кварталов я встретил только одного белого мужчину, но, возможно, это потому, что я практически не поднимал глаз. Этому меня научил Хуан Вилья, который, несмотря на старания брата, всё время норовил прогуляться по чужим районам. При этом, хвалился юный кубинец, его никто не трогал. Секрет оказался прост: нужно выработать такую походку, посадку головы, манеру размахивать руками и бормотать на ходу, какую увидишь у местных жителей. Оденься неброско, котомку за плечи, глаза под козырёк и вперёд. В каждом районе, говорил Хуан, свои законы. Просто узнай их — и дело на мази.

Мне пришлось уточнить дорогу у проходящей мимо женщины. Она подозрительно оглядела меня от капюшона до кончиков ботинок, но достаточно подробно всё объяснила. Я поблагодарил за помощь и направился в указанном направлении. В Гарлеме у меня были записаны два адреса, ещё один в Бронксе, и последний в районе Бродвея. Названия мне ничего не говорили, но я мог спросить дорогу у местного населения.

Нужный дом оказался кирпичным двухэтажным коттеджем в стороне от дороги, с заколоченными на первом этаже окнами, и заплёванным крыльцом. Оглядевшись, я толкнул старую дверь и вошёл внутрь. Узкая грязная лестница вела наверх, вдоль исписанных граффити стен. Я поднялся на один пролёт и нерешительно остановился перед дверью. Подумал, нажал на звонок.

Никто не открыл. Я позвонил снова. И снова. Наконец я просто зажал кнопку звонка, и простоял так минуты две, слушая залиvistые трели за дверью. Я уже решил, что никто мне не откроет, и собирался уходить, когда дверь за моей спиной неожиданно распахнулась.

— Какого дерьма тебе здесь надо? — прорычал мужской голос.

На пороге стоял крупный негр в засаленной серой футболке. За его спиной я заметил темнокожую женщину, окинувшую меня настороженным и враждебным взглядом.

— Я ищу Большого Бена, — ответил я.

— Кто ты такой, мать твою? Что твоя белая задница делает здесь?

— Я ищу Большого Бена, — как можно спокойнее повторил я.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Это я считал искусством, в котором меня редко кто мог превзойти. Спустя несколько секунд негр сдался.

— Я по делу, — подбодрил я его.

— Найдёшь его вниз по улице, у парковки, — рыкнул он, с треском захлопывая дверь перед моим носом прежде, чем я успел задать ещё хоть один вопрос.

Я медленно вышел из подъезда, посмотрел направо и налево, пытаюсь определить, где здесь «вниз по улице». Поёжившись от ветра, я натянул перчатки, и в некоторой растерянности облокотился о стену. В незнакомом месте время бежит быстро: скоро начинало темнеть, а я так ничего и не решил. Постояв ещё некоторое время на месте, я поплёлся в обратную сторону.

На этот раз я не смотрел в землю, вместо этого я разглядывал каждого из встречных прохожих. Как выглядел Большой Бен, я не знал, но, должно быть, судьба надо мной

смилостивилась. Идущий навстречу чернокожий мужчина с дредами чем-то привлёк моё внимание. Я проследил за ним взглядом и увидел, как тот подходит к знакомому подъезду. Повинуясь сиюминутному порыву, я метнулся назад.

— Большой Бен?

Он поднял на меня глаза, удивлённо оглядел с ног до головы, но не ответил.

— Я от Сандерсона.

— А-а-а, — мгновенно расслабился Бен. — Да. Заходи.

Я вошёл следом, пропуская Бена вперёд. Он зазвенел ключами, открывая свою квартиру и почти в тот же миг дверь напротив распахнулась.

— Бен, приходил белый ублюдок... — сосед увидел меня и дёрнул щекой. — Да. Вот он.

Дверь захлопнулась, а я вошёл в квартиру Бена, мысленно недоумевая. Вот как люди определяют, опасен человек или нет? Негр явно понял, что я безвреден, и совершенно не побоялся бы повторить про меня то же самое ещё раз. Стало слегка обидно.

— Босс звонил мне сегодня. Рассказал о проблеме. Чувак, я просто не знаю, что могу сделать за такое короткое время! Я поднял на уши всех, кого мог, но найти парня вроде Спрута... извини, брат. Проклятый немец как сквозь землю...

— Немец? — удивился я.

— Так я слышал, — насмешливо сощурился Большой Бен. — Не проверял, мне лично похер. Дай мне несколько дней, я попробую сделать, что смогу. Но ничего не обещаю.

— Телефон скажи, — коротко приказал я, доставая мобильник.

Он продиктовал номер и пытливо глянул на меня.

— Если Сандерсон направил тебя к Дэннису, то он тоже ничего не знает. Просто подумал, что тебе незачем и дальше шататься по району с такой рожей.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я. Человек по имени Дэннис шёл вторым номером в списке.

Когда я вышел на улицу, было ещё светло. Воодушевлённый приёмом Большого Бена, я решил наведаться по третьему адресу, и только затем найти место для ночлега. Пожалуй, всё последующее оказалось закономерным уроком: нельзя кусать помногу — поди, подавишься.

Я спросил у проходящей мимо парочки, где ближайшая станция метро. Чернокожий парень, обнимавший девушку за талию, напрягся, меряя меня настороженным взглядом исподлобья, но его спутница оказалась более разговорчивой. Следуя её указаниям, я быстро добрался до станции.

Я немного задержался у карты метро: выяснял направление. По второй линии я проехал до остановки Вест Фармс-сквер/Восточная Тремонт-авеню, вышел на улицу и направился на юг. Дорогу я спросил у пожилой негритянки ещё в вагоне метро, поэтому особенно не беспокоился: мне казалось, я легко найду нужного человека.

Так и оказалось. На город спустились густые сумерки, когда я, с надвинутым на лицо капюшоном, вошёл в бар, название которого числилось в списке. Сидевшие за столиками обернулись ко мне, и я в полной мере ощутил пресловутую материальность взгляда. Не глядя по сторонам, я подошёл к чернокожему, как и все находившиеся здесь посетители, бармену.

— Где я могу найти Эда?

— Кто спрашивает? — меряя меня недобрым взглядом, отозвался тот. Сидевшие за стойкой граждане Бронкса, как один, повернули головы в мою сторону.

— Я от Сандерсона.

— Жди здесь, — хмуро кивнул он мне, вытирая руки о полотенце.

Я опёрся о стойку. Бармен исчез за боковой дверью, и мне сразу стало неуютно. Я знал, что на меня смотрят, но глаз не поднимал, всем своим видом показывая, что не намерен вступать в переговоры.

— У тебя здесь дела, белый? — обратился ко мне сосед слева.

Мне пришлось посмотреть на него. Я понимал, что нужно действовать как можно осторожнее: нарваться на неприятности в баре чернокожих для меня, неместного, стало бы последней глупостью в жизни.

— Дела, — ответил я.

— Нравится райончик? — хохотнул сосед. Слушающая наш разговор компания за ближним столом взорвалась одобрителем гоготом.

— Обычный, — я осторожно пожал плечами.

Негр враз посерьёзней и сузил глаза.

— Ты придурок, — заявил он, пристально глядя на меня. — Это не обычный район, белый. Тут живут такие, как я. Вы загнали нас в гетто, и единственное, чем мы здесь владеем — территорией. Теперь чувствуешь разницу?

Бессмысленность разговора начала меня раздражать — усталость давала о себе знать.

— Я здесь недолго. Ещё не чувствую, — ответил я спокойно.

— Ха! Могу тебе помочь, — хмыкнул негр. — Не обижайся, ты сам попросил!

Он подмигнул своим, и они дружно расхохотались. Я веселья не разделял — тогда ещё не понял шутки. Через несколько секунд появившийся из боковой двери бармен сделал мне знак подойти.

— Эд сказал, у него нет информации, которая нужна Сандерсону. Он не может копнуть в направлении того человека, которого ты ищешь. Слишком опасно. Эд считает, тебе незачем приходить ещё.

Я молча развернулся и пошёл на выход. Оставался последний номер в списке. Я не обращал внимания на взгляды, которыми меня награждали посетители, пока я шёл к двери, просто старался смотреть в пол и идти своей дорогой. На улице я ускорил шаг. Надо было выбраться из Бронкса и найти недорогую гостиницу, и сделать это поскорее, если я не хотел ночевать на улице.

Я снова вспомнил уроки Хуана Вилья: изменил походку, чтобы походить на местных, поправил капюшон, слегка сторбился и прибавил скорости. И всё-таки этого оказалось недостаточно.

Парень вынырнул из-за поворота так неожиданно, что я едва не натолкнулся на него.

— Э-эй, — расплылся он в беззубой улыбке, — закурить есть, чувак?

Я спиной почувствовал движение. Обернуться не успел — от удара по голове меня сильно качнуло, но сознания я не потерял. Били толстой доской по затылку, нападавший отбросил её после удара, и подхватил меня подмышки, сцепляя руки «замком» на шее.

— Теперь чувствуешь разницу? — прошипел голос над ухом.

Голова разрывалась от боли. Я буквально приказывал себе стоять на ногах и не падать, усилием воли подавляя слабость, заставлявшую весь мир вокруг мерно покачиваться перед глазами.

Я слышал голоса нескольких человек за спиной и ещё одного, просившего закурить, видел своими глазами — только очень расплывчато и смутно. Именно он ударил меня первым — в живот. Затем к нему присоединился второй, и оба успели врезать мне несколько раз прежде, чем я сумел собраться и ответить.

Я очень удачно двинул первого ногой в пах, откинув его на напарника, и резко наклонился, заставив третьего, который держал меня в захвате, перекатиться по моей спине и грохнуться на асфальт. Это оказалось легко — я был на голову выше, и низкорослому противнику оказалось нелегко удерживать меня. Как я успел мельком заметить, это и в самом деле оказался тот самый разговорчивый негр из бара.

Меня схватили за шиворот; я тотчас извернулся, оставляя куртку в руках у нападавшего, и отпрыгнул назад. Ребята быстро приходили в себя. Их оказалось четверо, и я понял, что всё действительно серьёзно, когда в руке одного из них блеснул нож.

— Ну как, — осклабился мой сосед по барной стойке, — нравится райончик?

— Райончик ничего, — с трудом ответил я, — вот только портят его уроды вроде тебя.

— Что ты сказал, ублюдок?! — набычился негр.

Я лихорадочно соображал, что делать. Перед глазами взрывались белые круги, я знал, что могу потерять сознание в любой момент. До метро оставалось два квартала, но я не был уверен, что смогу бежать — имеется в виду, бежать быстрее, чем они. Я посмотрел на свою куртку и рюкзак, который упал с моего плеча при нападении — их держал самый молодой из компании. По-хозяйски держал. Вот тут я начал приходить в себя: там, в портмоне, остались все мои деньги.

— Отдай мои вещи, кретин, — сказал я медленно и раздельно. — Быстро.

Парень посмотрел мне в глаза и нерешительно глянул вокруг, но вновь обрёл уверенность, когда раздался голос главного:

— Иди, Пит. Иди.

При этом он смотрел мне в глаза. Мы оба знали: я не смогу остановить его. Мне оставалось только смотреть, как мальчишка бежит вниз по улице с моими вещами, и скрывается за поворотом.

— Ты же не возражаешь, придурок? — подмигнул негр. — А? Чего молчишь?! Обоссался?

На соседней улице неожиданно завывла полицейская сирена. Компания дружно дёрнулась на звук, а я рванул с места так быстро, как только мог. За спиной я слышал крики и ругань, но гнаться за мной никто не спешил. На полицейских я не рассчитывал: судя по звуку, машина далеко, а обернувшись, я заметил, что меня никто не преследует. Остановившись, я внимательно осмотрел улицу — она казалась пустынной. Точно ничего не было минутой назад. Я даже сделал несколько шагов в обратном направлении и снова остановился. Я услышал далёкие голоса и улюлюканье и задумался. Вернуться? В этом районе я не справлюсь один. Догнать парнишку с моими вещами? Я усмехнулся сам себе.

Развернувшись, я пошёл в сторону метро. Наверное, только минут через пять, когда меня начал пробирать дикий холод, я поверил в то, что произошло. Раньше я полагал, что принадлежу к той счастливой категории людей, которых не грабят на улице, у кого не воруют деньги, и кто никогда не нарывается на неприятности. Так оно и было — дома. С тех пор, как я прилетел сюда, вся моя жизнь перевернулась с ног на голову. Всё, что казалось правдой, здесь не ставилось ни в грош, всё, ради чего стоило бороться, здесь оборачивалось пустым звуком, зло и насилие, исходящее от человека, определяли его социальное положение в обществе. Всё это было неправильно, это не могло происходить со мной!

Дрожа от холода, я спустился в метро. Не считая нескольких человек, ожидающих поезда, и бомжа, с аппетитом поглощавшего вынутый из мусорного бака недоеденный хот-дог, станция была пустой. Внезапно я почувствовал, как сильно голоден: ведь я ещё ничего

не ел с тех пор, как прилетел в Нью-Йорк. Я думал вначале навеститься к информаторам, затем найти недорогой отель и уже там расслабиться. Каким я был идиотом!

Служащий в униформе на секунду отвернулся, и этого мне хватило, чтобы перепрыгнуть через турникет. Пробежав всю платформу, я остановился почти у самого её края, вслушиваясь в гул ветра в туннеле. Меня трясло от холода, боли, слабости и злости — я никак не мог прийти в себя. Пошарив по карманам, я нашёл смятую десятку, и в отчаянии прислонился к стене, зажимая её в кулаке. Лучше бы я тогда поддался порыву и перевёл домой все деньги! Моим родным онигодились бы гораздо больше, чем этим... ублюдкам! Заметив обращенные на меня взгляды, я отвернулся. Капюшон упал, я даже не стал поправлять его. Что могло быть хуже? Я находился в чужом городе, враждебном районе, голодный, замерзший, избитый, без денег и малейшего представления о том, что делать дальше.

Поезд вынырнул из туннеля, пробежал вдоль перрона, и замер у края платформы. Внутри оказалось немногим теплее. Я забился в угол, снова натянув капюшон — на этот раз спасаясь от сквозняка — и сложил руки на груди. Рядом со мной сидела полная негритянка, и от неё шло такое уютное тепло, что я немедленно захотел подвинуться ближе. Вышло наоборот: подозрительно покосившись на меня, женщина пересела на другое место, а я остался один. Всё-таки меня заметно трясло: на её месте я бы тоже решил, что рядом уселся извращенец или психопат.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Поезд пролетал станцию за станцией, но у меня так сильно разболелась голова, что я уже ни на что больше не обращал внимания. Закрыв глаза, я скорчился на сидении. Может, я уснул, может, потерял сознание — точно сказать не могу, но пробуждение оказалось не из приятных. Меня грубо встряхнули чьи-то жёсткие пальцы, и утихшая в забытьи головная боль вспыхнула с новой силой.

— Документы, — тусклый свет лампы над головой ударил в глаза, и я с трудом разглядел двух полицейских. — Документы.

На миг я ощутил панический страх: Сандерсон всё-таки настучал копам, и меня уже нашли! Потом я успокоился. Что они могли мне сделать? Я чувствовал себя измочаленным, продрогшим до костей, и совершенно разбитым. Мне было всё равно.

— Да, — хрипло ответил я. — Документы. Сейчас.

Помню, что в тот момент я радовался. Документы я всегда носил в нагрудном кармане рубашки, а одетый поверх джемпер не дал им выпасть во время драки.

— Вот, — прокашлялся я, протягивая паспорт и визу.

Копы довольно долго и придирчиво изучали нехитрые бумажки. За это время я несколько раз закрыл и открыл глаза, борясь со сном.

— О'кей, мистер, — нехотя признал один из них, возвращая мне документы. — У вас всё в порядке.

— Я знаю, — я позволил себе слабую улыбку.

Странно, что они не обратили внимания на мой потрёпанный внешний вид, но затем я решил, что это к лучшему. Представителям закона я не доверял.

Как я добрался до Манхэттена, не смогу вспомнить даже под гипнозом. Я просто вышел на одной из остановок, огляделся, увидел парк, направился туда и упал на первой же скамейке. Я просидел там какое-то время, пока не начался дождь, затем с большим трудом поднялся и пошёл искать укрытие. Я предположил, что если зайти вглубь парка, меня не

прогонят копы и не заметят поздние прохожие. Всё, чего я хотел — не шевелиться, чтобы хоть как-то унять колокольный звон в голове.

Парк оказался огромным — наверняка тот самый Центральный, тянущийся от Бродвея до Гарлема, ещё одно искусственное американское чудо. Я шёл быстро, но довольно долго, прежде чем заметил пруд и мост, достаточно высокий, чтобы можно было там укрыться от непогоды. Я уселся под мостом на груды листьев, обхватил себя руками и положил голову на колени. Я слышал, как капли дождя бьют по опавшей листве, по поверхности воды, по мосту и пешеходной дорожке, и эти звуки странным образом успокаивали меня. Спустя какое-то время мне стало легче.

Что дальше? Мне нужны деньги, без них я здесь даже не человек. Обратиться в консульство, позвонить домой, попросить перевод? Да ни за что. Во-первых, у родных и без того каждая копейка на счету, во-вторых, если деньги и найдутся, то только на билет домой, а как я им объясню, что дома мне пока лучше не появляться — ради их же безопасности? И в-третьих, я просто не хотел их волновать. Те, кто любит свою семью, меня поймут.

Веб-мани. На моем электронном кошельке лежали деньги, но снять наличные здесь, в США, наверняка окажется проблемой. Для этого мне потребуется перевести электронные единицы на свой счёт в банке, и только потом я смогу получить их на руки. Вот только у меня не было счёта в банке. Ни в американском, ни в международном, ни даже в украинском.

Варианты заканчивались; я неуютно поёрзал на мягкой листве. Мне стало неудобно, и я засунул руку в карман брюк. Мобильник!

Я уставился на него так, словно увидел перед собой восьмое чудо света. Ну конечно! Если у старого мерзавца Сандерсона были свои люди в городе, то почему бы им не помочь мне?

Дрожащей от холода рукой я набрал последний номер, с которого мне звонил Джулес. Судя по тому, что вызов пошёл, деньги на счету ещё остались, и я обрадовался ещё больше.

— Э-эй, русский! — зазвучал в трубке жизнерадостный голос мулата, чуть приглушенный из-за общего фона музыки, голосов, и смеха. Я не сразу поверил, что слышу его здесь, под мостом, в Центральном парке Нью-Йорка так же отчетливо, как если бы Джулес находился рядом. — Ты ещё живой!

Несмотря на свое крайне подавленное состояние, я усмехнулся.

— Ты проспорил пари, Джулес?

— Я, должно быть, идиот, но я поставил на тебя, русский, — очень серьёзно заявил мулат. — Ну, по крайней мере, одну ставку на тебе я уже выиграл. День в Нью-Йорке прошёл, а ты ещё ни на кого не нарвался!

Я вздохнул.

— Ты проиграл, Джулес.

— Твою мать!..

— Какие-то уроды из Бронкса, — признался я. — Забрали все деньги.

— Ой, как трогательно! — издевательски протянул мулат. — Все деньги? Ай-ай-ай! Ты же такой крутой, русский! Самому Спруту яйца открутить грозился! И что собираешься делать теперь?

— Попросить денег у Сандерсона.

— А то как же! Сколько тебе, сладкий? Миллион? Два?

— Заткни пасть, Джулес. Передай боссу, что произошло. У меня в кармане ни одного

бакса, а я должен как-то протянуть до того, как встречу... Спрута. Всё запомнил?

— Всё записал, всё передам, — хмыкнул мулат. — Ты почему меня снова крайним делаешь? Да ты не парься, босс узнает. Когда ты уже сдохнешь, турист хренов?

— Поверь мне, я очень стараюсь, — сухо ответил я и отключил телефон.

Я пережил эту ночь. Когда дождь наконец прекратился, я поднялся с холодной земли и сделал небольшую пробежку, чтобы согреться. Пробежал Центральный парк до конца, вышел на Шестидесятой улице, прошёл два квартала и повернул направо. Я замёрз, был голоден и хотел спать, но понимал, что нельзя останавливаться, нельзя закрывать глаза.

Нужно только пережить эту ночь. Одну эту ночь, и уже утром всё наладится.

Я повторял это про себя в такт быстрым шагам и, пройдя три квартала на юг, даже начал в это верить. Каждые семь минут я смотрел на часы — я это хорошо помню, потому что ждал рассвета так, как, наверное, не ждал никто в эту ночь. Меня только раздражали нависшие надо мной небоскрёбы: они заслоняли небо. Где-то там, на востоке, вставало солнце. Я очень хотел увидеть его.

Это оказался хороший район — для тех, кто хотел бы посмотреть Нью-Йорк таким, как он есть. Здесь можно идти бесконечно — ноги сами несли по бесконечной Парк Авеню, уходящей куда-то за горизонт; я сворачивал просто потому, что мне понравилось здание или вывеска очередного бутика, и совершенно не думал о том, куда иду и зачем. Я шёл по улицам, поглядывая на сторожевые вышки небоскрёбов, и вспоминал то, о чем говорил, кажется, Кеннеди. Он заметил, что все города — существительные, а Нью-Йорк — это глагол. Только многие почему-то полагают, что этот глагол — «жить», совершенно забывая про однокоренной ему и несравнимо более сильный — «выживать».

Рассвет я всё-таки пропустил. Зато увидел знаменитый Импайр Стэйт Билдинг при свете дня. Обычный небоскрёб, ничем не примечательнее других, уже примелькавшихся мне в Чикаго, и тех, которые я увидел здесь, в Нью-Йорке. Улицы преобразились, людей стало намного больше, на дорогах появились утренние пробки, и я вдруг остро почувствовал разницу между собой и спешащими по делам нью-йоркцами. Уж лучше бы я оставался в чёрном районе, там я казался бы более незаметным, чем здесь, среди хорошо одетых, деловых, уверенных в себе людей.

Я дошёл до Геральд-сквера и медленно двинулся по дороге, пересекавшей Тридцать четвертую улицу по диагонали. На углу Тридцать пятой толстый китаец продавал хот-доги с тележки; я долго смотрел на него, прежде чем подойти и протянуть свою десятку. Сдачу, не пересчитывая, осторожно положил обратно в карман, и почти благоговейно принял тёплый, пахнущий кетчупом и горчицей хот-дог. Вначале я собирался найти скамейку, присесть и насладиться хот-догом как приличный американец, но вместо этого проглотил булку, почти не жуя, и тотчас пожалел, что не купил две.

Впрочем, и после одного хот-дога жизнь показалась чуть-чуть лучше. Кажется, я даже мёрзнуть стал меньше — меня согревало тепло в желудке. Я понимал, что это ненадолго, но что делать дальше, не представлял. Если бы я мог сидеть на месте и ждать, я бы так и поступил, но согреться я мог только одним способом — не прекращая движения.

Звонок мобильного оторвал меня от созерцания бесконечной панорамы небоскрёбов и рекламных щитов.

— Русский?

— Что? — я насторожился: голос показался мне незнакомым.

— В четыре у Брайант-парка, на углу Сорок второй и Пятой авеню. Посылка от

Сандерсона.

Я не успел ничего ответить — говоривший отключился. До Брайант-парка я добрался минут за десять. Ещё четверть часа слонялся вокруг, мучительно убивая время. До четырех ещё оставалось несколько часов. Я не придумал ничего умнее, как дожидаться того, кто назначил мне встречу, слоняясь по городу, и изредка присаживаясь отдохнуть на скамейках. Последние два часа я просидел на станции метро, наблюдая за спешившими с поезда и на поезд нью-йоркцами, понемногу откусывая новый хот-дог и запивая его горячим чаем.

На встречу опоздал я, а не они, хотя я целый день кружил вокруг условленного места. Когда я увидел, кто меня ждёт, мне захотелось немедленно идти назад, на уже знакомую станцию метро. Лысый мужик с водянистыми глазками расплылся в издевательской ухмылке, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Стало стыдно — за то, что я оказался в таком положении, противно — за то, что нахожусь среди таких, как они, и неудобно — потому, что за его спиной, из припаркованной у обочины машины выглянул один из уже знакомых мне амбалов.

— И всё-таки ты недостаточно взрослый, парень, — хрипло рассмеялся лысый, когда я поравнялся с ним. — Садись в машину.

Я молча забрался внутрь и едва подавил в себе вздох, когда ощутил обволакивающее тепло салона. Пожалуй, я уже привык к зверскому холоду чужих улиц. И окунуться в тёплый, комфортный мир снова... стало пыткой, какую я себе не мог даже представить. Хотелось закрыть глаза и заснуть. Совсем не хотелось смотреть на пистолет, которым поигрывал широкоплечий водитель. Его напарник сидел в соседнем сидении, а мелкий главарь, обойдя машину, уселся рядом со мной.

— Босс звонил, — прикурив сигарету, проронил он. — Говорит, ты попал в трудное положение. Не повезло, да?

Я молчал: он уже всё знал.

— Послушай, мальчик, тебя ведь просили: разбирайся с делами сам. А ты распустил сопли в первый же день. — Он вздохнул, глядя на меня. — Хорошо, что ты оказался достаточно умён, чтобы не обращаться за помощью к копам. Если засветишься, дело об убийстве Джека Кондора сразу же пойдёт в ход, тебя предупредали.

— Можно пропустить всё это дерьмо и перейти к делу? — грубо оборвал я. — Я всё прекрасно понял. Так получилось, что у меня нет денег. Мне они нужны — и срочно. Что там за посылка?

На меня обернулись водитель с напарником, и, возможно, в другой ситуации я бы унялся. Но после всего произошедшего со мной я уже практически ничего не боялся, и мало задумывался над тем, к каким последствиям приведёт тот или иной мой поступок. Мне казалось, я потерял достаточно, чтобы со мной могли сделать что-нибудь ещё.

— Советую сменить тон, мальчик, — с глухой угрозой в голосе произнес лысый. — И слушать внимательно. У тебя есть ещё последний информатор в списке. Продолжай поиски, вполне возможно, — хмыкнул он, — тебе повезёт в этот раз. Насколько я понимаю, оружие, что подарил тебе босс, ты оставил в Чикаго. Вот, — он кивнул водителю, и тот бросил мне на колени свой пистолет, — защита от негров.

Телохранители дружно заржали, а я с отвращением уставился на рожу лысого. Тепло кондиционера больше не грело, мне захотелось обратно на улицу, вдохнуть ледяной воздух чужих улиц, прийти в себя: в салоне стало душно.

— Деньги?

Мужчина гнусно ухмыльнулся.

— Деньги тебе не нужны. Сам потом поймёшь.

Я молчал. Каким же идиотом я был, ожидая помощи от Сандерсона!

— Если всё-таки бабки понадобятся, с пистолетом найти их будет легче, — ухмыльнулся на прощание лысый. — В том же Бронксе. Впрочем, если ты совсем безнадёжен...

Он достал из кармана несколько стодолларовых купюр и протянул их мне.

— Купи себе что-нибудь, — сказал он голосом, который я никогда не забуду. Пожалуй, в этот момент я ненавидел его так же сильно, как Спрута. Я вспыхнул. Глянул на протянутые деньги, на ухмыляющиеся рожи, на оружие у себя на коленях...

И промолчал.

Взяв в руки пистолет, я положил его в карман, открыл дверь и вышел из машины. Я хотел как можно скорее убраться отсюда, уйти от этого позора, унижения и отчаяния. Много позже я думал: что бы я сделал, будь я чуть голоднее?

Я спустился в метро и просидел там несколько часов, пытаюсь привести мысли в порядок. Когда стемнело, я снова выбрался на поверхность. Глухой переулок здесь, в центре города, я искал долго. Нашёл среди ряда ресторанов на одной из улиц ближе к Центральному Парку. У чёрных выходов рядом со стенами стояли мусорные баки. Не доставая пистолет из кармана, я разрядил его, выкинул обойму в один из контейнеров, затем протёр ствол и выкинул его в соседний.

Ещё какое-то время я побродил по городу, потом понял, что надолго меня не хватит: двое суток на ногах давали о себе знать. Я вернулся в Центральный Парк, нашёл пруд и знакомый мост, забрался под него, сгреб все листья в охапку и уселся сверху.

Это была ужасная ночь. Конечно же, я не сомкнул глаз, хотя виски пульсировали тупой болью, глаза горели от усталости, а ноги распухли в ботинках так, что пришлось ослабить шнуровку. Ещё болела шишка на затылке — там, куда били доской при нападении.

В третьем часу пошёл дождь. Меня трясло от холода, и может, поэтому я не замечал голодных спазмов в животе. Зато у меня осталась масса времени для того, чтобы подумать. С утра я собирался направиться к последнему информатору. Теперь я действительно хотел найти Спрута. Неважно, чем бы всё это закончилось — но это бы закончилось. Я был готов на всё, только чтобы прекратить этот кошмар.

Как только начало светать, я покинул своё убежище. Воровато озираясь, умылся прямо из пруда, хотя ладони при этом тотчас задубели от холода, размялся и сделал пробежку — разогнать кровь по жилам. Холодно мне почему-то не было, я даже вспотел; погода после дождя стала ясной, небо — чистым, и даже в своем жалком положении я обрадовался выступившему из-за вчерашних серых туч солнцу.

Впервые за последние дни я задумался над тем, как выгляжу. Щетина росла у меня плохо и была почти незаметной, но в остальном я понимал, во что превратили меня двое суток на улице. Одежда стала грязной и смятой, волосы едва удалось пригладить и собрать в привычный хвост — но я перестал узнавать собственное отражение в витринах магазинов.

Я почувствовал неожиданный прилив сил: точно к сети подключили резервный генератор. Я прекрасно понимал, что его действия не хватит надолго, и торопился. Как только в Парке появились первые прохожие, я отправился разыскивать последний адрес в списке — семьдесят третья улица, район Амстердам-авеню. Внезапно я поймал себя на мысли, что довольно легко ориентируюсь в центре города. Это, наверное, по принципу

«утони или научись плавать» — я оказался предоставлен сам себе и, не имея других вариантов, выбрал второе.

Я действительно легко нашёл кафе-бар, на котором не усмотрел названия. Пришлось, однако, собраться с духом, чтобы зайти внутрь.

— Эй, мистер, — негромко произнес я, останавливаясь у порога. Спиной ко мне стоял бармен в фартуке, лениво орудуя шваброй. На моё обращение он обернулся, смерил меня взглядом и вопросительно приподнял бровь.

— Мне нужен мистер Ленц.

— Отто, хозяин? — уточнил бармен, снова окидывая меня долгим взглядом. — Его нет. Будет к полудню, не раньше. Ему что-то передать?

— Нет, — ответил я. — Я зайду позже.

Парень посмотрел мне вслед и вернулся к своему занятию. На меня вновь накатила волна отчаяния. Снова ждать! Сколько часов провёл я, бесцельно шатаюсь по проклятому городу или разглядывая пассажиров в метро?! Если я проведу так ещё один день, к утру попросту рехнусь.

В кафе-бар я вернулся ровно в полдень. Внутри уже сидели посетители, и я отметил довольно приличную, даже уютную обстановку заведения. Это показалось мне несколько необычным: предыдущие информаторы Сандерсона ютились в плохих районах, и уж точно не были хозяевами подобных баров в богатых кварталах.

На меня посмотрели странно, когда я появился в зале, но бармен, завидев меня, тотчас махнул мне рукой. Я подошёл.

— Я сказал хозяину, что его спрашивали. Он вас ждёт, мистер.

Я последовал за ним через боковую дверь по узким коридорам вглубь здания. Перед последней дверью, по бокам которой стояли крепкие ребята в кожаных куртках, бармен остановился.

— Здесь.

Стараясь не обращать внимания на поедавших меня взглядами телохранителей, я коротко постучал и провернул ручку.

— Вот тот человек, который спрашивал тебя, Отто.

За письменным столом сидел хорошо одетый мужчина. Он поднял глаза от ноутбука и внимательно посмотрел на меня. Я прикрыл за собой дверь, оставаясь на пороге.

— Присаживайтесь.

У Отто оказался неожиданно приятный, даже мягкий голос, с лёгкой, едва слышной хрипотцой. Внешность тоже впечатляла: копна волнистых тёмных волос обрамляла красивое лицо с аккуратно подстриженной бородкой; внимательный взгляд чёрных, как бусинки, глаз и тонкая серебряная цепочка на шее завершали картину. На вид я бы дал ему лет сорок — сорок пять, но у таких людей, как он, внешность могла быть обманчива.

— Мне сказали, вы знаете, где найти человека по имени Спрут.

Отто приподнял бровь, уголок губ его чуть дёрнулся. Очевидно, его позабавила моя постановка вопроса: я сразу взял быка за рога. Молчал мистер Ленц долго, затем улыбнулся чуть шире и слегка наклонился вперёд.

— Интересно. Вы пытаетесь найти его?

— Ответ очевиден, мистер Ленц.

Мне был противен собственный голос: негромкий, хриплый, бесконечно усталый. Рядом с хозяином заведения я чувствовал себя обнаглевшим бомжом, потребовавшим номер

люкс у менеджера отеля.

— Интересно, — повторил Отто. — Позвольте спросить... зачем?

У меня совсем не осталось сил продолжать разговор в таком стиле.

— Вы знаете, где он находится, или нет?

Мистер Ленц окинул меня долгим и странным взглядом. Мне стало не по себе: что-то было не так. Он...

— Нет, — последовал медленный ответ. — Я не знаю, где находится Спруг. И никто этого не знает. Но если вы его ищете, то будьте уверены, он вас найдёт сам.

Я посидел ещё несколько секунд, затем поднялся.

— Спасибо, мистер Ленц.

— Рад был познакомиться, — снова улыбнулся хозяин. — Воочию.

— Вам обо мне рассказывали?

— О да. Русский из Чикаго, — Отто снова застучал по клавишам ноутбука. — Я о вас слышал.

Развернувшись, я вышел из кабинета. Силы покинули меня, я вновь чувствовал пробирающий холод, безумную усталость, жестокий голод, и желание упасть и заснуть прямо здесь.

Никогда мне не было так плохо, как в этот день. Третий день моего пребывания на улице.

Что ж, я сделал, что мог. Теперь, чтобы не умереть с голоду, мне было необходимо найти работу. Здесь, в этом чужом городе, где всё его население жило по принципу «каждый сам за себя», я не рассчитывал на удачу и легкие победы. Но я и не собирался сдаваться.

В кармане звенела мелочь, передо мной лежал величественный Бродвей, и у меня ещё оставались силы — совсем немного — чтобы бороться за себя. И я был намерен бороться до последнего вздоха.

Часть 2. Чистилище. Город жёлтого дьявола. Глава 2

Глава 2

Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: "Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь". (Рим. 12:19).

Вначале я бродил, не задумываясь о том, куда иду и зачем. От Коламбус-сквера я свернул направо, прошёл пару кварталов и направился на юг. Я смотрел на витрины, пытаюсь увидеть хоть где-нибудь объявление о работе, но мне не везло. Я устал, зверски хотел есть, и окончательно замёрз.

В конце концов, после блуждания по улицам, у меня осталось только одно желание: оказаться в тепле и съесть что-нибудь горячее. Конечно, по поводу «съесть» я поторопился, но зайти в кафе, где наверняка окажется теплее, чем на улице, и выпить чашку чая я вполне мог себе позволить — хотя возможно, это станет последней роскошью в моей жизни. Я хотел этого всеми фибрами измученной души и каждым оставшимся в кармане центом.

Именно поэтому я остановился посреди улицы и осмотрелся. Небольшой ресторанчик на углу показался мне уютным и дружественным, почти домашним. Надпись на вывеске я не сумел прочесть, язык оказался незнакомым. Возможно, я подсознательно искал что-то особенное, что-то национальное — любой страны, только бы не безликий американизм, выглядывающий с каждого рекламного щита. Знаете, бывают на свете места, которые обладают своим секретом притяжения: это оказалось именно таким местом.

В животе заурчало, я невольно прижал к нему ладонь. Стекло витрины безжалостно показывало пыльное, осунувшееся лицо с горящими глазами, и потрёпанную, грязную одежду. Я проторчал снаружи, наверное, минут пятнадцать, разглядывая своё отражение, пока голод не пересилил стыд. Оправив на себе свитер и наскоро пригладив волосы, я зашёл внутрь.

Над дверью мелодично звякнул колокольчик, и мужчина за буфетной стойкой поднял голову. Отступать было поздно.

— Шалом, — улыбнулся он.

Только теперь я сообразил, что меня занесло в еврейский ресторан. Я слабо улыбнулся в ответ: похоже, хозяина не сильно смущал мой внешний вид. Я немного ободрился.

— Чай, пожалуйста, — попросил я, не слишком уверенно усаживаясь за крайний столик. Вместо стульев под окном оказались широкие лавки с кожаными сидениями, вызвавшие у меня почти животное желание лечь и заснуть прямо на них. Они в любом случае выигрывали у ледяной земли и сырых листьев, на которых я провёл две ночи подряд практически без сна.

Хозяин занялся приготовлением чая, а я принялся разглядывать зал. Первой моей мыслью, когда я глянул за окно, было это — наконец-то я внутри, а все эти люди за стеклом — снаружи! Наконец-то не я с бессильной завистью смотрю на обедающих людей в тёплых ресторанах! Глупая была радость, унижительная. Но я радовался.

Кроме меня, ещё один стол занимал тучный мужчина в костюме, в тот момент не спеша намазывавший хлеб маслом: я поспешил отвести от него взгляд. Больше в ресторане никого

не оказалось, и уютная тишина вместе с долгожданным теплом показались мне настоящим раем. Я вымученно улыбнулся сам себе, и снова наткнулся взглядом на мужчину в костюме. Голодный желудок предательски заурчал — слабо, без особой надежды — взгляд невольно задержался на уставленном блюдами столе.

Никогда прежде я не видел с таким удовольствием обедающего человека. Я забыл обо всём на свете, как загипнотизированный уставившись на мужчину. Где-то в глубине души я понимал, что так глаза неприлично, и меня сейчас попросту выставят вон, чтобы не мешал порядочным клиентам, которые заказывают не только чай — но ничего не мог с собой поделаться. Я следил за пухлыми пальцами, отрывающими ножку цыплёнка, смотрел на капли жира, стекающие с вилки, проклятье — да я завидовал каждому глотку вина, сделанному им! Цивилизация слетает с человека тем быстрее, чем он голоднее, подумалось мне, когда мужчина наконец заметил мой взгляд. Я вспыхнул и быстро отвернулся.

— Чай.

Хозяин подошёл совершенно бесшумно, поставил передо мной большую расписную чашку на блюдце.

— Спасибо, — проговорил я. — Может быть, у вас найдётся... — под внимательным и понимающим взглядом мужчины слова застряли в горле, я так и не смог спросить. — Нет, ничего. Спасибо.

Мы остались одни в зале, я и посетитель. Перекинувшись с ним парой фраз, хозяин — которого, как выяснилось из тихой фразы толстяка, звали Моше — отлучился на кухню. Я обхватил свою чашку ладонями и постарался как можно ниже опустить голову. Хотелось исчезнуть или провалиться сквозь землю. Это же надо, решиться спросить о работе перед другим посетителем! Я вёл себя униженно. Это на самом деле жестоко — показывать голодному, как ест другой. Я проклинал себя за то, что решился вообще зайти в глупый ресторан. Мне стало стыдно так, как никогда в жизни. Я сконцентрировался на чашке чая.

Спустя несколько минут кухонная дверь приоткрылась. Женщина в белом переднике пронесла мимо меня поднос с блюдами. От вкусного запаха закружилась голова; я отвёл глаза и сделал глоток чая. Он оказался потрясающим, ещё горячим, сладким, и очень ароматным. Но не настолько, чтобы забивать запахи с соседнего стола. Я снова обхватил чашку руками, стараясь растянуть удовольствие.

— Эй, парень.

Для такого плотного мужчины у незнакомца и голос был под стать: глубокий и сочный. На вид я бы дал ему около шестидесяти, выпирающий живот и крупный, весь в прожилках нос уличали в нём любителя выпить. На безымянном пальце мужчины я успел заметить перстень с камнем, прежде чем взгляд тёмных, блестящих глазок не упёрся мне в переносицу.

— Можешь передать соль? — спросил он, поднимая над столом пустую пузатую бутылочку. — Моя кончилась.

Он говорил с заметным акцентом, но очень бегло. Явно из иммигрантов, которому, однако, часто приходилось пользоваться родным языком. Выбравшись из-за стола, я прихватил солонку из маленькой корзиночки и подошёл к мужчине, стараясь не смотреть на заставленный едой стол.

— Grazie, — улыбнулся толстяк, принимая солонку из моих слегка подрагивающих пальцев.

Я должен был улыбнуться в ответ, и мне удалось это сделать, даже не посмотрев на

разложенную на чужом столе снедь.

— Выручишь старика ещё разок? После схуга, — мужчина кивнул на блюде, заполненное чем-то, по виду напоминающим тёртую зелень, — мало что чувствуешь, кроме адского пекла на языке. Кажется, — он пододвинул ко мне тарелочку с ровными золотистыми кусками, — они недосолены. Ни черта не чувствую, — он доверительно наклонился ко мне, — не хочу расстраивать Моше, Ханна, его жена, так старалась... Как на твой вкус?

Будь я чуть менее голодным и чуть более гордым, я бы, наверное, отказал. Незнакомцу просто нужен собеседник, уверил я себя, чувствуя, как рука помимо воли тянется к еде.

Ханна и впрямь постаралась: куски оказались запечённой в сухарях рыбой, сочной, мягкой, ошеломляюще вкусной. Я слабо улыбнулся.

— Очень... вкусно, — не узнавая собственного голоса, пробормотал я. — Вам понравится.

Мужчина отодвинул стул рядом с собой, похлопал по сидению.

— Садись, bambino, — сказал он, и я почувствовал, что краснею. Всё-таки не стоило так открыто поедать его глазами. — У Моше отличная кухня! Поверь мне, лучшая в городе. Какая гефилте-фиш! Сделай старику приятное: я угощаю. Здесь уже на двоих, — добавил он, кивнув на накрытые крышками блюда.

Удушливый румянец, кажется, залил не только лицо, но и уши. Я попятился от стола.

— Благодарю, но это лишнее, — сумел вытолкнуть из себя я. — Я не хочу... Мне пора.

— Взгляд, — коротко обронил незнакомец. — Тебя выдал взгляд. Садись, парень.

Знаю, что должен был обидеться. Но в тот момент я попросту сдался — а вы бы не сдались?

— Когда-то и я был молодым, — вздохнул незнакомец, глядя, как я осторожно присаживаюсь рядом. — Старые, добрые деньки. Помню то паршивое чувство, когда в кармане последний доллар, а в голове ни одной мысли, кроме как где бы достать жратву. Сколько ты не ел, сынок?

— Три дня, — тихо признался я, отводя взгляд. — Мистер?..

— Вителли, — толстяк протянул мне крупную, мягкую руку. На запястье сверкали массивные золотые часы, а хватка оказалась неожиданно крепкой. — Джино Вителли. Не стесняйся, бамбино. В конце концов, люди должны помогать друг другу.

Я отстранённо подумал, что за время моего пребывания в США мне не так часто встречались люди, которые хотя бы в теории полагали, что другим — ближним — нужно помогать.

Джино оказался замечательным человеком — вначале он всё рассказывал мне о том, как любит еврейскую кухню, что ради неё ездит через полгорода, и что это того стоит; затем о том, какой Моше великолепный повар, потом что-то ещё — и говорил всё это только затем, чтобы дать мне возможность наестся. Или, точнее, утолить первый животный голод. Я бы мог съесть всё, что найдётся в этом ресторане, но, по крайней мере, теперь желудок не терзала острая боль, а я ощутил невероятный прилив сил и почувствовал себя вновь человеком, а не жертвой. Мне нравилось слушать его, улыбаться, когда итальянский акцент становился особенно заметным, и чувствовать всё большее расположение к этому приятному, простодушному толстяку.

Я потянулся за тарелкой с мелко нарубленными овощами.

— Но! — Джино перехватил мой локоть и подтолкнул ко мне свою порцию. — Возьми

эту. Ту лучше не трогать.

— Почему? — спросил я, подозрительно рассматривая овощи. Выглядели они вполне обычно, как и полагается огурцам, помидорам и перцу, нарезанным кубиками.

Вителли поднял пустую солонку.

— Они немного, хм, пересолены, — ухмыльнулся он.

Я не удержался от широкой улыбки: конечно, ни в одном ресторане вы не встретите внезапно заканчивающуюся соль или перец.

Расспрашивать Вителли тоже умел. Хотя не буду врать, что стойко отмалчивался: я не скрытен по природе, а в тот момент любое участие расценивалось мной как высшая благодетель. Может, я и был излишне доверчив, но я пострадал из-за этой своей черты уже достаточно, чтобы навредить себе ещё больше. Джино мне казался стареющим бизнесменом, которого недавно осчастливила внуком единственная дочь, или же наоборот, одиноким дельцом, который за жизнь так и не создал своей семьи, и сейчас расслаблялся в любимом ресторане, а я просто попал под хорошее настроение.

— И как тебя занесло в Нью-Йорк, парень?

Я уже рассказал, как прилетел в Чикаго — Джино слушал внимательно, не перебивая — и что нашёл себе сразу две работы.

— Ты точно счастливчик! — сказал он.

Я пожал плечами и неопределённо улыбнулся.

— Не понравилось в Чикаго? — подмигнул Вителли.

— Как вам сказать... — я замялся. — До какого-то момента очень нравилось. По крайней мере, — я усмехнулся, — лучше, чем когда в Нью-Йорке воруют все деньги, и приходится днями напролёт ходить по чужому городу, не зная, к кому обратиться за помощью.

— Так тебя ограбили!

Я кивнул.

— Занесло в Бронкс. Парней оказалось четверо. Пока я пытался дать отпор, один из них удрал с моими вещами.

— А ты?

— А мне повезло, — мрачно ответил я. — На соседней улице завывали полицейские сирены, они отвлеклись, и я убежал. Дальше ничего интересного, мистер Вителли. Я позвонил знакомым, но они... отказали мне в помощи. После этого я растерялся. Когда я переступал порог этого ресторана... Снаружи ресторан казался таким тёплым, — я вдруг понял, что несу, и мгновенно замолчал, чувствуя, как предательская краска расплзается по лицу. Это был бы хороший момент, чтобы поблагодарить Джино, но я почему-то замешкался.

— Тебе не повезло, — хмыкнул Вителли, откидываясь на спинку стула. Я невольно залюбовался его уверенной позой, руками, уютно сложенными на животе, и дорогим костюмом, так удачно сидящим на его тучной фигуре. Вителли казался мне воплощением успешного и притом добродушного человека. — Чтобы увидеть Нью-Йорк, нужны деньги.

— Не хочу я никакого Нью-Йорка, — слабо отмахнулся я. — Лучше домой, первым же рейсом.

— Впервые вижу человека, прилетевшего в Нью-Йорк и не влюбившегося в него с первого взгляда! — Джино покачал головой. — Почему бы тебе не обратиться в посольство, бамбино? Они сообщат твоей семье...

Я замотал головой.

— Не хочу их волновать, — ответил я. — Ни за что. Я справлюсь, мистер Вителли.

Джино бросил на меня долгий взгляд, но в прищуренных щёлочках глаз я не смог уловить их выражения.

— Твои родители, должно быть, гордятся тобой, Олег.

— Это американское выражение, — сказал я. — У нас говорят «любят».

Вителли смотрел на меня в этот раз дольше. Пришлось сделать вид, что допиваю остатки чая в своей уже давно пустой чашке. Нет, в самом деле, я же не предмет какой и не удачное приобретение, чтобы мной гордиться. Неужели меня любили бы меньше, если я был другим?

— Есть, где остановиться на ночь?

Голос Джино вернул меня к делам насущным. Я помотал головой: сказать словами почему-то не получалось. Вителли прищурился, побарабанил пальцами по столу, и наконец кивнул.

— У меня есть знакомый, сдаёт комнаты. Я могу поручиться за тебя, он даст крышу над головой. Начнёшь работать, отдашь долг.

Я не поверил своим ушам. Мысль о том, что эту ночь я проведу в человеческой постели, в теплоте и уюте, показалась мне настолько трепетной, что я тотчас запретил себе об этом думать: не спугнуть бы.

— Мистер Вителли... я был бы вам очень благодарен... я...

— Потом, всё потом, — отмахнулся от меня Джино. — Устроишься, придёшь в себя, и поблагодаришь. А теперь, думаю, пора отсюда двигать, — он подмигнул мне и ухмыльнулся. — Тебе не мешает хорошенько выспаться.

После неожиданного ужина, щедро преподнесенного мне судьбой в лице Вителли, у меня и в самом деле оставалось только одно желание: лечь и уснуть мёртвым сном. А потом... а потом посмотрим, кто кого.

Джино расплатился за наш обед, оставив щедрые чаевые, и мы вышли из ресторана. На улице было совсем темно, уже горели мертвенным неоновым светом рекламные вывески, и люди торопились домой. Я мгновенно ощутил пробирающий холод, оказавшись на улице после тёплого помещения, и это не укрылось от внимательного взгляда Джино.

— Здесь недалеко, — сказал он, — сейчас свернём в проулок, выйдем на соседнюю улицу. Оставил своего малыша на стоянке. Додж, — пояснил Джино, перехватив мой вопросительный взгляд, усмехнулся и похлопал меня по плечу. — Много места занимает, не припаркуешь у ресторана. Не нервничай, сынок, здесь короткий путь. До Чайнатауна домчимся с ветерком!

Я благодарно посмотрел на него и промолчал, послушно ступая шаг в шаг. Признаться, несколько странно доверять человеку, которого видишь первый раз в жизни, но в тот момент у меня не оставалось ни выбора, ни желания выбирать, как у щенка, послушно поспевающего за хозяином.

Я уже совершенно уверил себя в том, что мистер Вителли — просто добрый подарок судьбы, и не прекращал улыбаться своим мыслям, когда почувствовал взгляд. Неприятный, чужой взгляд в затылок. Пройдя ещё несколько шагов, я не выдержал и обернулся.

Джино остановился, посмотрел на меня, а затем — на трёх парней, приближавшихся к нам.

Они не были похожи на обычных грабителей. Глядя на каменные рожи, неотрывные,

пристальные взгляды, и напряжённые, не подрагивавшие в такт шагам руки, я понял — это за мной. Одного из них я даже узнал: Рокко, тот самый, который вместе с напарниками загнал меня в кубинский район в Чикаго. В его глазах читалась такая ненависть, что я понял: это конец, живым я от них не уйду. В Нью-Йорке не было ни Маркуса, ни Венустиано.

— Твои знакомые, сынок?

Люди Спрута! Но как? Как? Выходит, за мной следили! Видели, как я слоняюсь по улицам, как захожу в еврейский ресторан, разговариваю с Вителли. Дьявол!..

— Уходите отсюда, мистер Вителли, — заговорил я быстро и тихо, не отрывая глаз от приближавшихся к нам парней. — Пожалуйста, уходите.

Они остановились прямо перед нами, в нескольких шагах. Я лихорадочно соображал. Мы находились в глухом переулке между двумя оживлёнными, шумными улицами — парни хорошо подгадали момент. Но теперь за моей спиной стоял Джино, который не заслужил подобного приключения, и я не мог, не хотел рисковать его здоровьем, или — что вполне вероятно — жизнью.

— В чём дело, молодые люди? — вежливо спросил Вителли.

— Заткнись, старый кретин! — окрысился невысокий шатен справа.

— Ты идешь с нами, — глядя мне в глаза, произнес тот, который стоял в центре. Это был не то метис, не то азиат с крепкой фигурой и жёстким, уверенным взглядом. Лицо портила, пожалуй, только искривленная линия рта — словно его губы навсегда застыли в презрительной гримасе. Я сразу понял, что он среди них лидер, и шумно вздохнул, подбирая слова.

— Хорошо, — сказал я. — Только дайте ему уйти.

Азиат бросил ленивый взгляд на Джино.

— Попугчик?

— Да, — ответил я. — Только что познакомились.

— Ублюдок зашёл в ресторан, заказал чай, — подал голос Рокко, сверля меня яростным взглядом. — Старик первый обратился к нему, и он пересел к толстяку за стол. Похоже, что попугчик, Сет.

Азиат вновь посмотрел на Джино.

— Хорошо, — медленно проронил он. — Пусть валит отсюда.

— Пошёл вон, — процедил сквозь зубы Рокко, обращаясь к Вителли.

— Полагаю, мы друг друга... — вновь начал Джино.

Шатен, не двигаясь с места, ударил его ногой в живот. Вителли согнулся пополам, чудом удержавшись на ногах, не падая только потому, что его откинуло к стене дома.

— Не трогай его, сволочь! — крикнул я, бросаясь наперерез уроду, занесшему ногу для второго удара.

Я нанес ему точно такой же удар — страшный удар в живот, куда сильнее, чем пришлось испытать Джино, и определённее точнее. Он не удержался от крика, скрючиваясь у моих ног. В тот же миг мне на шею набросили удавку, и я вцепился в неё двумя руками, откинувшись назад, на грудь к напавшему.

— Будешь рыпаться, — прошипел мне на ухо Рокко, — Сет всадит старику пулю в жирное брюхо.

Я с трудом сконцентрировал взгляд на Джино: он уже оправился от удара и теперь, прихрамывая и держась за живот, отходил подальше от нас. Его никто не задерживал, и у меня немного отлегло от сердца.

— Что Спрут нашёл в тебе, русский? — презрительное лицо Сета закачалось перед глазами, я захрипел, пытаюсь выдать из себя хоть слово. Он достал плоский серебристый пистолет и приставил дуло к моему виску. — Отто сообщает Спруту, тот сразу звонит мне... Я бросаю все дела, мчусь сюда — ради вот этого? Если бы Спрут не описал тебя так подробно, я бы подумал, что ошибся. Осторожнее, Рокко! — прикрикнул на напарника Сет. — Спрут хочет его живым.

— Из-за грёбаного уroda, — сдавленно прошипел Рокко мне на ухо, — Спрут застрелил Виста. Вист не выполнил приказ, и Спрут разозлился. Из-за него, — удавка вонзилась мне в ладони, — Вист теперь мёртв!

Мои мысли вертелись с бешеной скоростью. Что там сказал Сет? Отто сообщает Спруту? Нью-Йорк... Но ведь это Сандерсон дал мне адреса информаторов, чтобы я смог... чтобы я...

Догадка вспыхнула в мозгу так ярко, что я едва не задохнулся от обиды и понимания. Теперь всё вставало на свои места. Конечно же, я не мог убить Спрута, и старый ублюдок это знал! Он просто тянул время, выясняя отношения с бритоголовым мерзавцем — а затем попросту сдал меня! Вот откуда было удивление на лице Отто Ленца! Ленц вовсе не был информатором Сандерсона, он работал на Спрута!

— Не... трогайте старика... — прохрипел я, думая теперь только о Джино. Со мной могло случиться что угодно, но невинные люди не должны страдать из-за меня. Вителли не должен здесь находиться, во всём виноват я! — Отпустите... его...

Сет широко ухмыльнулся. Ухмылка так и застыла на его губах, когда раздался глухой хлопок, и в лицо ему брызнула тёмная, густая кровь. Удавка, сжимавшая мне горло, ослабла. Раздался ещё один хлопок, и Сет резко обернулся. Рокко за моей спиной грузно повалился на асфальт, а я тотчас рванулся в сторону. Ещё один выстрел заставил Сета вскрикнуть и согнуться пополам. Между пальцев, с силой впившихся в простреленное бедро, сочилась кровь. Я вжался в стену, расширившимися глазами глядя на Джино Вителли.

— Пушку на землю.

Я посмотрел на Рокко с дыркой во лбу — точно между закатившихся глаз — на шатена, корчащегося, хрипящего от боли, ещё живого — на спокойного Вителли, чья рука сжимала пистолет так же уверенно, как совсем недавно держала вилку. Мир снова переворачивался с ног на голову.

— Сукин ты сын! — Сет поднял искажённое болью лицо, мельком глянув на своих напарников. Сложно сказать, кто из нас больше испугался, но он точно не рассчитывал на подобный поворот событий. — Что за...

— Пушку на землю, — повторил Джино.

Я вздрогнул: это был не тот человек, с которым я познакомился в ресторане. Во мне нарастала паника. Меня трясло. Я не мог спокойно смотреть, как стреляют в живого человека, как убивают на моих глазах. Я боец, но не убийца. Если вы думаете, что это страшно только в первый раз, вы ошибаетесь.

Я не знал, что думать. Кто он? Кто этот мистер Вителли? Ещё один враг? Сколько можно погружаться в это проклятое болото? Неужели я ещё не достиг дна, неужели можно уйти ещё глубже?!

— Кто ты? — озвучил мои мысли Сет, и я увидел, как напрягается его рука с зажатым в ней пистолетом.

— Парень, — покачал головой Джино. — Я успею раньше.

Похоже, Сета всё-таки пробрало. Перед ним стоял не толстый старик, а опытный и опасный убийца. И Сет сделал правильный выбор. Я бы тоже так поступил, учитывая лёгкость, с которой мистер Вителли всадил Рокко пулю в лоб.

Сет молча отбросил пистолет. С трудом выпрямившись, но не отрывая руки от бедра, он метнул в меня быстрый взгляд, точно проверяя, на месте ли я, затем снова посмотрел на хозяина положения. Помню, в тот момент я успел подумать, что совсем неудивительно, как я не разглядел под пиджаком тучного мистера Вителли ни кобуры, ни оружия.

— Вас послал Спрут, — спокойно уточнил Джино. Сет быстро кивнул, не сводя с него глаз. Губы его кривились, но ничем больше он не выдавал испытываемую боль. — Здесь чужая территория, но разумеется, ни ты, ни твои приятели об этом не знали. Просто кивни, сынок. Ва bene, — ровно, не повышая голоса, одобрил Вителли. — Я тебя не трону. Пойдёшь к Спруту, передашь ему, что здесь произошло. Меня зовут Вителли. Он поймёт.

Я чувствовал, как по моей щеке стекает кровь Рокко — но даже не поднял руку, чтобы вытереть её. Я смотрел на Сета: его лицо исказилось после этих слов. Всё-таки он понял из этого монолога больше, чем я. Я был точно слепой в царстве зрячих: они знали правила своей игры, и только сила решала, кто из них окажется прав. Я же бил вслепую, не разбираясь, не надеясь уже что-либо понять.

— Это всё, — закончил Вителли, по-прежнему держа Сета под прицелом. Я на всякий случай тоже не шевелился. — Теперь можешь идти.

Сет бросил неуверенный взгляд на своего напарника. Должно быть, Джино выстрелил не глядя: парню раздробило нижнюю челюсть и половину лица. Зрелище было не для слабонервных. Кричать он не мог, хотя наверняка испытывал ужасную, адскую боль, и лишь слабо корчился, издавая странные не то булькающие, не то хрипящие звуки. Ему просто не повезло выжить после такого ранения.

— За него не беспокойся, — сказал Вителли. — Я позабочусь.

Сет попятился, коротко глянул на меня и, развернувшись, заковылял прочь, сильно припадая на раненую ногу. Я проводил его почти сожалением взглядом и снова посмотрел на Джино, не спеша отрываться от спасительной стенки.

Вителли несколько секунд рассматривал раненого шатена. Затем поднял пистолет.

Я отвернулся.

— Упокой Господи их души, — пробормотал Джино, пряча оружие в кобуру под мышкой.

Наконец мы встретились взглядами. Почему-то в тот же момент на меня очень некстати напала икота. Вителли шагнул в мою сторону, и я инстинктивно сжался, отводя взгляд. В моём представлении Джино оставался добрым стариком, который помог незнакомому человеку; он просто не мог оказаться убийцей, а я не мог воспринимать его как врага.

— Олег.

У него всё-таки был очень успокаивающий голос и мягкий, мелодичный акцент. Правда, ударение в моем имени оказалось почему-то на первый слог, но я не обратил на это внимания, борясь с икотой. Выглядел я, подозреваю, довольно жалко, потому что Джино попросту протянул руку, взял меня за плечо и сильно встряхнул — так, что я клацнул зубами.

— Идём, — велел он, убедившись, что я смотрю на него.

Я сдавленно икнул.

— Послушай, парень, у меня нет времени на уговоры. Или ты идёшь со мной, или тебя уговорит вот он, — Джино дёрнул плечом, под которым была пристёгнута кобура. — Ты

уверен, что на одной ноге тебе будет удобнее следовать за мной? Всё-таки я бы советовал тебе воспользоваться здоровым смыслом и обеими ногами.

Я торопливо закивал, не в силах издать какой-либо членораздельный звук. Зато, как ни странно, проклятая икота тут же прошла. Джино протянул мне платок.

— Хорошо. Вытри лицо и иди вперёд.

Осторожно переступив через труп Рокко, я нетвёрдым шагом пошёл дальше по проулку навстречу главной улице, полной жизни и огней. Вителли шёл следом. Я слышал, как он позвонил кому-то. Он говорил на итальянском, быстро и тихо, и я понял, что с этого момента окончательно теряю контроль над ситуацией.

Я совсем не собирался убегать. Знаете, мне к тому моменту до смерти надоело бегать. Я был даже рад, что теперь влип уже бесповоротно. По крайней мере, очень скоро всё прояснится.

Наконец мы дошли до многоярусной стоянки и вошли внутрь. У большого, тяжёлого джипа Джино остановился, отпер дверь, и едва ли не впихнул меня на переднее сидение. Ремень я так и не пристегнул: конец с карабином выскользнул из дрожащих пальцев, и я оставил жалкие попытки справиться с собственными руками.

Заняв водительское место, Вителли завёл мотор, перегнулся через мои колени, и выудил из бардачка плоскую фляжку.

— Глотни, парень, — велел Джино, почти насильно всовывая её мне в руки. — Здесь коньяк. Поможет снять шок.

Вкуса я почти не ощутил, только почувствовал, как коньяк обжигает желудок. Джино вырулил на улицу, одновременно набирая номер на телефоне. Разговаривал он снова на итальянском.

Мы кружили по городу с полчаса. Иногда я украдкой смотрел на Вителли и видел его крупные, белые руки, уверенно сжимающие руль. Машина плавно скользила вдоль тротуаров; я не знал, куда мы едем, где находимся, и сколько мне ещё осталось жить. Дно, с которого я так стремительно старался выбраться, внезапно оказалось намного ближе: улыбка фортуны превратилась в торжествующий оскал.

Наконец джип свернул в малоприметный тупик. Вителли заглушил мотор и выключил фары.

— Вы меня убьёте, мистер Вителли?

Джино не стал включать свет в салоне: в густой чернильной тьме я не видел выражения его лица, но слышал, как скрипнуло сиденье, когда он чуть развернулся ко мне.

— Я должен был убить тебя ещё в переулке, — спокойно проговорил Вителли, — но я слишком стар, чтобы не позволять себе думать. Тобой интересуется Спрут, а я, так уж получилось, знаю о нём чуть больше, чем ты. Ты влип в крупные неприятности, Олег. Сейчас для тебя безопаснее оставаться рядом со мной. Видишь ли, сынок, люди, на которых я работаю, не верят в совпадения. И они очень не любят, когда отпускают свидетелей.

— Не понимаю, — признался я, растирая лоб пальцами. От коньяка голова стала тяжёлой, в ушах временами звенело.

Вителли шумно вздохнул, словно борясь с одышкой, и терпеливо пояснил:

— Слишком много совпадений, сынок. Мои хозяева непременно скажут: Джино, незнакомый парень привлекает твоё внимание в ресторане, видит, как ты убираешь двух болванов с пушками, рыдает у тебя на плече, и ты, старый, добрый толстяк Джино, отпускаешь его на все четыре стороны! Не выяснив, а не было ли это совпадение

неслучайным? Они будут правы, сынок, даже если не ты, а я сам пригласил тебя. Отпустить тебя я не могу, — Вителли ослабил галстук, — убивать тоже не стану. Но прежде, чем я отвезу тебя в надёжное место, ты мне расскажешь всё, с самого начала. Ты понимаешь меня, Олег?

Я кивнул и слабо, вымученно выдохнул. Я уже понял, кем был Вителли, и не собирался делать глупостей. В любом случае моя жизнь зависела от того, поверит ли мне Джино.

— Конечно, мистер Вителли, — сказал я. — Я расскажу.

— Хорошо, — подбодрил он меня. — Начни со Спрута. Как ты с ним связался?

...Когда я закончил рассказывать, Джино курил третью сигарету, выдыхая дым в приоткрытое окно. Больше мне нечего было добавить: я выложил всё, от прилёта в Чикаго до сегодняшнего дня. Неожиданная трель звонка заставила Вителли закашляться. Выругавшись, он вышвырнул сигарету и потянулся за мобильным.

— Pronto.

Джип приглушенно заурчал мощным мотором и плавно сдал назад, выезжая из тупика.

— Слушай меня внимательно, бамбино, — заговорил Вителли, глядя в зеркало заднего вида. Мы как раз пересекали широкую улицу с яркими фонариками и вывесками многочисленных кафе, где движение, несмотря на поздний час, всё ещё было плотным. Мне стало немного легче: он снова называл меня так, как в ресторане. — Тебе придётся переждать какое-то время. Босс велел привезти тебя в надёжное место, там ты будешь находиться под присмотром, и Спрут до тебя не доберётся. Уютное местечко, — ободряюще улыбнулся Вителли, — в Маленькой Италии. Выспишься, отдохнёшь. Я заеду завтра, если получится.

Дальше ехали молча. Я устал до такого предела, что почти не верил происходящему. Не боялся я и смерти. Там не могло быть хуже. Жаль уходить из этого мира так рано, не оставив в нём после себя ничего ценного, но если этого не избежать...

У меня не осталось никаких последних желаний. Я только боялся, что сейчас отключусь прямо в машине Вителли: за прошедшие дни организм исчерпал себя до дна, больше ресурсов у него не осталось. В конце концов я уткнулся лбом в стекло, закрыл глаза и не открывал их до тех пор, пока джип не сбросил скорость, а затем и вовсе остановился.

Джино выключил мотор, и тогда я открыл глаза.

— Выходи.

Там, снаружи, было холодно и темно. Как странно устроен человек — он начинает волноваться, только когда ему грозит немедленная опасность, и вспоминает об обыденных потребностях сразу же, как только внешняя опасность исчезает. Это как взрыв атомной бомбы, которого боятся, и как радиация, которой не замечают.

Я вышел из машины. Ничего особенного я не заметил — аккуратные улочки, магазины, кафе. Мы остановились недалеко от небольшого ресторана, за углом. Нас уже ждали двое крепких парней в тёмных костюмах. Вителли перебросился с ними несколькими фразами, затем знаком велел следовать за ними. Мы обогнули ресторан, свернули в едва заметный проулок, который, как оказалось, вёл в небольшой внутренний дворик — аккуратный, ухоженный, с чистыми мусорными баками — наверняка чёрный ход с ресторана на улицу. Здесь конвоиры остановились, а Джино подошёл к одной из двух ведущих во двор дверей, открыл её и кивнул мне. Я молча зашёл внутрь, в пустой узкий коридор, откуда вела только одна лестница — наверх.

Вителли поднялся первым, я — за ним. На втором этаже, где царила такая же тишина и

пустота, как и на первом, было три двери. Джино достал ключи, открыл центральную и вошёл внутрь. Я последовал за ним, итальянец захлопнул дверь,

— Располагайся, — сказал Джино, включая свет. — Приведи себя в порядок. На улицу не выходи. Я найду позже.

Я осмотрелся. Это была скромно обставленная однокомнатная квартирка, в которой прихожая служила одновременно и гостиной, и спальней. В ней имелась ещё крошечная кухня и ванная комната, и при мысли о горячем душе у меня радостно ёкнуло сердце. Даже кровать, нормальная человеческая кровать, а не груда листьев на ледяной земле, не вызвала во мне большего восторга. Я вспомнил сакраментальную фразу о том, как мало человеку надо для счастья.

— Спасибо, мистер Вителли, — произнес я, улыбнувшись на этот раз вполне искренне. По-прежнему слабо, но совершенно искренне.

— Спокойной ночи.

Дверь за ним захлопнулась, но звука проворачиваемых в замке ключей я не услышал. Я бы оценил вежливость со стороны Вителли, если бы не так сильно устал. Я никуда не хотел бежать.

Шагнув в ванную, я включил горячую воду, подставил ладони под струю и несколько секунд стоял, блаженно улыбаясь, впитывая в себя драгоценное тепло. Потом я очнулся и принялся остервенело сдирать с себя одежду, всей кожей ощущая на себе вонь улицы. Из кармана выпал разряженный мобильный — я раздражённо отшвырнул его ногой, торопясь оказаться под тёплым душем. В какой-то момент я поднял голову и увидел своё отражение в зеркале.

Сложно сказать, какая мысль пришла первой. Наверное, всё-таки та, что человек, которого я вижу, мне незнаком. В день, когда я прилетел в Чикаго и разглядывал себя в прихожей нашей с Хорхе квартиры, я себя вполне узнавал. Слишком домашний, как выразился Салливан, и вполне уверенный в себе. Со мной ничего не могло случиться. У меня был дом, семья, самоуважение, друзья. С меня хватало «приключения» с чернокожим бомжом и баскетбола с латиносами. С тех пор прошло всего три месяца — и целая вечность.

Я изменился так, как никогда не изменился бы дома. Моё тело было покрыто синяками, ссадинами, кровоподтеками, на левой руке всё ещё виднелся глубокий тёмно-красный шрам от пули — подарок покойного Рокко в кубинском районе. Болели почки — не от ударов; скорее всего, память о двух проведенных на холодной земле ночах. Но больше всего изменилось лицо. На нём поселилось незнакомое отстранённое выражение: губы плотно сжаты, а в волчьем взгляде лихорадочно горящих глаз недоверие и глухая решимость.

Впрочем, не это поразило меня. Просто внешние перемены заставили заглянуть глубже. Я изменился куда сильнее, чем могло отразить простое зеркало. Я перестал замечать то, что так поражало меня, когда я только прилетел в Америку. Меня уже не оглушали картины жестокости, насилия, не изумляли проявления равнодушия по отношению к себе подобным, не раздражали давящие небоскребы и вывески реклам, от которых рябило в глазах и не было спасения. Я ещё не ассимилировался, но уже привык.

В тот момент я пообещал себе: что бы ни произошло и сколько бы ни осталось мне жить — я не изменюсь. Я не изменюсь, не сломаюсь, не поддамся.

— Меня зовут Олег Грозный, — сказал я своему отражению.

Отражение улыбнулось. По крайней мере, улыбка оставалась прежней — и кое-что ещё. Я по-прежнему не боялся встретиться со своим противником, кем бы он не оказался на этот

раз. Бояться следовало как раз того, что я могу с ним сделать — после всего, со мной произошедшего, я за себя уже не ручался.

Часть 2. Чистилище. Город жёлтого дьявола. Глава 3

Глава 3.

Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною. (1 Кор. 6:12).

— Presto, Олег! Presto! Папа в бешенстве, грузовик не разгружен!

Я молча отставил швабру в угол, сорвал фартук, и выбежал вслед за Примо. На кухне, как всегда, царила полуденная суэта. Ресторан открывался днём, но самый ад начинался вечером, когда посетителей становилось больше.

Мы спустились во внутренний двор, пересекли его и вышли на улицу. Грузовик с продуктами стоял перед въездом, рядом маялся хмурый водитель в мятой кепи. Нам оставалось принять товар и разгрузить машину. Пока Примо подозрительно изучал накладные, я подхватил один из ящиков и двинулся в обратную сторону. Холодильные склады находились за кухней, и я успел сделать четыре ходки, когда работа встала.

— Какого дьявола? — Зловредный итальянец не поленился проверить содержимое ящиков, и теперь размахивал бумагами перед носом у водителя. — Не подпишу!

Кажется, чего-то не хватало. Я не слушал, моим делом было таскать груз.

— No problemo, — согласился водитель, прижимая ящик огрубелой ладонью. — Не пишешь, не грузишь. Парень, ставь ящик на место.

Я вопросительно поглядел на Примо, убедительно изображавшего человека, готового лопнуть от злости.

— Нет, грузи! — не сводя с водителя пылающего взгляда, процедил он. — Олег, бери чертов ящик!

Водитель пожал плечами, но руку так и не убрал. Пока оба спорщика мерялись взглядами, я привалился к боку фуры, гадая, сколько ещё грузовиков придётся разгрузить, сколько споров выдержать, и сколько пройдёт отравленных бессонницей ночей, пока что-то изменится.

Я работал в ресторане уже четыре дня. Наутро после памятной кошмарной ночи — остаток которой, впрочем, я проспал мёртвым сном — меня бесцеремонно растолкал высокий худощавый парень в светлой рубашке и брюках и, не дожидаясь, пока я окончательно соображу, где нахожусь и почему, принялся знакомиться.

— Святая Мадонна, сколько можно спать?! — возмутился он. — Вставай, пока Папа не начал сердиться!

Остатки сна окончательно испарились. Я смотрел на него, он, бесцеремонно и с интересом, как на редкий экспонат — на меня.

— Привет, — ухмыльнулся незнакомец, — горазд же ты спать! Presto, день на дворе, приличные люди давно уже за работой! Тебя, спящая принцесса, как зовут?

— Олег, — ответил я, поднимаясь на ноги.

— Примо Манетта.

Я пожал его руку, и тут же невольно опустил взгляд, почувствовав непривычную пустоту. На правой руке у Манетты не хватало двух пальцев, но хватка была — здоровый

позавидует! Парень оказался подвижный, как молния, трещал почти без умолку, и был не прочь поболтать, но, по его словам, осталось совсем немного времени, прежде чем Папа начнёт сердиться.

— Папа? — уточнил я. — Чей?

— Увидишь, — пообещал Манетта. — Сперва надо тебя привести в приличный вид.

Примо принёс мне комплект чистой одежды — светлую рубашку, джинсы и кроссовки — и велел одеваться быстрее, пока он ещё ждёт.

— Волосы собери, — ухмыльнулся мой визави, протягивая светлую резинку. — В таком виде тебя дальше порога не пустят.

Я быстро привёл себя в порядок. Манетта окинул меня удовлетворённым взглядом и знаком велел следовать за собой. Я осторожно поинтересовался, не запрещено ли мне покидать комнату, на что парень, уперев руки в бока и сделав очень удивлённое лицо — сама невинность — разразился долгой запутанной тирадой. Мол, русские горазды спать, и много о себе думают, если решили, что с ними будут сидеть дни напролёт.

— Будешь приносить пользу, *riccolo*!

И я её приносил. По крайней мере, очень старался. В готовке я разбираюсь так же, как в бальных танцах, но меня и не подпускали к ней близко. Я наполнял солонки, протирал столы и стулья вместе с официантами, подметал и мыл пол, выносил мусор, в общем, был на подхвате. Ощущения оказались новыми. Грязной работой я раньше не занимался, и, насколько помню, не собирался, когда прилетел в Чикаго. Признаюсь, наступать на горло своей гордыне становится гораздо легче после двух ночей под открытым небом и нависшей угрозы жестокой смерти. Я чувствовал, что за мной следят, изучают, но относятся вполне мирно, даже дружелюбно. Я ни в чем не пытался разобраться и ничего не требовал. Я просто наслаждался ощущением безопасности. Я больше не умирал с голоду, находился в тепле и мог спать спокойно. Какое-то время, по крайней мере.

«Папа» Дидимо Палермо, как почти весь работающий здесь персонал, был итальянцем. Вот только в отличие от живых и проворных помощников, сеньор Палермо оказался древним, как мир, высохшим стариком с ястребиным профилем и крайне раздражительным характером. Я спросил у Примо, сколько же ему лет, и оказалось, что девяносто два. Старик по праву считался самым старым членом семейного дела. Очень скоро, буквально в первые минуты своей «работы» в ресторане, я научился избегать контакта с ним так же, как все остальные. Нарваться на плохое настроение — а в хорошем старик никогда и не пребывал — шеф-повара никому не улыбалось. Кроме того, Палермо сильно хромал, и не расставался с длинной ореховой тростью, которой довольно часто пользовался в воспитательных целях.

Мистер Вителли, как и обещал, часто появлялся в ресторане, и я старался не упускать возможности поговорить с ним. Мою судьбу мы не обсуждали — Джино ясно дал понять, что скажет сам, как только придёт время. Мы говорили на отвлечённые темы, и с каждым разом общение становилось всё более раскованным.

Иногда с ним появлялся незнакомый молодой человек, который постоянно сверлил меня мрачным взглядом, но он никогда не садился с нами за стол, дожидаясь Вителли на улице.

В целом в ресторане мне нравилось. Ребята попались хорошие, официанты относились ко мне с пониманием, я мог позволить себе пошутить и посмеяться, и чувствовал себя почти как в большой, дружной семье. Конечно, я никогда не смог бы забыть обстоятельств, при которых попал сюда, и прекрасно понимал, что картина этой дружной семьи, если

вывернуть её наизнанку, обернётся ночным кошмаром. Планка моих требований к людям давно упала ниже критической отметки, и я абсолютно спокойно воспринимал всё так, как есть. Мне нравилось быть с ними, и даже странные придирки сеньора Палермо перестали выводить из себя. Старик, казалось, не спускал с меня глаз, и не проходило и часа, как он обо мне вспоминал, нагружая новым заданием или просто одёргивая по любому поводу.

Со мной начали здороваться. Мне улыбались, я улыбался в ответ, и мне казалось, что я понравился коллективу. Я успел даже выучить несколько итальянских слов. В частности, узнал, что когда слышишь «даго», надо бить в морду, а на «гумба» можно и улыбнуться, ведь это значит, что меня принимают за клёвого парня.

Я продолжал разгружать машину, как всегда, быстро, не теряя ни минуты, и думал о мистере Вителли. Я должен был относиться к нему хуже после того, что увидел, но не мог. Я не знаю, как это назвать, но это тот случай, когда между совершенно разными людьми завязывается вдруг дружба. В тот момент мне оказалось сложно определить, что нашёл во мне мистер Вителли, но для меня он стал в те дни, пожалуй, всем. И я, как не старался этому противиться, находил всё большее удовольствие в общении с ним. Джино был стар, опытен, и знал жизнь куда лучше, чем я. Я был молод, начитан, бескомпромиссен, и поэтому нам всегда находилось, о чем поспорить. Я пытался растолковать Джино то, как должно быть, а он объяснял мне, как получается в жизни. Обычно последнее слово оставалось за мной — я был заядлым спорщиком, а Джино вздыхал и выдавал неизменную фразу: «Ты прав, бамбино, но если не изменишься, долго не протянешь».

Как-то Примо заикнулся, чтобы я поменьше спорил со стариком — сердце, сказал Манетта, у него не железное, и в последнее время барахлит всё чаще. С тех пор я начал относиться к Вителли с ещё большим вниманием, и даже соглашался с ним чаще — просто чтобы не волновать лишний раз. Я очень внимательно отношусь к людям с физическими слабостями, особенно после инсульта, перенесенного моим отцом, и инфаркта, от которого умер мой дед. Я переживаю за близких мне людей, и к замечанию Примо отнёсся наверняка с большим вниманием, чем он на то рассчитывал.

— Последняя? — деловито поинтересовался Примо, заглядывая на склад. — Отлично. Идём на кухню.

Остаток вечера прошёл спокойно. То есть, в привычном хаосе и спешке, но без неприятных инцидентов. Даже Папа не каркал на своих поваров и, как ни странно, почти не придирился ко мне. Имела место занятая ситуация, когда в зале оставались последние клиенты, и мы с Примо расслабились за столом в кухне. Повара и сам сеньор Палермо тоже отдыхали, ожидая времени закрытия, когда в зал ворвался незнакомый мне мужчина и что-то коротко бросил Папе на итальянском. Старик ответил резко, и мужчина тотчас скрылся вновь. Через минуту, однако, мимо кухни стремительно прошли несколько вооружённых автоматами людей. Старик Палермо, до того расслабленно сидевший в своем кресле у двери в зал, выпрямился, свирепо сверкнув глазами. Тёмная трость преградила путь, а сам Папа, бросив быстрый взгляд в зал, шипящим от злости голосом осадил мужчин:

— Через чёрный ход, болваны!

Примо широко ухмыльнулся, глядя на поспешно ретировавшихся через заднюю дверь парней, и затем подмигнул мне.

— Ребятки поехали порядок наводить, — улыбочиво пояснил он. — В Чайнатауне беспредел.

Я кисло улыбнулся в ответ, тотчас поймав на себе пристальный взгляд Папы.

Дождавшись, пока старик не переключит своё внимание на одного из поваров, уронившего на пол нож, я наклонился к Примо и тихо заметил:

— Он на мне дырку прожжёт.

Примо прыснул и тотчас посерьёзшел.

— Нет. Всё-таки за тебя сам Топор поручился. Папа просто присматривает.

— Топор? — не понял я.

— Мистер Вителли, — охотно пояснил Примо.

Я вздохнул.

— Не переживай, — убедившись, что Палермо вышел из кухни, ободряюще похлопал меня по плечу Примо. — Папа отлично разбирается в людях. Я сам слышал, как Папа говорил с Джино. Сказал, либо ты сумел обхитрить его, либо ты и в самом деле не лжёшь.

— Это как же он определил? — заинтересовался я.

— Спроси у него, — посоветовал Примо. Мы глянули друг на друга и рассмеялись.

На самом деле, я уже не ощущал всё происходящее как реальную жизнь. Смерть грозила слишком часто: я перестал воспринимать её всерьёз. Зато, похоже, я понял, почему так часто придирался ко мне сеньор Палермо. Он следил за моей реакцией на тот или иной вопрос, за моим поведением и общением с итальянцами, выстраивал гипотезы касательно меня и тотчас их разбивал. Мне нечего было скрывать, и такой хитрый старик, как Палермо, наверняка догадался об этом сразу.

— Русский! — гаркнул за моей спиной Папа Дидимо.

Мы с Примо подскочили одновременно. Я — от неожиданности, он — за компанию.

— Вителли пришёл, — буркнул Палермо, явно довольный произведенным эффектом.

Я тихо ругнулся, на что Примо ответил широкой ухмылкой — видимо, смысл оказался понятен без перевода — и вышел из кухни. Это был уже всем известный ритуал — весь день использовать безотказного русского, чтобы вечером оставлять его в покое, когда в ресторане появлялся мистер Вителли.

В зале сидела только одна молодая пара, тихо перешёптывающаяся о чем-то в углу: через час мы закрывались.

Джино сидел за своим столиком рядом с кухней, и увидел меня сразу, как только я появился из-за дверей. Он улыбнулся мне, но я сразу отметил тёмные тени под глазами, ослабленный узел галстука, и измотанный вид. Рядом с ним сидел неизвестный мне молодой мужчина, смеривший меня хмурым и неприветливым взглядом — тот самый, который обычно дожидался Джино снаружи.

— Рад видеть вас, мистер Вителли, — поздоровался я.

— Я тебя тоже, бамбино. Присаживайся, сейчас Лия принесёт нам выпить.

Я уселся напротив, искоса глянув на спутника Вителли.

— Это Сэм, — познакомил нас итальянец. — Сэм, это Олег.

Я хотел протянуть ему руку, но наткнулся на его предупреждающий взгляд, и просто кивнул, теряя к нему интерес.

— Выглядите усталым, — сказал я Джино. — Тяжёлый день?

— Старость, — хохотнул итальянец. — Ничего особенного, рутина. Спасибо Сэму, он мне сильно помог.

Парень сдержанно улыбнулся — точнее, приподнял уголки губ, не изменяя при этом выражения лица — и принялся сверлить меня взглядом.

— Как ты? — поинтересовался Вителли.

— Никто не обижает, — ответил я с улыбкой, — Топор.

Джино хмыкнул, внимательно глянул на меня, и покачал головой.

— Мне кажется, я знаю, кто тебе разболтал.

— Это не Примо.

Вителли расхохотался, хлопнув меня по плечу. Лия принесла нам бутылку граппы и три рюмки. Обычно Джино ужинал в ресторане, но сегодня он явно торопился. Мы посидели едва ли полчаса, когда он поднялся, заявив, что ему пора. Сэм встал вместе с ним, проронив, что задержится здесь ещё на минуту. Я не обращал на него внимания; Джино, занятый разговором со мной, тоже.

— Вы заедете завтра, мистер Вителли?

— Непременно, — подтвердил Джино. — Даже раньше, чем обычно.

Он мне показался внезапно таким старым, уставшим, что во мне вспыхнула жалость и тревога. Я осторожно пожал ему руку.

— Вам нужно отдохнуть, мистер Вителли, — негромко сказал я. Мне хотелось добавить что-то ещё, но я не знал, как подобрать слова на чужом языке так, чтобы выразить свою искренность. Впрочем, мне показалось, что Джино меня понял. Он внимательно посмотрел на меня, потрепал по щеке, и направился к выходу. У самых дверей Вителли задержался обменяться парой фраз с выглянувшим из кухни Папой, и затем покинул ресторан.

Я проследил, как он садится в свой «Додж» и проезжает мимо окон ресторана, внезапно почувствовав себя очень одиноким. В частности, кроме Вителли, кому я здесь нужен? Передёрнув плечами, я развернулся, спеша оказаться в людной кухне, где не слышно собственных нерадостных мыслей.

И наткнулся на Сэма. Обойти не получилось — слишком узким был проход.

— Не торопись, — с сильным акцентом сказал он. — Я хочу внимательно посмотреть на тебя, русский.

— Это ещё зачем? — спокойно поинтересовался я. Спокойствие моё заключалось в наличии широкоплечих охранников, сидящих за барной стойкой, и присутствии последних двух посетителей, только что потребовавших счёт. Если Сэм хотел ссоры, то у него просто не получится создать её здесь.

— Хочу рассмотреть, — сквозь зубы процедил Сэм, по-прежнему сверля меня взглядом. Очень сложно презрительно смотреть на человека снизу вверх, но у него это неплохо получалось. — Откуда ты выполз, белобрысый? Из помойки? Ты ведь даже не итальянец. Скажи, как это у тебя получилось? Что ты сделал, чтобы Топор взял тебя к нам? Дай угадаю. Ты расплакался?

Я вспыхнул. Было видно, что Сэм очень зол и с трудом сдерживает себя, но я ещё не понимал, в чем дело. Мы едва познакомились, и я даже не знал, как реагировать. Впрочем, моя вспыльчивость не оставила мне вариантов. Наверное, я всё-таки внутренне переживал все эти дни добровольно-принудительного заключения, и Сэм просто помог выпустить всё это наружу.

— Ревнуешь? — в свою очередь спросил я.

Он побелел от ярости, в глазах разгорелся злой огонь, и я понял, что мирно разойтись уже не удастся. Я попал в точку.

— Не понимаю, что он в тебе нашёл, — с трудом вытолкнул из себя Сэм, сжимая и разжимая кулаки. — Ничтожество, которое не может постоять за себя... giovane...

— Бедный Сэм, — с гадкой улыбочкой произнес я, сравнивая счёт. — Надеялся стать

фаворитом? Все надежды на большое наследство крахом?

С ещё большим удивлением я понял, что угадал окончательно. Понял я это в тот момент, когда Сэм мне врезал. Удар в подбородок едва не откинул меня на спину, но я удержался, зацепившись за стул. Стул перевернулся, но я сумел удержать равновесие, и почти торжествующе выпрямился, посмотрев на противника.

Я ждал этого момента! Бить первым я принципиально не хотел: пусть запомнит, что русские первыми не нападают!

Секьюрити тотчас оказались рядом, заслоняя нас своими спинами от глаз молодой пары, с интересом уставившейся на представление.

— В чем дело, Сэмми? — спросил один из них. В обычном ресторане, уверяю, вы таких охранников не встретите — в костюмах и с пистолетами за пазухой. Впрочем, парни приходили только по вечерам, когда в зале собирались «важные люди».

— Он не может ответить, — коротко улыбнулся я онемевшими губами и двинул своего противника ладонью по шее.

Он охнул, сгибаясь пополам, а я ринулся вперёд, подхватив его подмышки, и потащил за собой. Ногой распахнув дверь в кухню, я протащил его мимо изумлённых поваров, шустро расступившихся в стороны, и замершего Папы к чёрному ходу, и пинком вытолкнул Сэма наружу.

— Эй-эй, ребятки! — раздался за спиной голос Примо. — Вы чего?!

Сэм уже поднимался на ноги, когда я спустился во внутренний дворик, и к моему появлению оказался готов. Он пошёл на меня, как медведь, и, естественно, снова попал под удар: не меняя положения, я ногой толкнул его в живот, отбрасывая на прежнее место.

На улице оказалось прохладно, мой пыл быстро улетучивался. На самом деле, я уже жалел, что позволил обиде взять вверх. Ссора разгорелась на пустом месте, и моя вина в этом тоже была.

— Успокойся, — попросил я его, — давай поговорим.

Он не хотел говорить. Он снова набросился на меня, так стремительно, что я едва успел увернуться. Удар Сэма пришёлся по подоспевшему на свою голову Примо, ринувшемуся нас разнимать.

Парень рухнул как подкошенный, а я наконец разозлился по-настоящему. Жалость — отвратительное чувство, особенно когда жалеешь противника. Сэм развернулся ко мне, и я со всей силой двинул его в челюсть. Упасть ему я не дал: подхватив тело молодого итальянца, я взял его в захват, развернув к себе спиной. Дальше он мог дёргаться сколько угодно — вывернуться у него бы не получилось.

— Успокойся! — я слегка встряхнул его, призывая перестать рыпаться. Сэм был явно слабее меня, и избить его чести мне не делало.

— Ты... русский... — прохрипел Сэм, безуспешно пытаясь разжать мой захват. — Пусти...

Я отпустил. Не потому, что Сэм попросил, а потому, что в этот момент кто-то ударил мне по голове. Несильно, не больно, но достаточно ощутимо.

Я обернулся, потирая затылок, и в ту же секунду Папа Палермо двинул тростью Сэма — так же, как и меня, по голове.

— Idiota! — гаркнул старик, останавливаясь между нами и размахивая тростью. Крепкое ореховое дерево прогулялось по нашим плечам и рукам, вскинутым для защиты, окончательно отделяя меня и Сэма друг от друга. — Какого дьявола вы сцепились?

Сэм пробормотал что-то маловразумительное на итальянском. Я деликатно отвёл глаза, посмотрев на Примо, которому уже помогли подняться и усаживали на ступени. В дверях кухни столпился любопытствующий народ, и на меня смотрели с новым интересом.

— Так вы Вителли не поделили, — сделал откровенный вывод Папа, пристально рассматривая нас с Сэмом. Сэм покраснел, я, подозреваю, тоже. — Два болвана! Ты, — иссохшая рука старика ткнула в мою сторону, — что это здесь устроил? А ты, Сэм? Кретины, — пробормотал Палермо, тяжело опираясь на свою трость. — Выслушайте меня внимательно, мальчики, и запомните на всю жизнь. Когда в одной Семье начинаются внутренние разборки, это нехорошо. Очень нехорошо. А Вителли, — гаркнул Папа уже в сторону Сэма, — вправе поступать так, как сочтёт нужным. Теперь пожмите друг другу руки. Я хочу это видеть.

Молодой итальянец бросил мрачный взгляд в мою сторону. Я подождал пару секунд и первым протянул руку. Сэм тоже подождал, и только затем медленно вытянул свою ладонь.

— Вот так, — удовлетворённо крикнул Папа, наблюдая за нашим крайне коротким рукопожатием. — А теперь с глаз долой!

Сэм, круто развернувшись, быстрым шагом пересёк внутренний дворик, свернул в проулок, ведущий на главную улицу, и скоро скрылся за поворотом. Его никто не останавливал: парню требовалось время, чтобы всё обдумать. Народ постепенно скрылся в недрах кухни, Папа ушёл последним.

Я подошёл к Примо. Парень, как всегда, дожидался меня. Он сидел на ступенях и потирал скулу. Из разбитого носа шла кровь.

— Извини, — сказал я и улыбнулся. — Не думал, что ты полезешь меня защищать.

— Тебя! — тотчас вскинулся Манетта. — Русский варвар!..

— Пойдём, — не слушая возмущённых воплей, я потянул его за локоть. — Приведём тебя в порядок.

Мы поднялись в мою комнату, и Примо плюхнулся в кресло, зажимая нос рукой. Я направился в ванную. Там я намочил два полотенца — одно приложил к своей скуле, второе отнёс Примо. Парень с бурчанием принял его левой рукой, занявшись своим носом.

— Пальцев лишился тоже так же? — решил поинтересоваться я. — Полез, куда не просили?

Манетта хмыкнул.

— Нет. Всё гораздо проще, русский. Пальцев я лишился в неудачной перестрелке: пистолет разорвало прямо в руке, указательный и средний пальцы спасти не удалось. Но я не сильно переживаю, — Манетта подмигнул мне, — у меня осталось ещё восемь.

Я усмехнулся в ответ. Как у них всё здесь просто. Впрочем, Примо был прав, недостача пальцев не мешала ему жить. Стоило только посмотреть, что он вытворял с ножами! Я за эти дни так и не научился шинковать овощи так же умопомрачительно быстро, как он.

— Твой телефон? — кивнул Примо на разряженный мобильный у окна.

Я кивнул.

— Почему не пользуешься? — снова поинтересовался он, запрокидывая голову так, чтобы кровь окончательно успокоилась.

— Разряжен, — пояснил я. — А зарядки у меня нет.

— «Самсунг»? Могу поделиться.

— Здорово.

Мы умолкли. Через некоторое время я отнёс своё полотенце в ванную, Примо остался

рассматривать потолок. Говорить расхотелось: напоминание о проклятом телефоне вызвало целую волну неприятных образов. Как не старался я не думать о прошлом, оно находило способ напомнить о себе. Сандерсон, «Потерянный рай», Спрут, Нью-Йорк, мафия...

— О чём задумался?

— О будущем, — откликнулся я.

— Переживаешь? — догадался Примо.

— Что твои боссы решат насчёт меня? — ответил я вопросом на вопрос.

— Боссы? — удивился парень. — У нас все дела решает только один босс, сеньор

Джанфранко Медичи.

Я удивился.

— Медичи? — в мозгу вспыхнула целая череда исторических образов. — Из тех самых?

Интересно... неужели из той самой династии пятнадцатого века?

— Э-э-э... нет, не думаю, — признался Примо. — Вряд ли. Сам Змей об этом не говорит.

Так я узнал прозвище главы Семьи. Когда мне довелось увидеть его в первый раз, я готов был поклясться, что это слово подходит ему на все сто процентов.

В тот вечер мы долго не разговаривали. Манетта не стал успокаивать меня, но и каких-либо определённых ответов не давал, и мне это вскоре надоело. Я лёг спать раньше обычного, даже не спустился к позднему ужину, который обычно организовывали повара в конце рабочего дня.

Спал я беспокойно. Мысли не давали уснуть, и я в который раз в своей жизни пожалел, что не умею курить. С другой стороны, я бы зависел в таком случае не только от воздуха, которым дышу, пищи, которой питаюсь, но и от никотина. Я ворочался с боку на бок, пытаюсь хоть как-то упорядочить мысли в голове. Получалось плохо. Я ничего не знал о своём будущем, не мог даже предполагать, не знал даже, чего теперь мне желать и чего опасаться. Я знал только одно — я не могу оставаться здесь. Наверняка об этом догадывались и другие.

Звонок прозвучал так неожиданно и резко, что я вздрогнул в постели, не сразу сообразив, что происходит. Я почти заснул, близился рассвет, и мне показалось, что звонок я слышу во сне. Но трель продолжала звучать — противная и сверлящая, точно зубная боль.

Я вскочил с постели и схватил мобильный, выдёргивая шнур зарядки из сети. Высветившийся на экране номер был мне незнаком.

— Я слушаю.

— И слушай внимательно, напарник. Несколько часов назад я убил своего лучшего помощника. Кажется, вы были знакомы?

Я молчал. Я узнал бы этот голос из тысячи. Я очень хорошо его запомнил в ту проклятую ночь, и не забыл бы уже никогда.

— Сет проклинал тебя, когда я выстрелил. А ведь я предупреждал его. Предупреждал, что ты не такой пушистый, каким кажешься. Он не поверил. Ему некого винить, он сам наступил мафии на хвост. Мне пришлось загладить его вину перед сеньором Медичи, исправить ошибку, наказать всех виновных, извиниться, доказать, что парни ошиблись...

— Откуда у тебя мой телефон? — хрипло спросил я.

Спрут коротко рассмеялся.

— Мы с Сандерсоном решили все проблемы, и он оказал мне услугу. Можешь радоваться, напарник — с этих пор у тебя нет обязательств перед стариком. Ты теперь

только мой. И позволь сказать, сладкий — у тебя нет шансов. Из-за тебя гибли мои люди. Из-за тебя я вляпался в Медичи, подставляя авторитет другого клана, чей заказ выполняю, — голос Спрута дрогнул. В нём исчезали человеческие нотки, уступая хриплому звериному рычанию. — Из-за тебя я стал объектом для насмешек, подмочил репутацию! Ты, сопливый ублюдок, оказываешься хитрее меня! Не думай, что ты такой уж везучий, урод. Медичи больше не придраться ко мне, я выполнил всё, что требовалось. Мы разошлись мирно, у меня нет врагов. А у тебя больше нет союзников. Я не дам тебе быстро умереть, напарник! Ты даже не представляешь, что я за человек. Ты не подозреваешь, сколько есть способов заставить тебя корчиться от боли и умолять о смерти... Да ты, наверное, даже не знаешь, что такое боль...

Я отключил телефон. Наверное, полчаса я просидел неподвижно, уставившись невидящим взглядом в одну точку.

Потом поднялся, забрался под одеяло с головой и уснул мёртвым сном.

Когда через пару часов я проснулся, уже совсем рассвело, и мне оставалось только одеться побыстрее, привести себя в порядок и спуститься вниз.

Перемены я заметил сразу. На меня не обращали внимания. Обычно, как только я появлялся в кухне, в ответ на моё приветствие откликались сразу все; внимание позволяло мне думать, что я имею для них какое-то значение. Что им будет не всё равно, если меня вдруг не станет. Красивая была иллюзия, она делала уютным моё пребывание здесь.

В этот раз мне ответили только двое поваров, да и то смято и неубедительно. Я с удивлением заметил, что промолчал даже Примо, уместившийся между холодильной камерой и дверью в кладовую. Манетта резкими, отрывистыми движениями перебирал овощи, сортируя их по разным ящикам. Правда, через полчаса на кухню заглянул Папа, смачно выругал парня на итальянском, и Примо молча поднялся, даже не огрызаясь, и принялся перетаскивать ящики в кладовую — чтобы не мешать поварам. Я вызвался ему помогать.

На царившую вокруг меня напряжённую атмосферу я попросту не обращал внимания, мои мысли занимал только Спрут. Как мало я о нём знал. Как мало мне о нём хотелось знать... Когда я жил в Чикаго, все вокруг говорили, что он псих. Теперь я не был в этом так уверен. Действовал бритоголовый убийца вполне трезво. Чем дальше, тем больше мне становилось не по себе — из-за меня уже гибли люди. Пусть подонки вроде Сета или Виста, но — люди... Сет, по словам Спрута, являлся его лучшим помощником. И Спрут его не пощадил. Но должно же быть и у этого татуированного подонка слабое место!

— Что случилось? — спросил я у хмурого Примо, стремясь звуком своего голоса заглушить гнетущие мысли.

Молодой итальянец ответил не сразу.

— Босс приехал, — наконец прозвучал ответ. Глаз он не поднимал.

— Это плохо?

Примо метнул в меня быстрый взгляд и тотчас отвёл глаза.

— Ты совсем ничего не понимаешь? — негромко спросил он. — Не чувствуешь, что происходит?

— Может, хочу, чтобы ты сам мне сказал, — спокойно ответил я.

Манетта снова поднял на меня глаза, и в них блеснула злость.

— А я надеялся, что ты догадаешься, — отрывисто сказал он. — Мы все надеялись, что будет по-другому. Тебя успели полюбить, Олег.

— Ты говоришь так, будто я уже мёртв, — ещё спокойнее произнес я.

— Послушай, — Примо снова вернулся к своему занятию, спрятав глаза, — всю ситуацию, связанную с твоим дружкой, давно и успешно разрулили. Тебя оставили только потому, что чётких указаний на счет тебя не поступало, а Джино хотел, чтобы ты оставался в безопасности. Сегодня приедет сеньор Медичи. Босс удовлетворён извинениями, и знаешь, что это значит для тебя? Ох, да ни черта ты не знаешь! — внезапно разозлился Манетта. Он раздражённо замолчал, и я не стал больше трогать его.

Мы проработали так до полудня, я в основном выносил становившиеся лишними после сортировки ящики и убирал мусор после нервных движений Примо — Папа терпеть не мог, когда работали неаккуратно. Я ещё подумал, что буду скучать по склочному старику. Как ни странно, к нему я привязался почти так же сильно, как и к Примо. Да и ребята в ресторане казались мне хорошими людьми: я неплохо провёл с ними время и совсем не хотел их покидать. Но я знал, что очень скоро всё изменится.

Дверь в кладовую приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить гладкую голову Энцо, помощника мистера Вителли. Я видел его всего один раз; нас не представили, но Примо в тот раз очень живописно его описал: Манетте Энцо почему-то не нравился. Примо энергично проворчал нечто малопонятное на местном диалекте, потирая изувеченную руку. Судя по экспрессии фраз, пожелание вряд ли отличалось приличием. Энцо быстро огляделся и, заметив меня, расплылся в улыбке.

— Олег, вот ты где, — протараторил он, втискивая между створками плечо, — идём скорее. Джино хочет тебя видеть!

Я оглянулся на Манетту. Тот перебирал картофель, раздражённо швыряя овощи в ящик с таким видом, словно от этого неприятный момент мог отодвинуться в неопределённое будущее.

Неопределённость — самое худшее из состояний. В моём случае можно было строить десятки предположений, и ошибаться в каждом.

Вокруг происходили непривычные вещи: идя мимо кухни, я видел сочувствующие, даже траурные взгляды, несколько раз слышал быстрый шёпот за спиной. Папа Дидимо раздражённо отмахнулся от меня, точно от надоедливой мухи. Они знали то, чего не мог знать я, и кажется, успели мысленно со мной проститься. Если так, я был готов. Мне слишком хорошо дали понять, кто такой сеньор Медичи. Присутствие незнакомых людей в тёмных костюмах в зале и коридоре, по которому мы шли, только усиливало атмосферу напряжённого ожидания.

Перед кабинетом для важных посетителей, вертя в пальцах изрядно помятую сигарету, ждал Вителли. Энцо незаметно отстал, так что к Джино я подошёл в одиночестве. Вителли выглядел обеспокоенным — слишком уж крепко он приобнял меня за плечи.

— Босс хочет видеть тебя, Олег, — негромко проговорил Джино. — Веди себя спокойно. Не говори, пока не спросят. В глаза Медичи не смотри, если только он сам не подаст тебе знак. *Auguro buona fortuna*, — пожелал он, хлопнув меня между лопатками. — Пора.

За дверью оказалась погруженная в полутьму комната. Удивительно, учитывая, что на улице стоял солнечный, яркий день. Здесь, казалось, даже время остановилось. Отделанные деревянными панелями стены тонули в тенях. Единственным освещённым пятном оказался стол. Жёлтый круг света от низко повешенной лампы падал на зелёное сукно, концентрируясь на раскрытых папках с бумагами. Окна скрывали опущенные жалюзи, от

табачного дыма воздух стал серым. Тяжело сопя, Джино протиснулся к незанятому стулу, устраивая грузное тело на потрескивающем сидении. Я остался один у двери.

За столом сидели четверо мужчин. Пятый, бритоголовый, занял кожаное кресло у окна. В руках он держал развернутую газету. На подлокотнике висел сложенный пиджак, ярко выделялись светлые рукава рубашки под жилеткой костюма. Жалюзи на окне оказались приподняты, с улицы лился дневной свет, но черт лица я не разглядел: незнакомец сидел спиной к свету. Перевернув лист, он вернулся к чтению, отгораживаясь от остальной комнаты.

Все четверо за столом курили, перед каждым стоял наполненный до половины стакан с виски. Лед ещё не успел растаять, значит, ждали недолго. Троице на вид было от сорока до шестидесяти, четвёртый, молодой, с впалыми щеками и ямкой на подбородке, поглядел на меня с вялым интересом. Я мысленно усмехнулся, разглядывая дорогие шёлковые рубашки и костюмы, идеально подогнанные по фигурам.

Несколько минут ничего не происходило. Я стоял, заложив руки за спину, в классической позе секьюрити — опыт работы в «Потерянном рае» — и с деланным интересом разглядывал холёные рожи.

Я не знаю, что меня всегда напрягало в таких людях. Но если вы присмотритесь, то тоже заметите разницу. У них даже лица другие. Как продажные женщины теряют свою красоту, так и их человеческие черты искажаются, и глаза теряют живой блеск. У них точно бельмо на глазах. Они смотрят на мир через него, как сквозь призму, видят его искажённым, и делают его искажённым.

Где-то я читал, что такие люди рождены и воспитаны религией денег. Главным принципом религии денег является получение удовольствия от насилия. Она призывает бить слабого, обманывать ближнего. Этот принцип прямо противоположен христианству, это принцип антихриста. И если кому-то это кажется вымыслом или псевдонаучным бредом, стоит всего один раз встретиться с такими людьми в тяжёлый момент своей жизни. Если вы потеряете свой статус, дадите слабину, хоть немного изменитесь, отступив от *их* законов — вы станете плебсом, навозом, удобрением, которое требует соответствующего отношения.

Нет в этом ничего удивительного — у всех свои мерки мышления. Кто-то мыслит категориями добра и зла, чести и подлости, кто-то меряет мир и людей в нём по степени пользы, которую можно из них извлечь. Интересно, какую реакцию лично у вас вызывают слова «благородство, верность, честь»? Хочется надеяться, что не саркастическую усмешку. У меня на родине ещё остались люди, для которых эти слова — не пустой звук.

О моём присутствии словно забыли. Итальянцы просматривали бумаги, лежавшие на столе, обменивались короткими фразами, пригубляли виски или раскуривали новые сигареты. От дыма у меня запершило в горле; я в очередной раз пожалел, что не курю: может, тогда было бы легче переносить эту вонь. Помня напутствие Джино, я выжидал, рассматривая мафиози: когда ещё мне доведётся увидеть живых гангстеров, образом жизни которых я так восхищался в детстве? Ещё я пытался вычислить среди них мистера Медичи.

Я остановил выбор на импозантном мужчине во главе стола. Густые седые волосы, зачёсанные назад, придавали ему крайне солидный вид. В уголке плотно сжатых губ застыла тонкая сигарета, пронзительный взгляд буквально пробирал насквозь. Тёмно-серый костюм выглядел настолько строгим и одновременно элегантным, насколько может выглядеть очень дорогой костюм, притом так, чтобы это мог понять даже неискушённый новичок вроде меня.

Мафиозо, сидевший по левую руку от мужчины, оторвался от бумаг и, скользнув по мне

ленивым взглядом, коротко бросил соседу:

— *Porrpante...*

Я вспыхнул, в ушах зашумело от прилившей крови. Несколько раз в мой первый день работы на кухне этим словом меня обзывал Папа Дидимо. Я тогда заинтересовался, и Примс услужливо перевёл. Сволочи! Эти холёные, уверенные в себе... мужчины оценивали меня точно бессловесный скот! *Porrpante...* сосунок.

— Захлопни пасть, — ровным голосом произнёс я, и в комнате вдруг воцарилась абсолютная тишина. Этого ждали — что я сорвусь. Но явно оказались не готовы к тому, что заткнуть меня будет непросто. — Или выйди и докажи, что ты лучше меня. Сомневаюсь, что у тебя получится.

За спиной у меня раздалось невнятное сопение — Джино нервничал. Я же пытался сосредоточиться на том, чтобы мой голос не дрожал.

— Вот видишь. Ты остался сидеть.

Голос всё-таки дрогнул; ярость рвалась наружу. В лице побелевшего от гнева мафиози я видел всех тех паразитов, на которых успел насмотреться вдоволь за свою жизнь. Зажравшиеся недолюди. Глисты, пожирающие организм общества. Вот только они не знают, что червь точит плод, но самдохнет до того, как ему удаётся оттуда выбраться.

— И знаешь, почему? — пользуясь повисшей в комнате гробовой тишиной, продолжил я. — Потому что тебе нечего поставить против меня. Что у тебя есть? Только твой статус и твои деньги. И ты очень боишься их потерять. Ты зависим от них, ты без них ничто. Поэтому ты не решаешься поступать так, как считаешь правильным. Например, врезать мне. Потому что Змей не велел.

Тут я хватанул через край: сзади раздался громкий кашель, Вителли отчаянно пытался привлечь моё внимание. Тщетно. Я ненавидел эти рожи, полные самодовольства и осознания собственной безнаказанности, неприкасаемости, превосходства... Я их ненавидел.

— И пока ты ждёшь команды своего босса... я могу говорить тебе всё, что угодно. Сделать с тобой всё, что угодно. Действовать так, как никогда не сможешь действовать ты. Потому что я, в отличие от тебя, свободен.

Повисшую после моей тирады тишину можно было резать на тонкие ломти. Несколько секунд ничто в комнате не менялось. Затем с шумом отодвинулись стулья. Мафиози молча покидали кабинет, словно разом вспомнили о важных и неотложных делах. Я слышал, как тяжело, точно раненый, дышит Джино, но ни говорить, ни двигаться ещё не мог. Я буквально чувствовал, как в приступе гнева от лица отхлынула вся кровь, и сейчас медленно успокаивался, хотя по-прежнему не мог разжать сведенные за спиной руки. Говорить я тоже не мог: я и так сказал больше, чем требовалось.

Я ошибся. Седой мужчина вышел последним, прикрыв за собой дверь. Бритоголовый в кресле неторопливо отложил газету.

— Подожди за дверью, Джино.

В голосе донна Медичи, как и в речи Вителли, слышался мелодичный акцент. Бархатный, как крылья бабочки, и острый, как прикрытый тканью стилет. Не знаю, что думал в тот момент Джино: на лбу у него пролегли глубокие складки, тёмные глазки беспокойно перебегали от босса ко мне. Бросив последний ободряющий взгляд, Вителли покинул комнату.

— Возьми стул и сядь, — велел Медичи, указывая на свободный участок у окна.

Позиция, выбранная им, позволяла видеть моё лицо, самому оставаясь в полутени. Поставив стул, я сел. Молчание затянулось. Я чувствовал взгляд, изучающий, пытливый, и решил нарушить ещё одно правило. Я посмотрел в глаза Змею.

Они оказались синего цвета. Холодные, словно все льды Арктики. Глаза безжалостного руководителя, жестокого, опытного, не знающего поражений. Я знал, что между Медичи и Джино десять лет разницы, но с таким же успехом мог бы дать ему от сорока до пятидесяти. Несколько морщин пересекали лоб, жёсткие, сухие губы были крепко сжаты. Я ощутил лёгкий прохладный запах парфюма. Отводить глаза я не стал: это стало бы проявлением слабости. Кроме того, во мне проснулся слабый интерес. Змей не вызывал отрицательных эмоций. Я не хотел думать о нём плохо. Да и что я терял? Уже ничего...

— Чего ты ждёшь? — неожиданно спросил Медичи.

Вопрос застал врасплох. Я растерянно пожал плечами.

— Ничего. Для меня и так уже сделали достаточно.

Находясь один на один с итальянцем, я понял, почему остальные предпочитали помалкивать. Люди, подобные Джанфранко, излучают уверенность, спокойствие, и вместе с тем заставляют вас чувствовать себя на краю пропасти. Я не боялся: человеческий суд меня не пугал, а к высшему я был готов. Но сейчас, чувствуя на себе взгляд дона Медичи, мне почему-то жадно, до боли захотелось жить.

— Мне рассказывали о тебе, — Медичи положил руки на подлокотники кресла, — Олег Грозный. Вителли поручился за тебя. Знаешь, чего он просил?

— Принять меня?

Медичи усмехнулся.

— Семья, Олег, это большой, хорошо отлаженный механизм. Каждая часть на своём месте, каждая выполняет свою работу, не мешая остальным. Ты не будешь полезен.

Я отвёл глаза. Я всё-таки не ошибался. Такие, как Змей, оценивают стоимость человека по степени его полезности. Мне не оставалось ничего другого, кроме как сидеть и слушать. Что я мог сделать, если Медичи уже всё решил? Моя жизнь в это момент не стоила ничего.

— Меня убьют.

— Я бы так и поступил, — едва заметно кивнул дон, — ты слишком много видел. Свидетели мне не нужны.

— Но я мог бы быть вам полезен, — криво усмехнулся я. Странное дело, можно не бояться смерти, и в то же время пытаться протянуть время, ухватить последний шанс. Или, по крайней мере, насладиться последними моментами. — Кроме того, я не стану свидетельствовать против вас или любого другого из вашего окружения.

— Предлагаешь поверить тебе на слово?

— Вы разбираетесь в людях, мистер Медичи, — я пожал плечами, — вы знаете обо мне всё, и можете сделать многое. Я только могу повторить. Я не враг вам или мистеру Вителли.

— Ты действительно мог бы быть полезным, — заметил Джанфранко. — Отличный боец, умный, уважающий традиции молодой человек. Джино будет расстроен, он готов отстаивать тебя вопреки здравому смыслу.

— Это плохо?

— Неправильно.

Я усмехнулся.

— В вашей власти принять то решение, которое вы посчитаете верным.

В тот момент я был почти уверен, что меня всё-таки убьют и, наверное, на какое-то

мгновение испугался. Грубость спасала меня от того, чтобы показать свой страх. Но мне показалось, что сеньор Медичи всё понял. И решил быть снисходительным.

— Власть... — помедлив, проговорил он. — Люди готовы платить обожанием, если я дам им почувствовать себя защищёнными.

— У нас это называют "молодец среди овец", сеньор Медичи, — хотелось перед смертью сказать как можно больше. — Легко получить обожание стада. Или стаи. Попробуйте завоевать уважение равного себе. Власть ведь не в деньгах, не в силе. Сила — это ещё не власть. Власть — в доверии. Нет доверия, нет власти. Максимум, можно воспользоваться силой или деньгами. Но если нет доверия... власти тоже нет. Хотя вы можете подумать, что я слишком молод, чтобы судить об этом.

— По-твоему, мне не доверяют? — Спросил Медичи. Вкрадчивые нотки, звучавшие в его голосе, скрывали другие, металлические, грозные, как ворочающийся вдалеке гром. — Чтобы прийти ко мне со своими бедами, люди должны знать, кому вверяют жизнь и благополучие не только самого себя, но и своей семьи. Разве без доверия, о котором ты так ревностно печёшься, они бы стали просить такого, как я, Олег?

— Я бы назвал это отчаянием, а не доверием, сеньор Медичи. Идти к такому, как вы.

— Ты не итальянец, — усмехнулся Джанфранко, — у нас разные понятия о доверии и отчаянии. Но и в том, и в другом случае, я могу дать нуждающемуся защиту и поддержку.

— Какое имеет значение, итальянец или русский? — искренне поразился я, снова взглянув на Джанфранко. — Разница только в нас с вами, в наших возможностях. Вы... — я вдруг запнулся и улыбнулся — несмело, но искренне. Мне кажется, Змей тоже понял, что мы говорим на разных языках. И никогда друг друга не поймём. Не захотим понять. Он — в силу возраста и привычки, я — в силу непробиваемого максимализма.

Я вторично нарушил рекомендацию Вителли. Вообще ситуация оказалась, конечно, глупой: обвиняющая сторона не знала, что на самом деле собой представляет сторона слушающая. Медичи смотрел на меня, словно ожидая дальнейшей реакции, а я смотрел на него.

Между нами лежала пропасть. Дело было не только в возрасте или социальном положении. Каждый жил в собственном мире, поступая согласно своим законам и убеждениям. Джанфранко Медичи не привык слышать отказа, он не ошибался, и он не знал жалости. Более страшного врага я не представлял, но ещё меньше мне хотелось иметь Змея своим покровителем. Если от Сандерсона или Спрута я мог уйти, то путь Медичи для меня означал только одно: бездна.

И он теперь видел, что я это знаю. Когда он заговорил, его голос звучал ровно, без единой эмоции.

— С тобой возникнут проблемы. Не сейчас, в будущем. Ты слишком честен и прямолинеен, чтобы выполнять нашу работу. Ты не умеешь убивать, и беспрекословно подчиняться приказу тоже не будешь. Я знаю Вителли, он помогал бы тебе, покрывая твои промахи, но однажды ты откажешься выполнить поручение. Ты начнёшь играть против меня. И мне придётся тебя убрать. Система должна работать без перебоев. Мне не отказывают.

— Понимаю, — тихо сказал я. — И что вы решили?

— У тебя есть несколько минут. Можешь проститься с Вителли. Затем мой человек отвезёт и высадит тебя в городе, в любом месте, где пожелаешь. Спрут не оказывал нам услугу, а я не намерен помогать Курту разыскивать тебя. Я не желаю тебе удачи — таким,

как ты, она ни к чему.

Лежащая на подлокотнике кисть Медичи дрогнула: мне указывали на дверь, давая понять, что подошёл конец встречи.

Курт. Спрут.

Я помедлил секунду, затем поднялся.

— Олег, — позвал Медичи, — Спрут найдёт тебя. Держись людных мест, не бойся звать на помощь: он не осмелится стрелять в тебя при свидетелях. Ему нужна месть, он постарается взять тебя живым. Обрати это в преимущество.

— Спасибо, мистер Медичи, — улыбнулся я, берясь за дверную ручку. — Хотя сомневаюсь, что у меня есть преимущества в этой ситуации.

Уголки губ Медичи чуть дрогнули. Я на всю жизнь запомню его лицо в тот момент. То, что заменяло ему улыбку. Самую настоящую человеческую улыбку, выраженную в едва заметном изменении мимики лица. По крайней мере, я сумел увидеть настоящего дона Медичи. Пусть и на один только миг.

Вителли ожидал за дверью.

— Что? — он заглянул мне в глаза, схватил за руку. — Что?

— Я приду через минуту, мистер Вителли, — я отвернулся от него, — встретимся в зале.

Он всё-таки увидел мои глаза. Скорее всего, поэтому отпустил мой локоть, позволяя мне уйти. Я слышал, как он открывает дверь кабинета — наверное, решил узнать у самого Змея, чем закончилась встреча. Я не оборачивался.

Пройдя коридор с курящими мафиози, проводившими меня долгими взглядами, я миновал служебные помещения и влетел в уборную, захлопнув за собой дверь. Не глядя на себя в зеркало, открыл кран, набрал полные ладони воды, и опустил на них горящее лицо.

В ушах звенело, в глазах щипало. Я не понимал, что со мной происходит. Совсем не понимал. Я пытался прокрутить в голове разговор с Медичи и не мог. Что я там наплёл? Про доверие? Про власть? Идиот... Что мог подумать про меня Змей? Ничего хорошего. Только то, что заставить меня, кретина, подчиняться, можно будет только одним способом — заслужив моё уважение. Неконтролируемый. Не запугаешь, не заставишь. Не слишком ли высоко себя ценишь, *popante*?

Я мог бы остаться. Усмирить гордыню, подчиняться приказам. И как сыр в масле кататься под боком у Вителли. Джино...

Я и не подозревал, как сильно привязался к проклятому итальянцу. Он дал мне почувствовать себя важным, нужным... защищённым, как в детстве. Всего через несколько минут я снова окажусь на улице, лицом к лицу со Спрутом, и на этот раз мне никто не поможет. А я не справлюсь один.

Я захлебнулся водой и закашлялся, отплёвываясь от попавших в горло капель. Наскоро вытер лицо и вышел в коридор.

— Олег? — высунувшийся из кухни Примо бегло взглянул на ожидающего меня парня в чёрном костюме, на мою мокрую рубашку, горящие глаза. — Ты...

— Покидаю ваш замечательный отель, мэтр, — широко улыбнулся я. — Благодарю за проведенное в этих стенах время! — я похлопал его по плечу, не давая вставить ни слова. — Попрошайся за меня с Папой. И с ребятами. Я буду помнить вас.

— Уже? — Манетта посмотрел на моего конвоира. — Какого дьявола... прямо так?

Он окинул меня взглядом. Я так и остался в светлых джинсах, рубашке и кроссовках,

которые мне в первый день принёс Примо. Документы я всегда носил с собой, только одежда моя осталась наверху, в комнате. Мне не хотелось за ней подниматься. Мне не хотелось задерживаться здесь больше, чем на те «несколько минут», что отвёл мне сенЬор Медичи.

— Спасибо за всё, дружище, — улыбнулся я, пожал руку итальянцу и направился в зал. Мой конвоир пошёл следом.

Вителли ожидал меня на улице. Ресторан, как я заметил, закрыли для посетителей — наверняка по поводу приезда босса. Едва я появился, пожилой итальянец повернулся ко мне, беспокойно складывая мобильник в карман.

— Что же ты натворил, бамбино, — с сожалением и горечью проговорил Джино.

Я поёжился от холода: я уходил так же, как пришёл, без куртки. Мне ничего не было нужно от них. Больше ничего. Меня уже ждали: тёмно-серая машина с затемнёнными стеклами припарковалась прямо у ресторана. От нового витка судьбы меня отделял всего один шаг.

— Простите меня, мистер Вителли, — проронил я. Каждое слово давалось с трудом. Чья-то холодная, безжалостная рука стискивала мне горло, не давала дышать. — Надеюсь, у вас не будет проблем из-за меня.

— Олег.

Я посмотрел ему в глаза. Мне показалось, он хочет что-то сказать, но вокруг были люди. Люди Змея. Он промолчал, продолжая смотреть на меня.

— Спасибо вам за всё, что вы для меня сделали, — сказал я, проглотив вставший в горле ком. Я наконец-то понял, как называется чувство, которое я испытывал. — Вы спасли мне жизнь, и я никогда этого не забуду.

Порывисто я обнял его, и отвернулся — так же порывисто, не имея больше сил затягивать расставание. Так всё и должно было закончиться. Чего я ждал от мафии?

— Стойте! Стой! Олег!

Я обернулся. Выбежавший из кухни Примо подскочил ко мне и буквально впихнул мне в руки чёрную кожаную куртку. Это была его куртка, и я не хотел брать.

— Возьми, — разозлился Манетта. — Чёрт бы тебя побрал, русский!

Я посмотрел на Вителли, на кутивших у входа парней в костюмах и наконец — на Примо. У него оказался невозможно пронзительный, очень живой взгляд, и я не смог его выдержать. Я потрепал парня по плечу, накинул куртку, и улыбнулся.

Затем сел в машину и захлопнул за собой дверь.

Водитель медленно отъехал от ресторана и свернул на первом же перекрестке. И я больше их не видел.

Глава 4.

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы. Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, Язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут возле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится. Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым. Ибо ты сказал: "Господь — упование мое"; Всевышнего избрал ты прибежищем своим. (Псалом 90:3–9).

— Куда?

Я безучастно посмотрел на водителя.

— Вези куда хочешь. Я не знаю города.

Рядом со мной сидел крепкий парень в костюме и плаще — я мельком посмотрел на него и отвернулся, уткнувшись в окно. Они перебросились парой фраз, затем водитель чертыхнулся и свернул на главную улицу.

Ехали молча. Как я чувствовал себя? Побитой собакой, сломанной игрушкой, отработанным материалом. Я не хотел думать о Вителли плохо, но обида душила меня, разъедала душу, как соль рану. Захотелось поиграть в великодушие — подобрали. Не сложилось — выкинули на улицу. Лучше бы я сдох тогда. От голода. Или замёрз наутро второй ночи. К хорошему быстро привыкаешь, и слишком мучительно потом вырывать из сердца добрые чувства.

Вспомнились вдруг — так болезненно точно — слова бессмертного Грибоедова. Избавь нас, Боже, пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь! Вот уж точно! Я постарался улыбнуться, но вместо этого почувствовал, как в горле встаёт предательский ком, и закрыл глаза.

Спустя несколько минут я снова посмотрел в окно. Мы проезжали мимо какого-то парка, и вспомнился вдруг тот мост, который стал мне приютом в первые две ночи моей уличной жизни. Я едва не обратился к водителю, чтобы тот изменил маршрут, но затем передумал. Во-первых, на сырой земле было чертовски холодно, а почки у меня всё ещё болели. А во-вторых, безлюдный Централ-Парк меня теперь пугал. Да и до Амстердамавению от него рукой подать, а я совсем не хотел случайной встречи с Отто Ленцом.

Я махнул на всё рукой и смотрел в окно, разглядывая улицы, дома, клубы смога и огни реклам. На город опускался туман. В куртке Примо было гораздо теплее, но не настолько, чтобы не замерзнуть после нескольких часов на улице. Конец ноября выдался холодным, порой по утрам я замечал снежинки. Зима приближалась — зима в чужом городе.

Меня высадили в западной части Нью-Йорка, в Хобокене, недалеко от причала. Я вышел из машины, следом выбрался мой сопровождающий.

— Тебе что-нибудь нужно?

Я покачал головой.

— Тогда удачи.

Спрятав руки в карманах, я быстрым шагом пошёл прочь. Меня ничто не держало.

Скорее уйти от их взглядов, спрятаться за ближайшим поворотом... Я и в самом деле уходил от них так же, как пришёл — голодный, одетый не по погоде, и без гроша в кармане. Наверное, стоило быть благодарным — всё могло закончиться хуже. Если бы не Вителли...

Вспоминать о старике оказалось больно; я всегда тяжело расставался с теми, к кому успел прикипеть душой. Я ускорил шаг.

Вскоре я свернул на параллельную улицу и пошёл вдоль неё. Куда идти, я не представлял. Слева от меня тянулся причал, и я мог видеть небоскрёбы Манхэттена на Центральном острове. Я прошёл едва ли квартал, когда услышал позади визг тормозов. Инстинктивно я оглянулся: из остановившейся прямо посреди улицы машины выскочили четверо; водитель тоже не остался на месте.

— Стой, ублюдок, — приказал один из них, в то время как остальные приближались ко мне.

Я попятился. Наверное, парни не стреляли только потому, что было ещё достаточно светло, по улице ходили люди, ездили машины, и где-то близко могли находиться копы. Здесь, среди обычной городской суеты, я чувствовал себя как в аду.

И мой дьявол стоял передо мной.

— Ты слышал его, — повторил парень с рыжим ирокезом, подступая ближе. — Не шевелись.

Я медленно отходил назад, не сводя глаз со Спрута. Он не проронил ни слова, но молчание испугало меня больше, чем вся его тирада по телефону. Я вдруг заметил, что у него голубые глаза. Серо-голубые, если быть точным, почти бесцветные, но почему-то в тот же момент я вспомнил Медичи. И отчаянно захотел обратно в прокуренный зал, повернуть часы вспять, вернуть наш разговор, и повести его совсем по-другому, чтобы он разрешил мне остаться в ресторане, остаться с ними... потому что я оказался не готов ко встрече со своим врагом.

— Олег.

Собственное имя из уст противника прозвучало почти как ругательство.

— Курт.

В его глазах вспыхнула знакомая дикая искра.

Я развернулся и побежал. Я не привык бегать, и прекрасно знал, что это заведомое поражение. Слушая топот за спиной, я вспоминал слова Хорхе: «Начну бежать — дам сигнал, чтобы меня ловили». И я дал им такой сигнал.

Я мчался в сторону причала, не разбирая дороги, мимо стоянок и старых зданий. Летел в ещё большую глушь, не видя возможности свернуть. Мимо, едва не сбив меня с ног, промчалась машина, и я свернул с основной дороги, перепрыгивая на другое шоссе. Оно напоминало мне трассу для контейнеровозов в нашем одесском порту — нырнув под эстакаду, я побежал вдоль неё между опорных столбов. В тот же момент я понял, что меня догоняют, попытался бежать быстрее, едва не упал, и оглянулся.

Спрута среди преследователей я не увидел, и на какой-то миг успокоился. Я остановился, с трудом восстанавливая дыхание, быстро огляделся, подхватил валявшийся у опоры камень. Первым бежал парень с ирокезом, сразу за ним — плотный брюнет в короткой куртке. Я даже не целился. Просто метнул камень вперёд.

Если бы кто-то тремя месяцами ранее сказал, что я на такое способен, я бы только рассмеялся. Я, своими руками, в трезвом уме и здравой памяти, раскрыл человеку голову.

Брюнет рухнул как подкошенный. Кровь хлынула на асфальт, залила глаза, ладони,

которыми он закрыл лицо, потекла по подбородку. «Ирокез» оглянулся, не добежав до меня нескольких шагов, его лицо исказила гримаса ярости и страха. Брюнет стонал, не пытаясь подняться, а я застыл, только сейчас поняв, что натворил.

— Ублюдок! — взревел парень с ирокезом, потянувшись к поясу.

Он ещё не успел вытянуть пистолет, когда я сорвался с места. Первый выстрел пришелся в столб, за которым я скрылся, а потом я свернул с трассы. Я бежал, не разбирая дороги, в ужасе от того, что только что сделал, и когда впереди увидел реку, понял, что дальше бежать некуда.

Я обернулся. Меня не преследовали — должно быть, «ирокез» остался с брюнетом. Слава Богу, значит, он ему поможет, а я...

— Вот он!

Я побежал, ещё не разглядев толком, откуда появился противник. Кажется, это был водитель, который в начале погони исчез вместе со Спрутом. А значит, сам бритоголовый тоже близко.

Я остановился, тяжело дыша. Водитель остановился тоже. Мы находились на набережной; неподалеку на двух скамейках сидели люди, у берега прогуливались пары. Мы посмотрели друг другу в глаза. Я не знал, что делать дальше. Он не тронет меня здесь, пока я на виду у прохожих...

Внезапно что-то изменилось. Я глянул в глаза водителю и увидел злое торжество охотника, нагнавшего жертву. Всё ещё с трудом переводя дыхание, я обернулся.

— Плохо бегаешь, напарник.

Выбросив руку вперёд, Спрут схватил меня за куртку и притянул к себе. Я только сейчас понял, что мы одного роста, и за короткий миг смог рассмотреть его лицо. Я хорошо помнил эти острые черты, пустые глаза, но татуировку в виде осьминога смог рассмотреть лишь сейчас. Между багровыми щупальцами спрута, напоминавшими старые шрамы, кожа была мертвенно синего цвета. Голова осьминога, очевидно, была наколота на затылке Курта, и от неё в восемь сторон света, точно два наложенных друг на друга креста, расползались щупальца.

Я вдруг понял, что изображала татуировка Спрута. Искривленный, уродливый флаг Великобритании. Немец? Теперь я сомневался и в этом тоже. Всё, что я слышал про этого человека, рано или поздно оказывалось ложью. Я никогда не справлюсь с ним, хотя бы потому, что ничего не знаю о нём, и вряд ли когда-либо узнаю.

Я дёрнулся, пытаюсь отстраниться.

— Не стоит, — одними губами прошипел Спрут, вдавливая мне в живот дуло пистолета. Расстёгнутые полы куртки скрывали оружие от чужих глаз. Редкие прохожие прогуливались вдоль воды и на то, что творилось за их спинами, внимания почти не обращали. Ну стоят два идиота друг напротив друга. Слишком близко, но мало ли в этой стране извращенцев?

— Этот ублюдок покалечил Рэя, — услышал я голос водителя. Он говорил негромко, но и не особо таясь — звуки заглушал шум волн. — С ним Фанк...

— Я разберусь, — не сводя с меня взгляда, бросил Спрут. — Думал, тебе всё будет сходить с рук? — приблизив лицо так, что я ощутил его дыхание, спросил он. — А я ничего не забыл. Все твои долги, с самой первой встречи. Я их помню. Везучий сукин сын... Неужели ты думал, что Сандерсон действительно нанял тебя пришить меня? Сопляк... Не стоило тебе переходить мне дорогу, сладкий. Я умею договариваться со своими противниками. А ты — нет.

Схватив меня за локоть и подталкивая дулом в бок, Спрут потащил меня за собой. Водитель шёл следом, прикрывая нас спиной.

Идти пришлось недолго. Мы удалились от набережной и оказались среди ржавых труб и гниющих от влаги и старости прибрежных строений. Уже начинало темнеть; людей встречалось всё меньше. Возле одного такого покосившегося здания их не оказалось совсем и, быстро оглядевшись, Спрут сделал знак водителю. Тот отпер дверь, пропустил нас внутрь, и зашёл следом.

Окна в здании забили листами железа и досками, и если бы не свет, проникающий сквозь многочисленные щели в стенах, мы бы оказались в кромешной тьме. Скорее всего, раньше здесь была электрическая подстанция, которую переоборудовали на складские помещения, а затем и вовсе приготовили под снос, но часть аппаратуры осталась — какие-то стальные боксы, металлические стойки и обитые железом ящики.

Об один из таких ящиков меня и ударил Спрут. Мы едва зашли внутрь, когда он резко потянул меня в сторону. Я споткнулся, и Спрут, схватив меня за волосы, с размаху двинул меня лицом об угол. В голове зазвенело, на какое-то время я потерял способность двигаться, кулем свалившись на пол, и прижимая руки в разбитому носу. Кажется, я застонал; Спрут присел рядом и широко ухмыльнулся, отводя мои ладони от лица.

— Знаешь, красавчик, почему Отто тебя отпустил? Ведь ты же сам пришел... Сам! О, как я разозлился, когда узнал об этом! Ленц испугался. Сказал — не мог он прийти один, что-то тут нечисто, слишком спокойным он выглядел... и дал тебе уйти. Но догадался посадить тебе на хвост ребят. А потом тебе крупно повезло. Ты встретил Вителли. Подгони машину! — резко бросил застывшему водителю Спрут. — Чего ждёшь?!

Я всё ещё не мог прийти в себя. Это только в фильмах актеры прыгают даже после того, как им отстреляют почки.

— Ты идиот, — внезапно очень спокойно проговорил Спрут, наблюдая за моими попытками подняться. — Я долго не мог понять, кто ты, и что из себя представляешь. Вначале ты втёрся в доверие к Сандерсону, затем решил играть по-крупному и перетянуть на свою сторону нью-йоркскую мафию... я даже немного испугался. Неужели, подумал я, маленький ублюдок сумеет настроить их против меня? А ведь ты, будь у тебя немного ума, мог бы.

Я наконец пришёл в себя и даже сумел приподняться. Не меняя положения, Спрут коротко, без размаху ударил меня. Опять в лицо: не иначе, нащупал слабинку. Я стукнулся затылком о бетонный пол и снова приложил дрожащие ладони к лицу. Нужно собраться, мы здесь одни, у меня есть шанс...

Спрут придавил меня к полу коленом, сместив весь вес своего тела, и я дёрнулся, едва не задохнувшись под ним. Дуло пистолета вжалось мне в висок, в свободной руке Спрута сверкнуло лезвие.

— Ты хорошо видишь моё лицо? — прошипел он, склонившись ниже. — Шрамы тоже видишь?

Я видел. Шрамы, которые мастер, наносивший татуировку, замаскировал под щупальца осьминога. Я слабо мотнул головой; у меня оставалось совсем мало времени, прежде чем вернётся водитель.

— Я хочу сделать тебе такие же. У нас будет время...поверь мне...будет время...

Лезвие скользнуло по моей щеке к виску, зацепилось за кожу, порезав скулу. Я зашипел, и Спрут нажал сильнее.

— Не тронь меня, сволочь! — не выдержал я. Этому психу ничего не стоило вырезать мне глаза, если ему это вдруг взбредёт в голову, а сила, с которой он давил на нож, начинала пугать. — Слезь! Слезь с меня!

— Кричи, — ухмыльнулся Спрут, и от этой отвратительной гримасы мне стало дурно. — Кричи громче, сладкий!

Я начал паниковать. Способа вывернуться я не видел — Спрут был профессионалом и прекрасно знал все положения, из которых я мог бы его достать. От прямого удара он бы легко уклонился, скинуть его, лежа плашмя на полу, я никак не мог, дёргаться тоже не спешил — кончик ножа маячил у меня перед глазами.

— Как? — выдохнул я, пытаюсь оттянуть время. — Как ты меня нашёл?

— Ты один такой на весь Нью-Йорк, — криво усмехнулся Спрут. — Мало кто на твоём месте искал бы защиту у макаронников. И Вителли-Топор в Нью-Йорке только один. Мои люди дежурили в Маленькой Италии. После того, как мне удалось решить вопрос с Медичи, нам следовало только подождать. Я не поверил своему счастью, когда увидел, что тебя вышвырнули из ресторана. Нам оставалось только поехать следом...

— Отпусти меня, — выдавил я.

— Отпустить тебя?! — поразился Спрут. — Отпустить?!

Рука, державшая нож, дрогнула. Я мгновенно рванулся в сторону, отшатываясь от разящего лезвия, одновременно перехватывая руку с пистолетом. Перехватил неудачно: я слишком сильно сжал его кисть, и тотчас громко хлопнул выстрел. Пуля свистнула мимо уха, и на несколько секунд я оглох. Я сумел схватить Спрута за второе запястье, но и только. Перекатиться я не мог: он сидел сверху, и от увеличивающегося давления в груди я начинал терять дыхание. Наша борьба продолжалась недолго, когда на улице раздались какие-то звуки. Спрут и не подумал останавливаться: он пытался скрутить мне руки. Зато во мне вдруг вспыхнула безумная, ошалелая надежда на спасение.

— Помогите! — хрипло крикнул я. — Помогите!

— Эй? Есть кто живой? — раздался приглушённый голос снаружи.

Спрут выругался и резко вырвал из моего захвата обе руки, метнувшись к выходу. Кто-то ходил у двери, явно прислушиваясь к происходящему внутри. Я вскочил на ноги, и Спрут мгновенно вскинул руку с пистолетом, призывая меня оставаться на месте. Он бы вряд ли убил меня, но вполне мог прострелить, например, колено, чтобы обезвредить. Я остался на месте.

Несколько секунд мы стояли в полной тишине: если кто-то и был снаружи, то наверняка уже ушёл, решив не ввязываться в криминальные разборки. Пользуясь случаем, я попытался нащупать в темноте хоть что-то, что могло сойти за оружие. К тому моменту, когда Спрут перестал прислушиваться, и развернулся ко мне, я его нашёл. Кусок стальной трубы — не самый лучший снаряд, но я вложил в бросок все силы, которые во мне оставались. Никакого вреда осколок причинить не мог, но на секунду Спрут пошатнулся, и мне этого хватило. Метнувшись вперёд, я толкнул его к стене, выбивая из ладони пистолет, и одновременно ударил коленом в живот.

Он сдавленно зашипел и согнулся, а я нащупал дверной замок, провернул щеколду, и буквально выкатился на улицу. Мир вокруг пошатнулся, но я не останавливался: Спруту потребуется всего пара секунд, чтобы подхватить пистолет и выбежать следом.

— Русский! — позвал меня незнакомый голос. — Стой!

Мельком обернувшись, я заметил мужчину в костюме, спрятавшегося за углом старого

склада, но не узнал его, и не остановился. К чёрту!

— Стоять!!!

А вот этот голос я уже узнал, и припустил ещё быстрее. Я понимал, что если Спрут сейчас меня догонит, то уйти уже не получится: он меня просто убьёт. От побоев у меня кружилась голова, отчего я петлял, шатаясь из стороны в сторону. Наверное, поэтому две пущенные вслед пули ударили об асфальт в сантиметре от моих ног. Потом стрельба прекратилась, и я понял, что меня догоняют. Я круто свернул за угол, промчался мимо череды полуразрушенных зданий, причала, и, не разбирая дороги, побежал по тротуару мимо прогуливающих парочек, отшатывающихся в стороны при виде меня. Подбородок заливала кровь из разбитого носа, но я даже не попытался её вытереть. Я выбежал на небольшой мостик над автомобильной стоянкой, и оглянулся.

Я увидел бегущего в сотне метров Спрута, а за ним — незнакомца в костюме. Уже мало соображая, что делаю, я перенёс ноги через перила и спрыгнул с моста вниз.

Приземление оказалось неожиданно мягким: я свалился на голову проходившему под мостом мужчине, опрокинув его на асфальт.

И услышал под собой сдавленный, яростный, и самый отборный русский мат, который мне когда-либо доводилось слышать в жизни.

Меня бесцеремонно спихнули наземь, и я увидел перед собой мрачное славянское лицо с чистыми зелёными глазами, смерившими меня злым и одновременно удивлённым взглядом.

— Вот дерьмо, — выдохнул мужчина, первым поднимаясь на ноги.

Я вцепился в рукав его куртки, не давая отстраниться.

— Помоги мне, — попросил я на русском, глядя ему в глаза. — Помоги...

Он посмотрел на меня непонимающим взглядом, затем глянул поверх головы, и его лицо переменялось.

— За мной, — коротко бросил он.

Наверное, именно в этот момент я понял всю широту и отзывчивость русской души. Не задавая лишних вопросов, не раздумывая ни секунды, он одним движением вздёргнул меня за шкурку, поставил на ноги и, потянув за рукав, помчался вдоль рядов машин. Я бежал следом, даже не оборачиваясь: я слышал, как сзади тяжело ударился об асфальт Спрут, и понял, что у меня остаётся всего несколько секунд до того, как этот чёртов маньяк догонит меня. Людей на стоянке оказалось немного, но теперь я был уверен: Спрут бы прикончил меня даже посреди многолюдного Бродвея. Я сильно разозлил его.

— Сюда! — мужчина остановился у старенького «Фольксвагена», одним движением повернул ключ в замке и открыл дверь. — Быстрее!

Я нырнул в салон; мужчина запрыгнул следом, включил зажигание и захлопнул дверь. Обернувшись, я увидел Спрута в нескольких шагах от машины: мой сосед дёрнул рычаг на себя и резко сдал назад, едва не сбив его с ног. Спрут отскочил, не отрывая глаз от «Фольксвагена», и так и застыл с перекошенным лицом, когда машина, взвизгнув тормозами, выехала со стоянки и понеслась по шоссе.

Я смотрел в зеркало заднего вида; я всё ещё мог видеть его, но не видел незнакомца в костюме. Кем он был, тот мужчина? Ясно, что не помощником Спрута — без него я не выбрался бы со склада. Кому ещё я оказался нужен?

— Блин, мышцу свело, — буркнул мой сосед, потирая шею. — Сколько ты вешишь, манна небесная?

— Не знаю, — я растерянно повернулся к своему неожиданному спасителю. — Спасибо...

— Да уж... — скептически заметил мужчина.

Он был одного роста со мной, или может, чуть выше, но определённо шире в плечах и гораздо плотнее. В «дутой» зимней куртке он казался вообще огромным, как медведь; на суровом лице жили, казалось, только глаза, зелёные, пронизательные, с той хищной искрой, которая заставляет думать, что этот человек знает о жизни всё.

Мужчина протянул мне носовой платок, я поблагодарил и принял, наскоро обтерев кровь с лица и приложив его к носу. В голове гудело, мир по-прежнему плавно покачивался перед глазами, но главное — я был жив!

— Где тебя посадить?

— Не знаю... подальше отсюда...

— Я так и думал.

— Послушай, — я повернулся к нему всем корпусом, вкладывая в интонацию всю оставшуюся во мне искренность. — Ты же мне жизнь спас! Я...

— Хватит, — поморщился мужчина, и я послушно заткнулся.

Мы выехали из прибрежной зоны и поехали по шоссе на запад, по незнакомым мне улицам и чужим районам. Мой водитель явно торопился, поминутно поглядывая в зеркало заднего вида. Я, заразившись от него тревогой, тоже порой посматривал назад, но погони за нами так и не заметил: Спрут не успел бы добраться до своей машины.

— Куда мы едем?

Мужчина хмурился, явно обдумывая случившееся, и я не стал ему мешать: у меня хватало своих мыслей. Мы свернули на параллельную авеню и поехали вдоль неё на север. Зазвонил мобильный, высветился знакомый номер. Я отключил его, бросив обратно в карман. Я не мог позволить себе выбросить его. Пока Спрут знает, что в любой момент может со мной связаться, я знаю, где его искать. И когда мне стоит снова бежать.

Через несколько кварталов мы свернули и припарковались на небольшой стоянке. Водитель заглушил мотор.

— Кто этот парень, что гнался за тобой? — спросил он, не глядя на меня.

Я слегка растерялся. Кто он? Я и сам толком не знал.

— Он хочет убить меня!

— Я не спрашиваю, чего он хочет. Коню понятно, что он с тобой сделает, когда поймает. Как его зовут?

Я изумился.

— Какая разница?

Мужчина достал пачку сигарет, вытянул одну и закурил. Несколько секунд мы оба сидели в тишине, затем я вдохнул глубже и признался:

— Я знаю его как Спрута.

Водитель поперхнулся дымом, выбросил сигарету в окно и ругнулся сквозь зубы.

— Ты веришь в судьбу? — спросил он меня.

— Не знаю... — совсем растерялся я.

— А я не верю. Хочешь сказать, что ты — просто совпадение? Свалился, как стопудовый снег на голову, забрался в мою машину, и всё это именно тогда, когда я надумал лететь домой? А, чтоб тебя!

Мужчина выбрался из машины, громко хлопнув дверью. Я выбрался следом. Если я ещё

не сошёл с ума, то это только благодаря тому, что все дурные мысли из меня периодически выбивали. Пошатнувшись, я опёрся о крышу «Фольксвагена», глядя, как, обогнув машину, ко мне стремительно приближался новый знакомый. Я открыл рот, чтобы спросить его, в чём дело, но тут же почувствовал, как меня хватают за плечо и, развернув лицом к машине, швыряют на дверцу. Меня быстро и профессионально обыскали, затем развернули снова.

— Кто тебя подослал?!

— Убери лапы, — наконец возмутился я, отталкивая незнакомца. — Никто меня не подсылал. Я здесь ни при чём, у меня свои проблемы! Я безумно устал от этой травли, и хочу только выжить! Я не виноват, что ты разгуливаешь под мостами!

Мы стояли друг напротив друга, оба злые, готовые вцепиться друг другу в глотки. Я ещё подумал — какого чёрта мы, славяне, не можем договориться друг с другом? У тех же итальяшек всё получалось куда проще...

— Чёрт, — сплюнул наконец мужчина. — Хрен с тобой, белобрысый. У нас совсем нет времени. Будем считать, что я тебе поверил. Идём.

— Куда это? — недоверчиво поинтересовался я.

— Хочешь остаться здесь?

— Нет!

— Тогда пошли. Я должен убедиться...

— Что это судьба? — съехидничал я, застёгивая куртку.

— Что ты мне ничего не сломал.

Мы перешли дорогу и оказались на соседней улице. Идти пришлось недалеко, но я всё равно едва успевал за своим проводником. В ушах звенело, кровь из носу лилась ручьём, да ко всему меня глодали тревожные мысли. В мозгу всё перемешалось: Чикаго, Нью-Йорк, Вителли, незнакомец, Спруг...

— Сюда, — буркнул мужчина, сворачивая к одному из подъездов.

Дома в этом районе были невысокими, до четырех этажей, зато лепились плотно друг к другу, составляя идеальные прямоугольники кварталов. Обычные американские трущобы, где из каждого окна, двери, проезжающих машин, прохожих веяло такой безысходной тоской и одиночеством, что лично я никогда не смог бы тут жить.

Мы поднялись по узкому коридору на последний этаж, где мужчина открыл единственную дверь, и вошли внутрь. Я остановился у порога, ожидая, пока он не закроет за нами дверь, затем вопросительно посмотрел на хозяина квартиры.

— Ванная, — указал на одну из дверей он. — Я жду на кухне.

Я даже не подумал разуваться: похоже, в квартире давно не убирали. Из прихожей вело три двери, и я догадался, что квартира однокомнатная, кроме того — малогабаритная и, кажется, совсем ещё необжитая.

Ванная оказалась куда более страшной: ржавые трубы, грязное зеркало, и развешанное на верёвках белье. Наскоро умывшись, я смочил полотенце и приложил его к носу. Затем пригладил волосы, собрал их в хвост, и языком проверил зубы. Мне повезло: все оказались целы. Надо признать, раньше меня так не били. Дело было даже не в оглушающей боли — скорее, я переживал глубокое унижение. Теперь я понимал, что мне придётся многому научиться, если я хочу жить дальше.

Я вышел из ванной и открыл дверь в кухню. Новый знакомый, уже без куртки, сидел за столом. При моем появлении он поднял глаза и кивнул на стул напротив.

— Садись.

Я сел.

— Рассказывай.

— Слушай, — не выдержал я, — нас тут никто не найдёт в ближайшие пару часов?

— Не думаю.

— Тогда дай мне что-нибудь поесть.

Есть хотелось действительно сильно, несмотря на онемевшие после ударов губы. Я не ел накануне вечером, не ел сегодня целый день, и неизвестно, когда вообще мне представилась бы такая возможность. Несколько секунд мужчина смотрел на меня, потом молча поднялся и открыл холодильник. На столе появились колбаса, сыр, масло и хлеб. Он заварил чай, и я улыбнулся, забирая у него горячую чашку. Потом протянул руку.

— Меня зовут Олег, — сказал я. — Грозный. Это фамилия такая...

Он помедлил, глядя на меня. Выражение прищуренных зелёных глаз не изменилось, когда он медленно пожал мою ладонь.

— Ник, — ответил он. — Николай Ремизов.

Часть 2. Чистилище. Город жёлтого дьявола. Глава 5

Глава 5.

Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Итак наблюдайте, как вы слушаете; ибо, кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь. (Луки 8:17–18).

Я выбрался из машины, накидывая на плечи рюкзак и ёжась под порывами ледяного ветра. Свитер оказался на меня велик, но в нём я чувствовал себя гораздо уютнее. Вообще я не отказался бы и от шапки — жутко разболелась голова — но Ник не предложил, а я не попросил.

Ник запер машину и обернулся. Я поймал на себе его тяжёлый взгляд и тактично отвёл глаза. Я его прекрасно понимал. У него только всё наладилось, как вдруг — я! Я бы на его месте тоже не поверил, но я-то был на своём, и уже привык, что вокруг меня, как в центре воронки, творятся порой весьма странные вещи. Может, это я их притягивал, может, судьба дарила мне неожиданные сюрпризы, желая не то проверить на прочность, не то убить, не то всё же сохранить жизнь. В любом случае, я на своём опыте убедился, что мир тесен, а Ник, похоже, начал верить в судьбу. Только ругался теперь гораздо чаще.

— Здесь живет моя знакомая, — хмуро бросил он. — Место найдётся.

Я кивнул, следуя за ним к подъезду. В конце концов, моими стараниями он вновь оказался в болоте, из которого так мастерски в своё время выбрался, но предпочел всё же разрубить наконец гордиев узел, чем злиться на меня. Сбежать от проблем не получилось ни у него, ни у меня, и теперь нам предстояло разобраться с ними вдвоём. По крайней мере, так думал я.

О чём думал мрачный, как Кощей, Ник, я не имел ни малейшего представления. Ремизов оказался не слишком разговорчивым, но и не очень скрытным. Он рассказал о себе, не дожидаясь расспросов. Николай родился в Нягани, и, хотя я паршиво знаком с географией Сибири, но помнил, что это где-то в Тюменской области. После смерти родителей Николай с сестрой перебрались в Тюмень к родственникам. Отслужив в воздушно-десантных войсках РФ десять лет, вернулся домой. Младшая сестра, Вера, к тому времени окончила училище и вышла замуж. Жили в однокомнатной квартире все вместе. Через какое-то время Ник начал подумывать, чтобы снова вернуться в армию, но тут подвернулась та самая дьявольская лотерея.

О ней Ник вспоминал неохотно. Грин Кард он выиграл, по его словам, случайно: товарищи подшутили, послав его данные на конкурсный отбор. Впрочем, когда пришло уведомление, Ремизов долго не раздумывал. Вера к тому времени родила ребёнка, и места в квартире не осталось совсем. Воевать больше не хотелось, и Ник полетел в Америку.

Бес попутал, подумалось мне. Я ведь прилетел сюда тоже из любопытства, но у меня, в отличие от сибиряка, срок пребывания ограничен, и решить проблемы здесь нужно раньше, чем меня найдут иммигрантские службы.

— И много у тебя запасных вариантов? — поинтересовался я, поднимаясь по

заплёванной лестнице наверх.

— Я в Нью-Йорке почти год, — не оборачиваясь, бросил Ник. — Жду, пока меня окончательно забудут в Чикаго. Как думаешь, много я мест сменил, чтобы нигде не примелькаться?

— Не знаю.

Ник коротко ругнулся и позвонил в одну из квартир. Открыли не сразу, но когда я увидел хозяйку жилища, то с трудом заставил себя отвести глаза. Ею оказалась полуодетая немолодая женщина в прозрачном халатике и туфлях на шпильках. Густо наложенный макияж и сигарета в руке довершали лирический образ.

— Ник, — женщина выдохнула дым и расплылась в улыбке. — Я думала, ты ушёл навсегда.

— Лоретта, — Ремизов позволил себя поцеловать в щёку и отстранился, — много у вас народу?

— А, — женщина безнадежно махнула рукой, — похоже, скоро мы с девочками останемся совсем без работы. Нужен угол?

— Для меня и моего друга.

Лоретта окинула меня таким откровенным взглядом, что в душе я глубоко возмутился, а в жизни — густо покраснел.

— Я выиграла спор?

— Нет.

— Нет? — женщина слегка наклонилась, чтобы рассмотреть меня лучше. — А чем он тебе не нравится? Очень красивый мальчик.

— Лоретта.

— Проходи, — махнула она рукой. — И твой друг тоже. Место найдётся.

Женщина повернулась к нам спиной и неторопливо направилась вглубь квартиры.

— Эй, — я толкнул Ника в бок. — Что она имела в виду? Что ещё за спор?

— Она думает, что я гей.

— Что?!

Ник не ответил, но я тут же вспомнил, как точно в таком же грехе подозревала меня Амели, когда я не обращал внимания на откровенное поведение девушек из «Потерянного рая». Я никогда не обижался: они не знали других мужчин, кроме бандитов и извращенцев.

Внутри квартиры нас окутал сладковато-приторный незнакомый запах. К нему примешивались другие ароматы — духов, спиртного и табачного дыма — и мне едва не стало дурно тут же, на пороге. В голове, и без того раскалывающейся от боли, часто-часто застучала кровь. Я огляделся.

Мы оказались в обширной гостиной, где на диванах в соблазнительных позах сидели ярко накрашенные девушки, при виде нас с Ником оживившиеся в предвкушении заработка. Лоретта бросила им несколько слов, и те мгновенно расслабились, повернувшись к нам спинами. Мы прошли по длинному коридору, объединявшему около шести комнат, и Лоретта открыла нам последнюю дверь.

Ник протянул ей деньги.

— Ох, дорогой, — женщина спрятала бумажки и улыбнулась. — Я безумно скучала! Где ты был всё это время?

— Работал, — коротко ответил Николай. — Спасибо, Лоретта.

— Я всегда рада тебя видеть, мой герой, — женщина широко улыбнулась, потянулась к

щеке Ремизова, затем внимательно посмотрела на меня. — Спокойной ночи, мальчики. Надеюсь, вы хорошо проведёте время.

Когда мы оказались внутри комнаты, я не выдержал.

— Что это она имела в виду? И какого чёрта мы здесь делаем? Это и есть твоё безопасное место? Если бы я знал, в какой клоповник мы идем, я бы...

— Закатил истерику? — спокойно закончил Николай.

Я возмущённо замолчал.

— Слушай, — Ник скинул с себя куртку и уселся на единственную в комнате кровать. — Я тебя в свою жизнь не звал. У меня всё было хорошо. Я собирался лететь домой и жить нормальной жизнью. Ты думаешь, мне не надоела эта американская клоака? Я сделал всё, чтобы в ней не завязнуть. Но вдруг появляешься ты, и все мои планы летят к чёрту! Рассказываешь невероятную историю, и я тебе верю. Допустим. Твой Спрут вполне может просечь, кто я, и настучать нашему знакомому Сандерсону или, что хуже, его конкуренту, которому я должен ещё больше.

— Прости, — вставил я. — Я совсем не хотел, чтобы тебе было плохо.

— Конечно, — Ник достал сигарету и внимательно глянул на меня. — Не хотел. Я же сказал, Олег, я тебе верю. Вот только я понял, что от прошлого не сбежать. Придется развернуться к нему лицом и порвать в клочья, иначе оно будет гоняться за тобой всю жизнь. Садись, не стой на пороге.

Я огляделся и нашёл мягкое кресло у стены. Обойдя кровать, я уселся там, расстегнув куртку и устроив голову на спинке. Рюкзак я бросил в ногах. Я не знал, что Ник туда положил, и не особо интересовался: всё больше я утверждался в мысли, что в нашей небольшой компании моё мнение не станет решающим и даже, скорее всего, вряд ли будет вообще учитываться. А ещё я понимал, что завтра у меня по роже растечётся синяк размером с ладонь, но не испытывал по этому поводу никаких эмоций. Я не мог выглядеть хуже, чем сейчас.

— Так что же делать?

Ник скинул ботинки, улёгся на кровать и выпустил струю дыма в потолок.

— Везучий ты, — задумчиво сказал он. — Прямо чемпион сюрпризов. Ты когда рассказывал, я считал. Первый раз тебя спасли кубинцы. Во второй раз подобрал старик...

— Мистер Вителли, — сухо вато поправил я.

Вспоминать, как меня выдворили из ресторана, было всё ещё неприятно, но думать о Джино плохо я не хотел. Ника я в детали не посвящал, и практически не называл имён, но не упомянуть Вителли не мог.

— Макаронник, — отмахнулся Ник. — Теперь ты свалился на мою голову. Итого три раза.

— Чего?

— Ты исчерпал запас удачи, — усмехнулся Николай, удобнее устраиваясь на кровати. — На четвёртый раз пуля всё-таки бьёт цель. Так что приготовься.

— К чему это? — насторожился я.

На этот раз Ремизов молчал долго. Он скурил всю сигарету, а я разложил кресло так, чтобы в нём можно было улечься, и бесцеремонно стянул с постели одеяло. Я устроился неплохо, но от ощущения брезгливости, как и от головной боли, отделаться не смог.

— Тебе хоть что-то рассказали об этом Спруте или бросили на амбразуры без пояснений?

Я невесело усмехнулся.

— Да ничего мне о нём не рассказывали. Я столкнулся с ним случайно.

— И случайно вызвал его интерес? — Ник вздохнул, не разжимая губ. — Я не встречался с этим парнем лично до сегодняшнего дня, но много слышал. Когда я работал на Сандерсона, у него как раз начались проблемы с мафией. Ему шепнули, что есть человек, который оказывает определённые услуги хозяевам заведений вроде «Потерянного рая», избавляя их от необходимости постоянно платить за крышу. У человека оказалось много знакомств, и отзывы клиентов понравились Сандерсону. Он решил воспользоваться услугами Спрута. Насколько я знаю, затем Спрут полез на его территорию. Сандерсон зависел от него, поэтому молчал. Но всё это шелуха, так, детские игры по сравнению с тем, что я слышал.

— Страшные истории? — неуверенно хмыкнул я.

— Он убийца, — проигнорировал вопрос Ник. — Его нанимают для показательных разборок. Мясники вроде него всегда в цене.

— Псих? — предположил я.

— Псих — это ты, — отрезал Ник. — Молодой наивный псих. Спрут как раз нормальный. Вот только когда он до жертвы добирается, ему башню сносит. Мне рассказывали, что он с ними делает. Поделиться сплетнями?

— Не надо, — поспешно заверил я. — Обойдусь.

Некоторое время мы молчали. Потом я снова подал голос.

— Ну так что делать-то?

— Ты у меня спрашиваешь?

— А у кого же ещё?

— Я тебе что-то обещал?

— Сволочь, — не выдержал я.

— Когда я летел сюда, — спокойно сказал Ник, — я думал, что завязываю с войной. Но убивать всё-таки пришлось. И тебе придётся. Разница в том, что я привык, а ты — нет.

— И не привыкну! — огрызнулся я.

— Как звали твоего итальянца?

— Которого?

— Старика.

— Мистер Вителли.

— Где его найти?

— Зачем? — насторожился я.

Сибиряк тяжело вздохнул.

— Нас ждёт война, Олег. Возможно, для кого-то — последняя.

— Первая и последняя, — мрачно поправил я.

— Для кого-то, — согласился он. — И нам потребуется помощь.

— От Вителли? — поразился я. — Никогда!

Николай пожал плечами:

— Я не смогу достать здесь, в Нью-Йорке, оружие. У меня не лучшие отношения с местными. А твой старик мог бы помочь.

— Нет.

— Подумай, — предложил Ник.

Я подумал. Целую ночь думал, не в силах заснуть в чужом месте, под крики и стоны из соседних комнат. К утру я так ничего и не решил, но голова буквально трещала по швам.

Чувствовал я себя отвратительно, и когда пришёл рассвет, с готовностью поднялся, намереваясь поскорее уйти из этого места.

Когда мы наконец оказались в «Фольксвагене», я смог по-настоящему расслабиться. Ненадолго: у Ремизова зазвонил мобильник. Какое-то время Николай слушал, не говоря ни слова, затем выдавил из себя дежурное «окей, сэнкс» и отключил телефон.

— Нас искали, — сказал он, заводя мотор. — Парни в кожаных куртках. А до них, сразу после того, как мы смотались — парни в костюмах. Дороги назад нет, по крайней мере, для меня. Спруту, может, и плевать на моё прошлое, но чтобы добраться до тебя, белобрысый, он, похоже, на многое готов. Всё тайное становится явным... порой слишком рано. Чтоб тебя! — внезапно разозлился он. — Какого чёрта я снова стал популярен?

— Как же они нашли твою квартиру? — рискнул спросить я.

— Машина, — мрачно ответил Ник. — Я её взял напрокат, указал контактные данные. Места проживания я периодически меняю, но в прошлом доме у меня оказалась весьма дружелюбная соседка. Звонок от неё.

Я отвёл взгляд. Человек снова оказался в опасности из-за меня, и совершенно не обязан мне помогать. Но всё же он меня не бросил. Вы знаете, совесть — жестокая вещь. И ещё одно. Прошлое всегда найдёт способ о себе напомнить, поэтому лучше оставлять после себя только хорошие воспоминания, и стараться жить с самого начала набело.

— Хорошо, — с тяжёлым сердцем обронил я. — Давай найдём Вителли.

По настоянию Ника мы обменялись телефонами, и я всё-таки забрал у него шапку. Во-первых, головная боль только усиливалась, а в шапке оказалось теплее и приятнее. Во-вторых, я боялся, что меня заметят. Ник сказал, что мне можно и не маскироваться, с такой рожей меня вообще за негра примут. Посмотрев на себя в зеркало заднего вида, я поглубже натянул шапку на уши. Здоровенный синяк, расплывшийся по левой щеке и подбородку, красноречиво свидетельствовал о последствиях моей первой встречи со Спрутом здесь, в Нью-Йорке.

Мы колесили по городу всю первую половину дня. Вначале нужно было избавиться от машины, затем — найти новую. Ремизов затащил меня на крошечную стоянку, забитую подержанными авто. Четверть часа спустя, чертыхаясь и проклиная белобрысого неудачника, Ник, за неприличную, по его словам, сумму, стал владельцем старенькой «Тойоты» с тонированными стёклами. Я осмотрительно промолчал: в конце концов, мы снова были в безопасности, и ехали к южной части Центрального острова, в Маленькую Италию.

Я плохо помнил, где находится ресторан, поэтому мы потратили почти час, объезжая все перекрёстки по нескольку раз, пока не выехали на нужную улицу, и я не узнал окрестности.

Мы остановились за квартал от заведения, так, чтобы видеть главный вход, и припарковались у обочины.

— Дурацкая затея, — прорвало меня. — Сколько времени мы будем сидеть в засаде? Глупо сторожить его здесь! Да и где-либо ещё — тоже глупо...

— Я за жратвой, — проигнорировал мою тираду Ник, — тебе что-нибудь принести?

Я умолк. Если уж волею судьбы я втянул незнакомого мне человека в это болото, то придётся, видимо, привыкать к тому, что этому человеку плевать на моё мнение.

— Анальгин, — буркнул я, отворачиваясь к окну.

Ник вышел из машины, а я остался, мучимый нерадостными мыслями. Может быть,

Ремизов был прав? Вителли хотел помочь мне, но по собственной гордости или глупости я отверг его помощь — чтобы сейчас тайно вернуться к нему, опустить глаза, сторя от позора, и признать, что нуждаюсь в его защите. Будь я на месте Вителли, как бы я отреагировал на такое явление? Скорее всего, брезгливостью. Я ни на что не надеялся, но, по крайней мере, мог быть уверен, что меня не убьют за попытку поговорить. Забегая вперёд, скажу, что почти ошибся.

К тому времени, как Ник вернулся с полным пакетом еды, я уже приготовился к долгой слежке: опустил сидение, так, чтобы видеть из своего окна вход итальянского ресторана, и одновременно полулежать, укрывшись курткой.

— Вот, — Ник кинул мне на колени пластинку с таблетками. — Глотай сразу две.

Я даже не прочитал название — молча сделал, что сказано, и снова откинулся на сидении.

— Тут на двоих, — снова нарушил тишину Ремизов. — Советую есть, пока тёплое. Потом эта дрянь превратится в резину, и всё придется выкинуть.

Я фыркнул. Какое-то время мы молчали, я — не отрывая глаз от входа в ресторан, Ник — пережёвывая хот-дог и запивая его кофе.

— У этого твоего... Спрута... странная татуировка, — сказал вдруг Ник. — Я толком не разглядел.

— Осьминог, — мгновенно отозвался я. Головная боль почти прошла, и я был рад общению. — Багровые щупальца на синюшном фоне.

— Восемь?

— Восемь.

— Как на флаге Англии, — хмыкнул Ремизов, доставая из пакета булку. — Империи зла.

— Чего это? — заинтересовался я.

— В политике разбираешься? Всю свою историю Англия была агрессором. А своим главным врагом всегда считала Россию. Почему? Огромная территория, «сердце мира», это наша Россия. Слишком лакомый кусок, чтобы оставить его в покое. Почитай Порохова, если тебе интересно, — пожал плечами Ремизов, откусывая сразу половину булки. — Ошобенно интересно про евреев. И их вешные войны с арабами.

— Хочешь сказать, тоже Англия постаралась?

— Ты удивишься, узнав, что Англия практически в любой войне была инициатором, — проглотив кусок, неопределённо пожал плечами Николай. — Разжигать войны и вести их чужими руками эта страна умеет. Просто какое-то дьявольское гнездо! Славян она считает своими врагами и пылает к ним сатанинской злобой. Обманом или силой их обособленная элита заставляет весь мир жить по их законам, и только Россию покорить не удавалось. Пока не начали использовать метод посовременнее. Самый страшный — информационные войны.

— Да, — согласился я. — Тут мы проигрываем раунд за раундом. И чего не хватает?

— Власти, — хмуро ответил Николай. — Власть стране нужна.

— А как же Америка? — спросил я. — Ты живёшь тут уже несколько лет...

— Третий год.

— Что скажешь?

Ремизов вздохнул.

— Жалко их. Одурманенный народ. США — империя паразитов. Преемница Англии. Как акула не может перестать жрать рыбу, так и США теперь не могут оставить

хищничество. От честной жизни они обанкротятся. А мне кажется, американцы всего лишь ещё один уродливый эксперимент над людьми. Я думаю, мы следующие.

— Откуда ты столько знаешь? — поразился я.

— Тупому десантнику столько знать не положено?

— Э-э-э... — не сразу нашёлся я.

— Можешь не отвечать, — поморщился Ник. — Считаю, тебе повезло встретиться с начитанным тупым десантником.

Я вздохнул и потянулся за своим кофе, вытянув из пакета ещё и хот-дог. Кусать приходилось осторожно — разбитые губы и нос норовили кровоточить при каждом неосторожном движении.

— Домой хочу, — вдруг шумно выдохнул Ремизов.

— По родным соскучился?

— По бабам. Ты здесь порядочных женщин старше пяти лет видел? То-то и оно...

Я вспомнил про Риту и Эти, но промолчал. Скорее всего, они уже улетели домой, и я даже улыбнулся при мысли о том, что малышка Эстер среди родственников, в безопасности, счастлива и всем обеспечена.

— Ник, — вырвалось у меня, — ты уже старый. Почему ты ещё не женат?

— Мне тридцать два.

— Это мало?

Ремизов скосил на меня глаза.

— Для такого молокососа, как ты, конечно, много.

— Сам дурак, — обиделся я и занялся хот-догом.

Некоторое время мы молчали, наблюдая за уличной жизнью. Когда мимо машины прошла стайка молодых девушек с яркими пакетами, я загляделся на радостные, беззаботные лица. Они остановились посреди тротуара, одна вытащила из многочисленных пакетов какой-то зелёный шарфик, показывая его подругам. Раздались восторженные восклицания. Я невольно залюбовался лучащимися эйфорией мордашками, когда услышал мрачный голос Ника:

— Чем больше ценятся вещи, тем меньше ценятся люди. Практика подтверждает теорию.

— А если попроще? — поинтересовался я, провожая взглядом уходящую компанию. — У всех свой уровень мышления. Никого нельзя заставить думать о вещах, о которых человек даже не догадывается.

— Я тут живу дольше твоего, — разозлился Ник. — Я такое постоянно вижу. Интеллекта на лицах ноль, зато нездоровый блеск в глазах при виде разрекламированной тряпки.

— Ты слишком строг к людям...

— А вот это не тебе судить, праведник!

— Они живут по правилам системы. Что бы они ни делали, им её не изменить. Если будут сопротивляться — система их просто вычеркнет. Ударь систему — и попадёшь в себя. Заставляет задуматься...

— Мне хватает мыслей в голове, — обрубил Николай. — А теперь заткнись, будь добр. Лучше подумай, какими честными глазами будешь смотреть на своего старика, когда вы встретитесь. Уж постарайся, твой мафиози — наш единственный шанс получить вид на жительство.

Наверное, стоило обидеться, но мне почему-то стало смешно.

— Думаешь, Вителли не видел честных, молящих, абсолютно преданных глаз, и уж тем более не всаживал прямиком между них же, честных и неподкупных, пулю?

Ник раздражённо повернулся ко мне. Бывший десантник несколько секунд смотрел мне в глаза, сверля тяжёлым взглядом, а потом шумно выдохнул:

— Чтоб тебя! Любой на твоём месте уже бы сдался, а ты всё никак не захлопнешь варешку!

— «Додж», — севшим голосом сказал я.

— Что — «Додж»? — не понял Ник.

— «Додж», — повторил я, не отрывая глаз от итальянского ресторана.

Затемнённые стекла «Тойоты» скрывали нас от окружающего мира, но не мир от нас. Чтобы не заметить здоровенный чёрный джип, нужно было постараться; у меня получилось.

— Его тачка?

— Другой такой ни у кого не видел, — растерялся я. — Как же это он... мимо нас?

— Потому что смотреть нужно лучше, заноза!

Я ничего не ответил: в конце концов, и тут я оказался виноват. Целый час мы с Ником следили за выходом из ресторана, прежде чем я заметил знакомую фигуру.

— Вителли! — обрадовался я.

— Уверен? — хмуро уточнил Ремизов.

— Да, — улыбнулся я. На душе стало легко и радостно, точно вот сейчас все мои проблемы магическим образом разрешились, или, по крайней мере, перестали иметь значение. Чёрт побери, я соскучился!

— Выглядит не очень, — скептически заметил Ремизов. — Толстый.

— Ты, между прочим, тоже, — обиделся я за Джино. — Просто немного моложе.

Ник расхохотался, заводя мотор. На самом деле, толстым он не был. Скорее, откормленным мужиком со здоровой массой мышц, но даже по сравнению со мной он казался огромным, хотя я себя худым никогда не считал.

Мы следовали за чёрным джипом по городу. Джино не торопился: похоже, ехал домой. «Тойота» легко поспевала за неповоротливым «Доджем». Когда мы подъехали к Бруклинскому туннелю, Ник сел на хвост Вителли, пристроившись в том же ряду, сразу же за юркой «Митсубиси» и серебристой «Хондой».

Неожиданности начались на выезде из туннеля. Лихач на расхлябанном «Форде» прошмыгнул прямо перед нашей «Тойотой», вклиниваясь на свободное место. Ремизов выругался, выкручивая руль. Багажник «Форда» качался из стороны в сторону, пока болван за рулем пытался прошмыгнуть на место «Хонды». Нам пришлось пропустить несколько машин и, напрягая зрение, следить за габаритными огнями джипа. Наверное, нам следовало действовать осторожней — Вителли был опытным водителем, и не мог не обратить внимания на происходящее в зеркале заднего вида — но мы боялись потерять «Додж» в общем потоке.

Вскоре туннель остался позади, и теперь мы ехали по улицам, стараясь держаться от Джино на таком расстоянии, чтобы ни мы его не потеряли, ни он не заметил нас. Движение в этой части города было не таким оживлённым, и Ремизов хмурился: мы стали слишком заметны. Так, сбрасывая скорость и стараясь не привлекать внимания, мы добрались до четвёртой авеню.

Здесь Джино нас и сделал.

Джип метнулся из своего ряда через всю полосу в крайний правый. Взвизгнули тормоза, заверещали клаксоны. Николай крутанул руль, вызвав очередной взрыв пронзительного воя: наша «Тойота» металась за «Доджем» по всем полосам, повиснув у тяжёлой махины едва ли не на бампере.

Мы промчались мимо улицы Вандербилт, оставили позади Гринвуд Авеню, и когда за окнами замелькала тёмная зелень Гринвудского кладбища, Джино развернулся. Дорога была пустынной, последние автомобили обогнали нас, сверкнув габаритными огнями. Не считая далёких точек в зеркале обзора, в свете фонарей обе наши машины выглядели почти одиноко.

Взревев мотором, джип Вителли рванулся вперёд, заложив крутой вираж. Николай перехватил руль, посылая «Тойоту» следом. Широкие покрышки «Доджа» заскребли по асфальту, оставляя чёрные полосы. Вителли хватило нескольких секунд, выигранных неожиданным манёвром.

Вцепившись в ручку двери, я смотрел, как бронированная громада разворачивается на дороге. Как пытается выровнять машину Ремизов, и не успевает. Широкая чёрная морда «Доджа» надвинулась, заливая салон белым режущим светом. Я успел вскинуть руки, прикрывая голову, и услышал, как сдавленно ругнулся Николай.

От первого удара меня бросило на дверь. Бок «Тойоты» смялся, словно картонный стаканчик. Ремень безопасности больно врезался в грудь, в глазах потемнело: я ударился о треснувшее стекло двери головой. Рядом матерился Ремизов, яростно дёргая карабин ремня и пытаюсь отодвинуться от прогнувшейся внутрь двери.

От второго удара, вышвырнувшего нас с трассы, раскрылись подушки безопасности. В салон посыпались куски битого стекла, ворвался холодный ночной воздух. «Тойота» остановилась. Мотор ещё работал, под капотом что-то стучало, но Николай даже не пытался завести машину.

Я пошевелился и болезненно вздохнул: ударился локтем об изломанный пластик. С трудом повернув голову, я увидел толстый ствол, плотно прижавший дверцу с моей стороны.

Мы попали в ловушку: с одной стороны нас держало дерево, с другой запер тяжеленный «Додж».

— Жив? — Прохрипел Ремизов, колотя по сдувающейся подушке безопасности.

Я торопливо кивнул, прикладывая руку ко лбу. Голова кружилась, во рту стало солоно: подушка расквасила мне губы и нос.

— Тихо! Слышишь?

Снаружи глухо, как похоронный аккорд, хлопнула дверь «Доджа».

Мы замерли. Кроме звука работающего мотора джипа, мы ничего больше не слышали. Ни ругани, ни звука шагов. Трясущимися пальцами я расстегнул ремень и, цепляясь за приборную доску, приподнялся на сидении. Фары джипа слепили, и я заслонился рукой, чтобы разглядеть, что происходит снаружи.

Где-то неподалёку хлопнула дверь.

— Боже мой! — заголосил высокий женский голос. — Нужно вызвать врача!

Я поморгал, пытаюсь разглядеть за стеной света Вителли, но не сумел. Я даже капот «Доджа» различал с трудом, не то что догнавших нас машин, остановившихся на трассе, или тем более людей.

— Наберите девять, один, один! — подсказал ещё кто-то.

В ответ грохнул выстрел.

Это был не едва слышный хлопок пистолета с глушителем, который, как я помнил, Джино носил под пиджаком. Ремизов, начав подниматься, откинулся обратно, всем весом прижимая меня к двери.

— Чёрт тебя дери, — прорычал он, — твой старик нас угробит!

Снаружи раздался визг шин: те машины, что остановились, при звуке выстрелов поспешили убратся прочь, и я их не винил: кому охота ввязываться в перестрелку?

Ещё одна пуля, прошив салон «Тойоты», отрезала путь к заднему сидению. Джино надёжно защищал «Додж», а тонированные стекла нам сейчас только мешали: Вителли не мог разглядеть в салоне меня.

Николай, скорчившись на сидении, рискнул приподнять голову. Тишина могла означать только одно: Вителли подбирался к нам, перестав палить наудачу. Бог знает, какие мысли роились у старика в голове: из «Тойоты» ему не отвечали, и это могло означать что угодно. Вот только я почему-то был уверен, что Джино думает о ловушке.

Здоровенная лапища Николая пихнула меня в бок.

— Кричи! — приказал Ремизов, снова вжимаясь в кресло. — Пусть услышит тебя!

Я заорал. Во всю мощь связок, захлёбываясь холодным воздухом — клянусь, я никогда не кричал так отчаянно прежде.

— Не стреляйте! Мистер Вителли! Не стреляйте! Джино! Это я, Олег! Не стреляйте!

Секунды тишины показались мне пыткой.

— Олег?

— Да! Мистер Вителли! Это я!

Ослепляющий свет погас. Широкая кисть Вителли ухватилась за искорёженную дверь, и блестящий глазок револьвера уставился в переносицу Николаю, а следом за ним показалось лицо Джино. Маленькие колючие глазки бегло осмотрели Ремизова, остановились на мне.

— Santa Madonna! — Брови Вителли поползли вверх. — Бамбино, ты в порядке?

— Почти, — кивнул я.

Пистолет кивнул в сторону Николая.

— Это кто?

— Друг, — поспешно заверил я. — Помогите нам!

Джино думал не дольше секунды, сверля Николая тяжёлым взглядом.

— Не дёргайся, — посоветовал он, убирая оружие. — Выбраться сможете? Хорошо, — получив наши торопливые кивки, одобрил он. — Я сдам назад, вылезете и сразу в джип, понятно?

Когда мы вылезли из «Тойоты», я бросился к знакомому «Доджу» и сел на переднее сидение. Ник чуть задержался снаружи, отряхивая стекло со своей куртки. Джино дождался, пока в машину усядется мой спутник, затем выехал на шоссе и сразу набрал скорость.

Я оглянулся на Ника: хмурый сибиряк уставился в окно, предоставив мне право объясняться. В принципе, его это действительно не касалось, теперь всё зависело от меня.

— Мистер Вителли...

— Потом.

Я замолчал. Джино выглядел рассерженным, но что-то в его глазах давало мне надежду. Минут пять мы ехали молча, и тишина оглушала. Вителли не выдержал первым.

— Почему ты следил за мной, Олег?

— Я... — я растерялся. — Я хотел... попросить у вас помощи. В последний... раз. Теперь я понимаю, что это было глупо, — бормотал я всё тише, — с моей стороны.

Простите, я не имел права...

— Вот, — Джино перебил меня, доставая из кармана платок, — вытри кровь, бамбино.

Я слабо улыбнулся, прижимая его к лицу. Знакомое обращение успокоило меня. Конечно, это не говорило о том, что Вителли мне поверил. Зато говорило о том, что он готов верить.

За окном мелькали огни автострады. Спустя несколько минут мы свернули с основной трассы на боковое шоссе и поехали вдоль ухоженной аллеи к видневшемуся невдалеке посёлку. У въезда на огороженную территорию дежурил охранник; заметив «Додж» Вителли, он тотчас поднял шлагбаум, пропуская джип.

Машина заскользила вдоль роскошных особняков, каждый из которых был настоящим шедевром архитектурного искусства. Я едва не усмехнулся: мне бы жизни не хватило, чтобы заработать на такой же. Нику, наверное, и вовсе пришлось бы лет пятьсот служить в своих ВДВ, чтобы купить себе подобный домик.

Джип остановился у ворот одного из домов, ворота медленно поднялись, и мы въехали внутрь. Проехали мимо шикарного коттеджа, утопающего в зелени клумб и тех деревьев, которые ещё не успели сбросить листву, и заехали в просторный гараж. Здесь стояли ещё два джипа, но я на них не смотрел. Джино вышел из машины, мы последовали за ним. Я попытался заговорить, но Вителли ясно дал мне понять, что нас ждёт долгий разговор в доме.

Дом оказался вытянутым, с двумя крыльями и обшитой деревом верандой. С неё открывался вид на небольшой прудик, окружённый плодовыми деревьями.

У парадного входа я заметил двух охранников; внутри нас встретила женщина средних лет в скромном тёмном платье. Вителли негромко обменялся с нею парой фраз, и она тут же скрылась в недрах дома.

— Ждите здесь, — распорядился он, и мы послушно остановились у порога.

Джино отошел недалеко: я слышал, как он говорит по мобильному из гостиной, но не мог разобрать ни слова.

— Кажется, я лишний, — хмыкнул Николай. — Слушай, Олежек, попытайся всё доступно объяснить своему старцу. Вижу, у вас с ним проблем во взаимопонимании нет, но я для него никто. Уж ты постарайся... чтобы меня не застрелили где-нибудь на свалке.

Мне стало страшно, но я сумел выдавить из себя кривую улыбку.

— Как поговорить, так «заткнись, молокосос», а как попросить, так «Олежек»?

— Я предупредил.

Я вздрогнул и повернулся: к нам подошёл Вителли с одним из тех охранников, которых я видел во дворе.

— Твоё имя, — обратился он к Ремизову.

— Ник.

— Ник, поедешь с моим человеком. Он отвезёт тебя в безопасное место.

— Куда? — спросил я. Ник был прав: Джино ничем нам не обязан, и ему ни к чему лишние свидетели.

— Не бойся, — усмехнулся Вителли, потрепав меня по плечу. — Ему там ничего не сделают.

— Созвонимся, — бросил Николай на русском.

Охранник вышел следом за ним, мы с Джино остались одни.

— Мистер Вителли? — снова начал я.

Джино поморщился, распуская галстук.

— Для начала тебе стоит привести себя в порядок и переодеться.

Я вымученно улыбнулся, трогая опухший нос и скулу.

— А затем?

— Затем, Олег, — Джино потёр шею, — ты мне всё расскажешь.

Глава 6.

"Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?" (1 Кор. 15:55).

Я грел ладони на горячей кружке с чаем, украдкой наблюдая за Вителли. Впервые за долгое время мне было по-настоящему спокойно на душе.

— Всё в порядке? — заметив мой взгляд, спросил Вителли. — Тебе не холодно?

Я помотал головой. Экономка забрала мою одежду в стирку, вместо неё в ванной комнате меня ждал банный халат чудовищного размера. В нём я утонул по самые уши, дважды обернув пояс вокруг талии. Мария ушла около часа назад, оставив нас с Вителли наедине, охранников я тоже не видел; в доме стояла мёртвая тишина.

Джино занял глубокое кресло, сложил руки на животе, и затих. Я сел рядом, на диван. Чай остывал, а я всё не мог заставить себя первым начать разговор.

Молчание затянулось.

— Это сложно объяснить, мистер Вителли, — наконец сказал я. — На Спрута я нарвался сам. То, что произошло с ним... объяснимо. Но встреча с Ником... поверьте, он был мне совсем не рад. Он убрался из Чикаго не для того, чтобы из-за меня снова засветиться. Я даже не знаю, что думать. Ник готов помочь: обратиться к вам было его идеей. Я ничего лишнего не рассказывал, — поспешил уточнить я. — Просто сказал, что вы спасли мне жизнь. Я совсем не хочу подставлять вас, мы справимся сами. Просто... я растерялся, мистер Вителли. Я никогда не был в таком... положении. Я... я просто не вижу выхода. После встречи со Спрутом... — я невольно провёл рукой по разбитым губам и носу, коснувшись пальцами пореза на скуле. — В общем... я не хочу, чтобы это повторилось.

Джино тяжело вздохнул, поменял положение в кресле.

— Тебя вёл Алекс, мой человек, — сказал он, — поэтому у меня нет причин тебе не верить. Алекс следил за тобой от самого ресторана и видел, как тебя высадили в Хобокене. Пошёл следом, увидел, как Спрут тебя взял.

— Человек в костюме! — догадался я. Дьявол! Если бы тогда я послушал его и не убежал, я был бы у Вителли на день раньше. И не встретился бы с Ником.

— Вы велели ему следить за мной?

— Я хотел, чтобы Алекс привёз тебя ко мне, — пожал плечами Джино. — У Спрута больше опыта, и не забывай: он у себя дома. Тебя ждала нечестная игра.

Я не нашёлся, что сказать. Я просто не решался поверить. Все дурные мысли оказались ложью! Джино не отказался от меня. Он не вышвырнул меня из своей жизни, как я подумал вначале. Он хотел помочь, несмотря на приказ. Выходит... ему не всё равно?

— Тебе крепко досталось, бамбино, — внимательно посмотрев на меня, проговорил Джино. — Но это ничего. Теперь уже всё позади.

— Вы так думаете? — с надеждой посмотрел я на итальянца. — Честно?

Вителли помолчал. А затем улыбнулся — так, что глаза превратились в лучащиеся щёлочки — и, протянув руку, потрепал меня по плечу.

— Не переживай, сынок. Я тебя в обиду не дам.

Я перехватил его руку, сжал её двумя ладонями, вкладывая в этот жест всё то, что не мог сказать на английском. Вителли снова подарил мне надежду на жизнь. Благодарность переполняла меня. Здесь и сейчас я готов был на всё ради этого человека.

— Спасибо, — с чувством сказал я, потому что не знал, что сказать ещё.

Джино меня понял. Он пожал мне руку и по-отцовски похлопал меня свободной ладонью по спине.

— Ты голодный?

— В последнее время, — улыбнулся я, — почти всегда.

— Идём, — распорядился Вителли. — Обычно я не ужинаю дома, но Мария частенько оставляет что-то в холодильнике на случай, если мне захочется перекусить перед сном.

Мы расположились на веранде, и я перенёс из кухни поднос с двумя чашками чая, печеньем, нарезанной ветчиной и сыром. Джино развернул кресла так, чтобы видеть пруд с разросшимися вокруг деревьями, и какое-то время мы молчали, разглядывая стремительно темнеющее небо. Я чувствовал себя необычайно легко — последняя неловкость прошла ещё там, в гостиной.

— Мы смотрим на восток, — негромко проронил Джино. — Там твой дом?

Я кивнул.

— Никогда не хотел жить в другом месте?

Я неуверенно пожал плечами, качнул головой.

— Смотря где. Америка меня не привлекает.

Джино грустно усмехнулся.

— Да... жаль, что ты не видел Америку такой, какой её увидели наши предки, когда впервые ступили на эту землю. Ещё неиспорченная, ещё свободная. Я застал немного той старой свободы... Да, бамбино, ты слишком поздно родился. Тебе никогда не узнать, какими красивыми казались прежние времена.

— И какой же была тогда Америка? — заинтересовался я. Мне и вправду стало любопытно: кто, как не Вителли, мог рассказать мне о тех годах?

— Тебе действительно хочется послушать воспоминания старика?

— Вы не старый, — сказал я. Мне действительно казалось, что Джино ещё молод. В нём было столько жизни! — И я люблю хорошие воспоминания.

— Хорошие воспоминания все любят, — согласился Вителли. — Знаешь, порой только они и спасают, когда становится особенно тоскливо.

Я отвёл взгляд. Только сейчас я понял, насколько одиноким чувствовал себя Вителли, и как сильно он ценил неожиданно обрётённого названного сына. Сложив руки на животе, Джино надолго задумался, а когда начал говорить, я уже не вспоминал про чай.

— Родственники моей семьи жили в Чикаго с тысяча девятьсот первого года, — начал рассказ Вителли, доставая из-за пазухи портсигар. — Мы редко получали от них письма, но почти в каждом дядя звал к себе. Родители так и не решились переехать до самой войны. Отец погиб в сорок четвёртом, мне как раз должно было исполниться десять. Мать пережила его на девять лет. После её смерти на родине у меня не осталось ничего, кроме двух холмов на местном кладбище.

Письма дяди сделали своё дело: я перебрался в Неаполь. Работал почти полгода в порту, разгружал суда, ещё полгода учился делать неплохие стулья в столярной мастерской, обтачивал шары для боулинга, копил на билет. В пятьдесят пятом я уехал.

— Спустившись на берег, я почувствовал себя героем, — улыбнулся воспоминаниям

Джино, — хотя в кармане звенела только мелочь, живот сводило от голода, и кроме собственных рук и сил мне нечего было предложить миру. А Чикаго! О, малыш, он пьянил не хуже вина! Дядя устроил меня на работу в лавке, дал крышу над головой. Мы жили в иммигрантском райончике, кругом говорили на родном языке, дела шли неплохо — на что жаловаться?

Проблемы начались позже. Бернардино Полонья, компаньон дяди, захотел выкупить его долю. Италия у нас в крови, Олег: мы живём в Америке, но все наши привычки, кухня и традиции остаются прежними. Спорные вопросы решали тоже по старинке. Дядя мастерски обращался с лупарой, но это ему не помогло. Лавку закрыли, тётушка вместе с детьми переехала в Детройт. У меня оставался выбор: ехать со всеми или работать на Полонью. Мне эта затея не нравилась.

В Нью-Йорк я поехал, полный надежд на лучшую жизнь. Английского я почти не знал. Где мне было учить его? В Чикаго, в нашем районе, в доме у дяди — все говорили на итальянском. В лавку заходили, опять же, итальянцы. Всё, что я умел — довольно коряво изъясняться, путаясь в словах до тех пор, пока не заканчивался мой скудный запас знаний. Но мне повезло: грузчику не обязательно хорошо знать язык.

В Нью-Йорке я жил третий месяц, но кроме порта и окраин рабочего квартала нигде больше не бывал. В тот день выдалась короткая смена, и я решил прогуляться, но заплутал в улицах и переулках. В одном из них я и наткнулся на банду мальчишек самого разного возраста.

Самому взрослому исполнилось девятнадцать, младшему — едва ли десять. Я был старше, сильнее, но в их глазах блеснул опасный огонь. Эта стая молодых волчат могла растерзать меня, не чувствуя злости, не испытывая гнева, только из любопытства. И они не торопились. Кружили, подбирались ближе. Я видел их улыбки.

— Вы могли убежать, — вмешался в рассказ я.

— В те времена я был, конечно, намного стройнее, — насмешливо хмыкнул Вителли. — Но не настолько, чтобы играть в догонялки. Я выругался. Отпустил длинную, сочную тираду на итальянском, пообещав размозжить череп первому, кто посмеет сунуться ко мне.

В те времена ещё можно было услышать сицилийский диалект посреди Нью-Йорка, а самоуверенности Джанфранко хватило бы на троих головорезов. Ему тогда исполнилось пятнадцать; два года он водил подростковую банду и, как настоящий сицилиец, умел вытянуть из человека интересующие его сведения. Мальчишка хотел знать обо мне всё: о моём детстве, о жизни в Нью-Йорке. Недолго думая, он привёл меня в роскошное поместье его отца, дона Томаса.

— Вас не выставили? — удивился я.

Джино улыбнулся, и, раскуривая сигарету, продолжил:

— Франко, — Джино закашлялся, выдыхая дым, — знал, чего хочет. Умел привязывать к себе нужных людей. Я хорошо помню, что он сказал в тот вечер. Он сказал: «Я завязываю отношения. А через несколько лет соберу урожай». Как он и рассчитывал, детская банда распалась. Кто-то попался на краже, кого-то посадили в тюрьму, кто-то вырос и не захотел иметь связей с прошлым. Но большинство осталось с ним. Знаешь, как они называли себя? «Нью-Йоркские змеи». Шайка малолетних шалопаев, но каких самоуверенных! Они его обожали. Джанфранко всегда удавались самые безумные, рискованные выходки. «Я о тебе позабочусь, — на прощание сказал он. — Мы должны поддерживать друг друга».

Наутро меня отвезли в город, и наши пути разошлись на несколько лет. Дон Томас

рекомендовал меня своему должнику: я получил неплохую работу, смог выучить язык, снял квартиру. Франко навестил меня в моей скромной комнате под крышей на Малберри-Стрит. Мы расстались добрыми знакомыми. В следующий раз я увидел его почти три года спустя.

Вителли заметно помрачнел, словно пропуская неприятные воспоминания, и заговорил немного быстрее.

— Ему исполнилось восемнадцать. Он был уже совсем взрослый, поступал в Принстон. Спланировал своё будущее лет на десять вперёд. У нас было немного общего: у него учёба, блестящее будущее, у меня не самый лучший период в жизни, — путано подвёл черту под неприятным моментом Вителли. — Франко вернул мне вкус к жизни, дал надежду, и самое главное — свою дружбу. Многие считают его жестоким человеком, Олег, — проговорил Вителли, — но у меня никогда не было более близкого человека, чем Медичи.

— Его помощь нельзя назвать бескорыстной, — заметил я. — Он помог вам, чтобы получить преданного помощника.

Джино сделал глубокую затяжку.

— Если кто-то обладает властью указывать остальным, что делать, то только потому, что они сами ему это позволяют. Ждут, что этот некто решит за них накопившиеся проблемы, обеспечит работой, поможет в трудную минуту...

— И потом за это расплачиваются.

— Да, — спокойно согласился Вителли. — Но я чувствовал себя обязанным. Скажи, — неожиданно спросил он, — что *ты* чувствуешь ко мне?

— Ну... это... совсем другое, — растерялся я, хотя совершенно точно знал, что испытываю. Самую настоящую преданность, готовность сделать всё, что этот человек мне прикажет. Я не мог в этом признаться.

— Разве? — сощурился Вителли.

Я помолчал.

— Вы — не он, — наконец тяжело проронил я. — Я никогда бы не смог довериться ему.

— Ты не знаешь Медичи. Он поступает правильно.

— Правильно, — усмехнулся я. — А как же поступаю тогда я?

— Не сравнивай себя и его, — ответил Джино. — Ты тоже поступаешь правильно. Просто действуешь так, как говорит твоя совесть. Но даже если ты выживешь, то не поднимешься высоко. Для этого нужно действовать *правильно* по кодексу системы. Олег, я был таким же молодым и глупым, и мне никто не помог. Я не хочу, чтобы тебе пришлось стать на тот же путь, что и мне. Ты должен жить своей жизнью.

За эти слова я готов был многое отдать. На душе стало легко и ясно. Почему раньше всё казалось мне таким сложным? Всё будет хорошо! Вителли поможет мне разобраться со Спрутом, я поеду домой, успокою родных, которые, наверное, уже с ума сходят, заберу Ладу в Одессу, мы поженимся — по-другому и быть не может — и прилетим к Вителли уже вдвоём. Всё будет именно так. Будем навещать его так часто, как сможем, станем ему семьёй. Лада поймёт. Она всегда меня понимала. А когда у нас появятся дети, Джино сможет почувствовать себя самым настоящим дедом, главой маленькой семьи. Всё так и будет! Я обязан этому человеку жизнью, я полюбил его как родного отца, и я хотел, чтобы он был счастлив.

Мы проговорили до полуночи. Вителли расспрашивал меня о моей семье, о невесте, о планах на будущее — так, словно у меня не осталось никаких проблем в настоящем.

Джино смеялся, когда я рассказывал про свою кошку, которая считала главным

призванием в жизни кидаться людям под ноги, про институт, после которого я скорее растерял силы, чем обрёл их, про Чёрное море, которое на самом деле самое синее в мире...

Осторожными расспросами я заставил Вителли признаться, что у него действительно большое сердце, но соблюдать щадящий режим, прописанный доктором, ему не позволяли занятость и гордость.

— Баста, — хлопнул по подлокотникам Джино. — Пора спать. Пойдём, покажу твою комнату.

Я не возражал. Последняя тревожная ночь у итальянцев, затем бессонная ночь в притоне, где мы с Ником ждали рассвета — я валился с ног от усталости. Побои тоже давали о себе знать — хотелось попросту лечь и не двигаться.

— Мобильный не выключай, — посоветовал Вителли, — Спрут должен успокоиться. Дай ему знать, что ты ещё в Нью-Йорке.

Я не спорил. Только надеялся, что Спрут не станет звонить ночью — хотелось выспаться. Вителли дал мне зарядку, я поставил мобильный на ночном столике, разделся, лёг и уснул почти сразу.

Звонок раздался в начале четвёртого утра.

— Будь ты проклят, Спрут, — выдохнул я, не открывая глаз, и протянул руку за мобильным. — Чего ты хочешь, урод, в такое время? — раздражённо выдавил из себя я, даже не посмотрев на высветившийся номер.

— Твою мать, белый ублюдок!!! — заорал в ухо знакомый голос. — Русский, какого хрена ты это сделал?!

— Джу-джулес? — зачем-то уточнил я, усаживаясь в постели.

— Нет, мать твою, президент Соединенных Штатов! Ты, везучий сукин сын! Как тебя угораздило связаться с мафией?! Чтоб ты сдох, кретин!

— Да в чём дело-то?

Сон сползал с меня крайне неохотно; пришлось с силой провести ладонью по глазам, чтобы хоть немного стряхнуть с себя дурманящую пелену.

— В чём дело?! Он ещё спрашивает! — возмутился мулат. — Я тебе скажу, русская сволочь, в чём дело! Сандерсон мёртв, и все его ребята тоже! На «Потерянный рай» наехали макаронники! Откуда они узнали, что у нас нет крыши?! А я знаю, откуда! Все знают, что это ты их навёл! Русский! Русский!!! Ты ещё там?

— Джулес, — наконец окончательно проснулся я. — Сандерсон мёртв?

— Грохнули ещё утром! Мы с Дэвидом дежурили в клубе, нам повезло. Услышали новости и вовремя смотались оттуда. Признайся, русский! Это твоих рук дело!

Я лихорадочно соображал. Что там говорил Ник? Спрут оказывал услуги...

— Послушай, я ничего не знал...

— Но трепался? Трепался, ублюдок, признайся?!

— Может быть, — сдался я. — Но я не думал, что так всё выйдет!

— Я охреневаю, русский! Ты откуда свалился на наши головы?!

— Между прочим, это ты меня завербовал, — парировал я. — Сандерсон... сам виноват. Он меня обидел.

В трубке поперхнулись воздухом.

— Вы меня во всё это втянули, — воспользовавшись паузой, вставил я. — Нечего теперь меня винить. Кроме того, я действительно не знал, что происходит.

— Теперь знаешь? — помолчав, спросил мулат.

— Я спрошу, — тоже подумав, ответил я. Мне и в самом деле нужно было поговорить с Вителли, хотя я сомневался, что получу какой-либо конкретный ответ.

— Ты высоко забрался, да, русский?

— Нет, — честно признался я. В трубке недоверчиво хмыкнули.

— Устроил ты всем сюрприз, турист хренов, — протянул мулат. — И мне, и Дэвиду, и своему кубинскому другу, но самый большой — Сандерсону. Знаешь, а ведь никто не воспринимал тебя всерьёз. Опасались, да, избегали, но не думали, что ты способен... а ты, оказывается, способен.

— погоди, — нетерпеливо перебил его я. — Маркус всё ещё в Чикаго?

— А куда он денется? Когда всё это случилось, я по его наглой роже видел, что ему это в кайф! «Потерянный рай» накрыли, ты живой, а я в глубокой заднице! И он очень рад, поверь мне на слово!

Я промолчал. Джулес не мог знать о нашем с кубинцем разговоре на кухне. Выходит, Меркадо не сдержал своего слова. Patria o Muerte. Родина или смерть. Кажется, Марк сделал свой выбор.

— Русский!

— Что? — поморщился я: Джулес, казалось, находился рядом и кричал в самое ухо.

— Чего будет с нами?

Я удивился. Тон Джулеса казался почти заискивающим. Таким тоном мулат разговаривал с боссом. Неужели Джулес и в самом деле верил, что я могу на что-то повлиять? Мне стало смешно.

— Я спрошу, — повторил я. — Как Джил?

— Жива, — брезгливо фыркнул мулат. — Что ей будет? С ней Дэвид.

— Спокойной ночи, Джулес.

— Эй, чувак! — заволновалась трубка. — Не забывай про нас. Я не хочу сдохнуть, как Сандерсон! Никто из нас не хочет. Русский...

— Я понял, Джулес, — устало сказал я, снова откидываясь на подушку. — Попробую договориться.

— Я тебе ничего плохого не делал, русский, — напомнил мулат. — И Дэвид тоже.

— Всё помню, — ответил я и отключился.

Наверное, с полчаса я лежал без сна, растревоженный телефонным звонком. Проклятый мулат! Он всегда находил способ испортить мне настроение. Всё только начало налаживаться...

Кажется, с этой мыслью я снова уснул.

Проснулся поздно. Комнату заливал яркий солнечный свет, и я какое-то время лежал, ослеплённый им, ощущая тепло толстого одеяла, и совсем не хотел вставать. Я действительно чувствовал себя как дома, когда можно позволить себе поваляться лишний час в постели, и только воспоминание о ночном звонке заставило меня подскочить.

После быстрого душа я привёл себя в порядок, оделся и спустился вниз. Джино сидел в столовой, с газетой и чашкой крепкого кофе.

— К чёрту режим? — я кивнул на чашку.

Вителли усмехнулся.

— Как спалось?

— Здорово, — признался я. — Я так крепко не спал с момента перелёта в Америку.

— Не помешал ночной звонок?

Я вопросительно посмотрел на Вителли.

— Наши спальни рядом, — пояснил он. — Слышал трель через стенку.

— Я заснул сразу же, как отключил телефон, — я подошёл к кухонной стойке, налил себе чай и прихватил тарелку с булочками.

— Спрут?

— Нет, — я уселся напротив Джино и пристально посмотрел ему в глаза. — Звонил знакомый из Чикаго. Мистер Вителли, мы с вами говорили про «Потерянный рай».

Джино легко выдержал мой взгляд.

— Бизнес, — пожал плечами он. — Сандерсон нашёл неплохой способ стать невидимым для больших акул. Проще один раз заплатить Спруту и спать спокойно.

Я заторможено кивнул. Конечно же, обо всем этом я уже догадывался, но невозмутимость, с которой Джино говорил, всё же выбила меня из колеи. Словно всё в порядке. Всё правильно. А убийства... ну что же, ничего личного, просто бизнес.

— Олег, — позвал меня Джино. — В чём дело?

— Человек, который мне звонил... он не мой друг, — поспешил заверить я. — Но я не хочу, чтобы бывшая команда Сандерсона пострадала. По крайней мере, не все из неё.

— Имена.

Я назвал Джулеса, Дэвида и Джил. В конце концов, я делил с ними общее прошлое. Я всего лишь отдавал долг своей совести, не больше. Вителли кивнул.

— Окей, твоих приятелей не тронут.

— Спасибо.

Мы позавтракали, и Вителли поднялся, накидывая пиджак.

— Слушай меня, Олег, — сказал он, застёгивая пуговицы. — Тебе придётся залечь на дно. Держи связь со Спрутом. Когда он успокоится, мы предложим ему встретиться и там же, на встрече, с ним покончим. Спрут не придёт один, но мои люди будут уже ждать, и с лёгкой душой перестреляют всех, кто явится вместе с ним

— А я?

— А ты посидишь смирно, пока я не покончу с ним, — предупредил Джино. — На встречу не пойдёшь. Достаточно риска.

— Вы же не пойдёте без меня? — ужаснулся я.

— Кто-то должен всё контролировать, — ответил Джино, направляясь к выходу. Я растерянно следовал за ним. — Не делай глупостей, сынок, — предупредил он напоследок, останавливаясь у двери.

Я смотрел из окна, как он выезжает на незнакомом джипе из гаража — «Додж», похоже, был не единственной большой машиной в коллекции Вителли — и исчезает за воротами. Ещё несколько минут я простоял так, затем угрюмо поплёлся в столовую, уселся за стол, взял газету, которую читал Джино, и уставился в неё невидящим взглядом. На душе было тревожно. С одной стороны, Вителли решал все мои проблемы. С другой, я не мог смириться с таким положением дел. Я не хотел подставлять его репутацию, да и жизнь, в конце концов, и уж точно не хотел сидеть у него на шее целую неделю, если не больше.

Когда мыслей в голове стало слишком много, я не выдержал, взял мобильный и набрал номер Ника.

— Доброе утро.

— У тебя только утро, — хмыкнул Ремизов. — Хорошо спал.

— Хорошо, — не стал скрывать я. — Как ты?

— Квартирка ничего, — в свою очередь признался Николай. — Обычно мне приходилось ночевать в клоповниках вроде того, где мы с тобой побывали. Мы с хозяином договорились, я плачу за аренду и живу тут в свое удовольствие. В общем, я устроился. Судя по твоему голосу, смертная казнь мне как свидетелю в ближайшее время не грозит, так?

— Так. Послушай, Ник, — я вкратце рассказал ему предложенный Вителли вариант действий. — Что ты об этом думаешь?

В трубке повисло молчание.

— Ну? — поторопил я.

— Идея разумная, — задумчиво согласился Ремизов. — Если только Спруту не придёт в голову то же самое. Тут уж как повезёт. А твой старикан не промах! Правильно, нечего с этими отбросами церемониться. Что ж, рад за тебя. В рубашке родился.

— Ник, — перебил я, — у меня дурные предчувствия. Мне кажется...

— Перекрестись.

— Ник! Я не хочу, чтобы Вителли пострадал.

— С чего это? — слегка удивился Ремизов. — Если старика не подведут его же собственные ребята ...

— Всякое может случиться, — снова перебил я. — Мне было бы спокойнее, если бы я лично там присутствовал.

В трубке уничижающе фыркнули.

— Давно по морде не получал?

— Ник, мы ведь хотели справляться сами.

— С твоим Спрутом? Ну, если честно, я надеялся на что-то вроде того, что предложил твой итальянец. В крайнем случае, конечно, пришлось бы идти на дело вдвоём. Но я как человек разумный одобряю план первый.

Я помолчал. Ник был прав, но я не мог успокоиться и чувствовал себя ужасно.

— Кто такой Большой Бен?

— Что? — не сразу понял я.

— Биг Бен — это кто? — терпеливо повторил Николай.

— Информатор Сандерсона, — растерянно ответил я. — Первый, к которому я обратился, прилетев в Нью-Йорк. Толковый парень и, мне кажется, знает больше, чем говорит. Я пытался узнать у него о Спруте, но, наверное, я просто не умею выбивать из людей информацию. погоди! Ты рылся у меня в телефоне?

— Пока ты спал. Нужно же было проверить, кого сбросила мне на шею судьба.

— Собака.

— А то, — легко согласился Ремизов. — Ладно, брат, созвонимся позже. Я ещё ничего сегодня не жрал.

Следующие несколько часов я отчаянно пытался убить время. Нервно расхаживал по гостиной, пытался читать, смотреть телевизор, но никак не мог успокоиться. Знаете, такое отвратительное состояние, когда не знаешь, за что взяться, и в то же время всё валится из рук. Всё происходило не так, как я это себе представлял. Я вроде находился в безопасности, но в то же время тревога разъедала меня изнутри, как серная кислота, доставляя почти физический дискомфорт.

Когда зазвонил мобильный, я был даже рад.

— Курт.

— Где ты? — прорычал знакомый голос, и я вышел на веранду, рассматривая

внутренний сад коттеджа.

— Дома, — ответил я. — Волнуешься за меня?

— Я лечу за тобой, маленькая сволочь, — с такой ненавистью выдохнул Спрут, что мне стало страшно. В первый раз за всё время я понял, что поступил правильно, оставшись в США. Если бы я привез свои проблемы со Спрутом в Одессу, этот маньяк не пощадил бы никого из моих близких, чтобы добраться до меня. — Ты пожалеешь, что тебе повезло вырваться. Ты тысячу раз пожалеешь...

— Курт, — как мог спокойнее прервал его я. — Я всё ещё в Нью-Йорке.

Спрут резко замолчал.

— И я не собираюсь уезжать до тех пор, пока мы с тобой не решим нашу проблему.

— У меня нет проблем, Олег, — медленно проговорил Спрут, и я невольно заткнулся, слушая хищный, завораживающий голос. — У меня есть только цель и задача выжить, чтобы её достичь. Моя цель — ты. Ты, везучий маленький сукин сын. Может, просто скажешь, где ты? Это решит твою проблему раз и навсегда, обещаю.

— Нет, Курт, — вздохнул я. — Не могу. После последней нашей встречи мне нужно время, чтобы всё обдумать. Позвони позже, может, я что-нибудь придумаю.

— Издеваешься, маленький ублюдок? — хрипло спросил Спрут. — Это хорошо. Это меня злит. Я вспомню всё, когда придёт время. Сколько тебе нужно? Неделю, две?

— Я позвоню тебе, Курт.

— Не думай, что я буду ждать вечно. Я про тебя уже всё знаю, Олег. Кто ты, откуда, с кем общаешься...

— Но не знаешь, где я, — решил съязвить я.

Спрут помолчал.

— Знаю.

— Вот как? — усмехнулся я.

— Ты у Вителли.

Я остолбенел, и двух секунд ошеломленного молчания Спруту хватило, чтобы сделать выводы. Мы усмехнулись в трубку почти одновременно. Я — придя наконец в себя и желая разуверить Спрута в его догадке, он — вполне удовлетворённый собой.

— Курт, ты меня удивляешь. Я по-прежнему могу быть где угодно

— Только для тех, кто не знает, где искать, засранец, — без всяких эмоций проговорил Спрут. — На твоём месте я бы подумал и пришёл сам. Знаешь, почему? Потому что пистолет с твоими отпечатками всё ещё у меня. Нью-Йорские копы тупоголовые ублюдки, но федералы — совсем другое дело. Они с радостью вцепятся в кость, которую я им кину. Подумай, малыш, что станет с твоим престарелым дружкой Вителли? Обвинение в укрывательстве преступника само по себе тяжкое преступление, но тут у нас прямо джек-пот! ФБР хватит одной зацепки, чтобы взять его в оборот. Или ты думал, Вителли чист перед законом, и спокойно доживает деньки на пенсии? Ты влез в болото, о котором не имеешь представления, и знаешь, в чём разница между нами? Я знаю правила. Подумай хорошенько, и скажи: я стану ждать?

Он отключился первым, а я медленно опустился в плетёное кресло, крепко сжимая в руке мобильный. Я не знал, как Спрут догадался, где я скрываюсь, но зато убедился, что не могу оставаться здесь и дальше. Каждая минута у Вителли грозила опасностью ему самому. Остаток дня я провёл как на иголках.

Вечером я выложил всю историю Джино. Тот выслушал внимательно, ни разу меня не

перебив, и только когда я наконец умолк, Вителли закурил.

— Спрут прав, — пуская дым, наконец изрек он. — Значит, придётся назначить встречу раньше, чем я планировал.

На этой риторической ноте разговор окончился. Я не сомневался, что Вителли знает своё дело, но всё равно не мог найти себе места. Джино со мной больше не говорил о предстоящей встрече, а у меня в голове запасных мыслей не оказалось.

Следующие несколько дней тянулись мучительно медленно, хотя, если честно, я совсем об этом не жалел. Я терзался нехорошим предчувствием и ожиданием встречи со своим врагом — почему-то ни на секунду я не усомнился в том, что снова встречу Спрута — и бездельем. Я постепенно восстанавливал свои силы, растроченные переживаниями и последней встречей с бритоголовым, отъедался и почти узнавал себя в зеркале.

Джино позаботился о том, чтобы Джулеса, Дэвида и Джил благополучно забыли, не наглый мулат так и не перезвонил. Позвонил Дэвид. Бывший начальник охраны «Потерянного рая» поблагодарил меня — хотя я-то этого точно не заслуживал — и пожелал удачи. От взаимных расспросов мы удержались. Общее прошлое осталось позади, теперь каждый шёл своей дорогой.

Я спросил разрешения у Вителли позвонить домой. Мне пришлось пережить настоящую бурю гнева, обвинений и слёз, но успокоить маму я всё-таки смог, и даже добился от неё согласия подождать ещё немного, пообещав рассказать всё дома. Что я мог изменить? Нельзя же, в самом деле, говорить, что я могу вообще не вернуться?

Ладе я написал длинное электронное письмо. Содержание оставлю при себе, но это было самое нежное письмо, которое я когда-либо писал. Я отдавал все долги, и внезапно оказалось, что я многим людям должен на этой планете. Нет, я не хотел, чтобы всё закончилось именно так.

Когда становилось совсем тоскливо в ожидании Джино, я звонил Нику. Ремизов на самом деле оказался не таким грубым неандертальцем, каким я его запомнил. Просто, наверное, мы познакомились в не самый лучший для нас обоих период в жизни. А потом Николай начал сам звонить мне — и так, день за днём, я коротал время в доме Вителли, подавленно ожидая судного дня.

Однажды Вителли приехал не один. По правде, я был рад видеть Сэма — мне казалось, после нашей глупой драки мы легко найдем общий язык и даже, быть может, вместе посмеёмся над собственным идиотизмом. Но для Сэма произошедшее было чем-то большим, чем временное помешательство; меня он смерил по-прежнему тяжёлым и неприветливым взглядом.

Человеку нужно время, чтобы привыкнуть, хотя я действительно хотел убедить его, что не собираюсь занимать его место. Ко мне Вителли относился, наверное, всё-таки лучше, но именно Сэм стал для него незаменимым помощником, даже партнером, и мне казалось, парень зря беспокоился о своём положении. Всё это я хотел обсудить с ним, когда выпадет возможность. Поймав предупреждающий взгляд Сэма, я воспринял его как команду держаться подальше. И я решил подождать.

Мы устроились в гостиной, и Джино выложил на стол телефон.

— Бамбино, — сказал Вителли, и я заметил, как при этом у Сэма дёрнулся уголок губ. — Мои люди готовы. Вот что тебе нужно будет сказать...

Нехорошее предчувствие, не отпускавшее меня все дни, вспыхнуло с новой силой. Я не хотел следовать чужому плану. И хотя моя роль в нём казалась минимальной, а я доверял

Вителли, всё равно гложущее чувство того, что кто-то разбирается с моими проблемами за меня, не давало покоя. Я привык считать, что можно быть уверенным только в том, что делаешь сам. Некого винить в случае неудачи, некого благодарить в случае победы. Здесь оказалось не так.

Я набирал номер медленно: впервые я сам звонил Спруту.

— Курт? Нужно встретиться. ... — стрит, 12, завтра в полдень.

— Боишься темноты, напарник?..

Я отключил телефон и вопросительно посмотрел на Джино.

— Всё хорошо, — уверил он меня.

Мне захотелось взвыть. Я не хотел, чтобы наступило завтра, не хотел следующего дня, но всё решили за меня, и я не видел другого выхода.

— Я не хочу, чтобы вы тоже ехали туда, — мрачно проронил я.

— За меня не переживай, Олег, — коротко рассмеялся Вителли.

Я заметил взгляд Сэма, направленный на меня, и на этот раз понял его. Сложно простить человека, который подвергает опасности жизни тех, кто для тебя что-то значит.

Ночью я не спал. Чтобы хоть как-то отвлечься, я позвонил Нику. Ремизов, как оказалось, не спал тоже, и выдержал целую минуту разговора, прежде чем сказал, что у него есть планы на утро.

— Советую тебе выспаться сегодня, — проворчал он на прощание. — Завтра будет не до сна.

В конце концов, устав ворочаться с боку на бок, я спустился вниз, на кухню, заварил чашку крепкого чая и уселся за столом, уставившись в одну точку. Тишина давила. Под потолком висел маленький телевизор; я включил его и, пощёлкав кнопками на пульте, нашёл образовательный канал. Звук я убавил, чтобы не разбудить Вителли, но всё равно слышал каждое слово. Шла передача про Вторую мировую. Конечно же, в ней американцев показали как героев, которые победили злых фашистов и спасли невинных гражданских от советской оккупации. СССР, который в одиночку вынес все тяготы самой страшной земной войны, вопреки фашистской агрессии и преступной бездеятельности, даже откровенной подлости собственных «союзников», в этой передаче даже не упомянули.

Подробнее всматриваться в мелькающие на экране картинки не хотелось: зрелище одновременно притягательное и неприятное. Вражеская пропаганда, опасное оружие. Кривое зеркало, которое злонамеренно искажает картинку, но как ни протирай его платком, чётче не сделается. И инстинктивно хочется поспорить, но не с кем; не с мелькающими же кадрами на экране?

Через несколько минут спустился Джино. Он посмотрел на меня, на телевизор, и, запахнув тёплый халат, с кряхтением уселся напротив.

— Не спится?

— А вам?

— Переживаешь, — Вителли понимающе улыбнулся в ответ.

— Конечно.

— Олег, — тёплая, мягкая ладонь Джино легла поверх моей руки, — расслабься. У тебя всё будет хорошо. Человек с таким взглядом всё выдержит. Я просто помогу тебе не стать на ту же скользкую дорожку, по которой пошёл когда-то сам. Я сам так захотел, бамбино, ты здесь ни при чём. Просто... мне всегда не хватало в этой жизни одной вещи, Олег. И я готов заплатить за неё свою цену.

Так получилось, что в этот момент я поднял глаза, и наши взгляды пересеклись. Я понял его слишком хорошо, чтобы суметь откреститься. «У вас будет семья, мистер Вителли. Я буду вашей семьёй!», — хотелось крикнуть мне, но я смог только выдать короткое «спасибо».

Джино убрал руку и отодвинулся от стола.

— Пора спать, — распорядился он — Завтра будет долгий день.

Глава 7.

Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся. (1 Кор. 15:51).

Я не находил себе места накануне, но всё равно умудрился проспать самое важное. Вителли уехал до того, как я проснулся. О завтраке я и не думал: мне кусок в горло не лез, поэтому, кое-как проглотив тёплый чай, я уселся перед телефоном.

По словам Джино, исключительно ради моей безопасности, со мной остались четверо надёжных парней, следить за порядком в доме. Я сказал, что это смешно. Джино сказал, что лучше вначале смеяться, чем потом плакать.

Ожидание — самая противная вещь на свете. Когда уже не здесь, но ещё и не там. Я бродил по дому, не находя себе места, избегая взглядов охранников, которых видел впервые, и наконец, устав ходить по кругу, уселся на той самой веранде, где слушал рассказ Вителли про старую Америку. Какое-то время я сидел один: Нику дозвониться не мог, русский не брал трубку, а кроме общения с Ремизовым, у меня в последнее время не было других занятий.

— Можно?

— Конечно, — не сразу среагировал я.

Мужчина в тёмной рубашке уселся рядом, доставая из кармана сигарету. Я покосился на него. На вид ему было около сорока; зачёсанные назад тёмные волосы придавали ему вид одновременно элегантный и опасный. У него оказалось одно из тех лиц, которые сохраняют свою красоту до глубокой старости, когда только глаза выдают возраст.

— Ты Олег, — утвердительно произнес он, щёлкая зажигалкой.

— А ты? — поинтересовался я, разглядывая собеседника. Тот чуть поморщился, выдыхая дым, и отложил сигарету в пепельницу.

— Джон.

— Ты здесь за главного?

— На следующие несколько часов — да. Куришь?

— Нет.

— Почему?

Я пожал плечами, помолчал. С одной стороны, я был рад компании, тем более, мужчина казался непосредственным собеседником, легко завязавшим разговор, но с другой — собственные мысли мешали говорить.

— Я не умею.

— Учиться никогда поздно, — усмехнулся Джон. — Я начал курить в тридцать пять.

— Зачем? — искренне удивился я.

— Моя жена ушла, и я решил, что с режимом покончено. Теперь я могу пить, курить и... всё остальное.

— С режимом? — переспросил я.

— Да. — Он поймал мой вопросительный взгляд и спокойно пояснил, — у нас не могло быть детей. Мы испробовали всё, что только можно. Это из-за меня, — Джон дёрнул

плечом. — Бесплодие. Эмма меня любила, но она хотела ребёнка. Она ушла к тому, кто смог ей его дать.

— И... как ты теперь? — осторожно поинтересовался я.

— Теперь я могу пить и курить.

— Нравится?

— Нет, — ответил Джон. — Но я так и не смог придумать ничего лучше.

Я не нашёл, что сказать, и вместо этого принялся искоса разглядывать собеседника. Такие, как он, не делают тайну из своего прошлого, но что-то заставляет думать, что они не договаривают ещё больше, чем говорят.

— Я тебя раньше не видел, — снова заговорил Джон. — Откуда знаешь Вителли?

Я неопределённо пожал плечами.

— Случайное знакомство.

— Ни хрена себе, — вполне резонно высказался он. — Ты случайных знакомств с кем-нибудь вроде Буша не имеешь?

— Нет, — после трехсекундного молчания решил я. — А ты? Почему он доверяет тебе охрану своего дома?

— Не дома, — поправил меня Джон. — Тебя. Мне приходилось общаться с Джанфранко. Джино меня хорошо знает.

— И доверяет?

— Я не выдаю чужих секретов, — усмехнулся начальник охраны. — Просто делаю свою работу и жду.

— Ждёшь? — внезапно заинтересовался я. Болтать со случайным знакомым оказалось всё-таки лучше, чем в одиночку переваривать собственные мысли. — Чего?

— Перемен, — усмехнулся Джон. — Мой товарищ хотел назвать сына в мою честь — я когда-то спас ему жизнь. Но у него родилась дочь. Теперь мне осталось дожидаться, когда у него родится сын.

— Так сильно хочешь, чтобы тебя помнили?

— Я не тщеславен, — усмехнулся мужчина. — Я знаю, что умру неожиданно, так случается с людьми моей профессии. Хочется... чтобы она слышала моё имя, встречаясь с нашими старыми друзьями.

— Ты всё ещё её любишь.

— Любил.

— Любишь.

Мы переглянулись и улыбнулись почти одновременно.

— А ты прикольный малый, — усмехнувшись, сказал Джон. — Теперь я лучше понимаю Топора.

Неожиданный собеседник мне понравился. Я даже задумался, чем могу ему помочь. Назвать сына в его честь? Джон... это по-нашему как — Иван? Я едва не расхохотался. Иван Грозный! Будь я на месте своего потенциального сына, я бы себя убил. Мне-то что, а вот ему с таким именем жить...

У Джона сработала рация, прикрепленная к поясу, и мужчина тут же вышел.

Я подождал немного, прислушался, и понял, что не ошибся: со стороны двора доносился звук работающего мотора. На какой-то миг мне показалось, что вернулся Вителли, и я поспешил обогнуть дом, чтобы увидеть ворота.

Закрывать ворота мешал чужой джип на подъездной дорожке. Водителя я узнал, и не могу

сказать, что обрадовался. Если Джино прислал Сэма для поддержки, то он не угодил ни мне, ни Джону.

— Какого дьявола? — услышал я голос Джона. — Убери машину.

Осторожно высунувшись из-за угла, я увидел их. Джон стоял напротив Сэма, на верхней ступеньке крыльца. Один из парней Джино вышел следом за ним и стоял чуть поодаль.

— Я ненадолго, — услышал я ответ Сэма. — Вителли сказал, у него изменения в плане. Спрут должен увидеть русского. Тебе придётся отвезти его в город.

Джон задумался, а я почувствовал, как по спине ползёт предательский холодок. Значит, план провалился?

— Мне он не звонил.

Сэм пожал плечами.

— Не слишком удачная мысль, если знать, что затеял Топор. Дай мне поговорить с Олегом, Джон.

Я поспешил скрыться за углом дома. Я надеялся, что Джон избавит меня от разговора с Сэмом — в прошлый раз мы не слишком удачно закончили выяснение отношений.

— Только в моем присутствии.

— О'кей, — согласился Сэм. — И набери Вителли. Он хотел, чтобы вы состыковались, прежде чем ты поедешь в город.

Я поспешно отлепился от стены, вошёл в дом и поднялся на второй этаж: не хотелось показывать, что я был внизу и слышал их разговор. Сверху я видел, как Джон с Сэмом вошли в дом. Джон на ходу набирал номер на мобильном. Я осторожно отодвинулся к стене.

Я ожидал, что Джон окликнет меня, как только пересечёт порог, но услышал совсем другой звук. Если бы в доме не стояла такая тишина, я бы мог легко его спутать со звуком захлопнувшейся двери.

Но я уже слышал, как стреляет пистолет с глушителем.

Сердце бешено забилося в груди, когда я подкрался к лестнице и осторожно выглянул из-за перил.

Джон лежал у нижней ступеньки, лицом вниз, в луже тёмной, почти чёрной крови, растекавшейся под головой.

Меня прошиб ледяной пот. Сволочь, как же так... как же так...

Я заметил движение на ступенях, и отпрянул от лестницы. У меня оставалось секунды две — я метнулся обратно на балкон, перебрался через перила, и спрыгнул вниз. Ещё в полёте я услышал сухой треск у ворот и сдавленные крики. Не теряя времени, я перекатился к стене и выглянул во двор.

В доме оставался ещё один охранник — я слышал, как Джон приказал ему находиться в гостиной. Я надеялся, что он задержит Сэма, пока я...

То, что я увидел во дворе, оборвало мысль. За воротами стоял ещё один джип с распахнутыми настежь дверьми. Двое охранников Вителли лежали на земле в лужах собственной крови, а двое выбравшихся из джипа головорезов перекрыли дорогу к воротам. Судя по звукам из дома, в джипе были ещё люди, которые поспешили на помощь Сэму.

— Эй! — крикнул он, увидев меня.

Я отпрянул назад слишком поздно. В доме раздался шум, я различил чей-то приглушённый вскрик, а затем чёрная дверь коттеджа распахнулась, выпуская наружу Сэма с помощником. Ещё двое прибежали со двора: я оказался окружён. За спиной был пруд, передо мной стояли четверо. Сэм сжимал правой рукой левое плечо, между пальцев текла

кровь: охранник в гостиной промахнулся всего на пару сантиметров.

— Как ты мог, сволочь? — выдохнул я.

Из дома вышел последний из помощников Сэма, прикладывая мобильный к уху.

— Мог что? — прошипел Сэм, крепче сжимая плечо. На его губах появилась кривая ухмылка. — Я приехал, увидел, попытался тебя защитить, был ранен. А они забрали тебя. Я не сумел им помешать.

— А Джон? — с ненавистью вытолкнул из себя я. — Как же Джон?!

— Джон стал на пути у Спрута, — Сэм дёрнул щекой. — Топор поймёт. Я ему объясню... я найду слова, чтобы его утешить. От твоей смерти все выиграют, Олег. У меня не будет конкурента. У моего патрона не возникнет больше проблем с боссом. Спрут успокоится и оставит Нью-Йорк в покое. Ничего личного, Олег.

Я не мог поверить своим ушам. Меня трясло от ненависти. Почему я пожалел его тогда, когда у меня была возможность пришить его?!

— Господи, и ты поверил всему, что тебе наплел Курт?! Ты и в самом деле поверил в этот бред?! Как ты купился?! — Я стиснул кулаки, глядя в бледное лицо предателя. — Сэм! Я не умру. Я не умру, ты слышишь меня, подонок?! Я выживу, чтобы найти тебя!

Один из помощников Сэма медленно поднял руку с оружием. Я замер. Это такое необъяснимое, бессильное, злое чувство — видеть, знать, что в тебя будут стрелять. И не иметь возможности увернуться.

Раздался писк, что-то кольнуло меня в шею. Я инстинктивно потянулся к горлу — и отключился.

Всё, что происходило со мной дальше, я помню плохо. Быть может, потому, что потратил слишком много времени, чтобы забыть. У меня получилось — частично. Потому что те отрывки, которые вытравить из памяти не удалось, преследуют меня до сих пор.

Сколько времени я провёл без сознания, не знаю. Я пришёл в себя довольно странно: вначале услышал стон, и только потом понял, что стон мой собственный. Я совсем не хотел открывать глаза: мне хватало звуков и запаха. Совсем близко от меня — я чувствовал движение — находились двое. Они переговаривались; я ощущал крепкий запах сигарет и едва различимый — спиртного. Я не хотел шевелиться, в какой-то жалкой попытке оттянуть реальность ещё хоть на секунду.

Затем мне стало холодно, резко, вдруг, точно меня окунули в ледяную воду, и я понял, что окончательно пришёл в себя. Содрогаться всем телом бесчувственный человек не может, держать глаза закрытыми и дальше было глупо.

Первым, что я увидел, был стол. Длинный, очень пыльный, и заставленный предметами настолько специфическими, что у меня не возникло вопросов или иллюзий по поводу их назначения — разве что слабая ассоциация с кабинетом стоматолога. О том, для кого всё это предназначалось, я тоже знал. Я быстро отвёл взгляд, и только сейчас обнаружил, что связан, подвешен за руки к потолку, и полностью раздет — а мои надзиратели поняли, что я пришёл в себя.

— Ублюдок, — зло выдохнул один из них, и я его узнал, тотчас ощутив странную смесь облегчения и сожаления. Это оказался тот самый парень, Рэй, которому я раскроил голову в погоне по набережной. Он оказался жив — но очень зол. Я не мог его за это осуждать, хотя жалел сразу о двух вещах: о том, что не приложил его чуть сильнее, и о том, что вообще бросил тот проклятый камень.

Я хотел ответить и даже открыл рот, но в тот же момент получил коленом в пах — и

едва не подавился воздухом, судорожно дёрнувшись на веревках. Ноги у меня оказались тоже связаны и прикручены к полу, и, очевидно, я висел так уже давно: лодыжки опухли от впившихся в кожу верёвок.

— Молчишь, сукин сын, — с ненавистью выдохнул Рэй. — Ничего. Спрут заставит тебя кричать. Ты будешь кричать, ублюдок. Будешь кричать так, как не кричал никогда в своей долбаной жизни...

Напарник Рэя, незнакомый мне мужчина в синей куртке, перекинул со спины винтовку и коротко, без замаха, двинул меня прикладом в челюсть.

Когда я снова поднял голову, в комнате появился он.

Я инстинктивно дёрнул руками, желая лишь одного — добраться до его горла. Добраться до него первым. Во второй раз не упущу. Не сейчас, когда я почти обезумел от ожидания, ненависти и страха.

Спрут не сразу подошёл ко мне. Он бросил на меня всего один взгляд, затем развернулся спиной и принялся перебирать инструменты на столе. Он ждал.

Я не стал играть по его правилам, я продолжал молчать, хотя всё во мне кричало от нарастающей паники.

Стараясь не смотреть на него, я бросил взгляд в сторону — и только тут сообразил, где мы находимся. Это был высотный дом, старый, видимо приготовленный под снос, и потому, наверняка, совершенно безлюдный. В стене слева зияла огромная дыра в соседний зал с сильно провисшим потолком, справа тянулся балкон, некогда застекленный, с остатками торчащих из рамы и двери стёкол. Я мог видеть пожарную лестницу на фоне серого неба — больше ничего.

— Надеюсь, тебе здесь нравится.

Курт обернулся, и наши взгляды встретились.

— Ты ждёшь от меня вопросов, — тихо сказал я. В горле пересохло, громче говорить я просто не мог. — Хорошо. Как ты вышел на Сэма? Почему именно он?

— Всё просто, напарник. Вы с ним с самой первой встречи не поладили. Помнишь вашу драку в ресторане? Мои люди дежурили в ресторане почти каждый день и всё видели. Чтобы так ненавидеть, у Сэмми была причина. И ради этой причины он пошёл на риск, лишь бы избавиться от тебя. Я это сразу понял.

Я сглотнул. Я едва ли помнил всех посетителей в тот день, но если среди них были наблюдатели Спрута... Я бы многое отдал, только чтобы не поддаться эмоциям в тот день, вернуть всё назад.

— Ты меня убьёшь?

— Что? — Спрут усмехнулся. — Чёрт тебя побери, маленький ублюдок, нет! Нет. Я хочу, чтобы ты жил.

Он шагнул ближе, и теперь я чувствовал ещё один запах. Пожалуй, в тот момент я понял, как чувствуют себя звери на бойне.

— Это было бы глупо, напарник, — он протянул ладонь к моему лицу, — дать тебе умереть.

В его руке что-то щёлкнуло, и я вскрикнул — больше от неожиданности, чем от боли — когда лезвие вспороло мне щёку.

— Ты молодой, — проронил Спрут, без выражения разглядывая меня. — Красивый. Я не стану убивать тебя, пока ты выглядишь именно так. Вот когда я сделаю из тебя жалкое уродливое ничтожество, тогда... тогда. Но ведь ты скучал по мне, правда? — он вдруг резко

подался вперёд, и я с ужасом понял, что подонок прижимается ко мне всем телом. — Не переживай, — горячо зашептал Спрут мне на ухо, и я дёрнулся, понимая, что уже никуда не уйду от него, — очень скоро ближе, чем я, у тебя никого не будет. Так происходит каждый раз. Никто не понимает жертву лучше, чем её палач...

...Я пришёл в себя, когда в лицо мне плеснули холодной водой. Всё, что я смог при этом из себя выдавить — слабое мычание.

— Просыпайся, — услышал я ненавистный голос. — Тебя к телефону.

Я с трудом разлепил веки и уткнулся взглядом в потолок. Попытавшись шевельнуться, и медленно обведя взглядом комнату, я понял, что за время, которое я провёл в беспомощности, меня стащили с крюка и распяли на столе. От боли кипела в жилах кровь, взрывалась покрытая ожогами и волдырями кожа, шумело в ушах, и я уже не мог сдержать болезненных стонов.

Очевидно, я провёл без сознания не так долго, полчаса, может, час — Рэй и Лесли, помощники Спрута, по-прежнему сидели на своих местах, как в последний раз, когда я их ещё видел.

— Ты плохо слышишь? Тебя к телефону, сладкий!

Я наконец заставил себя посмотреть на то, что показывал мне Спрут — мой мобильник.

— Хочешь поговорить со своим старым толстым другом? Кажется, он волнуется. Ну же, Олег, будь умницей. Поговори со стариком.

Спрут прижал телефон к моему уху, и я услышал. Я услышал почти родной — по крайней мере, в Америке — итальянский акцент, до боли знакомый голос, и в этот момент почти сдался.

— Олег? Олег! Бамбино? Ты слышишь меня?

— Мистер Вителли...

И не смог сказать ничего больше. Горло перехватило, мне стало нечем дышать. Спрут отключил мой мобильный, когда мы ехали сюда, так зачем он включил его снова? Что он хотел этим доказать? Что заставил меня страдать так, как обещал? Зачем ему понадобилось демонстрировать это Джино? Я не хотел говорить с мистером Вителли. Всё, что здесь происходило — это происходило не со мной. Джино... тоже не должен этого знать. Потому что я чувствовал боль, отвращение, стыд и страх. Потому что я слышал голос старого итальянца, но видел уродливую ухмылку Спрута. Потому что Джино ничего не сможет для меня сделать. Он опоздал. И я не хотел, чтобы ему было от этого хотя бы в половину так же плохо, как мне.

— Ну же, — Спрут щёлкнул зажигалкой, и я инстинктивно вздрогнул. Я слишком хорошо знал, что может последовать дальше. В прошлый раз я жарился минут двадцать, пока вонь горелого мяса не стала совсем уж нестерпимой. — Поговори с ним, *бамбино*.

Я попытался овладеть своим голосом, но понимал, что у меня ничего не получится. Все страшные истории про Спрута — всё оказалось правдой. Всё оказалось слишком кошмарной правдой. Джино мог слышать от меня сейчас только дрожащее блеяние, и я захотел сохранить жалкую часть той гордости, что во мне ещё осталась.

Я отрицательно мотнул головой. Спрут усмехнулся, откинул зажигалку и взял электрошокер. Я вздрогнул, пытаюсь сжать колени.

— Эй, — Спрут поднес мобильный к своему уху. — Он не хочет тебя слышать. Ему хорошо со мной. Подтверди, *бамбино*!

Лавина боли взорвалась внизу живота, огненной волной разнеслась по телу, вырывая из

горла дикий, животный крик — и даже когда разряд закончился, я не сразу умолк. Я знал, что этот мой крик, полный безграничной, сумасшедшей боли, рвал сердце Джино на части — но сдержаться не мог.

Курт с ухмылкой смотрел на меня, держа мобильный у уха — полностью поглощенный жестокими судорогами, я не мог слышать, что говорил ему Вителли. Дав ему выговориться, Курт коротко вздохнул, не разжимая губ.

— Это всё?

Судя по лицу Спрута, это было не всё, но бритоголовый не стал слушать дальше.

— Надеюсь, ты понимаешь, Топор, кто будет платить за каждое твоё слово?

Я услышал шум закипающей воды, голоса Рэя и Лесли за спиной, и вздрогнул ещё раз — в прошлый раз кипятки выплеснули мне в лицо, но я сумел зажмуриться и отвернуться — вода обожгла только правую щёку и часть груди. Но через несколько секунд я почувствовал запах кофе, и слабо удивился. Мне казалось, в этом новом мире ночных кошмаров нет места ничему человеческому. И от этого стало ещё страшнее. Потому что мир оказался всё-таки реальным.

— Давай без угроз, ладно? Тебе меня не достать, а твоему боссу я пока что не нужен. Ты не захотел считаться со мной? Я — не пустое место, Топор! И я всегда получаю то, что хочу. Пришла пора делиться мальчишкой, и сейчас моя очередь!

Я закричал, когда Спрут снова включил шокер, и это было последним, что услышал Джино. Спрут отключил мобильный и, размахнувшись, выбросил его в разбитое окно.

Я ожидал, что после этого пытки продолжатся, но Курт отложил шокер в сторону. Я мог только стонать и, поскольку уже давно охрип, и каждый звук рвал горло на части, то пытался сдержаться, и наружу вырывалось только животное мычание. Спрут пододвинул себе стул и уселся рядом, уткнувшись подбородком в сложенные на спинке руки. Он рассматривал меня, как кусок мяса, точно раздумывая, откусить ещё или оставить на потом. Я уже не чувствовал унижения: был слишком поглощен физической болью.

— Я недоволен своей работой, — вдруг сказал Спрут, и я едва сдержался, чтобы не вздрогнуть. — Твоя мордашка, напарник, по-прежнему узнаваема. Впрочем... у нас ещё есть время...

Я не мог видеть себя со стороны, но мне казалось, Спрут себя недооценивал. Тело кричало от боли — множественные порезы, ожоги, кровавые следы, опухоли от ударов, жестокие судороги после шокера, и настоящий ад... Может, лицу и впрямь досталось чуть меньше, но мне не было от этого легче.

— Думаю, у нас ещё есть несколько часов, — Спрут прикурил, выпуская клубы дыма мне в лицо. — Старик хочет заполучить тебя назад, я сделаю ему такой подарок. Даже несколько — я заверну для него каждый твой кусок по отдельности. Руки, ноги... В конце концов, кому-то нужно придумать, что делать с твоим телом. Похороны будут за его счет.

Я безразлично посмотрел на него. Мы оба знали, что всё действительно произойдёт именно так. Спрут не готовил сюрпризов — я знал, чего ждать, и был уже почти готов к этому. Видимо, я всё-таки умру здесь. Спрут победил, пора признать это. Внезапно меня охватила злость — слабая вспышка, которой хватило всего на одну фразу:

— Кто... родил такого уроды... как ты, Курт?

Бесцветные глаза Спрута сузились. В первый миг мне показалось, что он меня ударит, но вместо этого Спрут выпрямился и принял из рук Лесли дымящуюся кружку. Я напрягся; он сделал глоток.

— Женщина, — он стряхнул пепел на один из моих глубоких порезов и сделал ещё одну затяжку, наблюдая, как я корчусь от боли. — Всё, что я о ней знаю — фамилия, наверняка вымышленная. Вряд ли в самом сердце Лондона можно найти хоть одну шлюху, которую бы звали Эрика Кальтенбруннер.

Я видел, как догорает его сигарета. Осталась всего одна затяжка, и всё продолжится. Я вскинул на него глаза, лихорадочно придумывая что-то ещё, что оттянет страшное время... Я был готов умереть, но при этом мне безумно, жадно хотелось жить.

— Тебя... воспитали улицы?..

— Хуже, — хрипло рассмеялся Спрут. — Я рос в детском доме. Знаешь, какие там законы? Куда тебе, малыш... Ты рос защищённым и сытым, маленький ублюдок. Ты и понятия не имеешь, как можно провести детство. Я не дожил до выпуска — меня перевели в колонию для малолеток. Оттуда — в армию. Начальник колонии постарался, чтобы меня взяли: старый кретин не мог дождаться, пока меня выпустят. С тех пор меня воспитывали уроды в военных формах. Старые добрые дни... по крайней мере, тогда я имел официальное право убивать.

До меня очень медленно доходило то, о чем мне рассказывал Курт. Выходит, он стал убийцей ещё в детстве?! Хорошо, что Спрут не вдавался в подробности — я не хотел их знать. Я мечтал о том, чтобы время тянулось медленнее, боль утихла, и *он* меня больше не трогал. А ещё я знал — будь у меня возможность убить его, я бы не сомневался ни секунды. Передо мной сидело животное, которое должно умереть. Он никому не должен больше причинить таких страданий.

— Рожу... тебе разукрасили... в армии?.. — выдохнул я. В горле совсем пересохло, и каждое слово ножом резало гортань.

— Граната, малыш, — Спрут сделал последний глоток кофе и откинул кружку. — Провалился в лазарете, стал к военной службе негоден. Как только вышел, подвернулось выгодное предложение от старого знакомого. Улетел в Америку. На прощальной гулянке командир взвода предложил закрасить мои боевые шрамы. В армии шутили, что пути Англии — смерть всего мира. Мне понравилось.

Спрут провёл ладонью по багрово-синей татуировке и ухмыльнулся. Я понял, что разговор окончен, и слабо дёрнулся в державших меня путях.

— А ты маленький хитрый ублюдок! — Спрут вдруг подался вперёд: его рука впилась мне в горло, безжалостно сдавливая кадык. — Ты думал, сумеешь натравить Вителли на меня? И как, получилось?

Он сплюнул мне в лицо, отпуская шею, и я мотнул головой, отворачиваясь и стискивая зубы. Из-под губ всё-таки вырвалось утробное рычание, когда он потушил сигарету, ткнув её в рану у меня на груди — порезы и длинные, набухшие кровью рубцы тянулись у меня по всему телу.

Когда я снова посмотрел на него, он держал в руках скальпель. Это не означало, что я умру немедленно — просто после первого его движения у меня не останется шансов выжить. Он уже приговорил меня, и казнь началась.

— Я не хочу торопиться, — подтвердил мои догадки Спрут. — Начну снизу, и буду двигаться вверх. Не переживай, ты ничего не пропустишь. Я даже постараюсь, чтобы ты оставался в сознании. Не волнуйся, сладкий, я не трону твою мордашку. Я остановлюсь, когда дойду до твоей глотки, и оставлю голову нетронутой. Хочу, чтобы Топор посмотрел тебе в глаза. Они расскажут ему последнюю историю про нас.

Нагнувшись, он сделал несколько быстрых, глубоких надрезов на стопах и икрах, и остановился, пометив колено. Я выдохнул сквозь зубы, бросая на него мутный взгляд.

В его расслабленной позе было столько уверенности и беспристрастности профессионала, что мне стало дурно при мысли о грядущем расчленении. Я даже почти потерял сознание, чудом балансируя на грани реальности и небытия. Я уже хорошо знал этот изучающий, сальный взгляд, прикидывающий, сколько можно выдавить из жертвы до того, как она умрёт. Я почувствовал, как мир качнулся перед глазами, и взмолился, чтобы Бог забрал мою душу. Сейчас, немедленно.

— Отче наш, — хрипло, почти неслышно начал я, — иже еси на небесех...

Спрут замер, вслушиваясь, но, конечно, не смог понять ни слова старославянской речи.

— Заткнись, — приказал Курт. Я видел, что он начинает злиться, и ускорил темп. — Заткнись, твою мать!!!

Он бы ударил меня, но в этот миг его позвал Рэй. Я закончил читать молитву и закрыл глаза. Я слишком устал к тому моменту, чтобы сопротивляться неизбежному, и быстро терял последние силы. С трудом я различил голос Рэя, но не понял, что он сказал.

— Проверь.

Я услышал шаги и понял, что Рэй покинул комнату.

— Неужели твой старик догадался, где нас искать? — задумчиво проговорил Спрут, и я распахнул глаза, загораясь безумной надеждой. — Нет, вряд ли... только Отто знает, где я, а для этого его надо найти... Ну-ка, маленький ублюдок, — он сжал мои волосы, наматывая на кулак, — что ты рассказал Топору?

Я рассказал Джино всё, но не называл имён информаторов, просто упустил их в рассказе, счёл неважными. Нет, Джино никак не мог меня отыскать. Я сам отрезал себе пути к спасению...

...А потом всё произошло быстро. Лесли стоял спиной к соседнему залу, и автоматной очередью его снесло в сторону. Спрут отпрянул в сторону, к пистолету, лежавшему на стуле, и сделал несколько выстрелов в ответ — бессмысленных, бесполезных; стрелявший из соседнего зала был надёжно скрыт половиной уцелевшей стены и грудями строительного мусора. Похоже, Курт это тоже понял, как и то, что, оставаясь в комнате, он становится доступной мишенью. Автоматная очередь прошлась по стене справа от меня, чудом не зацепив стола; стрелявший не собирался прекращать огонь, не давая Спруту и секунды передышки. Я не мог видеть своего палача, но был уверен, что мой неожиданный спаситель не даст ему уйти.

Видимо, это понял и Спрут: я различил едва слышную из-за выстрелов ругань, а затем, когда автоматный ливень прекратился всего на секунду — хлопнувшую дверь балкона. Посыпались стёкла, раздался грохот на пожарной лестнице, и тот, кто находился в соседнем зале, прекратил огонь.

Я увидел огромную фигуру, увешанную оружием: человек прыгнул в комнату и метнулся к балкону. Я услышал несколько выстрелов, но впустую: Спруту удалось уйти.

— Сука! — мужчина ринулся ко мне, забрасывая автомат за спину. — Трусливый ублюдок!!! Олег, ты живой?

Совсем близко я увидел злые зелёные глаза. Николай беспрестанно ругался, распутывая на мне верёвки, и я слушал его, даже не пытаюсь как-то помочь. Он помог мне сесть, вглядываясь мне в лицо.

— Ты...

— Встать можешь? — перебил меня Николай. — Можешь идти?!

Я посмотрел вниз, на отёкшие, кровоточащие ступни, приподнялся, но тотчас повалился обратно. Ног я не чувствовал. Ремизов сообразил быстрее меня.

— Не можешь, — сказал он. — Жди здесь! С места не двигайся, понял?!

Ник так меня встряхнул, что я едва не упал назад, на залитый кровью стол.

— Ты... один...

— Я здесь один, — быстро подтвердил Николай. — Снял всех помощников Спрута. Вителли скоро подъедет. Сиди здесь, — снимая с плеча автомат, распорядился он. — Я пошёл... за ним. Убить суку.

Несколько секунд я просидел, слушая, как трясётся пожарная лестница под весом Ремизова. Затем медленно опустился на пол — и на четвереньках пополз к своей одежде. В голове было удивительно ясно. После неожиданного появления Ника и избавления от дальнейших пыток на меня снизошло какое-то необыкновенное, сродни помешательству, нечеловеческое спокойствие. Я знал, что мне делать, и делал это без всякой спешки, последовательно и методично.

Вначале я оделся. Перевернулся на спину и, стиснув зубы, натянул на себя изрезанные джинсы и порванную рубашку, мгновенно пропитавшиеся красным. С трудом, не сдерживая стонов, надел кроссовки, не тратя времени на то, чтобы завязать шнурки. Лесли лежал рядом с моей одеждой; я забрал его автомат и пополз в сторону балкона, туда, где исчезли Спрут с Ником. В доме стояла непроницаемая тишина, и я не мог понять, куда они делись. Остаться на месте я не собирался: если Ник не догонит Спрута, тот вернётся, а я хотел найти его первым.

У стеклянной двери я решил подняться. Опираясь о створку повисшей на одной петле двери, я кое-как подтянулся на руках. Тело пронзила дикая боль, по позвоночнику вверх, и я вцепился в дверь, едва не повалившись обратно на пол. Дыхание перехватило, перед глазами поплыли белые пятна, осколки разбитого стекла впились в ладонь, но створку я не выпустил. Я знал — стоит мне разжать пальцы, я свалюсь на пол и уже не встану.

Переждав несколько секунд, я медленно отстранился и сделал шаг. Боль вспыхнула с новой силой, и только жажда добраться до своего палача удержала меня на ногах.

Я выбрался на пожарную лестницу и посмотрел вниз. Всё это время мы находились на шестом этаже; лестница вела наверх, и я начал подъём. Я не знал, куда побежал Спрут, и шёл на крышу, чтобы оглядеться. Я поднялся вверх всего на два этажа и выбрался на парапет.

Крыша казалась безлюдной, я не слышал ни звука, но на всякий случай крепче стиснул автомат, держа его одной рукой. Второй я всё пытался найти опору, но здесь, под низким, тяжёлым небом, ухватиться было не за что. Трансформаторная будка, шахта лифта, несколько сломанных антенн и кучи мусора — Спрута тут не было. Как и Ника.

Я медленно пересёк крышу и опустился на колени, окидывая взглядом окрестности. Дом и в самом деле пристроился на окраине города, как я и предполагал: вокруг теснилось ещё несколько домов пониже, невдалеке виднелось шоссе, по которому носились автомобили, и ни один из них не сворачивал к этому блоку. Сюда вела только одна узкая дорога, вдоль которой я не заметил ни одной припаркованной машины: район явно приготовили под снос. Мне показалось, что я на острове, и ни один из проходящих мимо кораблей, автомобилей автострады, не замечал сигнальных огней о помощи.

Я перегнулся через край, заглядывая вниз. Двор, окружённый заброшенными домами, казался отсюда каменным колодцем, и в самом его центре лицом вниз лежал Рэй.

Я знал, что у Спрута несколько помощников; теперь, когда я увидел Рэя, мне стало понятно, что Ник сделал с остальными. Я даже не удивился, не задал себе вопроса, как он один мог расправиться со всеми.

Из подъезда показалась голова Ника: русский метнулся за груды мусора, тут же сориентировался, что на крыше сижу я, а не Спрут, и, высунувшись, с яростью махнул рукой, приказывая мне сматываться.

Для этого требовалось хотя бы подняться, а у меня почти не осталось сил. К тому моменту от непрерывного болевого шока в голове помрачилось, но когда от автострады к нашему кварталу на бешеной скорости помчались две чёрные машины, я сразу догадался, кто это.

Джино всё-таки нашёл меня. Я до сих пор не понимал, как у него это получилось, я не оставил никаких следов. Но он сумел это сделать, и, Боже, как же я был этому рад.

Два джипа взвизгнули тормозами, заворачивая к нашему двору, и в тот же момент за спиной раздался голос.

— Вырвался всё-таки...

Я обернулся.

Спрут забрался на крышу по той же пожарной лестнице, по которой поднялся я. Как ни старался Ник, он упустил его, и сейчас Спрут стоял передо мной, нацелив дуло пистолета мне в переносицу. Он пришёл, чтобы добить меня, и я встал на колени, глядя ему в глаза. Я не надеялся выжить, но хотел забрать его с собой. И я поднял автомат.

— Ты не сможешь... — оскалился он, и ухмылка примёрзла к его губам, когда я спустил курок.

Мне нечего было ему сказать, и я ничего не желал слышать. Очередью из автомата ему распорол бедро, и лицо его исказила гримаса боли и злости. Спрут припал на колени, пытаясь зажать фонтанирующую кровь, и вскинул на меня перекошенное лицо.

— Слабак, — прошипел он. — Ты не сможешь! На свалке... мне пришлось помочь тебе! Ты бы не спустил курок. Ты бы не смог! Но ты не лучше, чем я... мой напарник... такой же, как я...

Я понял, что ещё секунда — и я действительно не смогу. Поэтому я спустил курок.

И в тот же миг проклял создателей кольца М16, когда услышал глухой щелчок осечки. Острая боль в позвоночнике пронзила меня; я пошатнулся.

Спрут метнулся вперёд, выбивая автомат у меня из рук, и одним ударом опрокинул меня на спину, отбрасывая к краю крыши. Я окинул мутным взглядом каменный колодец двора. Там, задрав голову вверх, стоял Джино. Две машины с настежь распахнутыми дверьми были пусты; минута — и люди Вителли будут здесь, на крыше. Ник наблюдал за нами через прицел винтовки, и я понял, что они не дадут Спруту уйти. Даже если он успеет убить меня — он уже покойник. С этой мыслью я и обернулся, а Спрут вновь вскинул руку с пистолетом.

— Всё, напарник... — осклабился он. — Конец. Умрём вместе...

Он выпрямился во весь рост, и это стало его последней ошибкой. Ник увидел его и выстрелил — в тот самый миг, когда сам Спрут нажал на курок. Не промахнулся ни один — но из-за меткости Ника Спрут пошатнулся, и пуля лишь обожгла мне плечо. Он начал заваливаться назад, попытался удержать равновесие, и рухнул вниз.

Но не упал. Вцепившись двумя руками в бортик, он всё ещё боролся за жизнь. Я видел, как медленно, медленно сползают его пальцы с парапета. Если бы я мог встать на ноги, я бы

отдавил ему ладонь, скинул бы вниз — но я был слишком слаб, и я боялся его. Курт запросто мог перехватить мою руку и утащить за собой.

Мы посмотрели друг другу в глаза; Курт ухмыльнулся откровенно и грязно, будто я по-прежнему находился в его власти, и расплылся в уродливом оскале.

Он не изменился, даже ощущая дыхание смерти. Он стал ещё гаже, ещё ожесточённее, ещё страшнее. Страх липкими щупальцами опутал меня. Он вернётся, он будет снова и снова пытаться меня, и каждый день являться в кошмарах...

Снизу раздались выстрелы; Спрут вздрогнул и разжал пальцы.

Это были самые незабываемые мгновения в моей жизни. Я смотрел на падающее тело.

Потом последовал удар.

— Эй!

Кто-то дёрнул меня за плечо — назад, подальше от края, и я не удержался, рухнув прямо под ноги двум парням в костюмах.

Один из них подбежал к краю, заглянул вниз, махнул кому-то рукой.

Меня ухватили под локти, поставили на ноги, и я смог снова увидеть то, что было внизу. Ник что-то говорил Вителли, указывая винтовкой на бесформенную человеческую массу, лежавшую в нескольких шагах от них, и Джино медленно кивал, глядя вверх.

— Идти можешь?

Я отрицательно покачал головой.

Силы оставили меня; перед глазами расплывались белые пятна, острая боль в позвоночнике и пульсация по всему телу занимали все мои мысли. Я хотел, чтобы всё кончилось.

Ещё я хотел увидеть Спрута. Убедиться, что он мёртв.

Спуск занял несколько долгих минут — лифт в этом полуразвалившемся доме давно не работал, лестница не имела перил и покосилась. Я заметил трупы на нижних этажах; работа Ника или итальянцев. До самого выхода подручные Вителли почти тащили меня на себе, я едва переставлял ноги.

— Олег!

Парни деликатно отошли в сторону; ноги тут же подкосились, и Джино едва успел меня поддержать. Я увидел его лицо — потемневшее, напряжённое, с глубоко залёгшими складками на лбу, с часто пульсирующей жилкой у виска, и глаза — тревожные, блестящие, отчаянно злые. Я хотел сказать ему, что всё в порядке, но вряд ли бы он мне поверил. Белоснежная рубашка, которую мне когда-то подарил Примо, пропиталась красным, светлые джинсы потемнели, лицо и шея были обожжены, волосы спутались и слиплись от запекшейся крови, я почти не держался на ногах. Хорошо, что он не видел того, что скрывала одежда.

— Олег...

Я попытался заговорить; наружу вырвался хриплый звук, и я оставил попытки. Отстранив Джино, я сделал несколько нетвёрдых шагов в сторону Спрута. Под телом расплылась тёмная лужа; Курт развалился на земле так же, как лежал я на залитом кровью столе.

— Мёртв, — проронил Николай на русском. — После такого не выживают.

Я смотрел в открытые серые глаза и ничего не чувствовал. Я только боялся, что он сейчас встанет, и весь ужас повторится заново.

— Люди Вителли зачищают периметр, — снова произнес Ник. — Хотя я не оставляю

после себя мусор.

— Как... вы нашли...

Я говорил на английском: хотел, чтобы Джино нас понимал.

— Вителли позвонил мне, — с молчаливого согласия итальянцев продолжил Ник. — И я сразу вспомнил про Большого Бена.

Информатор Сандерсона! Проклятый негр, который ничего не сказал мне, но, как видно, раскололся на допросе Николая.

— Я пообещал ему много денег, и он согласился встретиться. От него я получил адрес Ленца. Пришлось попотеть, но я узнал, куда тебя забрал Спрут. Потом направился сюда. Когда убедился, что тебя действительно держат здесь, предупредил Вителли. Пока я защищал территорию, он уже ехал сюда.

— Ты так и не сказал мне, — перебил Джино. — Почему не сообщил раньше? Мои ребята сделали бы всё быстрее, чем это сделал ты!

Я оторвал взгляд от мёртвого тела и посмотрел на Ника. Бывший десантник помолчал.

— Я подумал, — медленно проговорил он, — что лучше не рисковать. Среди ваших людей мог быть предатель. Кто-то мог предупредить Спрута, что я нашёл его и иду за ним.

Я вцепился в руку Вителли.

— Сэм! — прохрипел я. — Это был Сэм! Он впустил их в дом... и убил Джона!

Я заметил, как напряглись помощники Вителли, как сам Джино нахмурился, глядя мне в глаза, но никто не успел сказать ни слова: из парадной показались Энцо с тремя парнями в кожаных куртках. Заметив меня, Энцо на миг замер: должно быть, не сразу узнал. Потом осторожно подошёл ближе, убирая оружие.

— Всё чисто, — бросил он, не глядя на меня. — Больше никого.

Ладонь Джино накрыла мои сведенные судорогой пальцы.

— Это правда? — тихо спросил он. — То, что ты сказал?

Я молча кивнул. Ярость при воспоминании о предателе вспыхнула с новой силой; Джино смотрел мне в глаза, и я молился, чтобы он мне поверил.

— Хорошо, — не повышая голоса, проговорил он. — Хорошо.

Вителли окинул меня взглядом, долгим, тяжёлым, и мне захотелось умереть. Провалиться сквозь землю, исчезнуть. Я ненавидел себя. Всё это было так неправильно, так... больно...

— Пойдём, — сказал Джино. Боковым зрением я заметил, как кто-то из итальянцев подходит к лежащему в центре двора Рэю, ногой переворачивая его на спину; кажется, тот ещё дышал. Энцо садился во второй джип, стоящий рядом. — Это только раны, бамбино, а они заживут. Садись в машину. Я...

Грянул выстрел; Вителли пошатнулся и схватился за грудь.

— Ник!!! — дико закричал я, подхватывая оседающего мужчину.

Я вцепился в локоть Вителли, пытаюсь удержать его на ногах. Мы оба упали рядом с джипом, и в натёртой до блеска двери я увидел собственное отражение — совершенно чужое, жуткое, перекошенное лицо с безумными глазами.

Энцо был уже рядом: он растерянно посмотрел на стремительно бледнеющего патрона, затем на меня.

— Ник! — я вскинул голову, отыскивая среди склонившихся фигур знакомое лицо. — Сделай что-нибудь!

Мои руки шарили по груди итальянца, дёргали галстук, пытаюсь распустить тугой узел.

Вителли задыхался; его кожа приобрела землистый оттенок, глаза закатились.

— Олег!

Я слышал, как меня зовёт Николай, но всё искал и не находил следа от пули.

— Кто стрелял?! Мистер Вителли! Джино! Не сейчас, пожалуйста, не сейчас! Почему я не вижу крови?! Всё кончено, только не сейчас! Вы! — Я вскинул голову, едва различая белые пятна, обступившие меня со всех сторон. — Сделайте что-нибудь! Вызовите врача!

Ник наклонился ко мне, положил руку на плечо и встряхнул так, что я едва не клацнул зубами. Я умолк, затравленно вглядываясь в мрачное лицо Ремизова.

— Олег, — глухо произнес он. — Никто в него не стрелял. Это сердце...

Часть 2. Чистилище. Город жёлтого дьявола. Главы 8-9

Глава 8.

Молитесь о нас; ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно. (Евр. 13:5–6).

Я плохо помню дорогу. Джип мчался через город; светофоры, повороты — всё смешалось в одну размытую полосу за стеклом. Я ничего не замечал. Вителли полулежал на заднем сидении, воротник его рубашки был расстёгнут, и я видел, как с трудом, рывками, поднимается и опускается его грудь. Кровь отхлынула от щёк, губы посинели, кожа стала землистой и липкой на ощупь. Я держал его за руку, не проваливаясь в беспмятство только потому, что боялся: закрою глаза — и он умрёт. От слабости и ужаса в голове помутилось; я говорил с Джино на русском, забыв, что итальянец меня не понимает, просил его не умирать и, кажется, даже плакал.

Всё получилось так неправильно. Я вырвался, я выжил! Вителли не мог умереть сейчас, это против всех правил, это несправедливо! Звук от выстрела, которым итальянцы добились Рэя, до сих пор звучал у меня в ушах. Похоже, я начинал сходить с ума.

Впереди, рядом с водителем, развернувшись к нам в пол-оборота, сидел Энцо. Николай ехал во втором джипе: так решил Энцо, и мы в тот момент не спорили. Водитель выжимал из мотора всё, на что тот был способен, не обращая внимания на светофоры и правила. И всё равно мы не успели.

— Энцо... останови машину.

Я вздрогнул и сильнее сжал кисть Вителли. Джино едва дышал: каждое слово давалось ему невероятным усилием. Я видел, как кривились его губы, слышал, как рывками, с хрипом, он втягивает воздух — и ничем не мог помочь.

Джип сбросил скорость, свернул к обочине и замер.

— Enzo...

Вителли говорил на итальянском. Едва слышно, с паузами, морщась от боли. Энцо подался вперёд. Глаза его лихорадочно блестели, узкие, бледные пальцы накрыли руку патрона. Джино закрыл глаза и замолчал: последняя фраза лишила его сил. Меня трясло, как в лихорадке, и я едва почувствовал пожатие слабеющих пальцев Вителли.

— Олег...

Я смотрел в тёмные, помутневшие глаза итальянца, и не замечал ничего вокруг: ни кусавшего губы Энцо, ни побледневшего водителя. Не слышал, как хлопнула дверь остановившегося за нами джипа, не слышал встревоженных голосов итальянцев, приблизившихся к нашей машине.

— Ничего не бойся, — опуская потяжелевшие веки, шепнул Вителли. — Всё... будет хорошо, bambino... mio bambino...

Крупные, пухлые пальцы дрогнули у меня в ладони.

— Santa Madonna... — Водитель перекрестился, закусывая костяшки пальцев. — Domine Jesu Christe, Rex gloriae, libera animas omnium fidelum defunctorum de poenis inferni et de profundo lacu...*

**Часть католической заупокойной молитвы. «Господи, Иисус Христос, Царь славы, освободи души всех верных усопших от наказаний ада, от глубокого рва».*

Энцо пришёл в себя первым.

— Надо отвезти его к Риверсу, — чужим, хриплым голосом произнес итальянец. — Сообщить боссу.

Мне было всё равно — я ничего не хотел, никого не видел, и переживал худший момент в своей жизни. Вителли не был праведником, и наверняка в его жизни случались поступки, о которых я ничего не хотел знать. Но для меня Джино навсегда остался внимательным, добродушным, отважным итальянцем, не оставшимся равнодушным к человеку в беде.

Я не сразу расслышал, что спросил Николай.

— Что он сказал?

Энцо окинул меня странным, задумчивым взглядом.

— Говорил о последней воле. Я должен передать её дону Медичи. Вителли, — Энцо снова посмотрел на меня, на этот раз чуть дольше, — говорил о нём.

Ремизов нахмурился.

— Обо мне ни слова?

Энцо отрицательно качнул головой. Николай прислонился к джипу, рассматривая итальянца, словно решая, как поступить.

— Значит, ваш дон убьёт меня.

Итальянец молчал: Энцо не обладал достаточной властью, чтобы решать, как поступить с Николаем, такие вопросы обычно решал Вителли. Рисковать головой и отпускать Ремизова Энцо тоже не стал. Подозвав водителя второй машины, он обменялся с ним несколькими фразами на родном языке.

— Садись в машину, — обернувшись к Ремизову, сказал Энцо. — Тебя отвезут туда, где ты жил в последние дни. Парни останутся с тобой, на всякий случай. Не делай глупостей, — глядя в сторону, прибавил Энцо. — Дон не любит, когда с ним начинают играть в прятки. Сиди спокойно, и я постараюсь сделать для тебя всё, что смогу.

Мне вдруг стало страшно. Если из-за меня погибнет ещё и Ник — Ник, который не остался в стороне, когда земляку понадобилась помощь, и рискнул собственной жизнью, чтобы прийти за мной — я не смогу жить дальше. Я должен был умереть сегодня. Моя жизнь обходилась всем слишком дорого...

— Позаботься о нём, — кивнув на меня, бросил Ремизов.

Я не успел даже попрощаться: Ник сел в машину вместе с итальянцами, и они уехали.

Наш джип медленно оторвался от обочины, проехал несколько метров и набрал скорость. За окном снова замелькали светофоры, огни машин и повороты. Энцо сделал несколько звонков, говорил на итальянском, быстро и тихо, но я безошибочно догадался, кому звонил помощник Вителли.

До места мы доехали быстро, по крайней мере, для меня вся дорога промелькнула за один миг. Когда я поднял голову, водитель уже припарковал машину, и я сразу заметил разницу. Район, в котором мы оказались, отличался от того, в котором я провёл целый день, настолько разительно, что казалось, будто мы на другой планете. Вдоль ухоженной аллеи высились двухэтажные, обнесенные изгородями частные дома. Почти все оказались кирпичными. Здесь, в Америке, это являлось признаком бесспорного богатства и предметом всеобщей зависти. Я снова опустил голову; я чувствовал, что сейчас мы с Джино расстанемся, уже навсегда, и напрягся всем телом, крепче стискивая холодные пальцы.

— Олег, — рука Энцо впиалась в плечо, пытаюсь оторвать меня от Вителли. — Идём.

Я помотал головой, и мутная пелена перед глазами доказала: я всё-таки плакал. За слезами я почти не видел Джино, и знал, что стоит мне отпустить его руку — и я больше его никогда не увижу. Энцо оставил попытки, и сделал кому-то знак. Меня подхватили под локти, буквально вырывая ладонь Джино из моей руки, и вытащили из джипа.

Острая боль пронзила тело, снизу вверх, вдоль позвоночника, до самых шейных позвонков, и я слабо вскрикнул, обвисая в руках итальянцев. Сознание играло со мной в безумные игры, всё дальнейшее смазалось, утратило формы, потеряло смысл.

Мы позвонили в звонок одного из коттеджей, и свет в гостиной включился почти сразу: нас ждали. Щёлкнул дверной замок.

— Мистер Риверс...

— Где он?

Я увидел пожилого мужчину в очках, который окинул нашу компанию быстрым взглядом. Вителли всё ещё находился в машине; Риверс глянул на меня, махнул рукой в сторону дома, и поспешил к джипу вместе с Энцо.

Меня занесли внутрь, протащили по коридору, и втокнули в комнату, явно служившую доктору операционной. Я упал на заправленную клеенкой койку, даже не пытаюсь встать.

Дверь комнаты захлопнули снаружи, я остался один. Я был уверен, что меня здесь заперли, только не знал, чего ждать дальше, и не сильно этим интересовался. В тот момент мне было настолько плохо, что я обрадовался бы смерти. Я только надеялся, что мистер Медичи не станет тянуть и сделает это быстро.

Снаружи хлопнула входная дверь, звук оказался похожим на выстрел. Я вздрогнул, закрыл глаза и увидел Джино. Я попытался заговорить с ним, и в тот же миг провалился в тяжёлую, вязкую черноту.

Пришёл в себя от резкой боли. Кто-то рвал моё плечо на части, и я дёрнулся, открывая глаза.

Надо мной склонился человек в очках, и я увидел окровавленный пинцет в его пальцах.

— Тихо, — сказал он мне, и я подавил в себе болезненный стон.

Риверс сделал ещё одно движение, и мне показалось, что от меня отрывают кусок мяса. Когда доктор выпрямился, в пинцете была крепко зажата пуля.

— Больше в тебя не стреляли? — спросил он меня.

Я не смог вспомнить, поэтому ничего не ответил. Мужчина отвернулся, и я услышал тихий звон пули о стакан. Я не видел комнаты вокруг себя, только белый потолок с медицинскими лампами над койкой, на которой я лежал. Чуть повернув голову, я увидел заляпанный кровью пол, собственную безвольно повисшую руку, и тазик с кровавой водой, оставленный на стуле у входа. Риверс копался в медицинских инструментах, и сознание помутилось. Я вновь находился на столе в заброшенном доме, за спиной ходили Рэй с Лесли, Риверс превратился в Спрута, а звон инструментов показался мне скрежетом скальпеля. Всего минута, и он погромсает меня на куски. И мои глаза расскажут Вителли последнюю историю...

— Стой!

Риверс удержал меня в последний миг. Он положил мне на плечи обе руки, откидывая назад.

— Примо! — резко позвал он через плечо.

Кто-то обнял меня за плечи, удерживая на операционном столе, и я услышал горячий

шёпот над ухом:

— Пожалуйста, Олег... не шуми.

— Примо... — услышал я собственный хриплый голос. — Джино...

— Я знаю, — поспешно заверил меня Манетта. — Я всё знаю. Помолчи.

Я не хотел молчать. Как можно молчать, когда Джино мёртв! Нет, Примо не понимал, он не знал, не мог знать, что Вителли больше нет, иначе не был бы так спокоен!

Я дернулся ещё раз, и Риверс перехватил мою руку, с силой прижимая к столу. Я увидел, как блеснула игла; острое медленно вошло в вену.

— Сэм! — зло крикнул я, понимая, что ещё несколько секунд — и я отключусь надолго, если не навсегда. Я хотел, чтобы они знали! — Это был Сэм! Примо, ты слышишь меня?! Это был Сэм!!!

— Тихо, Олег, — умоляюще прошептал Примо. — Тихо.

Я помотал головой, пытаюсь вырваться из державших меня рук. Дверь в комнату открылась, на пороге стоял сеньор Джанфранко Медичи. Он мельком глянул на меня, затем повернулся к доктору. Риверс как раз вынимал иглу из моей вены, и Примо зажал мой кулак, удерживая меня на столе всем весом.

— Это был Сэм... — как во сне, повторял я. — Убил Джона... пустил их в дом... вы должны знать... это Сэм... Вителли погиб... Вителли погиб!

Последние слова я говорил уже на русском: комната мягко качнулась перед глазами, и серый туман поглотил и белый потолок, и звуки итальянской речи, и сеньора Медичи, и кровь на натёртом до блеска кафеле.

...Сознание возвращалось медленно, толчками. Мне казалось, что я провёл целую вечность в темноте, прежде чем мир начал светлеть и обрёл контуры — вначале мутные, размытые, затем всё более чёткие. Я открыл наконец глаза и впервые за много дней понял, что не хочу больше бороться. С первой же секунды пробуждения мне захотелось жить.

В доме стояла тишина. Я по-прежнему видел только белый потолок, но совсем не такой, как в операционной доктора Риверса. Тела я не ощущал, говорить не мог. Мир слегка покачивался перед глазами: я медленно отходил после уколов успокоительного и наркоза. Я почти ничего не помнил, только собственные крики, какие-то бесформенные кошмарные видения и — Примо.

По крайней мере, сейчас меня оставили одного.

Как мог, я осмотрел себя. Я лежал под одеялом, от вены на правой руке тянулась тонкая трубочка капельницы. На столике рядом с кроватью стояли бутылочки и банки с лекарствами, острый запах спирта витал в воздухе. В комнате не оказалось окон, единственная дверь находилась в трёх шагах от кровати. В углу примостился шкаф, у кровати стоял стул. Снаружи звуков не доносилось, и я снова закрыл глаза. Я чувствовал себя униженным и раздавленным. Прогнать чужой мир под себя не получилось. Я совершенно зря беспокоился о том, что ассимилируюсь: мир, к которому я начал привыкать, разбился вдребезги после встречи со Спрутом и смерти Вителли.

Дверь открылась с тихим щелчком, кто-то вошёл в комнату.

— Олег, — услышал я голос Примо. — Эй.

Манетта уселся на стул рядом с кроватью и замолчал. Вначале я не хотел говорить, но затем мне захотелось спросить. Не открывая глаз, я с трудом выдавил из себя:

— Где Вителли?

Примо помолчал несколько секунд, затем вздохнул.

— Риверс выписал медицинское заключение о смерти, тело забрали.

Больше говорить было не о чем; я снова начал проваливаться в тяжёлый наркотический сон.

Сэм приехал через несколько часов.

Кроме Примо, дежурившего у моей постели, и двух неразговорчивых охранников Медичи за дверьми моей комнаты, в особняке не оказалось ни души. Доктор Риверс работал в своём кабинете на первом этаже. Манетта, убедившись, что я не реагирую на попытки заговорить, тихо вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой ровно настолько, чтобы слышать, если я приду в себя.

Неожиданного визитёра, таким образом, встречали за моей дверью все трое. Всё дальнейшее я знаю по большей части от Примо. И надо признать, будь я в добром здравии и трезвом уме, я бы никогда не простил его за безумную идею.

Оба охранника положили руки на пояс, рядом с рукоятками пистолетов, но, увидев Сэма, тотчас расслабились. Выглядел тот неважно: бледный, с прилипшими ко лбу влажными волосами, под глазами тёмные круги. Левое плечо закрывала плотная повязка в несколько слоёв. Свободная петля охватывала шею, поддерживая руку, прижатую к груди.

Никто его не остановил. Охранники обменялись с ним кивками, наградили сочувствующими взглядами и спокойно пропустили к моей комнате. Сэм был личным помощником Вителли, и статус свой ещё не потерял.

Впрочем, Манетте на вопросы иерархии было плевать: когда он вызвался сидеть возле меня, он об этом, по его уверениям, не думал. Проверив, насколько плотно закрыта дверь в мою комнату, Примо повернулся к Сэму.

— Как он?

Манетта пожал плечами.

— Жить будет.

Сэм бессильно прислонился здоровым плечом к стене. Бледный и осунувшийся, он выглядел измождённым, как человек, переживший тяжёлую утрату.

— Он что-то говорил?

— Ничего особенного, — махнул рукой Примо. — Ему здорово досталось. Джоэль накачал его транквилизаторами, будет спать до утра. Быть может, тогда он нам что-то расскажет.

Сэм помедлил, словно борясь с желанием задать вопрос и совестью, предлагающей оставить больного в покое.

— Можно к нему?

Примо скрестил руки на груди и посмотрел на Сэма точно сиделка, искренне сочувствующая близким родственникам, но не собирающаяся забыть о профессиональном долге.

— Сэм, ты вряд ли сейчас чего-то от него добьёшься. Он пережил настоящий ад, у него шок, и нам едва удалось его успокоить.

Сэм задумался.

— Он был с Джино, когда тот умер.

Манетта помрачнел. После визита Медичи в доме старались много не говорить. Особенно о произошедшем.

— Держись, парень, — Манетта ободряюще стиснул локоть Сэма. — Это тяжёлая утрата. Вителли все любили. Даже старик Палермо.

Сэм потёр раненую руку, поморщился, и сказал:

— Отдал бы всё на свете, чтобы быть там.

— Никто не знал, что так будет, — вздохнул Примо.

Сэм молча кивнул.

— Выпить хочешь? — предложил Манетта, отталкиваясь от двери. — От этих, — он кивнул в сторону охранников, застывших на своих стульях с невозмутимыми лицами, — помощи не дождешься. Вам принести? — поинтересовался у них Примо. Получив два одинаковых кивка, Примо устало растёр ладонями лицо. — Надо промочить горло. Может, и в голове немного прояснится. Я скоро.

Позже, когда все мы немного успокоились, Примо восстановил для меня по частям события нескольких последних, насыщенных событиями минут. Люди Медичи получили недвусмысленный приказ: охранять комнату, не подпускать к двери посторонних. Вот только Сэм не был посторонним. Никто не задержал его, когда он, беззвучно ступая по ковру, подошёл к двери. Сэму сочувствовали; его пропустили повидать того, кто последним видел Вителли живым.

Сэм вошёл в комнату. Плотно прикрыл дверь и стремительно приблизился к постели. У него оставалось несколько минут, прежде чем вернулся бы Примо. О людях Медичи Сэм не беспокоился — послушные и страшные, они отличались выдержкой цепных псов, поставленных для выполнения единственной задачи.

Будь у меня чуть больше сил или хотя бы желания жить, Примо пришлось бы потрудиться, чтобы заслужить моё прощение. Затея, просочившаяся в легкомысленную голову Манетты, была столь же рискованная, сколь и эффективная. Она дала плоды.

От удара дверь распахнулась настежь; Манетта ворвался в комнату. Одним взглядом он охватил всё: и мою опутанную трубочками капельницы кисть, и сторбленную спину Сэма, нависшего надо мной, и пустой шприц в его левой руке.

— Сволочь! — взревел Примо, бросаясь к Сэму.

Тот болезненно зашипел, когда Манетта вцепился в раненое плечо, попытавшись отшвырнуть Сэма от кровати. Другой рукой Примо ударил по кисти предателя и стиснул пальцы Сэма, выкручивая шприц. Не оглядываясь, тот коротко ударил локтем назад и вверх. Манетта захрипел, пошатнулся, и вцепился в перебинтованную руку убийцы, отшвыривая его от кровати. Шприц полетел на пол, а в следующий миг Сэма мощным рывком вздёргнули в воздух две пары дюжих рук, отрывая от жертвы.

Один из охранников стиснул шею Сэма боковым захватом, второй быстро провёл ладонями по его груди и поясу.

— Чисто.

Небольшой серебристый пистолет переключался из наплечной кобуры Сэма за пояс охранника.

— Жив? — коротко поинтересовался тот, что держал Сэма.

Не отнимая руки от разбитого носа, Манетта склонился над кроватью, быстро осмотрел меня и утвердительно кивнул. Этот момент я уже помню относительно хорошо — мутное пятно, в котором я узнал лицо Примо, неприятное ощущение в правой руке, там, откуда бесцеремонно выдернули иглу капельницы, тошноту и сильное головокружение.

— Хорошо, — кивнул охранник. — Позови доктора.

Сэм, казалось, потерял к происходящему интерес. Зажатый между двумя охранниками, он не пытался сопротивляться. Только взгляд, полный ненависти и страха, всё ещё был

прикован к моей постели. Губы медленно и беззвучно шевелились, и я очень отчётливо запомнил его лицо, хотя ничего другого вспомнить затем не смог. Возможно, потому, что видел его в последний раз.

Сэм знал, чем обернётся его попытка в случае удачи, как и знал то, что в случае промаха ему не оставят ни единого шанса. Как сказал затем Манетта, стоило Сэму приехать чуть раньше, или же дону Медичи не задержать его, чтобы узнать, где находился верный помощник Вителли в тот самый момент, когда его патрон ехал на окраины города — я бы тихо скончался во сне, так и не узнав, кто поставил точку в конце моей истории.

Сэма тогда увели, Джоэль Риверс вместе с непривычно серьёзным Манеттой, зажимавшим кровоточащий нос платком, появились достаточно быстро, но всё дальнейшее я не помню. Скорее всего, я потерял сознание сразу же, как только они вошли в комнату.

В следующий раз меня разбудил доктор Риверс. Мне требовались перевязка и стандартные процедуры; пришлось вернуться в реальный мир. Лицо Джоэля в тот момент было на самом деле лучшим, что я желал бы видеть. Абсолютно незаинтересованное ни во мне, ни в моих проблемах, ни в моём существовании Я хотел, чтобы меня не замечали. Отвратительно ощущать себя беспомощным, не способным даже самостоятельно встать на ноги, чтобы пойти в туалет, терзаться муками физическими и душевными. Ни на миг меня не отпускало чувство вины и утраты. Я знал, что ничего вернуть нельзя, и дальнейшая жизнь казалась бессмысленной. После всего произошедшего она не могла быть такой же безоблачной, какой представлялась мне раньше.

Примо находился тут же, в комнате, наблюдая за перевязкой. В очередной раз я подумал, как странно видеть его здесь. Казалось, Манетта ни на шаг не отходит от меня, и это вызывало лёгкое удивление. Сомнительно, что дон Джанфранко разрешил свободное посещение, особенно для такого низкопоставленного человека в их иерархии, как Примо.

— Не вздумайте курить, — строго поглядев на Примо, заметил доктор Риверс.

С перевязкой было покончено, Джоэль ещё раз молча осмотрел меня и вышел из комнаты, прихватив грязные бинты и инструменты. Я молчал: мне было всё равно. Я устал. Устал бежать, вырывая у смерти ещё немного жизни, покотившейся под откос, бороться... Дно, о котором я только думал, приехав в Америку и оглядываясь вокруг, но которое не воспринимал как что-то, относящееся ко мне, теперь оказалось у меня за спиной. Да, Примо спас мне жизнь, но легче почему-то не становилось. Я снова откупился, снова выиграл, но кто знает, не придётся ли мне когда-нибудь платить по счетам так же, как платил сейчас Сэм?

— Всё думаешь?

Я снова не отозвался. Почти лишённый сил, оглушённый недавним покушением и успокоительным, я разглядывал потолок. Шприц, который принёс с собой Сэм, оказался действительно пуст. Идеальное убийство, не оставляющее следов. Всего несколько грамм воздуха в крови — этого достаточно для быстрой смерти. Осмотрев меня, Джоэль сдержанно похвалил Примо: не вцепись тот в Сэма, смерть наступила бы в течении нескольких минут.

Манетта и не думал подчиняться приказу Риверса: достав из кармана кривую чёрную сигаретку, Примо закурил, сделал глубокую затяжку и старательно помахал рукой, разгоняя дым. Я невольно принюхался и слабо усмехнулся. Манетта мог придумать какой угодно безумный план, но именно ему я был обязан жизнью, и как ни старался, не мог заставить себя злиться на взбалмошного итальянца.

А ещё я хотел знать, что сделают с Сэмом. Нет, это не было жадным желанием упиться

мстью — мне стало интересно, как поступают с предателем в таких случаях. А в том, что дон Медичи убедился в его вине, у меня не оставалось сомнений. Медичи знал про меня всё, и мог узнать ещё больше — от рождения до предполагаемой смерти. В моей биографии до сегодняшнего дня не было фактов, которые требовалось бы скрыть; информацию о Грозном из Одессы для таких, как он, получить наверняка несложно. Кроме того, оставался Энцо. Энцо знал все версии Сэма, он находился рядом с Вителли от начала и до конца, и мог сказать, как всё было на самом деле. Я мог думать о главе Семьи как угодно, но в пронизательности Медичи я не сомневался. В любом случае, я не мог, да и не стал бы, оспаривать его решения.

— Жалеешь?

Примо грузно опустился на край моей постели, матрас ощутимо просел под нашим двойным весом, а у меня защекотало в носу от дыма. Примо, на мою удачу, отличался лёгким нравом и удивительным для него тактом, чтобы сообразить, что мне сейчас будет легче слушать, чем говорить.

— Сэм болван, — стряхивая пепел в ладонь, грубо сказал Манетта. — Не умеет думать. Слишком горячий.

Я не удержался от усмешки. Примо дал бы фору и Сэму и обоим охранникам, так что заявление о горячности Сэма на миг выбило меня из депрессивной апатии. От Манетты это не укрылось, и он охотно пояснил:

— Реши Сэм расправиться с тобой сам, семья бы одобрила его действия. Когда убирают препятствие привычными методами, это нормально. Ты был для него сущей занозой в заднице. Кроме того, после вашей стычки в ресторане он понял, что такого соперника, как ты, в одиночку ему не одолеть. Но он упустил удобный момент. Сэму следовало выждать, убрать тебя, а потом постараться убедить Джино в собственной невинности. Понимаешь, — Примо сильно затянулся, так, что сигаретка на миг ярко пыхнула огоньком, — никто не стал бы искать одного русского, случайно сунувшего нос не в свои дела.

Это я прекрасно понимал. Манетта был прав — в чужой стране, где миллионы иммигрантов, я остался бы ещё одним нераскрытым делом без всяких шансов на оправдание собственного имени. И всё же мне стало неприятно. Обидеть могут только те, кому начинаешь доверять, чьё мнение начинаешь уважать. Возможно, если бы я услышал эти слова от кого-то другого, не от Примо, к которому успел привязаться, я чувствовал бы себя менее паршиво.

— Вместо того, чтобы подумать, — продолжал Примо, — этот недоумок запаниковал. Ты сидел под крылышком у Вителли, время работало против нашего маленького предателя. Тик-так, тик-так... Сэмми решил сделать грязную работу руками Спрута. — Манетта затянулся, едва не обжигая себе губы окурком. — Курта в Нью-Йорке только терпели: он успел заручиться поддержкой одной из семей. Твой вопрос давно уладили, так что Спрут, при должной сноровке, мог вытворять всё, что пожелает. Сэму просто не хватило опыта и уверенности.

Манетта замолчал; мне показалось, что он задумался, и я решил окликнуть его.

— Охранники...

— Личная охрана Медичи, — широко улыбнулся Примо. — Я попросил их остаться. Считай, тебе повезло, Олег: старик не слышал и четверти из того, что ты пытался нам рассказать, пока Джоэль штопал тебя, точно рождественскую индейку.

Я вспыхнул. Выходит, Медичи не слышал меня. Но я должен был сказать ему. Сказать, что безумно, невозможно сожалею о том, что мы с Вителли когда-либо пересеклись. Если бы не я, если бы не все эти события, если бы не больное сердце...

Уперев дрожащий локоть в постель, я приподнялся. Знакомая боль в позвоночнике заставила вздрогнуть, я невольно закусил губу, чтобы не застонать.

— Лежи, — всполошился Манетта, пытаясь удержать меня за плечи.

— Я должен поговорить... с Медичи...

Манетта заметно напрягся. Живые чёрные глаза уклонились от моего жадного, ищущего взгляда, словно итальянец пытался оттянуть неизбежный момент.

— Олег, ложись, — мягко сказал Примо. — Успокойся.

— Я...

— Знаю, — непривычно покорно согласился Манетта; от грубоватой, приятельской интонации не осталось и следа, и я невольно насторожился.

Я позволил уложить себя обратно, но как бы ни был я измождён, одна мысль всё не давала мне покоя, пока я слушал Манетту.

— Энцо позвонил Папе Палермо, — сцепив руки в замок, заговорил Примо. — Мы приехали почти сразу. Ты лежал в луже собственной крови, бредил что-то о предательстве. Папа вытряс из Энцо всё, что тот знал, прежде чем приехал босс, а я узнал от тебя конец истории. Джоэль дал тебе немного химии, чтобы ты не чувствовал боли. Новомодная штучка, бьёт по мозгам, но быстро выветривается. А чего только не говорит человек, отходя от наркоза. Было не так легко разобрать, ты путал английский с русским. Я слушал. Прости, — помолчав немного, добавил Манетта. — Нельзя действовать, не зная наверняка, с какими картами начинаешь партию.

Гнев вспыхнул во мне внезапно, но так же быстро и погас. Я хотел считать Примо другом, и было больно осознавать, что я для него оказался только приманкой в ловко раскинутых сетях.

— Ты хорошо всё спланировал, — с трудом проговорил я.

Манетта не обиделся; немного откинувшись назад, он посмотрел на меня, прищурив глаза.

— Со стариком тебе нельзя сейчас разговаривать, — заметил Примо. — Он любил Вителли.

— Знаю. Они были друзьями. Джино рассказывал...

— Вот как? — печально усмехнулся Манетта. — Рассказывал, как босс спас ему жизнь? Как они начинали, и что для Джино не было друга ближе, чем наш старик?

Джино рассказал мне не так много, но обо всём этом я мог догадаться и сам. Я не знал прежнего Вителли, но навсегда запомнил Джино, протянувшего мне руку, когда я больше всего нуждался в помощи.

— Босс не станет с тобой говорить. И никто из нас не станет, пока Джино не будет похоронен.

Манетта запнулся, и мне вдруг стало его жалко.

— Почему ты?

Всё-таки я задал правильный вопрос. Примо внимательно посмотрел мне в глаза.

— Почему именно ты? — повторил я.

Смутные обрывки воспоминаний и факты начали складываться в цельный кусок мозаики. В каждой её части присутствие Манетты, парня из итальянского рестораника,

теперь выглядело для меня ещё более странным, чем когда-либо. Нет, я вовсе не подозревал Примо. Я знал о его действиях и их последствиях, но не понимал, почему Манетте, как Юпитеру, позволено всё, что не дозволено быку.

Примо находился рядом со мной в операционной. Примо выслушал меня, уберёт, насколько смог, от гнева Медичи. Примо, наконец, рискнул и расставил силки для Сэма, спасая мою жизнь и рискуя навлечь на себя гнев Джанфранко.

— Маленькая привилегия кровного родства, — не стал томить меня итальянец. — Мы не часто общались в последнее время. Я всё ещё не заслужил его доверия.

Я ничего не понял, но Примо продолжил сам, не дожидаясь вопросов, ставящих людей в неловкое положение. Вытянув перед собой изувеченную руку, Манетта чуть помахал ею, невесело осматривая оставшиеся три пальца.

— Я сам виноват, — просто сказал он, — из-за моей невнимательности могли погибнуть люди. Крёстный отстранил меня от дел. Сказал, буду работать у Палермо, пока не научусь терпению. Пока не стану думать о других, как о самом себе. Мне едва исполнилось двадцать три, когда я начал у Папы. Сейчас мне двадцать пять, — Примо нервно провёл рукой по волосам, — но я никогда не стану оспаривать решение крёстного. Босс жёсткий человек, но он всегда поступает правильно.

Я промолчал.

— Basta, — поднялся с кровати Примо. — Довольно на сегодня разговоров. Спи, дела решим завтра. Ну и кашу ты заварил, приятель, — вымученно улыбнулся Примо. — И умудрился выжить. Но я тебе обещаю, мы что-нибудь придумаем. Обязательно придумаем.

— Примо, — окликнул его я.

Манетта обернулся.

— Спасибо.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Примо первым отвёл взгляд, отрешённо кивнул и вышел из комнаты.

...Выздоровление проходило медленно и мучительно. Я раньше не подозревал, что в моем теле столько мест, которые могут причинять самую неудобную, отвратительную боль. Первые несколько дней я по-прежнему не мог встать без посторонней помощи и чувствовал сильнейшую апатию ко всему окружающему. Положение скрашивал только Примо. У него почти получилось разговорить меня, но я был благодарен за одно только его присутствие. От него я узнал, что с Ником всё в порядке, в свете происходящих событий о нём на время забыли. Я по-настоящему переживал за Ремизова — бывший десантник с криминальным прошлым мог вызывать подозрения. Манетта, как умел, успокаивал меня. В конце концов, Ремизов не успел увидеть ничего такого, что стоило скрывать, и почти постоянно сидел на квартире, которую снимал у знакомого Вителли. Всё же я сомневался, что Нику сделают скидку за хорошее поведение.

Так прошло несколько дней. В один из них Примо мельком упомянул, что проши похороны. Так тихо и незаметно ушли последние воспоминания о человеке, который сделал здесь, в Америке, так много для меня.

На следующий день я проснулся с твёрдым желанием встать на ноги. Я поднялся сам, без посторонней помощи, и понял, что способен на большее. С того самого дня я начал приучать свой организм к новому режиму. Я прекрасно осознавал, что больше не буду таким же сильным, как раньше. Если какой-либо орган повредить, он уже никогда не послужит так же, как прежде. Мне требовалось найти другие способы самозащиты, возможно, выработать

другой стиль поведения. Я был слишком уверен в своей физической выносливости, чтобы бояться врагов, и часто вёл себя самоуверенно, отвечая на каждый вызов. Я больше не мог себе доверять. Раз мне суждено жить дальше, я должен набраться сил и найти им другой выход.

Мне понадобилось почти две недели, чтобы привыкнуть к жизни в новом теле. Множественные повреждения позвоночника требовали особого ухода, ожоги прошли, оставив после себя несколько шрамов, перевязка занимала всё меньше времени, и стандартные ежедневные процедуры я мог делать теперь сам. Говорить, впрочем, по-прежнему не хотелось, но однажды я сам начал разговор.

Я понимал, что скоро обо мне вспомнят, и у меня оставалось ещё одно желание перед тем, что уготовила судьба.

— Примо, — сказал я, когда Манетта в очередной раз появился у Риверса, — я хочу увидеть Джино.

Он бросил на меня задумчивый взгляд, точно прикидывая, как отговорить меня от опасной затеи.

— Примо, — попросил я, — пожалуйста.

...Манетта сделал всё как нельзя лучше. Он подгадал момент, когда Риверс ушёл из дома, и в буквальном смысле выкрал меня. Не забыл и об одежде, притащив джинсы и свитер. Куртка оказалась в самый раз, и я мысленно вздохнул — в прошлый раз вещи Примо поджимали в плечах.

Охраны в доме не было. Вряд ли мне доверяли, но, очевидно, понимали, что бежать мне попросту некуда. На всякий случай мы вышли через чёрный вход, чтобы не светиться перед соседями и, обогнув особняк Риверса, вышли на соседнюю улицу.

Кладбище Маунт Хеброн находилось в Квинсе. Манетта вёл машину, я сидел рядом, безразлично разглядывая пролетающие за стеклом кварталы. Меня ничто больше не удерживало в Америке: со смертью Вителли ко мне вернулось то самое ощущение гадливости, которое охватило меня в первые дни жизни здесь, и отпустило по мере привыкания. Я оказался слабым и беспомощным на чужой земле. Моей жизнью здесь распоряжались другие. Манетта не захотел говорить о крёстном, а я не спрашивал.

За окном промелькнула зелень Гринвудского кладбища. Мне показалось, будто я узнал место. Здесь Джино сбросил нас с Ником с трассы тяжеловесным «доджем». Мне казалось, будто с тех пор прошёл целый год, целая пропасть дней. Никому не позволено вернуться в прошлое и что-то изменить. Да и что бы я изменил, случись такая возможность? Мы выбираем своё будущее, но и прошлое остаётся с нами до тех пор, пока мы живы, и не отпускает после смерти.

Плотный зелёный кустарник и железная ограда кладбища остались позади, машина свернула на другую улицу. Через четверть часа мы оказались перед воротами Маунт Хеброн.

Примо оставил машину у парковки, дальше мы пошли пешком. Американские кладбища я видел только в фильмах. Ровные линии одинаковых серых надгробий уходили вдаль, насколько хватало глаз, отчего чистое поле казалось размеченным на длинные сектора. Ни оград, ни цветов, только короткая пожухлая трава под ногами и ряды маленьких камней с выбитыми на них именами.

Совсем не так, как у нас, когда почившим воздаются последние уважение и любовь со стороны родных и близких. Надгробия в цветах и венках, деревья и кустарники в сказочном цветении в поминальные дни; распятия и свежоокрашенные оградки — здесь не было и тени

той заботы, которую у нас оказывали усопшим. Хотя возможно, я просто привык к нашим традициям настолько, что, глядя на чужие, не признавал их.

— Джино не хотел, чтобы его хоронили в склепе, — Манетта смахнул несколько сухих листьев с надгробия, плотнее запахнул куртку на груди и повёл плечами, будто от озноба. — Я буду рядом, — негромко, словно извиняясь, проговорил Примо. — Вернусь к машине.

В знак благодарности я сжал руку Манетты чуть повыше локтя. Мы мало говорили в дороге, и сейчас не нуждались в словах. Примо кивнул и исчез. Тревога омрачала его лицо, но, погружённый в собственные мысли, я не придавал этому значения. Я думал о прошлом, вспоминал Вителли, и заново переживал все отвратительные, болезненные моменты своей жизни.

Я присел у надгробия, ничем не отличавшегося от череды безликих камней, перекрестился, и поцеловал холодный мрамор так, как было принято у нас. В сознании вспыхнул образ Джино, его отцовские объятия, и наше прощание у ресторана, в тот день, когда меня выгнал Медичи. Мы не должны были встретиться снова. Если бы этого не произошло, кто знает, может, Вителли остался жить. Как же сильно он привязался ко мне, если переживаний за меня, человека из ниоткуда, хватило, чтобы остановить его сердце навсегда.

Я сглотнул, прикрывая глаза, положил ладонь на надгробие и сжал пальцы. Я видел перед собой лицо старого итальянца, его усмешку, прищуренные глаза. Всё должно было идти по-другому. Виноват никто, и все сразу. Я знал только одно средство помощи усопшим, и молился со всей страстью, на которую был способен. Я перемежал слова молитвы с обращениями к Джино, путал русский и английский, шептал всё то, что не мог и не успел сказать в машине, пока Вителли ещё жил.

После невыразимой скорби, которую испытывают только те, кто остался, на душе стало пусто и спокойно. Не знаю, сколько я так просидел. Камень под моей ладонью стал тёплым, а я не двигался с места.

Чувство, будто я не один, пришло внезапно. Я не слышал посторонних звуков или голосов, не появилось и пресловутого ощущения, словно тебе в затылок давит пристальный взгляд — просто я вдруг понял, что у могилы Вителли сижу не один.

Я открыл глаза и обернулся.

Должно быть, Манетта бежал, чтобы предупредить меня. Рядом с ним я увидел двух крупных широкоплечих мужчин в плащах. Бледный, запыхавшийся Примо стоял немного позади них, расширившимися глазами глядя на меня. Ещё двое в одинаковых плащах замерли между надгробиями, рассматривая уходящие вдаль ряды могил.

Рядом со мной стоял Джанфранко Медичи.

Я видел носки его начищенных до блеска туфель и строгий тёмный костюм под растёгнутым дорогим пальто, и медленно поднялся, чтобы не сидеть перед ним на корточках.

Примо нервно огляделся, решительно протиснулся между телохранителями и подошёл к крестному. Я видел, что ему не по себе, но он продолжал стоять, глядя перед собой.

— Signor...

— Вернись в машину, Примо.

Я уже забыл, как звучал голос Медичи, но не забыл ощущение опасности, исходящее от этого человека. Примо лучше меня знал дону Джанфранко, и то, с каким трудом ему удалось удержаться на месте, вызвало у меня невольное восхищение. Манетта снова рисковал ради

меня, а я ничем не мог ему помочь. Я мог только сочувствовать: сам я дона Медичи уже не боялся, а наша случайная встреча лишь ускорила развязку. Я только не хотел, чтобы Манетта пострадал, но мне не дали вставить и слова в защиту молодого итальянца.

Медичи повернулся к крестнику.

— Вернись в машину, — спокойно повторил Джанфранко. — Фрэнк и Луис, — Медичи сделал знак охране, — проводят тебя.

Примо сник. Я видел: будь его воля, он бы послал к дьяволу Фрэнка, Луиса, и обоих безымянных охранников, наградивших нашу маленькую группу подозрительно цепкими взглядами. С доном, как когда-то упоминал Примо, не спорили.

Я остался наедине с Медичи. Один на один, как в кабинете, и, как и прежде, не испытывая ни страха перед ним, ни трепета — только бесконечное внимание, поскольку с такими людьми нельзя себя вести ни неуважительно, ни заискивающе.

— Твоё место дома, — не глядя на меня, заметил Медичи. — Зачем ты приехал?

Я не сразу нашёлся, что ответить. Вначале хотелось даже переспросить, какой дом он имел в виду — доктора Риверса или тот, далёкий, после разлуки с которым прошла целая вечность. Я приехал в Америку без всяких видов на приключения, с одной только надеждой заработать и посмотреть мир. Говорить Медичи, что я обычный турист, означало покривить душой. Разве мог я себя так называть после всего, что произошло?

— Я задаю себе тот же вопрос, сеньор Медичи.

— Жалеешь?

— У меня есть для этого все основания.

Между каждым вопросом и ответом проходило не меньше секунды: дон Джанфранко не торопился с вопросами, я продумывал ответы.

На этот раз молчали дольше. Поскольку Медичи не смотрел на меня, я последовал его примеру и перевёл взгляд на надгробие.

— Джино прожил лишние несколько минут только для того, чтобы обезопасить тебя, — проронил наконец Медичи. — Передать мне послание. Он никогда не оставлял незаконченных дел.

— Вы сильно меня ненавидите? — помолчав, спросил я.

Казалось, мужчина удивился. Он даже посмотрел на меня — я видел это боковым зрением — и едва заметно усмехнулся.

— Я был зол, — ответил он. — Не только на тебя.

Медичи помолчал ещё секунду, и я внезапно понял, что всё, что говорили про него — правда. Страшный, бескомпромиссный человек. И, наверное, самый верный друг из возможных. Вот только я не хотел бы иметь такого патрона, как он.

— Теперь я понимаю Джино лучше. Но он умер, последнюю волю я исполнил, всё уже в прошлом. Осталось расставить последние точки.

— Что с Сэмом? — спросил я.

— Сэма пришлось наказать, — Медичи по-прежнему не отрывал взгляда от надгробия, но я не выдержал и посмотрел на него. Меня интересовала судьба предателя. — Из-за его глупости пострадала семья. Ему некого винить.

Ответ дона Джанфранко показался мне размытым, но мне хватило выражения его лица, чтобы понять: Сэм мёртв. Так должно быть, чтобы у других не осталось сомнений в том, что ждёт предателей. Семья Медичи должна оставаться сильной.

— Он мёртв, — зачем-то проронил я.

— Ты тоже, — отозвался дон Медичи, и впервые за весь разговор посмотрел мне в глаза. Я не знаю, что он ожидал увидеть там, и чего не ожидал, но, надеюсь, я его не разочаровал. — Тебя тихо убрали, от трупа избавились. Твоё настоящее имя никому неизвестно, а в Америке много пропадающих без вести иммигрантов.

Я продолжал смотреть на Медичи, не до конца понимая, что он имеет в виду.

— Но ведь я жив, — негромко заметил я. — Как вы всё это сделали?

— Слухи — лучшая машина. Тем более, если они исходят от проверенных людей.

Сеньор Медичи определённо обладал талантом отвлекать людей от всех насущных проблем, и создавать им новые, по сравнению с которыми прежние казались смешными. Я тоже на время забыл о своих.

— А Ник? — внезапно вспомнил я. — Николай Ремизов, он спас мне жизнь. Вы позволите ему уйти?

— Что мне его жизнь?

— Если вам действительно всё равно, тогда позвольте ему уйти со мной, — заметил я.

Дон Джанфранко снова усмехнулся.

— Он этого не заслужил.

— Но ведь он вам ничего не сделал, — не поверил я.

— Твой друг далеко не чист, на него пали подозрения, и в отношении мистера Ремизова я не связан никакими обязательствами.

— И это всё? — поразился я.

Дон Медичи едва заметно качнул головой. Я замер напротив него; ужас сковал сердце при мысли, что Ник может пострадать из-за меня. Так не должно быть!

— У нас людей за такое не убивают!

— У нас тоже, — кивнул Медичи. — Им дают шанс сделать это самим.

Я замолчал, опустив голову. Я был обязан Николаю жизнью и, не задумываясь, отдал бы ему долг. Когда я заметил, что дон Джанфранко изучает меня, то поднял глаза, встречаясь с ним взглядом.

— Ты не спросил, что будет с тобой, — негромко подсказал он.

— Что будет со мной? — послушно откликнулся я.

— Уезжай прямо сегодня. Чем быстрее ты покинешь Америку, тем лучше. Преследовать тебя не будут в память о Джино, но в другой раз, если ты вдруг окажешься здесь, я не могу ручаться за твою жизнь.

Я промолчал. Ветер трепал полы плаща Медичи, охлаждал моё лицо. Я смотрел на могилу того, кто стал здесь, в Америке, моим отцом. Я простился с ним. Я был виноват перед ним. И по-своему я его любил.

— А Ник?

Дон ответил не сразу.

— Убирайтесь отсюда оба, — медленно проговорил он. — И хорошо запомните: у нас длинные руки.

Я посмотрел в его лицо, по-прежнему бесстрастное, лишённое всяких эмоций. Я вдруг почувствовал, что лишний здесь. Медичи приехал сюда не ради меня; наша встреча оказалась случайной.

— Прощайте, сеньор Медичи.

Я сделал один шаг и обернулся.

— Простите меня, если сможете.

Потом развернулся и направился вниз по тропе.

Глава 9.

Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии. (1 Кор. 6:19–20).

Я прислонился к стене, позволяя Ремизову занять единственное свободное кресло в этом углу зала. Сидеть мне не хотелось, кроме того, Риверс предупреждал, что мне нужно почаще пребывать в строго вертикальном или горизонтальном положении — из-за повреждённого позвоночника.

С Примо мы попрощались у входа. Манетта был единственным, кто провожал нас в аэропорт, и отсутствие эскорта радовало: мы могли сказать друг другу всё то, что не смогли бы при посторонних. Мы прощались навсегда и, даже если кто-то из нас сожалел, никто не решился произнести это вслух.

Я прощался с трудом. Я успел привязаться к Манетте и, мог поклясться, Примо чувствовал то же самое. В других обстоятельствах, уверен, мы бы обязательно остались друзьями. Наверное, поэтому расставание получилось слегка натянутым; говорить лишнее не хотелось никому. Всё было уже сказано дома и в машине. Жаль, что так всё получилось. Наша дружба закончилась, и никому из нас не дали второго шанса.

Вокруг бесцельно ходили люди, пытаюсь сократить время до посадки. Некоторые из них подходили к киоску с прессой, выбирали яркие издания в глянцевых обложках, и довольные уходили прочь, обратно к своим креслам. Обычно такие журналы просматривались целиком ещё до начала посадки.

— Ты обязательно вернёшься, — услышал я звуки родной речи возле киоска. — Все возвращаются.

Я чуть повернул голову, бросая взгляд на соотечественницу. Женщине было за сорок; отсутствие косметики на лице, короткая стрижка и мешковатая одежда сильно портили и без того несвежую внешность. Двигалась и говорила она с показательной уверенностью, запустив обе руки в карманы необъятных брюк. Стоявшая рядом с ней молоденькая девушка слушала внимательно, успевая, однако, просматривать витрины с манящими журналами, и иногда кивала, слегка заторможено, поддерживая видимость беседы.

— Если бы не необходимость разобраться с наследством, ни за что бы туда не вернулась, — брезгливо говорила женщина, оглядывая витрины. — Да ты и сама увидишь разницу! Ты гостила у меня только пару недель, Юленька, но наверняка смогла сравнить, правда? Уровень жизни, уровень жизни! Да о чём ты говоришь! — всё больше накручивала себя тётка, хотя эмоциональной реакции от Юленьки, кроме однообразных кивков, не следовало. — Все эти мифические идеалы, которые нам вбивали в детстве, весь этот допотопный советский быт, никакой свободы для человека с амбициями, где это всё сейчас? А они, — женщина снова поморщилась, точно воспоминания о соотечественниках доставляло ей физический дискомфорт, — только и умеют блять, как стадо, о каких-то духовных ценностях! Где они, я тебя спрашиваю, где они были, когда я нуждалась в деньгах? Так тупо — а они за это держатся! Мне противно, Юленька, даже думать о том, как я жила раньше. Как в болоте! А они его хвалят, потому что, видите ли, оно им родное. Пора

смотреть на всё по-новому! Я могу теперь позволить себе всё, что хочу, я живу сытой, спокойной, уверенной жизнью, я свободна от предрассудков! Родина там, где хорошо живётся, — убеждённо твердила бывшая славянка, — я ни о чём не жалею!

Юленька выбрала журнал кроссвордов, с интересом просматривая английский текст. Женщина, выговорившись, тоже повернулась к киоску.

— Ты что купила? Кроссворды? А мне хочется чего-то будоражащего, скандального. У меня в последнее время депрессия, хочется себя встряхнуть, устроить эмоциональный взрыв. Психолог говорит, не нужно увлекаться антидепрессантами, но у меня в душе такая пустота после всего этого... хочется чем-то её заполнить. Смотри, Юленька! Свежие звёздные сплетни! Как раз то, что нужно!

Яркое издание тотчас оказалось в руках у женщины. Продолжая что-то рассказывать индифферентной Юленьке, та увлекла её за собой, и я вздохнул с некоторой долей облегчения.

— Эх, Родина, — негромко пропел Николай, — еду я на Родину... Пусть кричат: "уроина!", а она нам нравится... Спящая красавица! К сволочи доверчива...

Николай скосил на меня зелёные глаза и усмехнулся: выходит, он тоже слушал. Я грустно улыбнулся. Не знаю, о чём думал Ремизов, но мой гнев, против ожиданий, испарился, стоило мне услышать про пустоту в душе. Зато жизнь у неё сытая! Как страшно это прозвучало, но ещё страшнее, что она этого не заметила. Наверное, такие, как она, самые опасные наши враги. Ведающие или не ведающие, что творят...

— Скоро посадка, — бросил Ник, следя за бегущей строкой на экране. — Нам пора.

...Я был очень умным, когда летел в США. Всем известно — чтобы увидеть гору, от неё нужно отойти. Приблизившись, многое упускаешь из виду, многое сознательно не замечаешь, и ещё больше прощаешь... становясь бесконечно малой частью этого великого, растворяясь в нём и подчиняясь ему. Где-то я читал, что честь в том, чтобы бороться с тем, что ненавидишь. Честь в том, чтобы знать: станешь бить систему, попадёшь в себя. Поступаться меньшим ради большего или большим ради малого — неважно, всё равно не разберёшь вовремя, что есть где.

Чаще получается так, как со мной — я не смог ни сломать систему, ни хотя бы её пошатнуть, ни даже заставить её обратить на себя внимание. Я не мог победить, не мог сыграть вничью, не мог даже выйти из игры. У меня оставалось два пути — стать частью сети или попытаться сбежать. Я выбрал второе, хотя заранее знал, что сеть окутала собой весь мир. Где-то паутина была тонкой, где-то — толстой и густой, но она была повсюду. Если бы только хватило сил порвать её...

Как это оказалось бы трогательно и до отвращения наивно — рассказывать родным свои приключения в Америке так, чтобы никому не захотелось повторить мой подвиг. Кажется, я это и намеревался сделать, ступив на чужую землю. Сделайте скидку на возраст: я не воспринимал ни своё путешествие, ни свою жизнь всерьёз. Мы часто думаем, говорим и поступаем глупо, но мне хватило одного раза, чтобы понять. Я не расскажу ни слова о моём пребывании здесь, как не рассказывают ночные кошмары людям, в опасении, что те сбудутся.

Я понял ещё кое-что. Нет такого народа — американцы. Есть англичане, итальянцы, испанцы, кубинцы, немцы, русские, наконец. Не существует народа американского, нет у них общего корня. Американец — это тот, кто забыл, к какому народу принадлежит. Это все те, которые поверили внушению, будто можно быть счастливыми и без того, чтобы помнить,

кто ты есть. Это те, кто поменял сытое тело на пустую душу.

Американцы — обманутая нация. Их заставили поверить, что можно забыть свой язык, родину, традиции, веру, в конце концов, — забыть без всяких последствий. Жить сегодняшним днём. Но это большой обман. Нельзя брать и не отдавать. Нельзя потребительски относиться к жизни. Нельзя не верить. Нельзя оставлять детям в наследие испорченный наркотиками и беспорядочными связями генофонд, культ тела, высмеивание духа, болезни, порножурналы, злые мультфильмы, жестокие правила выживания, и никакой надежды на светлое будущее.

Нельзя сдаваться. Нельзя забывать о том, кто ты есть. Проходит всё, даже посмертная слава, но в своих детях человек заново проживает жизнь. И нужно обеспечить потомкам достойный мир, который примет их, и будет к ним чуть милосерднее, чем был к нам...

Мне повезло. Я хорошо осознаю это и очень благодарен. Будь я чуть слабее или менее удачлив — я бы остался там, с ними, в качестве жертвы или палача. У меня возникло странное чувство — я ощущал себя другим человеком. Ушли желторотая наивность и юношеское самомнение, сгладился бескомпромиссный максимализм, из памяти стёрлось гадливое отвращение чёрных воспоминаний, появилась спокойная уверенность в себе и окружающем мире — то, чего мне не хватало с детства. Я замечал теперь намного больше, чем раньше, и был готов ко всему. Мне ещё подумалось, что одно и то же место, наполненное событиями, неодинаково действует на разных людей.

Я прошёл испытание, но знаю, что в этом нет моей заслуги. И за это я был тоже благодарен.

Часть 3. Царство. Глава 1

**«Господь помилует Россию, и приведет ее путем страданий к великой славе»
Серафим Саровский**

Глава 1

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. (Матф. 7:7–8).

Николай дёрнул меня в сторону, и серебристая «Тойота», пронзительно посигналив, скрылась за поворотом.

— Вот дерьмо, — опустив голову, констатировал Ремизов.

Я равнодушно посмотрел на его брюки. Дерьмо — не то слово; мы оба оказались заляпаны грязью по самые колени.

— Какого чёрта, Олег? — раздражённо поинтересовался Ник. — Можешь мне объяснить, что с тобой происходит?

Я не мог. Вместо этого я молча отошёл к остановке и стал под навес. Морозящий дождь с мокрым снегом грозил затянуться до вечера, а автобус, как назло, задерживался. От Домодедово до Павелецкого вокзала мы доехали без особых проблем, правда, дороги я почти не запомнил: в общественном транспорте и лабиринтах метро Ремизов разбирался сам, я просто шёл за ним.

— Подождем ещё минуту, — мрачно бросил Ник, присоединяясь ко мне. — Потом пойдём пешком.

Я не отреагировал, и русский бросил на меня ещё один злой взгляд. Я понимал его, но ничего не мог с собой поделать. Только что я сделал несколько лишних шагов и остановился едва ли не посреди дороги, и если бы не Ник, меня бы наверняка сбили. Я не соображал, что делаю, и меня это даже не сильно заботило. Всё, что происходило со мной и вокруг меня, казалось тяжёлым сном, от которого я никак не мог пробудиться.

Ремизов прикурил, опираясь плечом о перегородку. Сумку с вещами он положил на скамейку; я от такой роскоши был освобождён. Самое ценное, что при мне находилось — документы и нательный крест, не представляющий никакого материального интереса.

— Застегнись, — бросил Ник, делая очередную затяжку. — Не хватало ещё...

Я послушно дёрнул змейкой молнии, застёгивая подаренную Примо куртку, и укутал нижнюю часть лица ярким сине-буро-малиновым шарфом. Манетта торопился, собирая меня, а мне было всё равно.

— Идём, — докурив, распорядился Ремизов.

Вымокли мы мгновенно, стоило отойти от остановки на несколько шагов. Николай тихо ругался сквозь зубы, я молчал, стараясь лишней раз не открывать рот. Снег бил по глазам, прилипал ко лбу, стекал по щекам ледяными дорожками, и не прошло и нескольких минут, как меня начало трясти от холода. Мой организм ещё не восстановился для того, чтобы претерпевать такие перепады климата, зато Ремизову было, похоже, наплевать. План составил тоже он: ночь провести у его знакомого, потом позвонить на вокзал и выяснить, во сколько отправляется последний в этом году поезд на Одессу. «Приедем к Кириллу, — сказал Ник, — разберёмся». Я не стал спорить: разберёмся так разберёмся. Нику я верил.

Сам Николай домой не торопился, собираясь провести какое-то время в Москве.

Нам пришлось пройти несколько остановок. Автобус так и не появился, и мы убедились в правильности принятого решения, несмотря на то, что в результате оба промокли до нитки. Ремизов не сразу вспомнил адрес, потом не узнал дом, мимо которого мы прошли несколько раз, пытаясь по окнам определить нужный номер, и, в конце концов, поплутав во дворе, долго и сочно матерился, обнаружив на двери кодовый замок.

Пришлось подождать около получаса, пока к двери приблизился жилец, подозрительно покосившийся на Николая, и отпер дверь. В подъезде оказалось тепло и сухо, на площадке первого этажа витал сильный запах домашнего борща. Желудок предательски наполнился соком, я едва не пошатнулся от слабости. Впервые за последние несколько недель я хотел есть; прежде мысли о еде вызывали во мне одно отвращение.

— Это здесь, — не слишком уверенно сказал Ремизов, когда мы поднялись на четвёртый этаж.

Он позвонил, вначале один раз, потом ещё несколько, и в конце концов попросту зажал дверной звонок пальцем, мрачно уставившись на дверь. Я подумал, что такое поведение не слишком вежливо по отношению к хозяину, особенно если мы ошиблись адресом, но вслух ничего не сказал.

Через минуту мы услышали сдавленный мат с той стороны двери, и угрожающие обещания убить на месте, если идиот в коридоре не перестанет давить на звонок. «Идиот» угрюмо улыбнулся, не отрывая руки от кнопки, и по выражению его лица я догадался, что мы попали куда надо.

— Какого хрена?! — дверь распахнулась, и на пороге возник разъярённый мужчина средних лет.

Ник отпустил охрипший от трезвона звонок и улыбнулся шире. Хозяин с перекошенным от злости лицом глянул на Ремизова, вздрогнул, и улыбнулся недоверчиво, выпрямляясь во весь рост.

— Не верю, — протянул он, не спеша подавать руку гостю. — Не верю... Ник?!

— Я, — усмехнулся Николай.

— Чтоб я сдох! Колян! Ты живой!

Мужчины сжали друг друга в медвежьих объятьях. Оба улыбались и хлопали друг друга по спинам, а я съёжился у лифта, наблюдая за сценой со стороны. Хозяин квартиры оказался чуть ниже ростом, чем Ремизов, крепкий, мускулистый. Он выглядел моложе, но, как уже показала жизнь, я плохо разбираюсь в людях.

— Заходи, заходи! — замахал руками мужчина, бросая взгляд поверх плеча Николая. — А это с тобой?

— Мой товарищ, — кивнул на «это» Ник. — Знакомьтесь.

— Ну, здорово. Кирилл, — он протянул мне ладонь.

— Олег.

Кирилл провёл нас в прихожую. Порядок в двухкомнатной квартире оказался почти идеальным. Кирилл по-быстрому накрыл на стол, и мне подумалось, как же я отвык от этого — от обязательного застолья прежде, чем начнутся расспросы. Я плотал слюни, глядя на нарезанную колбасу, солёные огурцы, грибочки, шпроты, хлеб, и вазочку с печеньем. Кирилл предложил вчерашнего плова, мы с Ником не отказались. Выпили за встречу, дали утолить первый голод, и начали допрашивать. Говорил Ник, я наслаждался теплом, полным желудком, и пассивным участием в разговоре двух старых друзей.

Кирилл оказался бывшим сослуживцем Николая, он ушёл из армии на год раньше и занялся своим делом. Он организовал небольшую охранную фирму, и был крайне доволен собой и своей жизнью. Ремизов слушал со всем вниманием, изредка вставляя короткие междометия в монолог друга. В отличие от Николая, Кирилл женился, и сейчас готовился стать отцом. Неделю назад он отвёз жену Катю к родителям в область, и завтра собирался ехать за ней. На носу был Новый год.

Ник рассказал о себе более кратко. Вначале то, чем занимался после армии, и как пытался найти себе место под солнцем, затем про грин-кард и Америку. Все приключения Ремизов описал коротко: «связался не с теми людьми, пришлось застрять там на несколько лет». Я в его рассказе профигурировал как «малый, которому не повезло связаться с теми же выродками, что и мне».

— Спасибо, что принял, — проронил в конце Ник, — за мной должок.

Кирилл задумчиво посмотрел вначале на меня, потом на Ремизова.

— Куда вы теперь?

Ник пожал плечами.

— Олегу домой надо. Я собираюсь осмотреться в Москве, может, работа какая подвернётся.

Кирилл фыркнул, нанизывая кончиком ножа одинокую шпротину, лежавшую на тарелке.

— А как же Амэрыка? — ехидно поинтересовался он. — Баснословные заработки?

Ник косо глянул на товарища и вздохнул, не размыкая губ. Насколько я знал, все заработанные деньги Ремизов спустил, когда потребовалось срочно скрыться от Сандерсона и найти убежище в Чикаго. Затем я подумал о себе. Я честно копил доллары, пока работал на двух работах, и был вполне уверен в том, что пересланные домой деньги в целости и сохранности. Сейчас я думал о возвращении, предчувствуя, что все кровно заработанные деньги уйдут на лечение. Позвоночник по-прежнему болел при каждом неосторожном движении, и я понимал, что это только начало настоящих проблем со здоровьем. Я хотел сделать только одну вещь: скрыть произошедшее от родителей и лечиться тайком. Они волновались достаточно, чтобы не получать очередного удара.

Мысль ударила меня, точно током. Родители! Я не звонил им почти месяц: они, должно быть, жутко волновались. Мне повезёт, если они ещё не обратились в какую-нибудь международную службу поиска. Через три дня наступал Новый год, а я по-прежнему не добрался до Одессы. Лада не дожждётся меня, уедет обратно в Донецк, и кто знает, захочет ли знать меня вообще... после того, что со мной произошло... насколько я изменился...

— Есть у меня предложение к вам, ребятки, — услышал я голос Кирилла. — Ты даже представить себе не можешь, старик, насколько вы вовремя подвернулись. Знакомый мой набирает бригаду, строят дом одному барину в глуши. Если есть желание поработать...

Я взглянул на Ника. Русский молчал.

— Нужны надёжные ребята, — проронил Кирилл. — За тебя я уверен.

Ремизов поднял глаза.

— Я тут не один, — сказал он без улыбки.

— Вот и ладушки, — пожал плечами Кирилл. — Ты, я смотрю, — обратился он ко мне, — парень крепкий, справишься. Служил?

Я покачал головой.

— Учился на военной кафедре в институте.

— Ага... — протянул Кирилл. — В общем, подумайте. Завтра я еду за Катюхой, когда вернёмся, скажете, чего надумали. Новый год встречаете с нами, нечего в праздничную ночь шиться по поездам да самолётам. Вопросы есть?

Ремизов усмехнулся.

— Так точно. Можно от тебя позвонить?

— Междугородка?

— Украина.

Кирилл бросил на меня взгляд, потом на Николая, и кивнул.

— Телефон в комнате.

— Спасибо, — не сразу отреагировал я. Видимо, Ник читал меня как открытую книгу, и всегда знал, что и в какое время требуется сделать. Наверное, у меня так никогда не получится.

Я вышел в комнату, предоставляя старым товарищам возможность пообщаться без свидетелей, и уселся в кресло рядом с телефоном. Дозвониться в Одессу у меня получилось с третьего раза.

— Алло.

— Мам, — произнёс я, и не успел сказать ничего больше.

— Олег! Олег, где ты?! Ты в порядке?! Олег!!!

— Мам, со мной всё хорошо. Я в России, в Москве...

— Где?!

Я едва проглотил ком, вставший у меня в горле. Я так долго не слышал её голоса, что истерика, звучащая сейчас в нём, ножом резала сердце. Это я был виноват в её бессонных ночах, в её тревогах, её слезах. Она плакала — я слышал это по голосу — и нуждалась во мне.

— Мама, послушай меня. Пожалуйста.

Какое-то время я переживал сдавленные рыдания в трубке, и с каждым мгновением чувствовал себя всё хуже. От самого Нью-Йорка я произнёс едва ли с десяток фраз, а сейчас от меня требовалось взять себя в руки, найти нужные слова и, прежде всего, успокоить.

— Мама...

Я закрыл свободной рукой лицо, собираясь с силами. Она притихла, судорожно вздыхая в трубку, и я смог начать. Я не имел права и не собирался рассказывать ей всю правду — она не была к ней готова. Последнее, что она от меня слышала — что я попал в неприятности, мне помог некий мистер Вителли, а потом наступил почти месяц молчания, за который она наверняка успела меня мысленно похоронить. Я рассказал ей, что сильно болел, и это было почти правдой. Потом сказал, что мистер Вителли, который так сильно помог мне, умер от инфаркта. Мама успокаивалась, слушая меня — я выбрал правильную тактику, искренне рассказывая о произошедшем, но не распространяясь о деталях. В Америке, говорил я, я познакомился с Николаем, и русский предложил лететь с ним в Москву, к знакомым.

— Как можно быть таким безответственным? — возмутилась мама, и я вздохнул с облегчением. Если она на меня злилась — буря миновала стороной. — Ты ведь знаешь, как мы здесь волнуемся! О чём ты только думал?!

Сложно сказать, подумалось мне. Я думал только о том, как бы побыстрее выбраться из Америки, и согласен был бы лететь даже в Антарктиду.

— Отец болеет, — уже тише продолжала мама. — На работу не ходит. Сидим вдвоём и думаем, как мы, два старых дурака, могли отпустить тебя в эту проклятую Америку. Я

каждый день в церковь ходила, просила Бога...

— Мама, — дрогнувшим голосом произнес я. — Всё ведь хорошо. Я погощу немного у Леськи и вернусь. Может, уговорю её забить на мужа и приехать с детьми хоть ненадолго домой.

— Как было бы хорошо, — вздохнула моя мама. — Ты серьёзно, Олежек?

— Я позвоню тебе ещё раз, от Леськи, — пообещал я. — Постараюсь завтра. Не хочу занимать телефон надолго... звоню от знакомого Николая.

— Хорошо, — очень тихо согласилась мама. — Я передам Ладе, что ты звонил.

— Она в Одессе? — я даже приподнялся. Сердце сделало бешеный кульбит в груди, удивительный для того депрессивно-подавленного состояния, в котором я находился.

— Нет, — осадила меня мама. — Когда бедная девочка услышала, что ты не вернёшься к Новому году, она вернула билеты.

— Чёрт, — не сдержался я.

— Ты должен позвонить ей.

Я промолчал.

— Послушай меня, — сказала мама. — Хотя бы один раз.

Положив трубку после долгого прощания и маминой угрозы позвонить завтра Леське с целью удостоверения, что я добрался по адресу, я глубоко задумался. Я не хотел, чтобы Лада услышала мой голос. Разговор с мамой вымотал меня до предела, а я совсем не хотел казаться слабым. Но связаться с ней я был просто обязан.

Пришлось возвращаться на кухню и просить у Кирилла разрешения воспользоваться его компьютером. Пока Кирилл с Николаем говорили за жизнь, я писал письмо. Я пообещал Ладе при встрече рассказать всё. Я верил ей и не хотел ничего скрывать. Если только... если только она помнит меня так же, как помню её я... Если ей так же, как мне, не хватает человека, которому можно довериться. Если простит, поймёт, поверит, что всю ту жуткую грязь, через которую я прошёл, можно смыть. Если заставит меня самого поверить в это...

Дописав письмо, я некоторое время сидел, подперев голову руками, и слушал голоса за стеной. Судя по всему, Кирилл выставил ещё бутылку за встречу с другом. Должно быть, двух товарищей связывало многое. Это чувствовалось в отношении Кирилла к Николаю. Кирилл достиг более высокого социального положения, чем Николай, но к Ремизову относился, как младший к старшему.

— Олег! — взревел Ремизов из кухни. — Ты где? Мы вдвоём не справимся!

Пришлось возвращаться в кухню и созерцать начатую бутылку водки, уже не первую, и явно не последнюю. Я уселся рядом с ними, без всякого желания брать в руки рюмку, полный отвращения к запаху спирта, и уже через несколько секунд пил вместе с ними. Вскоре напряжённость в наших отношениях с Кириллом пропала и, хотя я по-прежнему говорил только в случае необходимости, последний признал меня славным малым. Ник сказал, что я даже очень славный, и это сильно бросается в глаза.

Вечер прошёл шумно, но я ничего не запомнил. Проснулся под утро, в гостиной, куда определили нас с Ником, от шума в коридоре. Хлопнула входная дверь, вновь наступила тишина, и я успокоился, тотчас забывшись пьяным сном.

Второй раз я проснулся уже днём. Комната была залита ярким солнечным светом, в квартире стояла тишина, из кухни доносился мелодичный звон посуды, и я позволил себе полежать ещё несколько минут.

— Вставай, — безжалостно сказал Ник, появляясь в дверях. — Я перестал слышать твой

храп, значит, ты уже не спишь. Кирилл уже уехал, мы одни. В квартире я убрался, завтрак приготовил. В общем, кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста.

На кухне царил армейский порядок. Две тарелки с парными котлетами и пшеничной кашей особого аппетита не возбуждали, но я без разговоров уселся за стол. Тишина, блаженная, почти домашняя тишина — то, что я больше всего хотел сейчас слышать.

— Ну что, — голос Ремизова вернул меня к реальности, — что ты решил?

Я не сразу оторвался от вялого разделывания котлеты, поднимая на него глаза.

— По поводу?

— Работать едешь?

Я усмехнулся.

— Уже наработался.

— Это было там, — философски заметил Ник. — Как смотришь на то, чтобы попробовать здесь?

— Лучше всего дома.

— Начнёшь работать дома, осядешь и уже ничего в себе не изменишь. Прикипеть к месту всегда успеешь...

— Я и так изменился достаточно, — отрезал я.

— Да, — в таком же тоне ответил Николай. — Изменился, и не в лучшую сторону. Ехать домой, не зализав раны, вредно для благополучия родных и окружающих. Раз не получилось стать сильнее, ты должен вернуться хотя бы таким же, как был.

Я опустил глаза, продолжая терзать котлету.

— Спроси себя: ты и в самом деле готов ехать домой?

Я снова не ответил. Николай тоже помолчал, прожёвывая кусок котлеты.

— Поехали, — решил он, поднимая на меня глаза. — Составишь мне компанию.

— Тебя дома не ждут?

Ремизов неопределённо пожал плечами.

— Меня будут рады видеть. Суди сам: у Веры с Петром однокомнатная квартира и двое детей. Когда я уезжал, младшая только родилась. Куда мне ещё лезть? Если бы у меня были деньги, чтобы снимать квартиру или комнату, на худой конец, я бы вернулся, не раздумывая. Так ведь вырвался из Штатов голый, как младенец! Лишний я там пока что, — обрезал Ремизов, зачёрпывая ложкой кашу.

— А что я домашним скажу? — помолчав, выдал слабый аргумент я.

Ник выслушал краткое содержание вчерашнего телефонного разговора и выступил со следующим планом. Он предложил отправиться к Леське прямо сейчас, попросить сестру о прикрытии, позвонить от неё в Одессу, всех успокоить и спокойно ехать в русские леса на заработки. Леське предполагалось покрывать меня всё это время от родительского контроля. Хотя наши с сестрой отношения нельзя было назвать особо дружественными, мы понимали друг друга с полувзгляда, и я не сомневался, что Олеся поможет.

— Дождемся Кирилла с женой, попросимся и свалим, — распорядился Ник, приступая к мытью посуды. — У сестры твоей найдётся лишняя койка?

Две койки, мысленно поправил его я. Хозяином в её доме был муж, и задерживаться там лично мне не хотелось. Не то чтобы на нас косо бы смотрели, просто летающая по кухне посуда и хлопающие в пыль ссор двери ничуть не вдохновляли на длительное там времяпровождение. Особенно сейчас, когда мне больше всего хотелось тишины.

До приезда Кирилла с Катей мы предавались отупляющему ничегонеделанию. Я

смотрел телевизор, Ник листал найденную в гостиной книгу.

Супруги явились через три часа, и первые несколько минут мы познакомились. Катя попыталась уговорить нас с Ником остаться на ужин; мы дружно отказались. Электричка на Михнево отходила через два часа, мы хотели успеть.

Кирилл предупредил, что ждёт нас к Новому году, и мы благополучно выбрались из гостеприимного дома.

У нас оставалось совсем немного денег; Ник рассчитал, что должно хватить. Когда мы добрались до вокзала, я совсем замёрз, и поэтому, как только Ник купил билеты, мы уселись в электричку, хотя до отправки было ещё полчаса. Я не очень хорошо помнил, куда ехать: у Леськи в гостях я был всего один раз. Оставалось надеяться на подсознательную память и — как всегда — удачу.

Людей в вагон набилось много, все торопились выбраться из столицы домой, — с полными сумками, пакетами, корзинами... Завтра наступал Новый год.

Я прижался к окну, отодвигаясь на самый край. Слева меня прижала старушка в пуховом платке; от её старенькой шубы пахло морозом и хвоей. Я бросил взгляд на её сумки: обе оказались забиты продуктами, поверх лежала сбитая из веток миниатюрная елка. Запах был потрясающий, совершенно забытый. Я повёл носом и тут же чихнул, отворачиваясь к окну. Ник сидел напротив, его соседкой оказалась молоденькая девушка. Мой взгляд невольно приковало чистое, светлое лицо, минимум косметики, глаза, ясные, как весеннее небо, и русые волосы, выбившиеся из-под пушистой шапки. Я смотрел на неё, наверное, с минуту, не отводя глаз. Я совсем забыл, что такие люди тоже есть. Не развращённые, не обзлённые, не чужие. Читающие книги без картинок в общественном транспорте.

Я обвёл взглядом пассажиров, сидящих передо мной. Вначале я не сразу понял, что особенного в них вижу, затем с лёгким удивлением сообразил. Лица. Простые, русские лица с честными русскими глазами. Это неправда, что люди везде одинаковые, это большая ложь — потому что я видел тех, других. Нет в них одухотворённости, которая по-прежнему, пусть и редко, но встречается на нашей земле. Нет в них того особого осознания, той совести, которая живёт в наших глазах.

Внезапно стало плохо, так плохо, что я даже глаза прикрыл, чтобы унять странное головокружение. Только сейчас я по-настоящему понял, что всё делал неправильно. Что теперь, после всего произошедшего, мне не к кому обратиться и некого просить о помощи. Я уповал на себя и собственные силы — как эфемерно всё оказалось... потому что в конце концов на любую силу находится большая. Я чувствовал себя так отвратительно, как, должно быть, чувствует себя умирающий солдат, потерявший командира. Служить некому, куда идти, не знаешь, а требуется немедленная помощь. Только в таких случаях люди обычно и обращаются туда, где не отказывают даже самым безнадежным душам...

— Эй, — кто-то сжал моё предплечье, — ты в порядке?

Я открыл глаза: лицо Ника показалось размытым, точно я смотрел сквозь мутное стекло. Я подумал, что сейчас потеряю сознание.

— Только попробуй, — предупредил бывший десантник, сильнее сжимая мою руку.

— Да он же горит весь, — возмутилась старушка слева, — что ты его дёргаешь зазря!

— Всё хорошо, — слабо отмахнулся я, безуспешно выпутываясь из мёртвой хватки Ника.

На самом деле, ничего особенного не происходило: порой я чувствовал себя паршиво, но, если посидеть спокойно несколько минут, слабость проходила. Признаваться в том, что

мне плохо, было стыдно.

— Погоди-погоди, — засутилась старушка, — сейчас! Где-то тут у меня...

Я прикрыл глаза, облакачиваясь о стекло. Всеобщее внимание оказалось невыносимым.

Что они обо мне подумают?

— Вот! Дай ему, сынок, жар как рукой снимет.

— Глотай, — пихнул меня Николай.

Я без особой охоты, только чтобы от меня отстали, запихнул таблетку за щёку.

— Водички ему дай, — распорядилась зоркая старушка, — горько, всухую-то.

— Спасибо, — глухо проговорил Ник, и я открыл глаза.

Старушка, оказывается, успела достать из сумки одноразовый стаканчик, которым, очевидно, сама пользовалась не раз, и, протянув его Нику, наливала туда минералки. Вода плескалась через край; Ник пихнул мне стакан в руку и накрыл своей, не доверяя мне самому донести её до рта. Возмущаться сил не осталось: я молча сделал, что от меня требовалось.

— Вот так, — с удовлетворением проговорила старушка, — теперь посиди тихонько.

— Спасибо...

— Не повезло, заболеть на Новый год, — посочувствовала девушка, на секунду отрываясь от книги.

— Заслужил, — веско пожалел меня Николай.

— Что же ты так к товарищу-то? — снова возмутилась старушка. — А ну как тебя бы так развезло?

Ремизов пожал плечами.

— Человечнее надо быть, — наставляла она, — добрее. Глядишь, и тебе в жизни повезёт.

Ник удивлённо глянул на пожилую женщину, но промолчал.

— Да всё в порядке, — поспешил выручить его я, — мне уже лучше. Подскажите, Михнево далеко? Я здесь только второй раз...

— Далеко, — с удовольствием подхватила новую тему старушка, — можешь спокойно отдыхать, сынок. А сами-то вы откуда?

— Из Тюмени, — помолчав, первым ответил Николай.

— Из Одессы, — признался я.

— К нам по делу али в гости?

Мы переглянулись.

— По делу, — отозвался Ник.

— В гости, — ответил я. — Сестра у меня здесь.

Старушка покивала с таким знанием дела, точно знала мою сестру с рождения.

— Друг другу-то кем приходитеесь? — не унималась она. С удивлением я понял, что продолжаю отвечать ей; судя по выражению лица, Ник тоже чувствовал лёгкое недоумение. Похоже, у старушки был дар вызывать на откровенность. — Сослуживцы, товарищи?

— Братья, — усмехнулся Ремизов.

— Ага, — сдавленно подтвердил я, бросив на Ника быстрый взгляд.

— Двоюродные, должно быть? — задумчиво определила бабушка. — Что ж ты, зеленоглазый, за младшим не следишь?

— За ним уследишь, — проворчал Ремизов, отворачиваясь к окну.

Я заметил, что к нашему неожиданно развязавшемуся разговору с интересом прислушивается не только девушка в пушистой шапке, но и подвыпившая компания мужиков

на соседних сидениях. Нам повезло оказаться в молчаливом вагоне; никто не говорил друг с другом, грохот колёс убаюкивал, и наш диалог отвлекал людей от нудной дороги.

— Что так? — с сочувствием посмотрела на меня девушка; я вспыхнул.

— Да врёт он, — попытался откеститься от дальнейших вопросов я. — Всё со мной в порядке...

— Если я рядом, — подтвердил Ник.

Я отвернулся от компании с пылающим лицом. Прямо как на исповеди, душу выворачивают своими вопросами! У англичан есть в таких ситуациях выражение “don’t invade my space” — “не занимайте моё личное пространство”. Уединение среди земляков, на самом деле, роскошь, и отвязаться от них не получится. Оказывается, тут всем есть до тебя дело.

Девушка засмеялась. Один из мужиков перегнулся через сидение, хлопнув Ника по плечу — жест, на который я бы не решился даже сейчас, невзирая на наше длительное знакомство.

— Полегче, — обратился мужик к нему, — братишка у тебя что надо, не обижай его.

— И подкорми немного, — добавил второй.

— И заколи под Новый год, — буркнул Ник.

— Ну хватит уже, — взмолился я.

— В области снег, — не стала возражать старушка, переключаясь на другую тему, — вчера по пояс навалило. Куртки тоненькие... простудитесь, — сделала вывод она, окидывая оценивающим взглядом вначале меня, затем Ника.

— Я не простужусь, — ответил за двоих Ник. — А ему уже не страшно.

— Сапоги нужно, — покачала головой старушка, — куда в таких кедах по снегу!

Я поджал под себя ноги, пряча от любопытных взглядов свои кроссовки.

— Ёлочка хорошая, — выпалил я первое, что пришло в голову. — Почём взяли?

— Пятьдесят рублей, — похвалилась старушка. — Вот, внукам везу, будет им радость. А то каждый год искусственную ставим!

— Мы тоже, — подключилась девушка, — жалко ёлки-то. Рубят их...

— Работа у людей такая, — вступился за лесорубов мужик с соседнего сидения. — Зарабатывают, как могут.

— Всё равно жалко, — пожала плечами девушка, снова утыкаясь в книгу.

Какое-то время мы ехали молча. Чем больше темнело, тем больше я понимал правоту старушки: в области оказалось прохладнее, чем в столице. Оставалось надеяться, что у Александра, Леськиного мужа, окажется лишняя куртка, которую он мог бы пожертвовать внезапно обнищавшим гостям.

Старушка вышла раньше, снабдив нас подробной инструкцией о том, что наша станция «не следующая, а та, которая после». Николай помог ей вынести сумки из вагона и вернулся на место, задумчиво посмотрев в окно. Дальше мы ехали молча, и только поднимаясь, Ник проронил, чтобы я держался за поручни. Меня такая забота покорила, но я не ответил: девушка в пушистой шапке улыбнулась мне на прощание, и я разомкнул губы только затем, чтобы пожелать ей счастливого нового года.

Мы вышли на станции, поднялись по лестнице, чтобы выбраться с путей, и благополучно спустились к базару. Снег мокрыми хлопьями падал на землю, и площадь оказалась полностью скрытой под белым настилом. Вечер стоял на удивление тихий, сказочно красивый: поблёскивавший в свете луны голубоватый снег и частные домики,

притулившись вдоль предполагаемой дороги, создавали особое ощущение предпраздничной атмосферы. К сожалению, Новый год перестал быть для меня праздником с тех пор, как родители разрешили мне не спать до двенадцати, и уж тем более я не мог вызвать в себе радостного предвкушения сейчас. В такое позднее время на площади никого не было, и, потратив несколько секунд на определение направления, мы с Николаем пошли вдоль заснеженных улиц.

— И как отреагирует твоя сестра на явление блудного брата? — поинтересовался Ник, больше для того, чтобы нарушить мёртвую тишину посёлка.

— Нормально, — несколько запоздало ответил я. — Только про тебя я ничего не говорил.

— Я за себя сам скажу, — отрубил Николай. — Далеко отсюда?

— Нет.

Минут через десять мы вышли на боковую улицу к низенькому забору с облупившейся синей краской, и, окинув дом взглядом, я первым вошёл внутрь двора.

На веранде горел свет. Крупный мужчина стоял у двери, прислонившись к косяку спиной, и курил. Заметив нас, он открыл дверь в дом, крикнул что-то, и повернулся, отбрасывая сигарету.

— Мы вас с утра ждём, — сообщил он, обмениваясь со мной рукопожатием.

— Александр, — представил его я, — муж моей сестры. Это Николай... друг.

Мы вошли в дом, и я наконец расслабился: внутри оказалось тепло. Я едва не осел там же, на пороге, но нашёл в себе силы раздеться и пройти в комнаты, где нас встретили остальные члены семьи.

— Дядя Олег! — узнала меня трёхлетняя племянка, и я опустил на корточки, подхватывая ребёнка на руки. Мелькнула запоздалая стыдливая мысль о том, что я ничего не купил детям.

— Ты где шлялся? — раздался сварливый голос родной сестрёнки. — Мама сказала, ты будешь раньше.

— Как получилось, — ответил я, опуская девочку на пол.

— Проходите в кухню, — махнула Леська в направлении вкусных запахов, и мы с Ником с готовностью пошли, куда сказано.

Какое-то время мы сидели втроём с Александром, пока Леська укладывала детей. Ник и Саша разговорились о погоде и дорогах, а я молча и быстро пил горячий чай.

До ужина почти не говорили, да Леська ни о чём и не спрашивала, пока мы оба не наелись. Я смотрел на сестру, не веря тому, что после всех кошмаров мир не перевернулся с ног на голову, не треснул пополам, и я всё ещё в той же реальности, что и прежде. Леська не изменилась, даже не поправилась после рождения второго ребёнка, и сидела передо мной такая родная, такая знакомая всё в том же тёмно-лиловом халате, с тем же неизменным хвостом на затылке, что у меня защемило сердце. Я хотел снова попасть в детство. Снова драться с ней за игрушки, снова бегать к морю, делиться секретами, обижаться на родителей — только бы не решать эти нелепые взрослые проблемы.

Потом заговорил Ник, похвалил ужин, поблагодарил хозяйку, и уставился на меня, выразительно намекая на то, что пора начинать разговор по душам. Саша ушёл раньше: он работал посуточно, и хотел выспаться перед завтрашней сменой.

— Мать мне рассказала то, что ты рассказал ей, — усмехнулась Леська, верно растолковав намёк. — Не хочешь поведать больше?

— Не очень, — без улыбки ответил я.

Ник вклинился в разговор до того, как Олеся бы возмутилась:

— Ваш брат спутался не с теми людьми. Случайно. Кое-как вылез, но я бы не советовал ему сходу возвращаться в домашнюю атмосферу.

— Чего-чего? — уточнила Леська, поперхнувшись печеньем.

— Мой товарищ предложил работу, — ловко сменил тему Ник, — и я предложил Олегу ехать со мной.

— Что за работа?

— Дом барину строить. ... — ий район, от вас недалеко. Вся проблема в том, — наклонился вперёд Ник, — что за вашим братом сильно скучают дома. Я бы советовал ему вначале привести нервы в порядок. Работа даст ему возможность развеяться, да и заработать лишнюю копейку. За безопасность не беспокойтесь, я буду присматривать за ним лично. От вас потребуется одобрение и прикрытие, — он улыбнулся, явно прилагая невероятные усилия, чтобы казаться доброжелательным, приятным человеком.

— Вы меня пугаете, — Леська внимательно глянула на меня, даже жевать перестала, не донеся чашку с чаем до губ, — Олег, ты убил кого-то?

— Он — нет, — не дал мне возможности отмолчаться Ник, — скорее, это его чуть не грохнули.

— Леська, я в порядке, — наконец очнулся я, осознав, что всю аферу прокручивают без моего участия, — я теперь почти дома. Я действительно хочу поехать с Ником. Я не собираюсь задерживаться надолго, просто... просто...

— Я поняла тебя, — напряжённо сказала Леська, не сводя с меня глаз. — Что вы хотите от меня?

— Создавать иллюзию того, что брат гостит у вас, — негромко ответил Ник. — Сегодня он им сообщит это по телефону, а вы подтвердите.

— А если родители позвонят и попросят поговорить с ним?

— Скажете, что брата нет дома, — пожал плечами Ремизов, — отправился гулять, вышел в магазин, побежал на почту, работает во дворе...

— Не сработает, — одновременно выдохнули мы с Леськой.

Я кисло улыбнулся Нику.

— Ты не знаешь нашу маму. Она ощутит неладное сразу же.

— Тогда придумайте что-то ещё.

Леська вздохнула и протянула руку, положив свою ладонь на мой кулак.

— Это стоит того, малый? Ты уверен?

Я кивнул.

— Ну тогда чёрт с тобой, — благословила сестра. — Езжай.

Часть 3. Царство. Главы 2-3

Глава 2

Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. (Иоан. 14:1–4).

Старенький «Москвич» подбросил нас до станции: там нас обязался встретить знакомый Кирилл. Водитель объяснил, что за станцией есть небольшой посёлок, и в случае, если за нами так никто и не явится, от рельсов до жилых домов километра полтора.

Мы выехали утром, первого числа, потому что Кирилл сказал, что на стройке праздников нет.

Леська предлагала встретить праздник у них. Я отказался. Так получилось, что в Москву мы вернулись к вечеру, а затем большую часть новогодней ночи прослонялись по улицам. Говорили мало; о чём мы могли говорить? Два человека разного возраста, разных интересов, разных мест жительства, которые столкнулись на чужой территории и шли дальше вдвоём, просто потому что так безопаснее — держаться вместе. А ещё один спас жизнь другому. Пожалуй, это стоило того, чтобы продолжать отношения в том же духе.

Если бы я чувствовал себя хоть немного лучше, я бы приложил все усилия, чтобы заслужить уважение такого друга, как Николай. С другой стороны, Ремизов, похоже, и не ждал от меня особых потуг. Он говорил сам, не задавая вопросов; рассказывал о родном городе, о взглядах на жизнь, о женщинах. Мне было нечем крыть: моя жизнь, кроме последних нескольких месяцев, оказалась не такой интересной, как его. Я не воевал, не служил, даже настоящего снега, такого, как в сибирских лесах, не видел. И женщин у меня не было. Когда я признался в этом Нику, он только плечами пожал. Сказал, что сам это знал.

Дождавшись салютов и вдоволь налюбовавшись на цветные огни, мы направились обратно. Ник сказал, надо лечь пораньше, потому что вставать уже через несколько часов.

Мы прибыли на станцию, уселись на спинке скамейки, предварительно стряхнув отсюда снег, и принялись ждать. В куртке и ботах Александра было тепло, но немного неудобно; впрочем, жаловаться я разучился. Всё больше я понимал правоту Ника: я должен привести нервы в порядок. Я не рассчитывал на то, что заработаю много денег, и ехал туда просто потому, что мне было всё равно, где находиться. Если бы прямо сейчас ко мне подошёл незнакомый человек и предложил идти за ним, я бы, наверное, тоже согласился.

— Езжай домой, — словно в подтверждение моих мыслей, вдруг проронил Ник.

Я поднял голову и вопросительно на него посмотрел.

— Нервы нервами, но если ты схватишь воспаление, много заработать не удастся.

Я удивился. Недавно Ник меня убеждал, что необходимо ехать, и вдруг передумал. Внезапно мне всё-таки захотелось остаться. Это было как вспышка, минутная слабость, страх, что впереди ждёт что-то похожее на то, что я оставил позади.

— Почему ты не сказал этого раньше?

Николай вздохнул, чиркая зажигалкой.

— Потому что хотел, чтобы ты поехал со мной. Я ведь здесь тоже чужой, — признался он. — С Кириллом мы не виделись семь лет. Я знаю его достаточно хорошо, чтобы верить

ему... ну, процентов на восемьдесят. Но дома мне точно нечего делать. Если возвращаться, то хотя бы с цветами, — Ремизов хмыкнул и достал из кармана сигарету.

Я посмотрел на него, не веря своим ушам. Ник сомневался! Ник, который, по моему убеждению, мог и умел всё! Ник, который ради меня не побоялся сунуться в пасть к дьяволу, хотя наше знакомство длилось всего несколько дней!

Ник, как и я, не хотел идти в незнакомое место один.

— Я ведь уже решил. Я еду.

Ремизов снова вздохнул, запихнул в губы сигарету, щёлкнул зажигалкой; но поговорить нам не удалось.

— Доброе утро, — раздался бодрый голос. — От Кирилла?

Мы обернулись. За нами стоял молодой парень с огромным рюкзаком за плечами. Шапка была натянута по самые брови, шарф охватывал всю нижнюю часть лица, так что виднелись только глаза, весёлые, карие, и влажные от ветра.

— А вещи? — спросил он, не дожидаясь ответа: кроме нас, на платформе никого не было.

— Мы налегке, — ответил Ник, поднимаясь. — Кирилл сказал, билеты у тебя.

— Точно, — кивнул парень. — Знакомиться будем? Я Паша.

Мы представились. Паша рассказал, что поезд придёт через десять минут, ехать шесть часов, дорогу он помнит, его отец работает бригадиром на объекте, и он часто ездит туда подрабатывать на каникулах. Паша оказался выпускником местной школы и планировал в сентябре поступать в станкостроительный техникум. Поступить в ВУЗ он не надеялся, да и не горел желанием. Чтобы зарабатывать деньги, сказал он, большого ума не надо.

— Такое ощущение, что ты не встречал Новый год, — усмехнулся Ник. — Бодрый сильно.

— Так я и не встречал, — согласился Паша. — Лег спать ещё в восемь. Дома мамка болеет, а все одноклассники поехали в Москву. На самом деле здорово, что Кирилл нашёл ребят. Я люблю, когда есть попутчики. Одному в дороге можно с ума сойти, пока до места доберёшься.

Паша оказался неправ: в дороге скучно не было. Во-первых, поезд стоял на станции одну минуту, и мы ломанулись в первый же вагон, который оказался ближе прочих. Едва Павел со своим огромным рюкзаком втиснулся в проём, и проводница проверила наши билеты, состав тронулся.

Плацкарт оказался полупустым. Люди в основном спали после вчерашней встречи Нового года, и в другой раз я бы им наверняка позавидовал. Встречать Новый год в дороге куда как веселее, чем слоняться по улицам просто потому, что некуда идти. С другой стороны, мне хотя бы было, с кем слоняться.

Мы с комфортом разместились на трёх сидениях, где Паша наконец снял шапку и размотал шарф. Весёлые карие глаза дополнились не менее выразительными полными губами и румяными, как яблоки, щеками.

— Я жрать хочу, — заявил он. — Не завтракал по-человечески... посёлок будто вымер, ни души, только я по снегу ползу к станции.

— Мы тоже не завтракали, — неожиданно подключился Николай. — Вот... с собой взяли.

На столике появился увесистый свёрток, часть из которого сложила нам Леся, а часть Ник набрал из холодильника Кирилла.

— Котлеты, огурцы, нарезка, оливье, хлебушек, — принялся перечислять Ремизов, по очереди доставая продукты из сумки.

— Ага, — обрадовался Паша, расстёгивая один из карманов рюкзака. — Мамка мне тоже в дорогу собрала. Вот ещё... профилактика.

Он застенчиво поставил фляжку из внутреннего кармана дутой куртки на стол и вопросительно посмотрел на Николая, безошибочно определив главного в нашем отряде. Ремизов расхохотался, хлопнул парня по плечу, и принялся разливать.

Я не верил своим глазам. Злобный, грубый десантник, с которым я познакомился в Америке, изменился почти мгновенно, как только мы высадились в Москве. Хотя, конечно, я не так хорошо знал его в Штатах. Наверное, у Ремизова всё-таки не было проблем с людьми, и это я относился к нему предвзято: ещё бы, человек, который знал одну войну, и научился за жизнь только убивать, не попадал под общепризнанные законы морали. Я априори зачислил его мрачную личность в категорию одиночек. Ник, очевидно, оказался из тех людей, которых судят по их настоящим поступкам, а не по тёмному прошлому, которым сам он, кстати говоря, никогда не гордился. Он спас мне жизнь, и я доверял ему безоговорочно.

Внезапно мне тоже захотелось есть. Я присоединился к разговорившимся попутчикам, и скоро ел и пил наравне с ними. Только почти не разговаривал: наслаждаться живым общением казалось правильнее, чем рушить его собственным неумелым вмешательством.

— И как хозяин, не обижают?

Паша неопределённо пожал плечами, хрустя огурцом.

— Деньги вовремя даёт. Мы уже полгода у него работаем. Слухи ходят, он эту часть леса выкупил. Вначале ведь там глушь была страшная, мы несколько месяцев только лес валили, вывозили. Сейчас местечко разровняли, поставили фундамент, первый этаж гоним. Бригадир говорит, новый план утвердили. Кажется, барину снова лес нужен, будем валить. Сдаётся мне, он там целый город задумал поставить.

— А отец твой?..

— Бригадир, — с гордостью ответил Паша, — он за всё отвечает перед Аркадием.

— Аркадий — это прораб?

— Ну да, — кивнул он, — с хозяином мы и не видимся особо. Так, приезжает раз в месяц с какими-то типами, ходят по объекту, смотрят.

— Слишком хорошо звучит, — Николай сощурил зелёные глаза на мальчишку, цепляя кусок нарезки, — любой барин со своими тараканами.

— Пить не разрешает, — раскололся Паша, — работаем без выходных, в две смены, без праздников, без отпусков. Кто хочет отгул брать, то сразу на полмесяца, за свой счет. Ну да... странный немного. Никого матом не кроет, общается только с Аркадием, когда приезжает, то ходит по стройке, ни с кем не заговорит, а за ним телохранители топают. Ну так замкнутость вроде не порок... плохого сказать про него не могу.

— Хорошего тоже, — задумчиво констатировал Ник. — Ладно. Посмотрим.

Паша окинул огромную фигуру бывшего десантника любопытным взглядом и спросил:

— Ты где служил?

Ремизов дожевал и ответил:

— В армии.

Паша фыркнул и рассмеялся. Я с удивлением наблюдал: мне было, чему у него поучиться. Паша не обиделся на отказ и, не пытаясь выведать больше, довольствовался тем, что человек предпочёл открыть о себе. Я куда болезненнее реагировал на отсутствие

ожидаемой реакции, а гордость не позволяла спросить второй раз. Впрочем, таким я помнил себя в прошлом. Я изменился.

Я заснул, наверное, первым, точно сказать не могу. Не выспавшись накануне, я выпил и съел достаточно, чтобы вырубиться незаметно для себя. Помню, было очень уютно, и двигаться совершенно не хотелось. Проснулся я оттого, что меня энергично трясли за плечо.

— Мы решили, ты тоже захочешь перекусить, — сказал Паша, как только я открыл глаза. — Ты проспал три часа. Скоро будем на месте.

Через час поезд остановился. Мы уже минут пять как стояли у дверей — на этой станции состав стоял недолго. Проводник даже не выглянул из своего купе; мы вышли из поезда и огляделись. Кроме нас, из соседнего вагона показалось пятеро человек, и больше никого.

Пустынную станцию занесло снегом едва ли не по пояс. На площадке находилась небольшая постройка с выбеленными стенами и обледеневшей крышей. Две лавочки у путей угадывались только по выглядывавшим из сугробов спинкам с облупленной краской; окно справочной было закрыто доской и решёткой. Сразу же за площадкой начинался лес. Густой, глухой, совершенно на первый взгляд непроходимый. Вид сказочного леса, укрытого снегом, восхищал. Я был потрясён: такие места, как мне казалось, существуют только в кино или на картинках. Если во мне ещё оставались чувства сомнения, я похоронил их здесь.

Группа вышедших из поезда вместе с нами людей уже обогнула здание станции и скрылась в лесу. Паша, дождавшись, пока поезд тронется, махнул нам рукой:

— Нам на ту сторону. Километра полтора до места.

— Веди, — кивнул Ник, пропуская его вперёд.

Паша перешёл рельсы и спрыгнул вниз, тотчас погрузившись в снег едва ли не по пояс.

— Идти можно, — весело крикнул он нам. — Только не останавливайтесь, замёрзнете к чертям собачьим!

— Это ты мне? — уточнил сибиряк.

— Нет, — откестился Паша, глянув в глаза Ремизову. — Ему.

Я был немного выше парня: снега оказалось всего-то по колено. Периодически, конечно, то я, то Ник проваливались в ямы, но чаще это делал Павел. Парень отлично помнил дорогу, но с выбором оптимального маршрута ему определённо не везло. Впрочем, даже Ник догадался не язвить: благодаря нашему проводнику мы с сибиряком успешно обходили ямы, в которые проваливался он. Последний не злился, в очередной раз набрав снегу в сапоги, только пыхтел, отдирая рюкзак от мокрого снега. Пару раз Ник предложил помощь; парень упорно отказывался, утверждая, что ему ещё и не такой груз приходилось переносить, правда, снег тогда не такой глубокий был.

В конце концов мы шли молча, и я даже принаоровился к трудной дороге, успевая теперь поглядывать по сторонам. Тишина стояла блаженная. Пушистые ели, голые чёрные стволы лиственниц, колючий кустарник — всё оказалось так непривычно моему глазу, так потрясающе прекрасно, что я порой даже останавливался, отдавшись ощущениям. Лес был живым. Я слушал голоса неизвестных мне птиц, смешные и пугающие звуки, и жалел только, что невозможно сохранить здесь, как в компьютерной игре, и когда городская суэта начнёт выпивать соки и нервы, вновь загрузиться с этой позиции.

Паша ушёл шагов на пятнадцать вперёд, и Ник остановился, дожидаясь меня. Пожалуй, он понял, каким эмоциям я поддался, потому что ехидничать не стал, только кивнул мне:

— Красота?

— Благодать, — неожиданно согласился я.

Ремизов понимающе усмехнулся и тут же вздохнул.

— И чего людям не хватает? — задумчиво спросил он. — Всё делят, делят что-то... неделимое. Нашу святую землю делят. Хищники... Русскую землю у русских забрали, и всё не нажрут. Не могу понять...

Я промолчал, уткнувшись носом в шарф. Дальше пошли молча, погружённые каждый в свои мысли, словно без вины виноватые. Да разве есть среди нас, славян, хоть один невиновный? Мы — виноваты. Виноваты в том, что пустили врага на нашу землю, впустили его в умы и сердца наших детей, позволили ему заменить наши традиции, веру, дали ему власть — и пошли за ним. Одурманенные, ослеплённые, обманутые — где свой, где чужой? — перенявшие поганые обычаи, дурную моду, мы сами стали своим врагом. И если врагов убивают, то как искоренить его дух, когда он уже внутри? Где чудесный эликсир, который вернёт народу самосознание, силу, веру? Наверное, есть где-то, только ищем мы не в том направлении...

Спустя время мы приблизились к «месту» настолько, чтобы слышать звуки работающих машин и человеческие голоса. Паша ободрился и сказал, что осталось немного. Через несколько минут мы буквально вывалились из леса на огромную поляну. Деревья закончились резко, вдруг, так, что стало неуютно, точно мы лишились природной защиты. Вырублено было почти целое поле. Я потрясённо смотрел на огромные машины, могучие стволы, сложенные вдоль поляны, целую толпу рабочих, снующих по участку, и самый настоящий дворец, поставленный в центре. Паша оказался прав — выгнали только первый этаж, но материалы для второго уже ждали у стен.

— Первое число, — только и проронил Ник. Похоже, русского ошарашило совсем не то же самое, что меня.

— Да, — согласился Паша. — Я же сказал, работаем без праздников. Кому-то повезло вчера смену стоять, кто-то вытащил счастливый билет на сегодня. Прикинь, как завидовали тем, у кого вчера выпал выходной. Водка на новый год — она и в бараке водка.

Я проследил за его взглядом и увидел низенькие домики у противоположного конца поляны. Больше всего они напоминали амбары для животных, но, скорее всего, внутри было тепло. Я невольно переступил с ноги на ногу — после постоянных погружений в снег внизу позвоночника немного тянуло. Я бы с удовольствием растёр себе спину, но любое моё движение не укрылось бы от Ника, а я не хотел, чтобы он знал. Русский и без того слишком часто оказывался прав, я не хотел льстить ему.

— Идём, — распорядился Павел, бодрой походкой направляясь напрямик через поле.

Снег здесь был притоптан, кое-где даже убран в огромные сугробы, формируя нечто вроде лабиринта из протоптанных тропинок. По одной из таких тропинок нас повёл Паша. Мы приблизились ко дворцу, и у нас с Ником появилась возможность рассмотреть его как следует. Деревя, конечно, потрачено было чудовищно много. Гладкие бока современного терема блестели на солнце, запах от стен шёл такой потрясающий, душной, тёплой... в таком доме, при хороших хозяевах, семейные вечера у уютного очага превратятся в нечто незабываемое. Если бы только я мог построить для нас с Ладой что-то подобное!

— Для кого ваш барин дачу строит? — поинтересовался вдруг Ник. — И почему в такой глуши?

Паша неопределённо пожал плечами.

— Не знаю я... здравствуйте, Валерий Иванович! — жизнерадостно поздоровался он со

щупленьким старичком, вышедшим из парадного входа дома. — Что нового?

— Погреб до ума довели, — ответил тот, щурясь на нас. — Кого привёл, Паша?

— Помощников, — ухмыльнулся тот. — Нужны нам свежие силы?

— Если это все, кого нашёл, можешь идти назад и искать ещё, — старичок задумчиво посмотрел на меня. — Хозяин расширяться думает. Ты-то как, сынок, с деревом работать умеешь?

— Не пробовал, — растерялся я, не сразу сообразив, что обращаются ко мне.

— Научим, — утвердительно кивнул Валерий Иванович. — Паша, скажи отцу, пусть его ко мне запишет.

— Сделаю, — пообещал Паша, и мы прошли дальше. — Наш старший плотник. Такие чудеса из дерева делает, офигеть просто, — дал краткую характеристику парень. — Попадёшь к нему, Олег, будешь как у Бога за пазухой.

— Могу поспорить, что теперь мне не повезёт, — негромко добавил Ремизов, так, чтобы слышал только я. — Это становится традицией, счастливчик.

Я бы мог возразить, честное слово. Но я сразу понял, что он имеет в виду: я всё-таки нравился людям. Что бы со мной ни случилось, найдутся те, кому я буду небезразличен. Чего не скажешь о Нике: сибиряк добивался своего, несмотря на расположение или, точнее, нерасположение к нему окружающих. Настроение немного улучшилось.

По дороге встречались группы рабочих; с некоторыми Паша здоровался, некоторым кивал, мимо других проходил молча. Так мы добрались почти до барачков, свернув лишь у входа, чтобы обогнуть длинную постройку.

Позади стоял небольшой фургончик с наглухо закрытой дверью. Паша подёргал ручку несколько раз, потом скинул с себя рюкзак и глянул на нас с Ником.

— Подождёте здесь, — сказал он. — Папаня, наверное, к Аркадию направился. Сбегаю за ним, это на другом конце площадки. Охраняйте вещи, а то тут... всякое случается.

Он ушёл, а мы остались ждать. Прямо за фургоном лежала груда поваленных стволов, а за ними начинался лес. Я глянул на стремительно темнеющее небо и подумал, что ночью здесь, должно быть, чертовски неуютно. Лес обступает со всех сторон, и обтёсанные голые стволы, как разложившиеся трупы, напоминают о дневной работе...

— Почти как дома, — не разделил моих мыслей Ник. — Только шумно очень.

Я покосился на мужчину, но не откликнулся. За спиной заухала ночная птица, пробудившаяся после дневного сна, я обернулся.

— Не дёргайся. — Ремизов посмотрел на меня, затем вновь на поле, где работали люди. Темнота наступала стремительно; рабочий день тоже подходил к концу. — К лесу привыкнуть надо.

Я не имел проблем с адаптацией, но домой вдруг захотелось жутко. Я хотел ему сказать, что если бы он оказался у нас в степях, и впервые увидел море, я бы с ним не разговаривал так снисходительно, но за последнее время я отвык не только возмущаться, но и раскрывать рот, если можно было обойтись без слов.

Не двигаться на таком морозе просто невозможно; я принялся расхаживать вдоль тропинки перед фургоном, разминая спину и ноги. Ник за моими передвижениями следил только глазами, раскуривая сигарету. Подходивший к барачку с боковой стороны рабочий с закинутым на плечо топором остановился, увидев нас, и, поколебавшись секунду или две, решительно направился к Ремизову.

— Здорово, мужики, — сказал он, одним движением скидывая орудие труда на

землю, — сигаретами поделитесь?

Я едва не вздрогнул, когда топор вонзился в землю в нескольких сантиметрах от моей ступни, и на всякий случай отошёл подальше. Ник медленно кивнул, доставая из кармана пачку.

— Вот спасибо, — обрадовался тот, — а прикурить?

Ремизов щёлкнул зажигалкой, и, пока оба были заняты, я сумел рассмотреть незнакомца. Это оказался мужчина возрастом около сорока, с короткой густой бородой, приземистый, с весёлыми светлыми глазами. Ворот его куртки был расстёгнут, волосы и лоб стали влажными от пота. Я невольно восхитился: похоже, этот не боялся ни физической работы, ни ледяного воздуха, наполнявшего лёгкие при каждом вдохе.

— Егор, — представился он, протягивая лопатообразную ладонь вначале Нику, затем мне. — Только прибыли?

— Вроде того, — без выражения ответил Ремизов.

— Это хорошо, — кивнул Егор. — Вас Паша привёл?

Я кивнул, а Ник не среагировал, глядя поверх наших голов. Я первым догадался обернуться.

— Ну здравствуйте, — поздоровался долговязый мужчина, окидывая нас внимательным взглядом. — Пойдём внутрь, что ли?

— Пойдём, конечно, — согласился Паша, стоявший рядом с ним, — холодно же!

— А ты здесь зачем, Егор? — поинтересовался бригадир. — Рабочий день закончен?

— Не зверствуй, Саныч, — попросил тот, подбирая топор. — Ты ж не Аркадий.

Мы вошли в фургон, и как только хозяин включил свет, крохотную электрическую лампочку под потолком, на душе сразу стало спокойнее: цивилизация, видимо, дошла сюда тоже.

— Садитесь, — махнул в сторону низеньких стульчиков бригадир, — сейчас печь включу. Паша, не стой столбом, вскипяти чайник. Будем знакомиться, — включив обогреватель, кивнул он нам, — меня зовут Александр Александрович.

Мы представились; он записал наши фамилии в пухлую тетрадь и уселся напротив нас, а Паша остался стоять, дожидаясь, пока закипит вода.

— Ты им всё объяснил?

Парень пожал плечами.

— Понятно. Тогда я расскажу ещё раз. — Александр Александрович наклонился вперёд, поставив руки на стол. — Работаем мы непрерывно, в две смены, выходной согласно графику. Места вам Павел покажет, столовку тоже, люди здесь быстро обживаются. Первый отгул можно брать через месяц. Зарплата каждые две недели, обычно без задержек; выдаю либо я, либо Аркадий Степанович. Размер определяет он, смотря, куда вас определяют.

— Блондина уже определил Валерий Иваныч, — подал голос Паша, разливая кипяток по чашкам.

— Повезло, — задумчиво кивнул бригадир. — Николай, тебя направим на рубку. Не успеваем с древесиной...

— Чай, кофе? Есть только чай, — предложил Паша, бухая каждому в чашку по столовой ложке сахара. — А водку папа пить не разрешает.

— Не разрешаю, — подтвердил бригадир. — Но в чай коньячку можно. Завтра тяжёлый день...

Глава 3

Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир. (Иоан. 16:33).

То, что мне действительно повезло, я понял уже когда Валерий Иванович показал, как работать за станком. Терпение у старшего мастера оказалось просто ангельским, так что на меня он потратил едва ли не час, пока не убедился, что я в состоянии шлифовать самостоятельно и не отпилить себе при этом руку.

Мы работали в длинном сарае, поставленном наспех, с целью развалить сразу же, как только дом будет достроен. Вдоль всего помещения стояли станки, от которых шёл постоянный шум. Создавалось впечатление, что мы находимся в цеху. Две печки по краям сарая прогревали воздух до почти весенней температуры, так что многие работали без курток, в одних телогрейках. Постепенно я начал привыкать к работе.

Николая я не видел с рассвета. Его определили в бригаду лесорубов, и Ремизов покинул барак, едва я проснулся. Папа зашёл за мной через несколько минут; ему тоже выпал счастливый билет работать у Валерия Ивановича. Как оказалось, Папа был на подхвате везде сразу и нигде в частности. Он появлялся в мастерской, работал за станком полчаса, затем убегал по поручениям, возвращался с морозу довольный, всегда улыбающийся, отмачивал шутки, снова пристраивался к станку, но долго на одном месте не выдерживал. Этим он напомнил мне Примо, и с этого момента я старался поменьше общаться с ним. Мы сдружились с молодым итальянцем; я тяжело переживал потерю друзей, и мне не хотелось, чтобы история повторилась. Я вообще ни с кем не хотел теперь сближаться.

Перерыв наступил даже раньше, чем я устал. Мне нравилось работать, нравилось слушать диалоги рабочих, нравилось всё, что я видел. Близость леса, чистота ледяного воздуха, дурманящий запах свежего дерева в тёплой мастерской, ненавязчивые разговоры...

Я уселся на скамейку поближе к краю, не собираясь покидать помещение. Мужики выходили наружу, многие даже не обременяли себя куртками, и спустя несколько минут быстрого перекура запрыгивали назад, в мастерскую. Над курящими подшучивали, те беззлобно огрызались в ответ. Я невольно подумал о Николае: от вредных привычек бывший десантник избавляться, по его словам, не собирался.

— Эй, — меня дёрнули за рукав, и я повернулся к усевшемуся рядом мужчине, — тебя как зовут-то?

— Олег, — ответил я.

— А я Глеб, — он протянул мне руку, я осторожно пожал. — Как ты сюда попал?

Я неуверенно усмехнулся. Оставшиеся в помещении мужики столпились вокруг меня, знакомство получалось массовым. И то верно, чем ещё занять перерыв, как не изучением нового субъекта.

— Да... так... за компанию с товарищем, — наконец невнятно сформулировал я.

— Это который? — поинтересовался Глеб.

— Николай, — подал кто-то голос, — к лесорубам пошёл.

— А-а-а... этот... — протянул Глеб. — Давно дружите?

— Месяца два.

— И ты решил составить ему компанию? — присвистнул один мужиков, усаживаясь на корточки. — А человек-то он надёжный?

Я ответил не сразу, и это неверно истолковали.

— Всегда смотри, прежде чем за кем-то идти. Вот этот твой Николай завёз тебя к нам, — мужик обернулся к народу и подмигнул, — и бросил!

Мужики расхохотались, а я внезапно понял, что он прав. В Америку я тоже летел вроде как за компанию. И так и не сделал никаких для себя выводов.

— Ник надёжный, — сказал я, — а то, что несдержанный... ну так со всеми бывает.

— Ишь, защищает, — уважительно признал мужик и протянул мне руку, — Пётр.

Я пожал протянутую ладонь.

— А где с Колей познакомились-то?

— В Америке, — врать я никогда не умел, так что пришлось говорить правду.

— Ух ты! — первым среагировал Глеб. — А ну расскажи!

Я посмотрел на загоревшиеся глаза работников и с глубоким сожалением понял, что если не сделаю рассказ интересным, меня до конца рабочих дней будут считать занудой.

— Работать туда пошёл, — начал я. Помолчал и добавил, — тоже за компанию.

Грянул хохот, и я улыбнулся. На этот раз — совершенно искренне.

— Где работал? — поинтересовался Петр.

— Охранником в клубе и компьютерным техником. В две смены.

— На английском хорошо шаришь?

— Да, — отмахнулся я. — Но они говорят не на английском, а на сленговом американском. Это как если набрать полный рот жвачки...

— Ух ты, — вставил Петр, — я сразу подумал, что ты паря с образованием.

— Сильно видно? — не стал спорить я.

— Аж прёт, — подтвердил Глеб, и окружающие согласно закивали головами. — Вот поэтому я сразу себя спросил, какого лешего тебя сюда занесло.

— Да ещё с хвостиком, — задумчиво добавил Петр.

Я инстинктивно пригладил отросшие волосы.

— Где учился?

— Академия связи. Одесса...

— О-о-о... — дружно откликнулись мужики. — О-одессит?

— Есть такое, — вздохнул я. Внезапно очень захотелось оказаться дома, пройтись знакомыми улицами, заглянуть к друзьям и родственникам... вдохнуть воздух с привкусом моря...

— Ну а с Николаем как познакомился? — не выдержал кто-то.

— На улице. Случайно, — коротко ответил я. — У меня были проблемы, а он помог.

— Так вы сюда прямо из Америки? — восхитился Глеб. — Ух ты!

— Да.

Про проблемы меня не спросили, и я успокоился. У них хватило такта промолчать.

— Ну и как Америка-то? Понравилось?

Я посмотрел на Петра, затем скользнул взглядом по столпившемуся народу.

— Нет, — ответил я.

— Здесь лучше? — улыбнулся Глеб.

— Да.

Повисло молчание, и я понял, что отвечал слишком уж лаконично. Это неважно, то, что со мной там произошло. Эти люди интересовались мной, принимали меня в свой круг. Я должен был проявить чуть больше благодарности.

— Там всё по-другому, — заставил себя говорить я, — всё наоборот. То, что у нас запрещено, у них приветствуется. То, что для нас свято, у них смешано с грязью. Нам нечему у них учиться, и незачем с ними связываться. Нам на них не повлиять, а вот нас они к себе затянут с радостью. И изменят...

— Ого, — только и сказал Глеб.

— А я ни хрена не понял, — протянул кто-то.

— И впрямь образованный, — подметил его сосед. — А конкретнее, братишка? Чем они тебе так насолили-то, эти несчастные американцы?

— Ну пристали, — повысил голос Петр. — Отстаньте уже от человека, дайте подышать свободно! Ишь, вороньё, развесили уши!

Я удивленно посмотрел на окружающих. Большинство и в самом деле потупилось, точно они вдруг стали свидетелями какой-то личной сцены. Я вопросительно глянул на Петра.

— Много надеешься заработать? — с лёгкостью переменял тему он.

Я покачал головой и улыбнулся.

— Я же за компанию, — напомнил я. — Мне бы ровно столько, чтобы домой потом добраться. Я вообще ни на что не надеялся, когда ехал сюда.

Мужики заулыбались; один или два человека одобрительно хлопнули меня по плечу, прежде чем вернуться к своим рабочим местам. Пётр усмехнулся, поднимаясь с корточек.

— Славный ты малый, — сказал он. — Только всё равно делать тебе здесь нечего. Так своему Николаю и передай.

Я так и не узнал, что он имел против Ника. Вместо этого я решил спросить об этом самого Ремизова, вечером, когда мы соберёмся в бараке. Я выяснил, что далеко не все рабочие ночуют прямо на стройке, как это делали мы. Многие снимали комнату у хозяев в близлежащей деревне Суворово, той, которая находилась по ту сторону железной дороги. Я даже удивился — родной район в Одессе, в котором я жил всю сознательную жизнь, назывался Суворовским. Если так рассудить, то недалеко же я уехал.

Водку, сигареты, и прочие мелкие радости покупали там же, в местных магазинчиках. На Рождество в этом году, впервые за всю историю стройки, всем рабочим давали сутки отгула. Мужики в своем большинстве собирались гулять всё в той же оживившейся после начала стройки деревне. Что было логично, учитывая, что добрая четверть рабочих была родом из неё же, а ещё половина снимала там комнаты. В бараке оставались единицы. На самом деле, если бы я собирался оставаться здесь надолго, то однозначно выбрал деревню. Тёплые протопленные комнаты, чистая постель, хоть какое-то разнообразие после тяжёлого рабочего дня.

То, что меня приняли в компанию, я понял сразу. Со мной общались, моё мнение что-то значило, и никто не делал двусмысленных замечаний в мой адрес. После общества латиносов, а затем итальянцев, где постоянно требовалось следить за каждым своим и каждым чужим словом, такая простота казалась блаженной. Я мог не опасаться недоразумений. Здесь достаточно извиниться, чтобы тебя поняли.

Мне даже предложили разделить комнату. Вдвоем было легче платить хозяевам, и безопаснее добираться от стройки до деревни. Я пообещал подумать.

Николая тоже приняли. Правда, у бывшего десантника это получилось не сразу. Ремизов явился в барак позже меня, плюхнулся на постель, и тяжело уставился мне в переносицу.

— Ну спрашивай, — прорычал он. — По глазам вижу, уже донесли.

Я коротко и осторожно улыбнулся.

— Поссорился с кем-то?

Взгляд Ника переменился с раздражённого на удивлённый.

— А я разве сдружился с кем-то, чтобы ссориться? Просто мужик меня не понял, а я не потрудился объяснить вежливо. Хочешь подробностей?

Я честно задумался. С Ником я никогда не бывал уверен, стоит ли мне знать больше, чем он открывал о себе сам.

— А я всё равно расскажу, — неожиданно и с силой выдохнул Ремизов. — А то потом услышишь от кого-то и будешь на меня коситься...

Всё оказалось не так драматично, как можно было бы ожидать. Кто-то сделал замечание по поводу наколок Ника, бывшему десантнику это не понравилось, ответил грубо, на что отреагировал сразу весь отряд лесорубов. Слово за слово, начала назревать драка. А после того, как Ник скрутил самого зачинщика, народ и вовсе воспылил жаждой мщения. Закончилось дело вмешательством Александра Александровича, искренними и длительными извинениями Николая, примирительным презентом обиженному Ремизовым товарищу в виде пачки сигарет, и взаимными заверениями в вечной лояльности друг другу.

По мере того, как Ник рассказывал бурно прошедший для него первый день, я вспоминал свой. Я думал, что никогда не вольюсь в эту среду, не горел желанием сближаться с людьми и вообще надеялся избежать любого общества. И меня всё равно приняли, с готовностью, без длительных испытаний, просто потому, что я оказался в тех же условиях, что и остальные. Ремизов должен был справиться с этим легче, как мне казалось. Вот уж точно неисповедимы пути Господни.

— А ты народу понравился, — угрюмо закончил повесть Николай. — Но в этот раз, слава Богу, внимание к твоей персоне ничем страшным не грозит.

Это был, пожалуй, первый раз, когда Ремизов позволил себе упомянуть прошлое. Наверное, моё лицо как-то изменилось, потому что Ник разом успокоился и даже сник.

— Неудачный день, — шумно вздохнул русский, бросая на меня взгляд исподлобья. — Вот и тебе покоя не даю, а вроде делить нам нечего.

Я сумел оценить тот максимум, который услышал от Ника в плане извинений. Ремизов адаптировался здесь не с той лёгкостью, на которую сам рассчитывал, и я его понимал.

— Холодно, — только и сказал я.

— Сейчас чай принесу, — кивнул он.

Когда чуть позже мы пили кипяток из больших алюминиевых кружек, между нами впервые образовалось нечто вроде вполне уютной тишины. Я уже не собирался ничего ему доказывать, а он не проверял меня на вшивость при каждом удобном случае. Может, лёд тронулся ещё в новогоднюю ночь, когда мы слонялись по улицам Москвы, но на самом деле только сейчас я начинал себя чувствовать рядом с ним по-настоящему уверенно.

Здесь привыкли рано ложиться и рано вставать. В ту ночь я закрывал глаза, ощущая, что наконец начинаю обретать равновесие.

Следующие три дня я привыкал к новой жизни. В работе и общении я проходил своего рода терапию, ту самую, о которой так много говорят профессиональные психологи. И, наверное, ни один из них не смог бы оказать мне такую помощь, какую я получал здесь.

— Здорово, — пробегая мимо мастерской, Паша всегда находил время перекинуться парой-тройкой фраз с рабочими. — Прохлаждаетесь?

— Ага, — ответил за всех Петр, щурясь на зимнее солнце. — Кто не работает, тот ест.

Учись, студент...

— Студентом у нас одессит был, — кивнул в мою сторону парень. — А я честный рабочий.

И, подмигнув мне, сын бригадира быстро уматывал в неизвестном направлении.

Я любил наблюдать за стройкой, когда мужики из мастерской выходили на перекур. Дом рос на глазах. Настоящая деревянная крепость, роскошная, потрясающая, укреплявшаяся на живописной поляне с каждым днём всё увереннее. Непроходимый лес, видный из каждого окна дома, служил естественной стеной между поляной и внешним миром. Валерий Иванович сказал, что к Пасхе дом должен быть закончен, а к майским праздникам выложена дорога от шоссе к дачному участку. Шоссе располагалось километрах в двух от дома, но хозяин не возражал против расходов. Мужики поговаривали, что хозяин, мужичок хилый да тихий, планировал перебраться на свою потенциальную дачу после того, как будут подведены все коммуникации. Ходили слухи, что он выходил на вынужденную пенсию подальше от столицы и собственного бизнеса. Я решил не вникать в сплетни и местных мафиози: хватило опыта с итальянцами. Чем дальше находишься и меньше знаешь, тем выше вероятность разойтись мирно. На самом деле бизнесмены, похоже, везде одинаковы, с той только разницей, что русские, как исторические победители, народ, который не привык проигрывать, стремились и в преступных делах быть первыми. Обхитрить западных партнёров, акул денежного бизнеса, зачастую не удавалось, и в ход шла жестокость. Русские всегда и во всём первые. И если люди честные используют этот дар во благо, то гнилые торгаши не знают границ собственного безумия. Обманутые, доверчивые к любому злему делу, как дети, и такие же бессмысленно беспощадные. Я даже думать не хотел, на что способна разозлённая русская мафия.

— Хороша погода-то, — Петр незаметно подошёл сзади, остановился в двух шагах, с удовольствием вдыхая ледяной воздух. — Не замерз, одессит?

Я улыбнулся посиневшими губами и отрицательно помотал головой.

— Нет.

— Я так и понял, — вежливо кивнул Петр, усаживаясь на гору брёвен. — А почему за станком не остаёшься, если на улице зубами от холоду клацаешь?

Нижняя челюсть у меня и впрямь подрагивала. Я передёрнул плечами, но равнодушие изобразить не смог.

— Не могу сидеть на одном месте.

— Живчик, — улыбнулся Петр, и неожиданно поинтересовался, — одиноко тебе здесь?

Я покосился на него, но он имел в виду только то, что спросил. Ни издёвки, ни изматывающего душу праздного любопытства.

— Нет... не то чтобы, — тяжело ответил я. — Я просто... сам... не очень...

— Ты всегда такой замкнутый или только с нами? — снова спросил Петр.

— Только с вами, — вынужденно признал я. — У меня сейчас просто не самый... приятный период в жизни...

— А жизнь и состоит-то из одних только проблем и испытаний! Чем раньше ты это поймёшь, тем легче будет, — Петр вздохнул, окидывая меня взглядом. — Вот поэтому ты никак и не справишься...

Отвечать не хотелось; вполне возможно, он был прав. Мы помолчали. Я смотрел на стремительно темнеющее небо и царственный, чужой, живущий своей жизнью лес, прекрасный, несмотря на усилия бригады Николая. Каким несправедливым казалось то, что

у этого бизнесмена появились вдруг права на эту поляну, на эти деревья, на этот замечательный дом и на такую жизнь. Я ни в коей мере ему не завидовал, но смысл таких испытаний, выпавших мне, и испытаний богатством, выпавших ему, не понимал. Только годы спустя православный священник мне объяснил, и тогда я перестал обижаться на судьбу, с благодарностью принимая как испытания, так и подарки. Но стоя на опушке леса в ту минуту и зная, что вокруг хотя и доброжелательные, но по-прежнему чужие мне люди, я считал положение, в котором оказался, нечестным, несправедливым, и, скорее всего, именно за эти мысли вскоре и поплатился.

— А пойдём с нами в баню?! — вдруг с азартом предложил Петр. — Хозяин даёт полтора дня выходных на Рождество. Впервые на моей памяти! Хочешь, в храм сходи, а хочешь, колядовать с нами пойдём! Вся деревня гулять будет, ну а мы чем хуже? Глеб организовал в своей избе поляну, а у хозяина на заднем дворе такая банька, да что ты! Расскажешь нам про академию свою, анекдоты одесские вспомнишь, чем народу больше, чем ужин веселее! А?!

Я покачал головой.

— Ник... то есть Николай...

— Ты не думай, что я тебе предлагаю друга одного на праздник бросить, — посерьёзnel Пётр. — Колю, конечно, его бригада к себе пригласит, да только они все тут остаются, будут в бараках гулять. Согласится же твой товарищ к нам присоединиться-то, как думаешь?

— Я спрошу, — я благодарно посмотрел на Петра, — спасибо.

— Славный ты малый, — потрепал он меня по плечу. — Совсем не похож на столичных студентов.

Я рассмеялся и направился на работу, присоединяясь к веренице курильщиков, исчерпавших свой перерыв.

Глава 4

Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, Чрез Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, От терпения опытность, от опытности надежда, А надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. (Рим. 5:1–5).

Я споткнулся о корягу и рухнул в сугроб, даже не попытавшись задержать падение. А толку? Шёл крупный снег, ветра не было, и вечер казался просто сказочным. Но если я выглядел так же, как Николай, то бояться лишнего снега на куртке не стоило: всё равно оба выглядели как два снежных человека, продиравшихся лесом к цивилизации.

Глеб и компания ждали нас в церкви. Всего верующих среди рабочих оказалось не так много: на службу отправились человек десять. Желавших причаститься получилось ещё меньше. Паша вырваться не смог: Рождество он обещал провести с отцом, да и надо было кому-то остаться на участке, один Александр Александрович с устроившими в бараках попойку рабочими мог и не справиться. Пётр обещал, что после службы будет весело, и я с некоторым беспокойством ему поверил. Частично поэтому отказался сразу идти с ними и решил дожидаться Николая, чтобы убедиться, что участвовать в компанейских безумствах буду не один.

— А твоя невеста, Лада, красивая? — вдруг спросил Ник, пока я выбирался из сугроба.

— Очень, — поднявшись на четвереньки, выдохнул я. — А тебе зачем?

— Интересуюсь, — уклончиво ответил Ремизов, не потрудившись предложить мне помощь. — Тебе там понравилось, что ли?

Я раздражённо глянул на него снизу вверх, в очередной раз дёрнув застрявшей под корнем ногой. На этот раз вырваться из-под гостеприимной коряги удалось, и я сумел принять вертикальное положение.

— Тебе вот не понять, а я по бабам скучаю.

Я вспыхнул и не сразу нашёлся, что ответить на такое признание.

— В твоём возрасте и с твоим опытом ты не знаешь, что теряешь, — решил окончательно добить меня откровенностью Николай, — а я знаю.

— Здорово, — наконец среагировал я. — Идём дальше?

— И вправду, — неожиданно легко согласился Ник, — ты же ни черта в этом не соображаешь. А вот в деревне там, наверное, девчонки есть... ладно, белобрысый, пошли.

— Отлично, — сказал я ему уже в спину, потому что у бывшего десантника слова с делом никогда не расходились. — Ты будешь гоняться за девчонками, потом нарвёшься на какого-нибудь местного жениха, опять будет драка, ты сломаешь кому-то руку или, если повезёт, только нос, потом тебя придёт бить вся деревня, и ты снова испортишь всем вечер.

— Только тебе, — поправил меня Ник.

И тут раздался вой.

От неожиданности мы оба вздрогнули, Ремизов даже ругнулся с перепугу — казалось, ледящий кровь, хриплый, злой рёв раздался за нашими спинами. Я резко развернулся,

помотал головой из стороны в сторону, но никого не увидел.

Несколько мгновений мы оба стояли молча, не шевелясь.

— Это волк? — едва слышно выдохнул я.

— Не похоже, — негромко откликнулся сибиряк.

Волков я уже слышал — по ночам они были в лесу целыми стаями, и нас, рабочих, честно предостерегли по вечерам из бараков не шастать, а если приспичит, то брать с собой хоть какое-нибудь оружие. Здесь никто не шутил: по вечерам мужики и в самом деле ходили кто с топором, кто с ножом, и никто не рисковал выходить без фонаря.

— За мной, — распорядился Николай, и по его изменившемуся голосу я понял, что надо слушаться.

Вначале сибиряк шёл первым, двигаясь быстро, по максимуму бесшумно, настолько мастерски выбирая путь, что под его ногой ни разу не хрустнула ветка, и почти не скрипел снег. Через минуту я начал отставать.

— Быстрее, — резко окликнул меня Ремизов.

Я не ответил — идти так же быстро и бесшумно, как он, у меня не получалось, и я старался изо всех сил, чтобы не выдохнуться прежде, чем нас догонит зверь.

— Не отставай, ну же! — сквозь зубы выдавил Ник, обернувшись и рванув мой рукав на себя.

Если он хотел ускорить моё движение, то у него не получилось: я рухнул ему под ноги, и тут же вой раздался вновь. Я даже глаза зажмурил: рычащий, сдавленный, злобный стон прозвучал совсем близко, так, что я почти ощутил дыхание зверя у себя на загривке.

— Твою... чтоб тебя... Олег! Вставай!

Ник одной рукой вздёргнул меня на ноги и почти потащил за собой. Мы побежали так, словно за нами гналась целая стая, и я в жизни не повторил бы подобный марафон. За нашими спинами раздавалось утробное рычание, я слышал сбитые, жаркие всхрипы, так, будто невидимый зверь вот-вот готовился к прыжку.

И когда я понял, что всё, сейчас рухну в снег и умру, впереди забрезжили огни станции.

— Выбрались! — непонятно чему обрадовался я, словно электрические лампы сторожки могли отогнать зверя. Мы выскочили из леса, припустив к переезду.

И тут что-то толкнуло меня в спину!

Я рванул вперёд, обогнав Ремизова на несколько шагов, и, судя по сдавленному звуку от него, догадался, что он ощутил то же самое. Мистический, животный страх наполнил всё моё существо настолько, что я не сразу заметил, как Николай одним махом перепрыгнул через две колеи, обернулся...

До конца жизни не забуду выражение потустороннего ужаса, застывшего на его лице, когда он глянул поверх моей головы.

Что-то вновь толкнуло меня в спину, так сильно, что я буквально вылетел на рельсы, споткнулся, и упал на живот, едва успев выставить перед собой ладони. Почти в тот же миг я ощутил, как чьи-то руки вздёргивают меня, почти волоком перетаскивая на другую сторону, а через три секунды мимо нас по рельсам прогромыхал целый состав.

Ник, вытащив меня, рухнул вместе со мной в снег, и так, полусидя, мы наблюдали, как перед глазами мелькают вагоны, своим грохотом заглушая тихое рычание, оставшееся на другой стороне. Почему-то никто из нас не подумал о том, что следует немедленно встать и бежать дальше. Зато Николай первым высказал вертевшуюся у меня в голове мысль:

— Поезд... и откуда вылетел... я даже не заметил...

Я тоже не видел и не слышал состава, когда мы бежали сюда. Поезд явился из ниоткуда, словно тот, кто гнал нас сюда, точно знал, в какое время мне или Нику стоит оказаться на рельсах.

Я вздрогнул.

— Тьфу, нечисть... идём отсюда, Олег...

Мы поднялись без особой спешки, но и не медля, и быстрым шагом направились прочь от странного места. До посёлка от станции оставалось не так много, мы прошли узкую полосу леса, разделявшую их, и спустились к дороге, петлявшей между зарослями кустарника, когда я решился задать Ремизову вопрос.

— Что там было, Ник? Что ты видел?

Впервые Николай не посмотрел мне в глаза, а только головой мотнул.

— Да хрень какая-то. — Николай задумался, а затем хлопнул меня по плечу и выдавил кривую усмешку. — Канун Рождества, Олег! Ничему не удивляйся.

Впереди показались золочёные купола церкви, присыпанные снегом, и мы с Ником одновременно перекрестились.

— Пронесло, — выдохнул Ремизов. — Ну и слава Богу...

И больше мы об этом не говорили. Так, будто ничего не было. Так, что спустя годы я начал сомневаться в том, что это действительно произошло. Тем более что в моем больном сознании так всё перемешалось, что уже лет через пять я не мог с полной уверенностью восстановить хронологию событий. Кое-что забыть и вовсе удалось, а что-то вспоминалось туманно и неуверенно, как вот этот канун Рождества.

На службу мы всё-таки опоздали, успели только к Елеопомазанию. Народ выстраивался в длинную очередь, мы пристроились в самом конце, не уверенные, что вправе вообще находиться в храме. Не знаю, какие мысли посещали Николая — убийцу и преступника, но я даже глаз не поднимал — стыд и отвращение к самому себе доставляли почти физический дискомфорт. В церкви хорошо натопили, стоял чудесный запах восковых свечей и благовонного кадила, но меня трясло, как в лихорадке. Переступая порог храма во время службы, оказываешься в другом мире. Я к этому миру не привык, но в то Рождество очень захотел в нём побывать. Странное дело: я сразу почувствовал себя в безопасности. Впервые с того памятного дня, как я прилетел в Чикаго. И решил, что больше не хочу терять обретенного в душе покоя.

— Здесь, наверное, вся деревня собралась, — негромко буркнул Ник.

— Наверное, — тихо согласился я.

Глеба с компанией я заметил уже после службы. Народ зашевелился, продвигаясь к выходу, и нас почти столкнули друг с другом.

— О, — удивился он. — Нашли нас всё-таки?

— А ты уже и не ждал? — улыбнулся я.

— Сомневался, — согласился Глеб.

Мы вышли из храма и остановились у церковной изгороди, дожидаясь Петра с товарищами: на службе действительно собралась почти вся деревня. У людей заканчивался рождественский пост, большинство собиралось причащаться на следующее утро, и на вечерней исповеди побывало немало народу. Неудивительно, что пройти к выходу оказалось проблемой.

— Эх-ма! — Петр почти выкатился за ограду, поправляя на себе расстегнувшийся воротник. — Все в сборе?

— Остальные знают, где нас искать, — пожал плечами Глеб, натягивая шапку. — Главное, что новички с нами.

Ремизов буркнул что-то неразборчивое, и мы тронулись по дороге вдоль узкой улочки. Это была главная улица деревни, народ всей толпой двинулся от церкви по освещённой тусклыми фонарями дороге. Дети, подростки, парни и девушки собирались стайками у обочин; до нас доносились взрывы смеха и возбуждённые голоса. В наших, украинских, сёлах колядки орали так, что уснуть тем, кто остался дома, было совершенно невозможно; конфеты, сладости и деньги клянчили в каждом доме, и рождественские походы по кумовьям, крёстным и родственникам затягивались до старого Нового года, а то и до Крещения. Мне было интересно посмотреть, как это происходит в русских деревнях, но мне не дали.

Глеб с компанией свернули на одну из тёмных боковых улиц, и мы углублялись в дебри чужого села, пока наш предводитель наконец не остановился у одного из домов.

— Тута, — проинформировал он, открывая калитку.

Мы всей толпой — в количестве около десяти человек — пошли следом, шумно пробираясь по двору, на свет яркой лампочки у входа в дом.

— Ого, — сказал при нашем приближении сидевший на ступеньках дедуля.

На вид я бы дал ему около шестидесяти; у него была аккуратная борода, зачёсанные назад волосы, и пронзительные голубые глаза. Несмотря на жуткий мороз, он сидел на крыльце в одной телогрейке и шерстяной рубашке, и перевязывал новенький банный веник.

— Ну так я же сказал — с друзьями, — пожал плечами Глеб. — Ты ведь разрешил, Василий.

— И сколько же вас, ребятки? — поинтересовался Василий.

Глеб оглянулся.

— Так... кто ж их считает?

Мы рассмеялись, Василий тоже улыбнулся, демонстрируя крепкие белые зубы, и поднялся с места.

— Ну, проходите, что ли, — сказал он, — а я ещё полотенце принесу.

— Куда проходить-то? — шёпотом поинтересовался я у Ника.

— Ну так твой Глеб нас в баню звал, или как? — вопросом на вопрос прояснил мне ситуацию Ремизов.

Я отстранённо кивнул. В бане на своём коротком веку мне бывать ещё не доводилось, что там делать, я не знал, да ещё и в компании практически незнакомых мне людей.

— Не парься, — вдруг сказал Ник, — все свои.

— Я не знаю, зачем туда люди вообще ходят, — начиная тихо паниковать, шёпотом произнёс я.

— Потеть ходят, — ответил Ремизов. — Садятся на лавках и потеют.

— Зачем? — почти беспомощно спросил я, вслед за Ником заходя в предбанник.

Большинство сняли куртки и уже стягивали свитера. Я глубоко вдохнул, напомнил себе, что ничего не боюсь, и последовал их примеру.

Спустя час я сидел, по пояс укутанный в толстое махровое полотенце, и наблюдал сквозь ароматные клубы пара, как Глеб с Женей, нашим младшим каменщиком, выпрашивают у Василия ещё два полотенца. Собственно, они были сами виноваты: они подшутили над Ником. Последний, надо признать, сделал всё культурно: всего лишь облил обоих ледяной водой. Им пришлось ещё раз залезть в ванну с кипятком, чтобы не

простудиться, но сухих полотенец не осталось.

— Как волка ни корми... — пробурчал Женя, бросив быстрый взгляд в сторону безмятежного Ремизова.

Николай не среагировал: прислонившись спиной к деревянной стене, он прикрыл глаза, прислушиваясь к разговорам. Я сидел рядом: во-первых, следил за тем, чтобы Ник никого не покалечил — хотя вряд ли смог ему помешать, если бы он захотел это сделать — а во-вторых, мне с ним было просто спокойнее.

— Веничков возьмите, — донёсся голос Василия из предбанника. — С травами...

Я себя бить веником не позволял, только наблюдал, как сходят с ума остальные, занимаясь самобичеванием. Зато Николай присоединился к всеобщему веселью, с видимым удовольствием обхаживая себя душистыми прутьями. После бани планировалось перебраться в дом, где, по словам хлебосольного Василия, давно уже стоял накрытый стол. На щедрость хозяина скидывались все вместе.

— Вот я, как тут отработаю, да денег насобираю, вернусь домой, заберу малых у Настьки, одену их по-человечески, выучу, и буду смотреть, как они взролеют, — Пётр потянулся на лавке, мечтательно улыбаясь в усы.

Я прислушался: после смерти жены Пётр, как мне рассказывали, сына с дочкой определил к своей старшей сестре, Анастасии, а сам подался на заработки. Всё мечтал им образование дать.

— А я квартиру куплю, — признался Глеб, — сил уже нет, с моим табором в однокомнатной клетке жить.

— А я долги раздам, — вздохнул седовласый мужчина, имени которого я не знал, но зато часто видел в бригаде каменщиков.

Ремизов усмехнулся, мы переглянулись. Я знал, что Ник хотел обеспечить семью сестры, но планов на свою жизнь так и не составил. Как-то я спрашивал его, что он собирается делать дальше. Ник послал меня с моими вопросами куда подальше, из чего я сделал вывод, что бывший десантник сам не знает ответа.

Сказать по правде, я сам ещё не решил, что делать. В последнее время я всё чаще вспоминал свой дом, без всякой уверенности, что смогу без проблем вернуться к прежней жизни. Я чувствовал, что придётся что-то менять, когда я вернусь, и начинать жизнь набело и по возможности уже без ошибок. Только ещё не придумал, как именно.

— Помечтай, — хохотнул кто-то, и вся баня наполнилась смехом. Седовласого похлопали по плечам, и какое-то время ещё обменивались шутками и колкостями, наслаждаясь теплом и покоем.

Ещё через полчаса тело размякло настолько, что уходить не было никакого желания. Хотелось лечь и уснуть если не здесь, то в предбаннике точно. Голоса стали доноситься как сквозь вату, а через несколько секунд изображение перед глазами дрогнуло и заменилось белыми пятнами.

— Подъём, — выдернул меня из сладкой полудремы Николай. — Развалился, как в люльке...

Для пущей убедительности Ремизов бесцеремонно плеснул в меня ледяной водой из ковша. Я заорал и вскочил на ноги, едва удержав полотенце. Оказалось, в бане остались только мы с ним: весёлые голоса наших товарищей раздавались из предбанника. Хлопнула входная дверь: похоже, компания переместилась в натопленные комнаты, за накрытый стол.

— Не кипятись, — флегматично проронил Ник, — я не со зла.

Куда уж тут кипятиться! По лицу стекали ледяные капли, и распаренная кожа противилась их продвижению, как могла. Я застучал зубами и первым выскочил наружу. Оделся до того, как за мной выполз Ник, но решил всё-таки подождать его, прежде чем идти за стол.

— Накинь, — Ремизов кивнул на телогрейку, забытую кем-то на лавке. — Это тебе Василий притарабанил.

— Зачем? — удивился я.

— Ты меня спрашиваешь?

Я фыркнул.

— Одень, — посоветовал Ник. — А то старик обидится.

Я подумал, что Ремизов прав, и нехотя натянул старческую телогрейку. Не то чтобы здесь кто-то обращал внимание на внешний вид, но детские комплексы живут с нами всю жизнь, верно? Тогда я ещё не понял, что и идея с телогрейкой, и дальнейшая почти незаметная, ненавязчивая опека исходили от Ника. Даже не знаю, как у него получилось увидеть то, что просмотрел в себе даже я сам, но... это же Ремизов. Человек, рисковавший жизнью ради незнакомца. Так никогда и не понятый мной, и единственный мой друг.

Мы прошли в опрятную прихожую, где посередине стоял стол, и подсели к сидевшей вокруг весёлой компании. Постящихся оказалось только трое, не считая хозяина, все остальные без зазрения совести накладывали себе крупные куски мяса. Ник последовал их примеру, и мне ничего не оставалось, кроме как присоединиться к группе грешников.

— Да поешь ты по-человечески, — предложил Петру Женя. — Сколько можно себя голодом морить?

— До утра, — спокойно ответил Пётр, загребая к себе миску с картошкой, — ещё несколько часов осталось. А после Причастия уже можно будет...

— Ага, на стройке... гуляй — не хочу, — съязвил Женя. — До следующего отпуска-то сколько?

— Доживу, — так же ровно ответил Петр. — За собой смотри.

Ник усмехнулся: ему нравились люди, стоявшие на своём. Такие же, как он сам. Мне тоже нравились, но в их присутствии я всегда чувствовал себя неудобно: сам-то ничего из себя, как оказалось, не представлял. Как же я сейчас отличался от себя самого, прилетевшего в Америку целую вечность назад!

Вечер только начинался. Не пить разрешалось только постящимся, у всех остальных извинения не принимались — это обо мне. Когда я понял, что избежать попойки не удастся, было уже поздно. После первой рюмки на голодный желудок дело, как мне показалось, пошло веселее. Я лучше понимал товарищей, мне стало легче поддерживать разговор, и я смог даже припомнить несколько любимых шуток, над которыми посмеялись от души. Я ел с удовольствием, и пил наравне со всеми.

Очнулся только когда большая часть товарищей стала расходиться — кто на перекур, кто за компанию, свежим воздухом подышать, а кто засобирался домой. Время пролетело невероятно быстро, и я совсем расстроился.

— Ник, сигареты найдутся? — поинтересовался Роман, хлопая себя по карманам.

Ремизов кивнул, доставая пачку из кармана, и перекидывая её Роме.

— С нами идёшь? — поинтересовался он.

— Не... надо за этой пьянью присмотреть, — Ник кивнул в мою сторону, а я даже не сразу сообразил, что меня обижают.

— Раньше смотреть надо было, — неблагоприятно ухмыльнулся Рома, — или это его на пустой желудок так развезло?

— Да ладно, — попытался вставить свои пять копеек я. — Я и пьян?

— Ну удачи, — подмигнул Ремизову Роман и вышел на улицу.

Я огляделся. В прихожей остались только мы; Глеб с Василием ушли внутрь комнат — видимо, обсуждать, сколько спальных мест на эту ночь сможет обеспечить хозяин. Все остальные вышли на перекур, и я внезапно возмутился:

— Это почему меня развезло? Я всё отлично соображаю...

— Встать можешь? — оборвал меня Ремизов.

Раненая гордость заставила меня продемонстрировать, на что я способен. Я браво подскочил... и комната поплыла перед глазами.

— Чуть стол не перевернул, легкоатлет, — хмыкнул Ник, усаживая меня на место. Пол превратился в зыбучие пески, из тела точно вынули все кости; я обескуражено посмотрел на Ремизова, ожидая объяснений.

— Напился, — ёмко пояснил тот мое состояние, — чего уставился?

— А я легкоатлет, — совсем не в тему ляпнул я. — В школе... в секцию ходил...

— Сектант фигов, — не замедлил прокомментировать Николай. — Следи, чтобы это не вошло в привычку.

— Я не пью, — не глядя в его сторону, буркнул я. Даже думать не хотелось, как я выгляжу со стороны.

— И не пей, — назидательно кивнул Ремизов, одним махом опрокидывая стопку разведенной компотом водки. — Сегодня это у тебя просто часть лечения.

— Какого? — не понял я.

— Забудь, — посоветовал Николай так серьезно, что я решил прислушаться.

У Василия в доме имелось два камина — один здесь, в прихожей, и ещё один в глубине дома, в одной из больших комнат. Когда-то у хозяина была большая семья. Дети разъехались, супруга умерла, так что теперь огромный дом осталось только заселять чужими людьми. Как часом ранее признался Василий, так оказалось веселее жить.

Смотреть на огонь бесконечно, вопреки расхожему выражению, у меня не удавалось: глаза уставали от жара, клонило в сон. Я откинулся на лавке, упираясь в стену, и наблюдал, как Ник подкидывает в камин поленья.

— Ник, — позвал я.

Бывший десантник не отозвался, но я знал, что он слышал, и продолжил:

— Помнишь, ты как-то сказал... что доверяешь Кириллу процентов на восемьдесят?

Ремизов выпрямился, бросил на меня тяжёлый взгляд.

— Ну, сказал.

Наверное, я сильно перепил в тот вечер: раньше склонности к душевным разговорам я в себе не замечал.

— А мне?

Ник фыркнул.

— Тебе зачем, харя пьяная?

— Интересно, — ответил я. — Насколько я... честно выгляжу...

Ремизов скосил на меня зелёные глаза.

— Процентом на девяносто пять.

— Почему?

— Потому что предательство не в твоём стиле, белобрысый, — вздохнул Ник. — Я, сам по себе, тебе дороже, чем то, что можно с меня поиметь.

— Я не о том, — отмахнулся я, невольно вспыхнув от такой лестной характеристики. — Почему на девяносто пять? Почему не на сто?

— Всегда оставляю человеку свободу выбора, — усмехнулся Ник. — Эти пять процентов принадлежат тебе.

Я не нашёлся, что сказать, и несколько секунд молчал.

— Выходит, у Кирилла свободы больше, — наконец улыбнулся я, взглянув на Николая.

— Ну, выходит.

— Нелогично как-то, — развеселился я. — Своим процентом доверия ты... лишаешь людей свободы...

Ремизов щёлкнул зажигалкой, задумчиво ощупывая пачку сигарет в кармане.

— Никто не может лишить человека свободы выбора и мысли. Но чем больше доверяешь, тем дороже становится человек, и тем сильнее стремишься сделать ему хорошо. Не спрашивая у него на то согласия.

— Это в плане...

— Это в плане спасти ему жизнь, не дожидаясь, пока он позовёт на помощь.

Я умолк.

— Или вступаться за него, когда он вполне справился бы и сам. Не все согласны на такое доверие, — хмыкнул Ремизов. — Вот поэтому я и оставляю людям их проценты. Возможность капитуляции.

Я промолчал, и Николай закончил мысль:

— Слышал выражение? Мы в ответе за тех, чьи жизни спасаем. Кто знает? Может, ты *должен* был в тот день помереть... Но раз случилось иначе, я хочу быть уверен, что... не зря старался...

Тут он умолк; я с трудом переваривал неожиданное признание, когда в комнату ввалилась толпа окончивших перекур товарищей. Я уже не особо вслушивался в разговоры и шутки: мне было хорошо.

Впервые за долгое время я хотел... жить. С тех пор, как мы прилетели в Россию, прошло не так много времени, но я уже ощущал перемены. Я давно догадывался, что всё обстоит не так, как я себе это представлял. Мне оказали помощь, какую не в силах предоставить ни один дипломированный психолог. Я больше ничего не боялся и мог вспоминать прошлое если не безболезненно, то хотя бы внешне спокойно. Ещё одно я понял: есть люди, которым не плевать. Есть настоящие друзья, есть хорошие товарищи, есть просто честные люди, которые придут на помощь, если заметят, что человек в этом нуждается. В этом мире я начал перерождаться, и за это остался ему до конца жизни благодарен.

Это оказалось здорово — найти друга. И отвратительно — знать, что когда-нибудь придётся разойтись каждый по своей дороге.

Часть 3. Царство. Главы 5-6

Глава 5

Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, И не скажут: "вот оно, здесь", или: "вот, там". Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть. (Луки 17:20–21).

Николая уже третий раз вызывал к себе приехавший хозяин. Мужики косились, переговаривались, но стройной версии такого внимания к персоне бывшего десантника никто не высказывал.

Хозяин прибыл десятого числа, чтобы выдать зарплату рабочим, познакомиться с новичками и раздать указания. Неказистый, шупленький, он передвигался по стройке почти незаметно. Зато его телохранители выделялись на общем фоне, и не самым выгодным образом — модные чёрные пальто и солнцезащитные очки смотрелись бы круто где угодно, только не в русских лесах.

Я, вместе с остальными рабочими, посмеивался над гостями, выслушивал предположения внезапной проверки, и наблюдал. Когда увидел хозяина, прогуливавшегося по тропке вместе с Ником, то не поверил глазам.

Со мной знакомство оказалось очень кратким. Хозяин даже не представился, я и так знал, что его зовут Альберт Викторович. Оглядел меня цепким и колючим взглядом, глянул в ведомость, поданную ему управляющим, Аркадием Степановичем, передал мне конверт, и пожелал продуктивного рабочего дня.

А вот Николаем Альберт неожиданно заинтересовался.

Мне Ремизов ничего не говорил. То ли нарочно старался попасть в барак так, чтобы не пересечься со мной, то ли действительно графики перестали совпадать. Когда я приходил позже, он уже лежал в койке, и на мои расспросы реагировал только злобным рычанием по типу «отвали, я уже сплю». Если случалось прийти раньше, Николай не появлялся до тех пор, пока я не укладывался спать сам.

На четвёртый день таких махинаций я решил во что бы то ни стало вытрясти из Ника правду.

До обеда мы не виделись, затем пошёл такой крупный, частый снег, что стало ясно — лесорубы сегодня вернутся рано. И в самом деле, уже в обед в столовой появилась вся бригада. Ремизов, против обыкновения, сидел отдельно. Не теряя времени попусту, я решительно направился к нему, но едва приблизился, как Ник, без улыбки наблюдая за тем, как я подхожу, мрачно спросил:

— Почему горбишься?

— Удачно избегаешь расспросов, — не дал себя спровоцировать я, аккуратно усаживаясь за стол. Ник оказался ещё глазастей, чем я думал: я только недавно стал за собой замечать, что начал ходить по-другому. Мне поначалу казалось, что так, вразвалку да прихрамывая, удобнее передвигаться по вечным снегам. Иногда, правда, возникали мысли, что удобство ни при чём, просто при такой посадке спины меньше нагрузки на позвоночник, и неприятные ощущения беспокоят реже, но я гнал их подальше.

— Каких, к дьяволу, расспросов? — взорвался Ник, тут же оглядываясь по сторонам. В столовой было шумно, но нас могли услышать. — Я тебя как нормальный человек

спрашиваю, пока что по-хорошему: почему горбишься?

Зелёные глаза стали злыми, незнакомыми. Так Ремизов смотрел на меня ещё в Нью-Йорке, когда мы впервые встретились.

— Да не горблюсь я, — растерялся я. — Всё нормально...

— Спина болит? — прищурившись, ядовито поинтересовался Ник.

— Да так, немного, — вынужденно признался я. — Ну так после работы...

— Ты сам ничего не замечаешь? Почему я должен с тобой нянчиться?

— Успокойся, — попросил я. — Хватит на меня наезжать. Проблемы, кажется, не у меня...

— Черта с два не у тебя, — процедил Ремизов. — Спина у тебя не от работы болит, придурок. У тебя даже походка изменилась! Я ещё на прошлой неделе заметил. И спину постоянно растираешь, когда никто не видит. Чтоб тебя...

Я помедлил.

— Знаешь, проблемы всё равно не у меня, — тихо произнес я, глядя на него. Николай был прав, но как-то инстинктивно я понимал, что сейчас важнее — помочь ему разобраться в том, что его терзает. — Расскажешь?

Ник мрачно уставился на меня, но я не отвёл взгляд. Наконец он отвернулся и отрицательно покачал головой.

— Хозяин тебе что-то предложил? — спросил я, и по тому, как Николай вскинул на меня глаза, я понял, что попал в точку.

Что-то такое увидел я в них, что все расспросы вдруг стали бессмысленными. Ремизов мне всё без слов сказал.

Всё это так быстро промелькнуло между нами, что я даже не сообразил, что мы по-прежнему сидим в общей столовой, в безопасности, среди исцеляющих русских лесов...

Точно вся грязь Америки вернулась ко мне. Я уже почти забыл, как это. Здесь я научился улыбаться искренне, смеяться от души и никого не подозревать. Поразительно, как быстро я всё вспомнил! Затравленность, злость, бесконечная и бессмысленная гонка...

— Ник, — дрогнувшим голосом позвал я. — Не смей соглашаться.

Я ещё ничего не знал о том, что предложил местный мафиози. Но хорошим это быть не могло, если, ещё не начавшись, это уже так изводило Ремизову душу.

— Ты не понимаешь. Я же обеспечу Верку с племяшами до конца дней, — задумчиво проговорил Ник, и взгляд его затуманился. — Квартиру куплю...

Я ему врезал.

Не знаю, что на меня нашло. Мне вдруг до смерти захотелось встряхнуть друга, вклеить по глупой роже, лишь бы убрать это тупое, одурманенное выражение с его лица!

Ник рухнул вместе со стулом, смахнув со стола наши подносы; я вскочил.

— Эй, мужики, держи его! — раздалось за спиной, и меня ухватили за руки сразу трое.

Могли не стараться: мне уже стало стыдно. Предположительно, я должен был разубедить его, спокойно выслушать, дать мудрый совет...

С трудом поднявшегося Ника удерживали со спины, наверное, сразу человек десять: о силе бывшего десантника ходили слухи. Не то чтобы Ремизов выражал хоть какую-то волю к сопротивлению, впрочем.

— Олег... ты чего? — раздался над ухом шёпот Петра. — Тихо...

— Да чего это с ними?!

Наши с Николаем глаза встретились.

— Не дай им сделать это с тобой, — сказал я на английском. Голос у меня противно дрожал. — Ты хотел завязать, помнишь? Уйти от войны!

— Да пошёл ты, — процедил сквозь зубы Ремизов, и столько злости было в его глазах!

Я поступил неправильно! Я всегда поступал неправильно. И вот теперь я не только не смог его переубедить — я заставил его возненавидеть меня.

Нас отпустили; на нас смотрели молча, окружив всей толпой, и — я чувствовал это — смотрели с отчуждением. Да, английская речь мне тоже резала слух. Но особенно неприятно звучала она для тех, кто не разбирал ни слова — теперь они понимали, что мы им не доверяем.

— Ник... это нужно им, а не тебе...

Я уже ни в чем не пытался его убедить. Мне стало по-настоящему больно: после того, как я начал считать Николая своим другом, мысль о том, что передо мной незнакомый, равнодушный человек, оказалась невыносимой.

— А ты умный, да? — с прежней злобой, и уже на русском, процедил Ник. — Посмотри, куда завела тебя твоя болтология! Ты влез в такое дерьмо, Олег! И с чем ты вылез? С искалеченной спиной, шрамами, затравленным... волчьим взглядом! Посмотри, чёрт тебя дерит, посмотри на себя, прежде чем раздавать советы! Тебя изуродовала какая-то мразь, которой ты перешёл дорогу, и никакая философия тебя не спасла, а всё почему? Потому что ты не можешь промолчать, не можешь просто... вовремя заткнуться!!!

И упала тишина.

Именно упала, накрыв собой всех, находившихся в столовой, потому что у каждого нашлись причины молчать. И прежде всего у меня, как рыба, глотавшего воздух, будто я вдруг разучился дышать.

Пётр, до этого державший моё предплечье, медленно разжал пальцы. Мужики смотрели то на меня, то на Николая, который так резко поменялся в лице, что я в какой-то миг просто перестал его узнавать.

Тишина длилась, кажется, вечность. Я открывал и закрывал рот, собираясь заговорить и не находя в себе для этого сил. Перед всеми, здесь. Рассказать всё сразу в нескольких выражениях... так, наверное, только Ник умел.

— Олег... — хрипло выговорил Ремизов.

Он сделал какое-то движение рукой, будто собирался схватить меня; я шатнулся назад. Почувствовал за спиной людей, опомнился. Внезапно понял, что дрожу — всем телом, мелко и противно. Это то состояние, когда хочется сказать и сделать много, но понимаешь, что на самом деле не сделаешь ничего.

Наконец я закрыл рот и попытался улыбнуться. Как в детстве, когда тебя обидели, и хочется заплакать, но знаешь, что нельзя, и кривишься в улыбке, чтобы никто не заметил слезящихся глаз.

Взгляды стали невыносимыми, в ушах зазвенело, я быстро развернулся и пошёл к выходу. И сразу подумал, что Ник, кажется, был прав. Походка у меня изменилась. От этого на душе стало ещё гаже.

Я не слышал, чтобы кто-то звал меня, и никто не пытался меня остановить. Я шёл, не разбирая дороги, никого не желая видеть, и с трудом понимал, что происходило вокруг. Добравшись до барака, уселся на свою койку и уставился невидящим взглядом в стену. Всё то, что я так упорно загонял в самые отдалённые уголки своего мозга, о чём пытался забыть, Ник поднял на поверхность одним кратким монологом.

Он не только напомнил мне Спрута и всё, что с ним связано; он напомнил мне разбитые иллюзии о том, кто я есть. И теперь все на стройке будут об этом знать.

Я не хотел терять такого друга, как Николай, и всё-таки я его терял. Болезненно и безвозвратно. Он знал, куда бить, и, как профессиональный солдат, он туда ударил.

Я просидел бы в тупом недоумении до вечера, но в бараке появился Глеб. Огляделся, точно проверяя, нет ли кого ещё, и приблизился.

— Идём, — сказал он, — перерыв кончился. Нельзя тут сидеть.

Я послушно поднялся, и мы с ним вышли. Глеб не задавал вопросов, я не искал ответов, мы не смотрели друг другу в глаза. Взглядов я избегал, даже оказавшись в мастерской. Мне казалось, все смотрели только на меня, но на самом деле, на меня старались не смотреть.

Постепенно я втянулся в работу; механически шлифовал, затачивал, но мысли крутились в голове, не давали покоя. К концу смены я устал так, что с трудом держался на ногах. Как назло, разболелась спина, даже поднялась температура. Впереди меня ждал разговор с Ником — ведь придётся же с ним когда-нибудь говорить — а я не знал, что ему сказать и как вести себя при встрече.

— Всё нормально? — спросил Глеб, когда мы вышли из мастерской.

— Конечно, — соврал я, зная, что он всё понимает.

Пётр, показавшийся из смежной двери с компанией наших плотников, остановился рядом.

— Идём, что ли, — запахивая ворот куртки, предложил он Глебу. В деревню через лес, да ещё и по темноте, мужики всегда ходили исключительно в компании.

— Спокойной ночи, — сказал я, давая им дорогу.

— На Колю не серчай, — вдруг проговорил Пётр, — ты и сам не подарок. Ссору-то оба затеяли...

Я мрачно посмотрел на него, и Петр улыбнулся виноватой улыбкой.

— Да ведь оба страдаете, друг от друга бегаете. Остынь, Олежка, ему сейчас тоже нелегко.

— Предлагаешь забыть?

— Простить, — подсказал Пётр. — Ты извинись перед ним. С таким, как он, должно сработать.

— Я попробую, — неожиданно согласился я.

Мы попрощались. Сказать легче, чем сделать. Я уселся на скамейку перед мастерской, наблюдая, как расходятся работники. На меня внимания обращали не больше, чем обычно: за день о нашей с Ником ссоре узнала вся стройка, успела перетереть, обсудить, и забыть. Но они не знали Ремизова так, как я, и никто из них не понял, о чём говорил мне бывший десантник. Это было подло с его стороны; но всё это мне предстояло предать забвению, потому что так правильно.

— Олежка! — позвал меня Валерий Иванович, выходя из мастерской. — Что ты тут сидишь? Мороз лютый! Иди быстро внутрь!

— Да не холодно мне, — совершенно искренне отозвался я, не торопясь вставать. Идти в барак или столовку категорически не хотелось, встречу с Ником я оттягивал, как мог. — Просто устал.

— А ну глянь на меня, Олег, — попросил Валерий Иванович. — Щёки у тебя от мороза такие красные?

— Наверное.

Старый мастер посмотрел на меня внимательнее и покачал головой.

— Жар у тебя! Зайди к Сан Санычу, пусть выдаст тебе чего лечебного.

— Саныч к Альберту пошёл, — отозвался я. — Только что с Аркадием мимо проходил.

— Пашка в будке, — возразил Валерий Иванович. — Он у отца все потаённые места знает. Пусть нальёт тебе чего согревающего, и на боковую сразу, и чтоб завтра был как огурчик!

— Обязательно, — мрачно отозвался я.

Старый мастер был таким добродушным и искренним, что перечить мне расхотелось. Я попрощался и пошёл в барак.

В это время почти все сидели в столовой. Я надеялся прийти и сразу уснуть, чтобы избежать расспросов и взглядов, но не получилось.

Едва переступив порог, я увидел Ремизова. Ник сидел на моей кровати в полной темноте, а рядом, на столе, стоял поднос с едой. Я замер; тишина продлилась несколько секунд.

— Так и знал, что ты не пойдёшь в столовую, — глухо произнес Николай. — Подумал, ты голодный.

— Спасибо, — сказал я, хотя есть мне не хотелось.

Я прошёл внутрь, включил лампочку под потолком, снял верхнюю одежду, и уселся напротив Ремизова. Ник не поднял низко опущенной головы, когда я потянулся к дымящейся кружке с чаем, только буркнул:

— Без сахара.

— Да мне всё равно.

Я сделал несколько глотков, не глядя на Ремизова, а потом мы заговорили одновременно:

— Правильно сделал, что мне врезал...

— Прости, что ударил...

Мы посмотрели друг на друга и облегчённо выдохнули.

— Дебил я, — признался Ник.

— Есть немного... — согласился я.

Мы помолчали.

— Ешь, — кивнул на поднос Ник.

— Только вместе с тобой, — я пододвинул тарелку с вареными картофелинами в постном масле к нему. — Не буду же я сам...

— Боишься, что отравлено?

— Ну, надеюсь, Альберт нанял тебя не по мою душу.

Я его ни в чем не обвинял, он не собирался оправдываться. Наверное, наше примирение и развязало Нику язык. Сибиряк шумно вздохнул.

— Нет... того, под кем порвалась висельная верёвка, я бы трогать не решился ни за какие деньги. Живи, чего уж там. Он предлагает мне не разовую работу. Штатных убийц у него немного, нужны профессионалы. Зато теперь всё стало на свои места, — Ник усмехнулся и откинулся на спинку кровати, — я-то никак не мог въехать, каким местом Кирилл оказался связан с таким, как Альберт. Бизнес бизнесом, а старые счета отдельно. Ясно, чего он так рвался пристроить меня: хозяин поручил ему найти надёжного человека. Вот тебе и вся стройка...

— И что ты собираешься теперь делать? — спросил я.

— Он не мой хозяин, а я не его человек. Думаешь, раньше у меня таких ситуёвин не было? Я умею вежливо отказывать. Схема проста: вначале твёрдо стоишь на своём, затем кидаешься валенком в ответ на любые попытки развести тебя. Ты всё-таки прав, не царское это дело, руки в крови марасть... раз решил завязать, завяжу.

— Приятное это дело — спасение душ человеческих, — усмехнулся я.

Николай расхохотался, и ткнул меня кулаком в плечо.

— Если не ты скажешь мне, что я дурак, то кто?!

Я рассмеялся и взял в руки вилку. Мы сидели потом ещё долго, пока не начали приходить ребята на ночёвку, и говорили ни о чём. Я рассказывал о том, что собираюсь сделать после возвращения домой, Ник слушал, с каждой минутой всё больше расслабляясь. Я говорил, что хочу встряхнуться, привести мозги в порядок, вспомнить выученное и забытое, получить права, прикупить машину, и найти наконец работу по специальности. Ник интересовался, позову ли я его на свадьбу; я пообещал, что непременно. Потом мы разошлись, и я лёг спать с чувством полного удовлетворения и покоя.

Наутро подняться не смог. Меня растолкал Паша, холодный с мороза, румяный, как буряк, и шумный, как центр мегаполиса.

— Олег! Олег, да ты что?! Ты работать собираешься?! Все уже давно в мастерской и на местах, я пробежал мимо, Валерий Иваныч просил найти тебя... а ты тут дрыхнешь!

— Сейчас приду, — пробормотал я, усаживаясь в койке. — Скажи Валерию Ивановичу, я скоро буду...

— Давай быстренько! Я убежал!

Паша вылетел из барака как смерч, смахнув керосиновую лампу у входа — благо, упала на половичок и не разбилась — и хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка. Я приложил ладони к вискам и поморщился: каждый звук набатом разрывал голову. Только неприятное чувство того, что я безбожно проспал, заставило меня выбраться из-под одеяла. Комната плавно покачивалась перед глазами, но испугался я вовсе не поэтому: я не ощущал ног. Всё, что ниже пояса, точно не существовало. Страх окутал меня липкими щупальцами, пока я судорожно растирал бёдра и икры, и только потом я решился снова подняться на ноги.

Я мог стоять, кажется, даже ходить, но в спине колело так, что я едва не упал обратно. С трудом одевшись, я вышел из барака и поплёлся к мастерской. Бежать я не стал: всё равно опоздал на целый час, а память о неприятной боли заставляла прислушиваться к себе после каждого шага.

На стройплощадке было почти безлюдно. Мужики работали вдоль лесопилки, внутри здания и на втором этаже. Окна мастерской выходили на внутреннюю сторону предполагаемого двора коттеджа, поэтому видеть меня никак не могли. Что оказалось не совсем хорошо, когда я упал.

Это оказалось так странно: в один момент я уверенно шёл по узкой заснеженной тропе, а в другой уже лежал в сугробе, пытаясь сообразить, что произошло. Будто ноги разом отказались служить, и взяли бессрочный отпуск.

Это оказалось страшно, почти так же, как тогда, в Нью-Йорке, в заляпанной кровью комнате заброшенного дома. Тогда я ожидал пыток, сейчас предчувствовал их последствия. Боли я не боялся, но такого вот унижительного бессилия...

В ту минуту я опасался сразу двух вещей: что кто-то придёт и увидит, что со мной неладно, и что никто вообще не придёт. Раз за разом я пытался подняться, не обращая

внимания на короткие разряды боли внизу позвоночника, и мне удалось перекачаться набок, даже принять сидячее положение, но согнуть ноги в коленях, оттолкнуться от заснеженной земли, подняться во весь рост я не мог.

Я беспомощно просидел так, на снегу, ещё минут двадцать. Время текло мучительно медленно, и, как назло, никто не выходил из мастерской. Я всё пытался подняться, но острая боль раз за разом откидывала меня назад. Когда наконец дверь рабочего барака приоткрылась, и на воздух вышел Роман, крутя в пальцах сигарету, я не нашёл в себе сил, чтобы окликнуть его: меня душил стыд.

Рома щёлкнул зажигалкой, с видимым наслаждением затянулся, и окинул стройку мечтательным взглядом. Тогда-то он наконец и заметил меня, сидящего в полусотне шагов от мастерской прямо на снегу.

— Чего расселся? — весело крикнул он. — Валерий Иванович по твою душу Пашку послал, нашли друг друга? Эй, Олег! А ну вставай, а то всё хозяйство отморозишь!

Рома заржал, а на меня накатила ещё одна удушающая волна стыда и отчаяния. Ну надо же так, чтобы из всех рабочих на меня наткнулся именно он!

— Помоги встать, — сквозь зубы, едва сдерживаясь, чтобы не закричать, процедил я.

— Сам никак? — покачал головой Рома, делая затяжку. — Устроил тут себе... курорт...

Наверное, моё лицо как-то исказилось, потому что Рома замер, не донеся сигарету до губ, и взглянул на меня внимательнее.

— Эй... да что с тобой, Олег? — неуверенно спросил он, делая шаг в мою сторону. — Нехорошо тебе, что ли?

— Я не могу встать! — не выдержал я. — Ты не видишь?! Мне больно, я не могу встать!

Рома шатнулся назад, глянул на меня, и скрылся в мастерской. Я закусил губу, наблюдая, как оттуда вываливается народ — впереди Пётр с Глебом, за ними другие, сияющиеся разглядеть, что случилось.

— Олег, — Пётр успел первым, опустился рядом на корточки, — как ты?

— Встать не могу, — повторил я, закрывая глаза, чтобы не видеть чужих взглядов. — Помоги подняться на ноги...

Пётр с Глебом осторожно подхватили меня подмышки, и я почувствовал себя легче, когда ощутил твердь под ногами. Теперь я снова мог ходить — ноги слушались — но мне было по-прежнему нехорошо. Я пошатнулся.

— Где болит? — снова спросил Пётр.

— Спина... позвоночник... ног не чувствую...

— Я предупрежу Валерия Иваныча, — выдохнул Глеб, — и Сан Саныча... Нельзя тебе сейчас работать.

— Но ведь не работать тоже нельзя, — морщась, выдавил я.

— Придётся выбирать, — пожал плечами Глеб.

Времени на раздумья мне не дали: Петр отвёл меня обратно в барак, Глеб предупредил начальство. Врача стройбригаде не полагалось: в случае чего бежали в деревню, к местному аптекарю и его жене-медсестре. Пётр предложил мне помощь, я поспешно отказался и отослал его обратно на рабочее место, пообещав, что со мной ничего страшного уже не произойдёт. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь воочию увидел то, о чём я мог только догадываться.

Я улёгся под одеяло прямо в одежде: меня морозило. Ещё несколько минут боролся со сном, а потом провалился в тяжёлое забытие. Не знаю, сколько времени провёл так; помню,

что приходил бригадир, тряс меня за плечо, что-то спрашивал, и я, кажется, даже отвечал. Окончательно я проснулся оттого, что кто-то пытался стащить с меня свитер.

— Н-не... не трогай... — отмахнулся я, проснувшись не до конца, и не осознавая, что говорю вслух.

— Да пошёл ты, — не обратил внимания на мои протесты Николай. — Кретин. Почему ты молчал, молокосос? Какого хрена ждал?

От такого напора я спросонья не нашёлся, что ответить. Ник склонился, рассматривая мою спину молча и пристально.

— Что там? — хрипло поинтересовался я. — А-а-а!!!

— Больно? — ёмко поинтересовался Ремизов, убирая пальцы с позвонка. — Это называется опухоль, недоумок.

— Может, хватит уже? — взорвался я. — Да, больно!

Ник поднялся, начал стягивать с себя куртку. Видимо, примчался прямо со смены, когда узнал. Мне стоило проявить терпение: человеку было не всё равно, что со мной происходит. Я сглотнул.

— Ник... насколько серьёзно всё выглядит?

Ремизов глянул на меня одним из тех своих пронзительных взглядов, которые заставляли человека ощущать себя очень маленьким.

— Я не доктор, — сказал он, — но такое один раз видел. Похоже на воспаление спинного мозга. Врачиха его, правда, другим словом называла, но смысл приблизительно такой.

До меня дошло секунды через три.

— Ми... миелит? — не веря своим ушам, переспросил я.

— Какой умный, — без улыбки произнес Ремизов. — Ну да, звучит похоже. И хотя я не доктор, но подозреваю, что без кортикостероидов и терапии тебя парализует в два счёта.

Наверное, на моём лице всё-таки отразился тот ужас, который я испытал, иначе бы Ник не сжалился надо мной. Бывший десантник уселся на соседнюю кровать и не очень весело улыбнулся.

— Я могу и ошибаться, но выглядит... ну очень похоже. Товарища тогда в больничку быстро доставили, лечение начали, мы ещё всем взводом скидывались, кто сколько мог. Я его в Питер лично сопровождал, оттого и запомнил... Олежка, ты, главное, не паникуй. Прорвёмся.

И вот после этих слов мне стало ещё хуже. Пока я молчал, переваривая новость, Ник говорил, чтобы заполнить гнетущую тишину.

— Вот ведь чувствовал, что не стоило тебя сюда тянуть! За психику твою боялся, а о физике как раз не подумал. Мало мне ошибок прошлого, тебя вот... дёрнул... придурок, — горько добавил Ремизов.

— А вот ты здесь ни при чём, — кое-как выдавил я. — Это же не ты меня... там, в Нью-Йорке...

Я натянул на себя одеяло и осторожно уселся в кровати. Ник ждал, уставившись на меня исподлобья.

— Что мне теперь делать?

— Бежать отсюда, — немедленно отозвался Ремизов, — к цивилизации. Туда, где есть нормальные врачи. И родственники, желательно, чтобы в случае чего ты не остался совсем один.

Я посмотрел на Николая так, словно видел в первый раз. Я приехал сюда, в русские леса, подавленным, разбитым, сломанным. Здесь я начал приходить в себя. Я снова научился улыбаться, смеяться от души, доверять людям и строить планы на будущее. И как только я понял, что хочу жить, со мной случилось... это.

— Это время задуматься, — вдруг сказал Николай. — Когда я служил, и случалось похожее... я всегда наблюдал одну и ту же картину. Кто злился, проклинал судьбу, обвинял товарища, который не прикрыл, Бога, Который попустил... тот погибал. Кто смирялся, не паниковал, рассуждал, того жизнь миловала. Кто помнил, что у него есть семья, где нужна его помощь, и обязательства, что не дадут ему уйти в могилу со спокойной совестью, тот почти всегда выкарабкивался. Некоторые в таких случаях понимают, что получили последнее предупреждение. Дальше два пути: идти по старому пути сознательно, попирая глас совести, или отказаться от всей прежней жизни и признать, что всё это время воевал не с тем врагом. Не каждый на такое способен. Человеку нужно пострадать, чтобы у него появилось время задуматься.

Ремизов говорил мне о войне, которой прожил самую значительную часть своей жизни. Я на войне не бывал, но, кажется, понял, что он пытался мне сказать. В моменты, когда стоит выбор перед отчаянием и мужеством, очень быстро всё понимаешь.

— Ладно, — сказал я. — Сделаю всё так, как ты говоришь.

— Ну и дурак, — плохо скрывая удовлетворение, кивнул Ремизов. — Тоже мне, нашёл гуру...

Следующие дни показались мне сущим адом, но, памятуя наставления Ника, я не дал собой овладеть ни отчаянию, ни боли. Время то летело, то тянулось, то превращалось в фрагменты воспоминаний, но никогда я не думал, что меня ждёт дальше. Так оказалось легче: если я начинал думать больше минуты о том, что может мне принести эта болезнь, то моментально либо впадал в отчаяние, либо испытывал жгучую ненависть к человеку, который был виноват и в моих ранах, и в их последствиях. Такие мысли не приносили облегчения, только усугубляли боль, и я отмахивался от них, как от злых мух, пытаюсь размышлять о ситуации так, как предложил Николай.

Расписание поездов и электричек Пётр знал почти наизусть, и ближайший рейс до цивилизации, в нашем случае до Михнево, был через четыре дня, так что у меня оставалось время на спокойные сборы и отъезд. Я предлагал ехать электричкой до ближайшего пгт, а оттуда сразу на Москву, но Ник не согласился.

— Заедем к твоей сестрёнке, — сказал он.

Ремизов, как всегда, оказался прав. Я нуждался в перевалочном пункте. Следующий острый приступ, едва не приковавший меня к постели на полдня, случился уже на следующий день. Мороз не шёл мне на пользу: у меня то и дело поднималась температура, но сбивать её Ник запретил.

Последовательно и методично я закрыл все хвосты, невыполненные наряды у Валерия Ивановича, объяснил причину неожиданного увольнения и отъезда Аркадию. Последний моему увольнению был не рад: хозяин требовал закончить стройку в срок, рабочих рук не хватало. Мой отъезд подразумевал, помимо прочего, отгул Ника, а Ремизова по многим причинам не хотели отпускать. Напоследок я заглянул к Александру Александровичу, предупредил об отъезде, выслушал возмущение Паши и вынес сочувствующие взгляды самого бригадира.

Следующим шагом, по Ремизову, был курс лечения уже дома, в Одессе. По его

подсчётам, если мы поторопимся, можно будет обойтись без таких жутких понятий, как пересадка спинного мозга, и провести замечательную жизнь с обязательной профилактикой каждые несколько месяцев.

Дни шли, и я всё больше рвался к цивилизации: боли становились хроническими.

— Я твоей сестре звонил, — заявил как-то Ник, вернувшись со смены. — Три дня назад.

Официально я уже не работал, но всё равно помогал в мастерской, выполняя почти полный наряд. К моему уходу отнеслись философски, хоть и не совсем безразлично: мужики подшучивали, что я, одессит, не привык к их русским морозам. Советовали закаляться и возвращаться, как только обрасту шерстью. Я смеялся вместе с ними, вспоминал забытые анекдоты из прошлой жизни, и за эти последние дни сблизился с этими людьми больше, чем за прошедший месяц.

— В деревню ходил?

— У Пашки мобилку позаимствовал. Твоя Леся нас уже ждёт. Волнуется.

Я фыркнул: в сестринскую любовь не верилось, мы с Олесей выросли слишком разными людьми. Но, наверное, бывают периоды, когда мы готовы глотку перегрызть за тех, в ком течёт родная кровь.

— Жаль уезжать, — признался я. — Тут столько людей... по-настоящему хороших.

— И дома будут, — отмахнулся Ремизов. — По жизни встречаются отличные люди, ты проживаешь приятные и не очень моменты, но очень часто точка пересечения так и остаётся единственной. Кто знает, может, и это к лучшему.

— Вот уж нет! — горячо возразил я. — Я не хочу терять человека, который спас мне...

— Да, — прервал меня Николай. — Я о тебе тоже нескоро забуду.

В тот вечер мне устроили прощальную вечеринку. Тайком от бригадира и Аркадия в барак пронесли выпивку и закуску, сдвинули койки, поставили стол. Пришли рабочие со стройки и из мастерской, только из лесорубов не появилось никого, кроме Ника. В числе первых были, конечно, Пётр и Паша, потом подтянулись Глеб, Рома, и почти все рабочие из мастерской. Заглянул даже Валерий Иванович, но надолго не задержался. Я поблагодарил старого мастера от чистого сердца: если бы не он, моя адаптация прошла бы куда болезненней.

— Хреново, если копыта парализует, — высказался Рома, когда часть принесенного была выпита и съета. — Хотя, может, и пронесёт.

— Нашёл, что сказать! — возмущённым шёпотом осадил его Паша. — Мы же договорились!

Я фыркнул: подробности моего отъезда оказались известны уже всей стройке.

— Да ладно, — примирительно сказал я. — Я тоже думаю, что будет плохо, если парализует. Но ключевое слово здесь «если».

Я уехал рано утром, ещё до начала работ. Ник вызвался проводить меня до Михнево и отпросился для этого на целые сутки, за что у него вычли с зарплаты едва ли не четверть. Я отругал его за такую трату времени и денег, но в душе порадовался: возвращаться придётся не самому. Kontakтами с рабочими я не обменивался: по-честному, Ник был прав, и многих людей единственная точка пересечения в жизни устраивала. Только Паша, глубокой ночью, когда все разошлись после гулянки, сунул мне в карман мятый клочок бумаги.

— Номер мобилки и и-мэйл, — сказал он. — Напиши, как доберёшься. Жаль, — искренне выдохнул он. — Ты тут единственный умный был, останусь с одними стариками. Пообщаться нормально не с кем...

Я его понимал: в его возрасте нужны сверстники. Только со мной он мог говорить о компьютерах, играх, и курсовых работах.

— Обязательно позвоню, — пообещал я. — Если тебе помощь вдруг понадобится, по технической части, пиши, всегда подскажу.

— Знаю! — широко улыбнулся Паша. — Поэтому и не хочу, чтобы ты потерялся.

Мы с Николаем уехали ещё до рассвета, а точнее, уже через три часа после прощальной вечеринки. Я даже спать не ложился. Было совсем темно, когда мы вышли. Ник махнул рукой сторожу, и мы молча направились к лесу. За плечами Ремизова висел мой рюкзак и его сумка, пробирался вперёд сибиряк молча и быстро, и я пытался не слишком сильно отставать от него.

К станции выбрались на этот раз без приключений. Ник сверился с часами и поднялся на крытую платформу. Я подошёл и посмотрел на него. Говорить не хотелось, я слишком устал от бессонницы и боли, а Николай в лишних беседах не нуждался.

— Минут через десять, — только и сказал он.

Садиться Ремизов не разрешил: скамейка была заснежена, кое-где покрыта ледяной коркой, и подхватить ещё и воспаление почек не хотелось. Поезд подошёл скоро. Мы забрались в первый же вагон, куда нас впустила сонная проводница, и через минуту состав тронулся.

Глава 6

Умоляем вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпимы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем. Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Иисусе Христе. Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла. Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. (1 Фес. 5:14–23)

Леська встретила нас на станции. Я удивился: сестра редко проявляла такие признаки родственной заботы.

— Ну что, наработался? — сварливо спросила она. — Родители уже раз пять звонили, вру им каждый раз безбожно. Ты там не распространяйся, что тебя паралич хватить может, а то мама, сам знаешь...

— Я и не собирался! — опешил я: похоже, Ремизов разболтал Леське даже больше, чем я думал.

— Гостей встретила? — спросил вдруг Ник.

— А то, — буркнула Леся. — Она только что приехала, я решила не раздеваться и встретить вас заодно. Замёрзла уже как цуцик!

— Кто приехал? — подозрительно переспросил я.

Сердце вдруг забило сильнее, хотя никто из заговорщиков не проронил ни слова. Николай молча пошёл вперёд, Леся отрезала «Не твоё пока что дело!», и мы тронулись в путь от станции к дому.

На базаре Леська задержалась, чтобы купить хлеба и молока, а мы прошли немного дальше. До дому оставалось совсем недалеко, когда я заметил впереди, на заснеженной дороге, одинокую фигурку, неуверенно и напряжённо вглядывавшуюся вдаль. Сделав ещё несколько шагов, я споткнулся и остановился.

— Чего встал? — недовольно спросил Ник, которому пришлось оборачиваться.

— Так это же она, — ответила ему подоспевшая Леська. — Ты с ней по телефону говорил. Лада.

Ремизов издал понимающий звук, но я его уже не слышал. В ушах зашумело, сердце бешено и радостно дёрнулось в груди, и я сорвался с места, побежав навстречу девушке в коротком замшевом пальто.

По снегу получилось не очень-то ловко, но Лада заулыбалась и двинулась ко мне, осторожно переставляя ноги в зимних ботиночках по скользкой дороге.

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем я подлетел к ней, стиснув тонкую фигуру в объятиях. Целая вечность между прошлым и настоящим, и только одна ниточка из «вчера» к «сегодня» — Лада.

Это как шагнуть в машину времени и оказаться там, где ещё нет Спрута, мерзости, грязи, шрамов и болезни. Это как вдохнуть запах рождественской ёлки, ощутить тепло домашнего очага, оказаться в полной безопасности...

— Как? — выдохнул я, отстраняясь.

— Леся позвонила, — Лада поправила съехавшую шапочку, отвела со щеки тёмную прядь длинных, припорошенных снегом волос. — Три дня назад. Сказала, что если я тебя ещё люблю и готова простить за бестолковое поведение, то должна срочно выезжать в Москву. А потом звонил твой друг... и я поняла, что просто обязана приехать. Саша встретил меня на вокзале, довёз до Михнево. Я решила пойти навстречу...

Три дня назад! Значит, всё это дело рук Ника!

— Я люблю тебя, — торопливо сказал я, прикрыв глаза и почти касаясь губами её губ. — Я так сильно люблю тебя!

— Тогда почему уехал в свою проклятую Америку один? Почему оставил меня?

— Я дурак, я такой дурак! — признался я, крепче стискивая её в объятиях. При мысли о том, что Лада могла подвергнуться тем же испытаниям, что и я, в животе разлился неприятный холод. — Я больше никуда не уеду. И ты никуда не уедешь.

— Да что ты? — удивилась она, не отстраняясь, впрочем, от меня. — Почему это ты так решил, мышонок?

— Потому что ты выйдешь за меня замуж, — с улыбкой ответил я. — И останешься в Одессе.

Лада фыркнула, а потом закинула руки мне на шею и поцеловала. Слова, ссоры и выяснения отношений можно было оставить на потом. Впереди ждала целая жизнь...

...В прихожую, где разместили нас с Ником, я вернулся только за полночь. Вначале я хотел остаться с Ладой, но она уснула в детской, а вид дяди Олега, развалившегося с «красивой девочкой», как окрестили Ладку малые, на одном диване, возымел бы отрицательный воспитательный эффект. Леся с Сашей ушли в спальню сразу после долгого ужина, Ник последовал за ними. Впрочем, когда я осторожно, не включая света, уселся на соседнем с ним кресле-кровати, Ремизов тут же открыл глаза.

— Нацеловался?

Я порадовался, что в темноте не так видны румянец и блеск в глазах, и улыбнулся.

— Нет ещё.

Ник усмехнулся, и какое-то время мы провели в молчании. Затем глаза привыкли к темноте, и я смог разглядеть лицо Ремизова. Он смотрел на меня и улыбался. И такая это была улыбка, какая бывает только у хороших, надёжных людей — только у наших людей.

— Ну что, — сказал он, — на этом твоя Одиссея заканчивается, Олег.

— Сдаёшь с рук на руки, — тихо рассмеялся я. — Ник, а как же ты?

— Жив-здоров, — слегка удивился он. — Справлюсь, герой, и без тебя тоже справлюсь. Просто... ты был мне какое-то время нужен. Сейчас я уже адаптировался.

— Ник.

— Возьми, — вдруг перебил Ремизов, протягивая мне конверт. В таких нам выдавали зарплату. — На билеты, — прежде, чем я успел открыть рот, сказал он. — Не позорься перед невестой.

— Возьму, — помолчав, сказал я. — Чтобы была причина снова встретиться и отдать долг.

Николай пожал плечами.

— А ты? — тихо спросил я, засовывая деньги в карман. — Что будешь делать дальше?

Ремизов перевернулся на бок и сощурил на меня блестящие в темноте зелёные глазищи. Как гепард, подумалось мне. Обманчиво-спокойный, и неумолимый, как смерть.

— Когда надоест лес валить... уеду домой. Найду себе другое дело.

— И какое же? — заинтересовался я.

— Деревья буду сажать, — ответил Николай.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

...Забегая вперёд, скажу, что Ник своё слово сдержал. Несколько лет спустя я, пытаюсь связаться с потерявшимся другом, созвонился с его сестрой Верой и узнал, что бывший десантник устроился лесником. Мне удалось вытащить его к себе, в цивилизацию, несколько раз, но Ремизов всегда возвращался обратно в свою глушь. Мой лучший друг так и не женился, но с большим удовольствием проводил время с моей семьёй и моими детьми.

Папа ещё звонил мне какое-то время, готовясь поступать в электротехнический институт, и забрасывал меня по электронке вопросами, на которые я едва успевал отвечать. Поступил он или нет, я так и не узнал: Павел писать перестал.

Мы с Ладой поженились в том же году. Лечение миелита дало свои результаты, и на долгие годы болезнь отступила, хотя в профессиональный спорт я больше не вернулся. Хронические боли продолжались, но у меня никогда не хватало времени обращать на них должное внимание, потому что уже через год у нас с Ладой родился первый ребёнок.

В тот момент, когда я разговаривал в Михнево с Николаем перед нашим расставанием на долгие, долгие годы, я думал, что больше не позволю случиться в своей жизни никакой глупости. Впереди меня ждало прекрасное будущее, и я впускал его в свою жизнь с благодарностью и внутренней уверенностью, которую никогда раньше не испытывал. Лада, моя детская любовь, единственная женщина и верный друг на всю жизнь, была рядом, и других подарков от жизни я даже не желал. Николай не мог придумать лучшего сюрприза. Наверное, прав был Элберт Хаббард, когда сказал, что горе можно пережить в одиночестве, но для радости нужны двое.

Кажется, в моей жизни настало время для такой радости.

— Постарайся выспаться, родной! — посоветовала супруга, звонко чмокнув меня в нос.

— А мы пойдём играть вечером в футбол, па? — дёрнул меня за рукав Иван.

Я был против, чтобы сына назвали Иваном. С моей фамилией бедного ребёнка ждала весёлая жизнь! Но Лада хотела назвать его в честь своего отца, и я смирился. Ну а потом... когда-то человек по имени Джон говорил, что мечтает о том, чтобы кто-то назвал ребенка в его честь. Почему-то при регистрации первенца я вспомнил о нём, хотя, казалось, напрочь забыл события прошлых лет.

— Папа устал, — заметил пронцательный младшенький, Святослав. — Он спать хочет!

Лада пригладила волосы, провела кисточкой с румянами по щекам, и улыбнулась мне. Обменяться поцелуем мы не успели: уставшая ждать маму Василиса угрожающе захныкала.

— Я позвоню от родителей, — пообещала Лада, и моя обожаемая семья с шумом выкатилась на улицу.

Я проводил их взглядом из окна — с пятого этажа мои малыши казались совсем крошечными — увидел, как семейство Грозных садится в маршрутку, и со спокойной душой улёгся спать. Последние годы выдались нелёгкими: я похоронил родителей, прошёл курс лечения, зарабатывал, как мог: рождение вначале Ванюхи, а потом двух близнецов, Тоши и Василисы, принесли вместе с огромной радостью большие финансовые сложности. Но слава Богу, жизнь начала налаживаться. Вот и сегодня выдался редкий выходной: Лада решила оставить малышей у своих родителей, чтобы мы смогли провести вместе хотя бы пару дней.

С этой блаженной мыслью я и закрыл глаза.

Дверной звонок требовательно тренькнул несколько раз, вырывая меня из полусна. Я подскочил. Мы никого сегодня не ждали, и я подумал, что это мне только приснилось, как трель повторилась. На этот раз ясно указывая на нетерпеливость человека за порогом. Простонав, я поднялся с дивана и недовольно поплёлся открывать.

Долговязый брюнет, похоже, только и ждал, пока распахнётся дверь.

— Олег!

Признаться, я невольно отступил, оглушённый и обескураженный радостным приветствием незнакомца. Не теряя времени, тот схватил обеими руками мою кисть и энергично затряс. Половину лица скрывали упавшие на лицо волосы и огромные солнцезащитные очки, непривычно смотрящиеся в наших широтах в середине октября. Осень у нас наступала рано, с дождями и холодным ветром.

— Простите? — нахмурился я, решительно потянув ладонь из цепкого капкана пальцев незнакомца.

Тот не отпуская. Наоборот, хватка стала ещё сильнее, а улыбка — шире.

— Мамма миа! — воскликнул мужчина на английском, делая шаг вслед за моей безуспешно выдирающейся рукой. — Русский, ты меня совсем не помнишь?

Всё ещё не до конца веря собственным глазам, я опустил взгляд на наши тесно переплетённые пальцы. Потом перевернул ладонь гостя и уставился на его кисть. Я хорошо помнил эту изувеченную руку. На ней не хватало двух пальцев, потому что пистолет

разорвало, и...

— Это я, — не выдержал мужчина, выдёргивая правую руку из моих вспотевших ладоней. — Примо!

Я издал сдавленный звук, в то время как Манетта, чёртов живучий итальяшка, облапил меня, хлопая по спине и осыпая сразу десятком вопросов. Здесь, столько лет спустя, человек из прошлого, в лабиринте спальных микрорайонов Одессы! Это не могло быть правдой просто потому, что... такие встречи и такие гости не бывают случайными.

На душе сразу стало тоскливо.

— Примо!

— Мадонна, он вспомнил! — прослезился Примо, с улыбкой глядя в моё ошарашенное лицо...

Больше книг на сайте — Knigoed.net